

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

РУССКИЙ ЯЗЫК: СИСТЕМА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Материалы
X Международной научной конференции,
посвященной 85-летию филологического факультета
Белорусского государственного университета

Минск, 22–23 октября 2024 г.

МИНСК
БГУ
2025

УДК 811.161.1(06)
ББК 81.411.2я431
Р89

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, профессор *И. С. Ровдо* (гл. ред.);
доктор филологических наук, профессор *И. Э. Ратникова*;
кандидат филологических наук, доцент *В. К. Голубева*;
кандидат филологических наук, профессор *Е. Е. Долбик*;
кандидат филологических наук, доцент *О. В. Зуева*;
кандидат филологических наук, доцент *В. Л. Леонович*;
кандидат филологических наук, доцент *Г. В. Хомич*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *А. М. Мезенко*;
доктор филологических наук, профессор *А. А. Романовская*

Русский язык: система и функционирование : материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию филол. фак. Беларус. гос. ун-та, Минск, 22–23 окт. 2024 г. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: *И. С. Ровдо* (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – 287 с.
ISBN 978-985-881-740-4.

Представлен широкий круг вопросов, связанных с историческим развитием русского языка, его функционированием в Беларуси и России, преподаванием в вузе и школе, в том числе в качестве иностранного. Рассмотрены актуальные проблемы лексикологии, фразеологии и ономастики, функциональный и прагматический аспекты грамматических категорий, филологический анализ текста. В издании также отражены вопросы сопоставления русского языка с родственными и неродственными языками, проблемы перевода.

УДК 811.161.1(06)
ББК 81.411.2я431

ISBN 978-985-881-740-4

© БГУ, 2025

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРОРЕКТОРА ПО НАУЧНОЙ РАБОТЕ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРОФЕССОРА АНДРЕЯ ВИКТОРОВИЧА БЛОХИНА

Многофункциональный русский язык, будучи средством межнационального общения, давно перестал быть выразителем одной только русской языковой личности. Уже не один десяток лет он является объектом пристального интереса лингвистов всего мира. Немалая роль в изучении русского языка принадлежит белорусским ученым. В научном сообществе общепризнан высокий уровень белорусской русистики.

Конференцию организует кафедра русского языка БГУ при содействии Российского центра науки и культуры и Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Конференция приурочена к 85-летию филологического факультета БГУ. В научном форуме примут участие ученые, представляющие страны, где с интересом и уважением относятся к русскому языку и его изучению. Свои доклады представят лингвисты из различных вузов Беларуси и Российской Федерации, а также Вьетнама и Китая.

Развитие общества не может не сказываться на развитии языка, являющегося средством мышления и общения между людьми. Но и язык, в свою очередь, влияет на человека, его сознание, его восприятие мира. Как писал Карл Ясперс, «язык говорит за меня». Изучать язык необходимо не только ради самого языка: исследуя язык, мы глубже понимаем социокультурные и психологические изменения, происходящие в нашем обществе.

Современное состояние науки, современная научная парадигма предъявляют к лингвистам новые требования и раскрывают перед ними новые возможности, связанные с комплексным, интеграционным подходом к явлениям языка и культуры, с новыми информационными технологиями. Судя по заявленным в программе темам докладов, участники конференции собираются обсуждать ключевые вопросы развития русского языка, его изучения и преподавания. В тематике конференции отражается сочетание многолетней научной традиции и новых подходов в изучении русского языка.

Регулярное проведение конференций, подобных нынешней, необходимо: в современном информационном обществе происходят глобальные изменения, которые влияют не только на образ жизни человека, но и на его мышление, мировосприятие и, конечно, его язык.

Нынешняя конференция станет важным этапом в развитии научных контактов русистов различных стран мира. Живой обмен научными и методическими идеями, их обсуждение представителями разных филологических школ позволят лучше понять статус и функционирование русского языка XXI в.

Желаю участникам конференции успешного выступления, обмена научными мнениями, здоровья, успеха во всех делах!

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ЗАМЕСТИТЕЛЯ РУКОВОДИТЕЛЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА РОССОТРУДНИЧЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ЛЕНИНА

Здравствуйтесь, дорогие друзья!

От имени Представительства Россотрудничества в Республике Беларусь хочу поприветствовать участников международной конференции «Русский язык: система и функционирование», а также поздравить филологический факультет Белорусского государственного университета с 85-летием.

Прекрасно понимаю, что русский язык занимает значимое место в Беларуси, имеет важное значение для профессионального сообщества специалистов-филологов. Достаточно взглянуть на темы сегодняшних выступлений, чтобы понять глубину анализа и погружения в изучение русского языка, его многообразия и нюансов. Мы ценим русский язык за его четкость, меткость, выразительность и красоту. Крайне признателен за ваш вклад, за искренний интерес к делу, что помогает беречь русский язык и его традиции.

Сегодня русский язык является инструментом межкультурного взаимодействия. Он помогает укреплять связи между странами, выстраивать коммуникацию ученых, деятелей культуры, представителей других областей. Русский язык выступает серьезным консолидирующим фактором поддержания дружественных отношений между государствами-участниками Содружества Независимых Государств. В этом контексте примечательно, что 2023 год в странах СНГ был объявлен Годом русского языка.

Поддержка и продвижение русского языка в тесной гармонии с другими языками народов стран СНГ способствовали бы дальнейшему сближению и взаимообогащению самобытных культур народов Содружества. Этим многогранным целям служит создание под эгидой СНГ Международной организации по поддержке и продвижению русского языка. Указанная структура способствует укреплению отношений дружбы, добрососедства, взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества между странами, в том числе по вопросам поддержания и продвижения русского языка как языка межгосударственного общения, его использования в ка-

честве средства доступа к мировым базам знаний и данных в области культуры, литературы, истории.

Стоит отметить, что русский язык пользуется большой популярностью далеко за пределами СНГ. По различным данным, на нем разговаривают более 258 млн граждан в разных странах мира. Согласно исследованию, проведенному в 2021 году Институтом русского языка имени А. С. Пушкина, по числу говорящих в мире русский язык занимает восьмое место, по статусу в международных организациях – четвертое, по количеству сайтов Сети Интернет – второе.

Русский язык обладает статусом официального или рабочего языка в 15 крупнейших международных межправительственных организациях, например в ООН, ЮНЕСКО, МАГАТЭ, и, соответственно, выступает важным инструментом глобальных коммуникаций, в том числе в решении международных и региональных проблем, принятии документов в рамках СНГ, ШОС, ОДКБ, ЕАЭС и других структур.

Хочу пожелать вам продуктивной работы и увлекательного общения!

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРЕЗИДЕНТА
МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ТОЛСТОГО**

В этом году сошлись два важных события: 85-летие филологического факультета Белорусского государственного университета и юбилейная – десятая – Международная научная конференция «Русский язык: система и функционирование». Сердечно поздравляю вас с этими значимыми и знаменательными датами.

Филологический факультет Белорусского государственного университета, отмечая свой 85-летний юбилей, зарекомендовал себя как один из ведущих центров филологических исследований в стране. Его преподаватели и студенты на протяжении многих лет вносят значительный вклад в развитие лингвистики, литературоведения и культуры.

Десятая Международная научная конференция является важным событием не только для ученых и студентов, но и для всех, кто интересуется русским языком и культурой. Она предоставляет уникальную площадку для обмена знаниями, идеями и опытом, а также способствует развитию научной мысли и укреплению международных связей.

Мы уверены, что данная конференция станет не только местом научных дискуссий и открытий, но и платформой для формирования новых идей и исследовательских направлений, которые будут способствовать дальнейшему развитию ученых и студентов, а также укреплению дружбы и сотрудничества между различными научными школами.

Желаю всем участникам плодотворных обсуждений, интересных докладов и открытий, которые вдохновят на новые достижения в области науки и образования. Пусть юбилейный год станет для всех нас временем новых свершений и ярких событий!

РУССКИЙ ЯЗЫК В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ПОЗИТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОРГАНИЗМ ЧЕЛОВЕКА' В ПАМЯТНИКЕ XVII В. «ПРОХЛАДНЫЙ ВЕРТОГРАД»

Д. М. Вечерко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ve4erkod@yandex.by*

В статье проанализированы глаголы с общей семой 'позитивное воздействие на организм человека', извлеченные из текста памятника XVII в. «Прохладный Вертоград». Определены прямые и переносные значения, в которых употреблены в тексте выбранные глаголы, их сочетаемостные возможности. Установлены случаи расширения семантики глаголов. Выявлен наиболее распространенный вид переносного значения данных глаголов при их употреблении в тексте памятника.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа; глагол; прямое значение; переносное значение; метафора.

«Прохладный Вертоград» [1] в XVII–XIX вв. считался основным пособием для лекарей и знахарей того времени. В памятнике содержатся наставления о приготовлении различных лекарственных средств и способах лечения пациентов, перечисляются физиологические процессы, указывающие на улучшение или ухудшение состояния больного, этапы восстановления организма после болезни [2, с. 12]. В тексте описаны возможные варианты приема лекарств, их воздействие на организм пациента и перспективы лечения. Текст памятника подразделен на главы, каждая глава – на тематические разделы.

Объектом данного исследования является тематическая группа глаголов с общей семой 'позитивное воздействие на организм человека'. Корпус фактического материала извлекался из текста памятника «Прохладный Вертоград». Цель исследования – выявить семантику выбранных глаголов и установить способы формирования переносного значения.

Рассмотрим объем содержания понятий «семантическое поле» и «лексико-семантическая группа». По мнению И. М. Кобозевой, семантическое поле определяется как «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или

функциональное сходство обозначаемых явлений [3, с. 99]. В состав семантического поля могут входить слова разных частей речи. Поэтому семантическое поле считается самой крупной лексико-семантической парадигмой. Л. М. Васильев дополняет, что «семантическими полями принято считать и семантические классы (группы) слов какой-либо одной части речи, и семантически соотносительные классы (группы) слов разных частей речи, и лексико-грамматические (функционально-семантические) поля», и др. [4, с. 126].

Важно определить, каким образом объединены лексемы, выбранные нами для исследования. Для анализа подобраны глаголы, различные по морфологическим характеристикам (возвратные и невозвратные, переходные и непереходные), но имеющие одну общую сему. Данные условия позволяют объединить глаголы в одну лексико-семантическую группу (далее – ЛСГ). Лексико-семантическая группа представляет собой слова одной части речи, объединенные ядерной (основной) семой [5].

В лингвистических исследованиях А. М. Галиевой, Ф. М. Лельховой, И. А. Нелиной под глаголами физиологического состояния или действий подразумеваются глаголы, обозначающие важнейшие жизненные процессы [6, с. 1223], нахождение в каком-либо физиологическом состоянии [7, с. 30], состояния и свойства различных субъектов и объектов в статике и динамике [8, с. 183]. В нашем исследовании при выборе лексем мы руководствовались наличием у глаголов семы ‘позитивное воздействие на организм человека’, т. е. при помощи глагола описываются физиологические процессы в организме человека, вызванные действием лекарств, способствующие скорому выздоровлению.

Корпус анализируемого материала составляют 11 глагольных лексем, извлеченных из «Прохладного Вертограда».

Заживление внешних ран описывается с помощью глагола *заживляти*. Лексема употребляется с наименованиями наружных больных мест: на лице – *заживляет прыщи гноеватые, угри черные, чирьи*; на иных частях тела – *заживляет всякое укушение ползающих гадов ядовитых, заужицу, ожог огненный и водяной, оток очной, старья и новья раны, твердые болячки надутые, язвы* и др. Реже данная лексема употребляется с наименованиями внутренних болезней или переломов костей: *заживляет болячку в плуче* (‘в легком’), *всякую горляную болезнь, кость переломлену* и т. д. Употребление данного глагола преимущественно с названиями наружных патологий связано с использованием в лечении различных мазей исключительно для наружного применения: *масть заживляет старья гнилые раны*.

Некоторые приготовленные лекарства не столько избавляли от недуга, сколько способствовали ускорению физиологических процессов.

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» отмечен глагол совершенного вида *двигнути* в значении ‘сдвинуть, переместить, передвинуть’ [9, с. 181]. Как его видовая пара в словаре дан глагол *двигати*, который в тексте памятника употребляется в переносном значении ‘придать движение, ускорение’ при описании конкретных физиологических процессов в организме человека: *легостно движет урину* (мочу), *менстрова движет* (менструальные выделения), *мокрость чрезмерную из мастрики движет* (иные выделения из матки), *проход движет* (обмен веществ); с названием внутренних органов в целом: *нутрь движет*, *утробу движет*. Реже глагол *двигати* употребляется в значении ‘побуждать’ (*движет помыслы постельные яко мужем, так и женам*). Наблюдается расширение значения лексемы по сравнению со словарным.

Возвратный глагол *двигатися* употребляется в том же значении, как и невозвратный глагол *двигати*: *нутрь не движется*, *менстрова движется временем без сумнения*; реже – в переносном значении ‘усиливаться, увеличиваться’: *болезнь прибавляется и сильно движется*, *кашель воздвижается*. В прямом значении ‘сдвигаться, перемещаться’ глагол *двигатися* встречается в описании выведения почечного камня (*легостно камень дребежжит, движется и вон выгонит*). С высокой частотностью в тексте памятника лексема *двигатися* употребляется при описании изменения положения матки: *дна движется и к грудем приступит*, *дна движется от места на место*, *мастрика от места до места у жен движется*.

В сочетании с анализируемыми глаголами используется наречие *легостно* – ‘легко’ (*легостно движет урину*, *легостно камень движется*), что указывает на быстрый темп движения жидкостей в человеческом организме и скорейшее выздоровление.

Глагол *вязати* имеет прямое значение ‘обвивая (веревкой и т. п.) скреплять, соединять, вязать’ [10, с. 283]. В тексте памятника «Прохладный Вертоград» данная лексема употребляется в значении ‘обладать вяжущим свойством’ [там же]. Вяжущие лекарства изготавливались для лечения внутренних болезней: *вяжет утробу, нутрь*; для улучшения менструальных выделений: *вяжет кровавое течение*; *вяжет лишнее течение менстрова*. Возвратный глагол *вязатися* в тексте памятника употребляется однократно в сочетании с субъектом в именительном падеже (*утроба вяжется*).

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» глагол *мягчити* имеет прямое значение ‘делать мягким, обладать смягчающим действием’ [11, с. 342]. В медицинском тексте «Прохладный Вертоград» лексема употребляется в прямом значении в сочетании с названиями кожных заболеваний, имеющих отвердение (*мягчит всякие твердые апостемы, коросту, твердую надутую болячку, чирьи*), и с наименованиями «затвердевших» внутренних органов и их болезней (*корчение жил, селезень, нутрь, утробу* и др.).

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» отмечены глагол совершенного вида *заклучити* со значением ‘закрыть, запереть’ [12, с. 215] и глагол несовершенного вида *заклучати* как его видовая пара. В тексте памятника глагол *заклучати* употребляется в переносном значении ‘завершать’ при описании течения различных жидких масс в человеческом организме: *заклучает кровавое течение из ноздрей и из язв, белое течение женское, всякое течение слезных и иных нечистот*. Возвратный глагол *заклучатися* встречается в синонимичных сочетаниях: *лишней пот телесной заклучается, лишнее течение менстрова у жен, течение гноя, течение кровавое из носа, безпрестранное уринное течение*.

Встречается употребление отглагольного имени существительного *заклучение* в сочетании со словом *жилы* (кровеносные сосуды): *заклучение жил плючных дыхательных, жил печенных, жил селезенных*. В этом случае наблюдается употребление лексемы в прямом значении, данном в словаре, – ‘закрыть’ (тут: ‘закупорить, нарушить проходимость сосудов’).

Глагольная лексема *отворити* имеет прямое значение ‘открыть’. В тексте памятника раскрывается переносное значение – ‘вскрыть’: *отворяет всякия вредительная язвы, твердые болячки надутые, чирьи* – т. е. вскрывает кожные заболевания с нагноением; *дыхательные жилы, залегание жил печеночных, жил селезенных* – улучшает проходимость кровеносных сосудов, устраняет образование тромба; *отворит заклучение менстровы, легостно и без болезни проход водяной отворит* – нормализует физиологические процессы.

Глаголом *согревати (ся) (нагреватися, угревати)* описано действие лекарств, направленное на согревание охлажденных наружных частей тела (*все уды студеностные телесные нагреваются*), как отдельных внутренних органов (*нагревает печень, жилы*), так и всего организма одновременно (*вся внутренняя согревается*). Положительный эффект производят «согревающие» лекарства, восстанавливающие речь: *согревает речь зазнобленную*.

Борьбу со жгучей болью, изжогой, воспалением и повышением температуры тела составители текста памятника «Прохладный Вертоград» сравнивают с тушением огня: *огонь в печени, в желудке, огненная немочь, ожог огненный*. Глагол *тушити* используется в тексте памятника в переносном значении: *тушит горячество главное, низреченный жар нутренний, огонь, жажду*. Наподобие тушения пожара с помощью лекарств возможно избавление от тяжелых заболеваний: *тушит колеру рубию, надымание печенное, немочь главную, оток нутренний* и др.

Для лечения таких недугов использовались лекарственные средства, способные охладить больные места: *холодит тело, апостемы, язвы, ожог водяной*. Глагол *холодити* также упоминается при описании лечения психических отклонений: *холодит горячество густыя крови, речь горячую*.

Лечение заболеваний, связанных с выделением гноя и других жидкостей, описывается при помощи глагола *сушити (высушити)*: *сушит волгости лихия, вредительную мокрость, гнилые и мокрья болячки*.

Камень в мочевом пузыре и в почках должен был быть раздроблен на мелкие куски: *издробит камень в пузыре и в почках в песок и вон изгонит*. Глагол *дробити (издробити)* встречается только в сочетании со словом *камень*.

Таким образом, часть глаголов (*двигати, вязати, заключати, отворити, тушити*) с общей семой 'позитивное воздействие на организм человека' в тексте памятника XVII в. «Прохладный Вертоград» употребляются в переносном значении. Глагол *двигати* в тексте памятника встречается в значениях 'побуждать' и 'придавать ускорение'. Прослеживается взаимосвязь значений: если передвигать предмет, то ему возможно придать ускорение, отсюда побуждение к движению либо изменению состояния. Глагол *вязати* употреблен в одном из переносных значений, зафиксированных в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», – в значении 'обладать вяжущим свойством'. Метафоричность значения заключается в сочетании названия действия, обладающего вяжущим свойством, с названиями внутренних органов. Глагол *заключати* имеет переносное значение 'завершать' и встречается в сочетании с наименованиями течений различных жидких масс в организме человека. Обозначение прекращения течения частично пересекается с данным в словаре прямым значением глагола совершенного вида *заключити* – 'закрыть, запереть'. При помощи глагола *отворити* автор текста памятника описывает результат устранения закупорки или вскрытия кожного нарыва. Тут наблюдается метафорический перенос прямого значения 'вскрыть'. При сравнении лихорадки и огня авторы текста памятника прибегали к метафорическому употреблению глагола *тушити* в значении 'избавлять от жара или тяжелых заболеваний'.

В завершении исследования следует сделать вывод о широком распространении метафорического переноса значений глаголов, обозначающих позитивное воздействие на организм человека, в тексте памятника «Прохладный Вертоград». На наш взгляд, такой вид переносного значения, как метафора, обеспечивал знахарям и врачам XVII–XIX вв. понятность и доступность медицинского текста.

Библиографические ссылки

1. Книга глаголемая Прохладный Вертоград. Лечебник Патриаршего келейника Филария / сост., авт. предисл., пер. и коммент. Т. А. Исаченко. М. : Археографический Центр, 1997.
2. Вечерко Д. М. Семантика и функционирование глаголов со значением 'способы лечения' в памятнике XVII в. «Прохладный Вертоград» // Мова і літаратура : матэрыялы 81-й навук. канферэнцыі студэнтаў і аспірантаў аспірантаў філалагічнага ф-та. БДУ, Мінск, 24 красавіка 2024 г. / БДУ, філалагічны ф-т ; [рэдкал.: Г. У. Навумава (гал. рэд.) і інш.]. Мінск : БДУ, 2023. С. 12–16.
3. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика : учебное пособие. М. : Эдиториал УРСС, 2000.

4. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика : учеб. пособие для вузов. М. : Высш. шк., 1990.

5. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и дополн. Назрань : Пилигрим, 2010.

6. Галиева А. М. Представление глаголов физиологического действия и состояния в лексикографической базе данных татарских глаголов // Ученые записки Казанского университета. № 5. 2018. С. 1219–1234.

7. Лельхова Ф. М. Глаголы физиологического состояния в хантыйском языке (на материале сынского диалекта) // Вестник угроведения. № 1 (4). 2011. С. 30–37.

8. Нелина И. А. Функциональная семантика глаголов физиологического состояния в устной речи диалектоносителей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. № 2 (18). С. 183–187.

9. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол. : С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. Вып. 4. М. : Наука, 1977.

10. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол. : С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. Вып. 3. М. : Наука, 1976.

11. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол. : С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. Вып. 9. М. : Наука, 1982.

12. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол. : С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. Вып. 5. М. : Наука, 1978.

ЖАНРОВОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ ПОСЛАНИЕ В СТАРОРУССКИХ ТЕКСТАХ: ДЕНОТАТИВНЫЙ И ДИСКУРСИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

О. В. Зуева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, zuyeva.volha@gmail.com*

Анализируются семантика и функционирование слова *послание* в старорусских текстах различных жанров и разновидностей письменного языка. Показывается, что *послание* было родовым обозначением писем в старорусском книжном дискурсе, что было унаследовано от древнерусского периода; это основная номинация в заголовках эпистолярных текстов в составе сборников и номинация, конкурирующая с обозначением *епистолия* в заголовках письмовников. В письменной деловой и бытовой речи в XVII в. *посланиями* назывались официальные письма светских и церковных иерархов и частные духовные письма. Выявляются синонимические замены, используемые для обозначения того же письма, которое названо в тексте словом *послание*. Исследование проводится с опорой на старорусский корпус НКРЯ, исторические словари, издания старорусских эпистолярных текстов и письмовников.

Ключевые слова: эпистолярный текст; послание; старорусский язык; разновидность письменного языка.

1. К истории слова *послание* как номинации той или иной разновидности письма или письма «вообще» мы обращаемся в рамках исследования способов обозначения эпистолярных текстов в старорусском языке. Это

многозначное слово, однако нас интересует его семантика только как жанрового обозначения: ‘1. Послание, письмо; документ’ [1, с. 319]; ‘4. Письменное обращение к кому-либо, послание, письмо’ [2, с. 173]. **Цель** исследования – определить, какие разновидности писем назывались *посланием* в старорусских текстах (денотативный аспект) и как используемые обозначения связаны с регистром письменного языка и жанром текста (дискурсивно-стилистический аспект). Исследование проводилось на материале старорусского корпуса НКРЯ¹, исторических словарей, изданий старорусских письмовников и эпистолярного наследия исторических лиц.

2. Как жанровое обозначение (и далее речь будет идти только о таких употреблениях лексемы) слово *послание* в древнерусской книжности используется начиная с XII в., это калька греч. ἐπιστολή ‘послание, поручение (письменное или устное)’ (сравним: др.-р. *эпистолия* – синоним слова *послание*, не имеющий, однако, внутренней формы; о том, являются ли эти два слова дублетами, см. [3, с. 108–110]). В древнерусских переводных источниках *посланием* называются частные духовные письма, официальные служебные письма или распоряжения, исходящие от духовных и светских властей. В старорусском языке слово используется для обозначения разных видов писем – указанных, а также частных бытовых и фатических.

Инструменты НКРЯ позволяют получить «портрет слова», включающий среди прочего информацию о жанрах и разновидностях языка старорусских текстов, в которых употреблено слово *послание* (146 текстов, 423 примера, омонимия снята; данные на 31.10.2024)². Среди автоматически обработанных контекстов, однако, есть такие, где *послание* – действие по глаголу *послать* в значениях ‘отправить’, ‘наслать’, ‘ниспослать, даровать’; обозначение апостольских сочинений; обозначение грамот-документов (в заголовках верительной грамоты, разрешительной грамоты и др.). Поэтому мы проанализировали все примеры употребления слова в старорусском корпусе; примеров реализации жанрового значения оказалось на четверть меньше, примерно 307 (есть спорные контексты), из которых половина приходится на XVI в.

Отчет, сгенерированный на сайте НКРЯ, оставляет вопросы:

◆ Какие виды писем начиная с какого периода обозначает слово *послание* и каков характер зависимости выбираемой номинации от разновидности письменного языка (регистра)?

¹ Приводимые далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorppora.ru); примеры не из НКРЯ сопровождаются ссылками.

² https://ruscorppora.ru/word/mid_rus?req=послание&seed=1795421592551648

◆ В каких текстах деловой и бытовой разновидности языка встречается это книжное слово (маркированный церковнославянизм) и почему?

◆ Какие другие жанровые обозначения используются в одном и том же тексте по отношению к письму, названному в этом тексте *посланием*?

3. *Послание* возникло как книжное слово и оставалось им. Рефлексия над этим фактом отражена в восточнославянской лексикографии: в «Лексиконе славеноросском» Памвы Берынды 1627 г. церковнославянское слово переводится на западнорусский язык: *Посланіе, сирѣчь, грамота, листъ, посланье* (обратим внимание на различие суффиксов, значимое для автора и маркирующее переводимую и переводную лексемы) [4, с. 112]. В списке XVII в. рукописи «Книга глаголемая гречески алфавит» при помощи слова *послание*, впрочем, объясняется другое, еще более книжное обозначение: *Епистолия – послание писменое* [2, с. 173].

Выходя за рамки очерченного периода, обратим внимание на слово в «Немецко-латинском и русском лексиконе» Э. Вейсмана, 1731 г.: *Brief, epistola, писмо, грамотка послание*, где даны три номинации, одна из которых может быть интерпретирована как относящаяся к частной, в т. ч. бытовой корреспонденции (*грамотка*), другая – к официальному и/или литературно обработанному письму (*послание*) и, наконец, третья – к любому письму, это родовое обозначение (*писмо*) (об этом примере см. также [5, с. 291]). Однако это картина уже XVIII в.; в старорусский период еще не было нейтральной родовой номинации для «любого эпистолярного текста», не обусловленной регистром языка и дискурсом.

В книжной старорусской речи такой родовой (но никак не стилистически нейтральной) номинацией как раз было слово *послание*. В текстах **гибридной** разновидности письменного языка любое письмо может быть названо *посланием* (достоверные примеры применения его по отношению к бытовому письму – с конца XVI в.). Какие письма упоминаются в летописях, житиях, повестях, включаются в сборники? Чаще всего – официальные послания светских и церковных иерархов и частные духовные учительные послания. Какие письма включались в рукописные сборники? Конечно, не бытовые, а литературно обработанные, интеллектуальной тематики, получавшие публицистическое значение. *Послание* – это и обозначение жанра своего текста самим автором письма, и обозначение чужого текста вне эпистолярной коммуникации, например:

*Хощу же писать **посланье** тебе, своему господину, не завосто, ни скровно, да всяк начнет разумети, не ветейскими словесы, ни скровеною беседою.* [Формулярный извод начального протокола послания [дьякона Очижа?] некоему [служилому?] князю с благодарностью за жалованье (1470–1500)]

Сему же во мнозей болъзни бывшу, прииде ему **послание** от царя, яко да скоро изыдетъ на брань противу зловѣрныхъ казаньскихъ варваръ. [Житие Макария Желтоводского и Унженского (1551–1553)]

Очень часто слово *послание* встречается в заголовках писем в составе сборников, однако здесь известный вопрос: кем и когда дан заголовок?

О возможности обозначить словом *послание* в книжном дискурсе частное бытовое письмо свидетельствуют старорусские письмовники. Например, в разных списках «Азбучного письмовника» (составлен в конце XVI – начале XVII в.) в заголовках наряду с другими жанровыми обозначениями используется слово *послание*, и в письмовнике приведены образцы зачинов в том числе частных писем: *к другу, мужу от жены, к брату родному* и др. [6, с. 588–597]. Другое дело, что эти образцы ни стилистически, ни содержательно не имеют ничего общего с подлинными бытовыми письмами этого времени.

В текстах **деловой разновидности** старорусского языка XVII в. встречается слово *послание* как обозначение писем лиц духовного звания:

Послание Ивана игумена Раиовы къ игумену Ивану горы Синайскіе, писменой, въ дестъ. [Опись [Московского Успенского собора], составленная в 1627 г (1627)]

*Книга въ полдестъ, въ кожъ, въ началъ **послание** къ великому князю Василью Ивановичю всеа Русіи, старца Филофея Елизарова монастыря; въ ней же и Максима Грека слова учителные.* [Опись келейной казны патриарха Филарета Никитича. 1630, августа 26]

Очевидно, слово было указано в заголовках упоминаемых писем, и составители описей переносили его в документ.

В текстах **бытовой разновидности** старорусского языка *послание* ‘письмо’ встречается крайне редко и поздно. Бытовую разновидность языка иллюстрируют фрагменты «Жития протопopa Аввакума»: его автор использует обозначение *послание* по отношению к письмам, адресованным царю и патриарху (собственным и письмам попа Лазаря), а также к письму от царя к митрополиту, например:

*Аз же ис Пустозер[ъ]я послалъ к ц[а]рю два **послания**, – одно не велико, а другое бол[ъ]ше; говорилъ кое о чемъ ему много.*

*Ц[а]рь ево и послушал и пишет к нему **послание** навстрѣчу...* [протопоп Аввакум. Житие протопopa Аввакума, им самим написанное (1672–1675)]

Что такое *послание* для Аввакума? Это его, духовного лица, собственное письмо, адресованное носителю верховной светской власти, а также письмо, обслуживающее коммуникацию «сильных мира сего». Таким образом, мы полагаем, что Аввакум использует этот термин не как слово высокого стиля, формирующее соответствующий регистр языка произве-

дения, а как обозначение конкретных видов писем, которые неуместно назвать, например, *грамотками*¹.

4. Обратимся к **другим обозначениям**, используемым в одном и том же тексте по отношению к письму, которое названо в этом тексте *посланием*.

4.1. *Послание – грамота:*

*И тако о встѣхъ сихъ бывшихъ дѣлехъ ихъ и самъ Евгеній папа Римскій посла свое съ нимъ написаніе къ благовѣрному великому князю Василью Васильевичю, грамоту сице пиша: **Послание** Евгенія папы... [Никоновская летопись (1425–1506 гг.) (1526–1530)]*

*...В послании же писано сице: «Янъ Замоѣцкій, наивышшій гетманъ и канцлѣръ корунный... Повелѣниемъ государя и великого короля польского до васъ сию **грамоту** посылаю...» [Повесть о Псково-Печерском монастыре (1603)]*

Это частая мена, которая происходит во избежание повторов при упоминании официальных писем светских и церковных иерархов.

4.2. *Послание – лист*. Тот же характер мены, что и в отношении пары *послание – грамота*; отмечено в художественном переводном сочинении – отсюда и употребление рутенизма *листъ* (собственно, ‘грамота’), маркирующего «чужое коммуникативное пространство»:

Посоль же прииде в то царство и подаде листы от царя своего <...> По отшествии же посла царю своему рекоша думцы ему: «Великий царю! <...> Тот царь сильнѣе и богатѣе твоего царства и может сотворити противъ послания своего». [Повесть о королевиче Валтасаре (конец XVII – начало XVIII в.)]

4.3. *Послание – писание, писания, написание:*

*Идущу же Исидору отъ Рима въ путь свой на Русьскую митрополию, и приспѣ въ градъ, нарицаемый Будинъ, мѣсяца Марта въ 5 день, и оттуда посла своя **писанія** въ Ляцкую и Литовскую и Нѣмецкую землю и на всю Русь православнаго христіаньства, писано же сице: **Послание** Исидора, митрополита русьскаго. [Никоновская летопись (1425–1506 гг.) (1526–1530)]*

¹ Сравним: в частном письме к Феодосии Морозовой, датированном 1668–1669 гг., Аввакум называет свой текст и *посланейцем*, и *грамоткой*, но письмо своей знаменитой сподвижницы – только *грамоткой* [7]. Автор воспринимает свой текст, обращение духовного лица с беседой к светскому лицу, как «небольшое послание» – в отличие от частного письма светского лица, которое посланием, пусть даже небольшим, быть не может.

Идейный противник Аввакума патриарх Никон, по нашим наблюдениям, избегал слова *послание* в эпистолярных сочинениях; он употреблял слова *письмо*, *писание*, *написание* для обозначения собственных текстов, обращенных к разным адресатам [8, с. 391, 399, 413, 419 и др.]. То есть использование слова *послание* могло, по крайней мере в XVII в., отражать личные предпочтения пишущего – лица духовного звания – в конкретной ситуации эпистолярного общения.

И пришедше в манастирь и вдаша преподобному **послание** съ благословением архиепископа. **Написанию** же вина сице: «Сыну нашего смирения старцу Зосимъ. По нашего **писания посланию** скоро и ничтоже умедлив да приидеши по нашему благословению к нам, имамы до тебе свое орудие»... [Досифей, соловецкий игумен, Спиридон, митрополит Киевский. Жития Зосимы и Савватия Соловецких (1500–1503)]

Так обозначаются официальные письма светских и духовных властей.

4.4. **Послание – грамота – писание**: также об официальном письме.

О **послании** Дариеве. Дарий же, царь перский, слышавъ, яко умре царь македонъский Филипъ, посла з **грамотою** в Македонию имеюще сицево **писание**... [Александрия (1400–1500)]

4.5. **Послание – епистолия**. Примеры их специфического употребления в однородном ряду см. в [5, с. 110]. Эти два слова варьируются в заголовках и в текстах разных редакций письмовников.

Синонимические замены позволяют дополнительно актуализировать разные смыслы, показать «эпистолярную ситуацию» с разных сторон: в приведенном выше фрагменте из «Александрии» сообщается о составлении *грамоты* (т. е. официального письма), в которой *записана* информация, и этот текст *посылается* кому-то; текст *написан* и после этого *послан*.

5. Выводы:

5.1. Слово *послание*, церковнославянизм в старорусском языке, служило родовым обозначением любых эпистолярных текстов в книжном дискурсе. Только в письмовниках с конца XVI в. встречаются примеры употребления этого слова, однозначно квалифицируемые как относящиеся к частным бытовым письмам.

5.2. В деловой и бытовой речи слово *послание* маркировало определенные разновидности писем – официальные послания светских и церковных властей, а также духовные письма. Именно в таких регистрах закреплялось денотативное, а не только стилистическое различие между номинациями типа *послание – грамотка*.

5.3. В источниках, фиксирующих церковнославянскую и гибридную разновидности письменного языка, номинация *послание* может употребляться в одном контексте с номинациями *грамота*, *писание*, *написание*, *лист*, обозначающими тот же текст, что и слово *послание*, и уточняющими разновидность письма и/или способ трансляции информации. Этимологическая связь *послание – епистолия* обусловила их наибольшую семантическую близость; наличие еще более выраженного книжного характера у слова *епистолия*, чем у слова *послание*, препятствовало первому стать родовым обозначением письма в гибридном регистре.

Библиографические ссылки

1. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. VII (поклепанъ – пращуръ) / РАН; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; гл. ред. В. Б. Крысько. М.: Рус. яз., 2004.

2. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 17 (Помаранець – Потишати) / АН СССР; Ин-т рус. яз.; гл. ред. Г. А. Богатова. М.: Наука, 1991.

3. Зуева О. В. К проблеме семантической дифференциации обозначений эпистолярных текстов в древнерусских и старорусских письменных памятниках: грецизмы *грамота, епистолия, хартия, харатия* / О. В. Зуева // Журнал Белорусского гос. ун-та. Филология. 2023. № 2. С. 101–114.

4. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 27. Поровень – прегрешіти / склад. А. М. Булыка [і інш.]; пад рэд. А. М. Булыкі. Мінск: Беларуская навука, 2007.

5. Зуева О. В. Обозначения эпистолярных текстов в древнерусском и старорусском языках: слова с внутренней формой ‘то, что писано’ и их производные // XV Конгресс МАПРЯЛ: Избранные доклады [Электронный ресурс] / редкол.: Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, В. Н. Климова и др.; отв. ред. М. С. Шишков. СПб.: МАПРЯЛ, 2024. С. 287–292.

6. «Азбучный письмовник» // А. С. Демин. О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 588–600; 611–639.

7. Аввакум. Письмо к боярыне Ф. П. Морозовой: («Прежде сих грамоток...») // Жизнь протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М.: Academia, 1934. С. 303–305.

8. Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты; науч. ред. Е. К. Ромодановская. М.: «Индрик», 2007.

«ИНО ДЕ ПРОМЕЖУ ЗЕМЕЛЬ РУБЕЖ»: ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЕЛИКОЙ КИТАЙСКОЙ СТЕНЫ В XVII ВЕКЕ

О. А. Казакевич

*Томский государственный университет,
пр. Ленина, 36, 634050, г. Томск, Российская Федерация, o_slugina@mail.ru*

В работе¹ рассматриваются особенности репрезентации Великой Китайской стены и заставного города Калган как одной из границ между Китайским царством и Сибирью в Средние века. Источниками для исследования послужили три русских разновременных посольских отчета XVII в., содержащих информацию о интересующих нас объектах: Роспись Китайскому государству И. Петлина (1619) и два статейных списка авторства Ф. И. Байкова (1657–1658) и Н. Г. Спафария (1675–1676). Анализ текстовых фрагментов, посвященных Великой китайской стене и Калгану, позволил определить наиболее существенные для русского человека признаки и параметры описания, связанные с искусственно созданной границей. Кроме общих для всех трех памятников черт, исследование выявило ряд отличий в языковой репрезентации пограничных объектов, обусловленных языковой личностью их авторов.

Ключевые слова: языковая репрезентация; инокультурные реалии; посольские документы; Китай; XVII век.

Знакомство русских людей с культурой и обычаями Китая произошло в XVII в. и нашло отражение в текстах посольских отчетов этого периода:

¹ Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2020-0042.

Росписи Китайскому государству И. Петлина 1619 г. в трех вариантах [1], статейном списке Ф. И. Байкова 1657–1658 гг. в двух вариантах [2] и статейном списке Н. Г. Спафария 1675–1676 гг. [3]. Перечисленные памятники содержат богатые лингвистические, этнографические и культурологические данные о Китае и помогают воссоздать восприятие русскими людьми как чужого мира в целом, так и границ между своим и чужим в частности. В качестве предмета исследования репрезентации подобной границы в настоящей работе выступают текстовые образы Великой Китайской стены и древнего китайского города Калган, расположенного к северо-западу от Пекина (современное название – Чжанцзякоу). Эти инокультурные для русского человека реалии были выбраны неслучайно: Калган возник и развивался как пограничная застава на Великой Китайской стене и представлял собой главные ворота, или Восточный проход, на караванном пути из Монголии и России в Китай. Именно через Калган прибывали в Китай русские посольства и купцы из Кяхты – конечного пункта Сибирского тракта [4].

Этот город не миновали и посольства И. Петлина, Ф. И. Байкова и Н. Г. Спафария – об этом свидетельствуют упоминания о Калгане под разными наименованиями во всех трех источниках. И. Петлин обозначает его как *Широкалга*, записанная транскрипция монгольского названия *Калган*, воспринятая от сопровождавших И. Петлина монгольских лам Тархана и Беликты [5, с. 60]. У Ф. И. Байкова китайский город назван другим монгольским обозначением – *Капка*, по аналогии с монгольским *Халга* (в значении «застава, ворота»), и только в тексте Н. Г. Спафария появляется созвучное монгольскому *Халга* наименование *Калган*, хотя это название посол употребляет по отношению ко всей Великой Китайской стене, а заставной город именуется *Синфенкун*. С названиями этой точки маршрута русских миссий в текстах посольских отчетов неразрывно связаны и описания Великой Китайской стены, которая к настоящему моменту наилучшим образом сохранилась именно в этой части – к востоку от Калгана. Ее состояние в конце XIX в. оценивалось следующим образом: «Здесь она еще сохранила местами прежний вид массивной каменной стены, в 6 метров высоты и толщины (у основания), с высокими четырехугольными башнями, на известном расстоянии одна от другой» [6, Т. XV, с. 173], – вероятно, в этом месте она была в хорошем состоянии и в XVII в.

Текстовые фрагменты, посвященные этому городу и Великой Китайской стене, расположены в средней части посольских отчетов и являются разными как по объему, так и по наполнению. Так, в первом варианте Росписи И. Петлина фрагмент занимает чуть более двух листов рукописного текста (лл. 12–15 без оборотов, 493 слова), в московском варианте отчета Ф. И. Байкова – менее двух листов (лл. 110–112 без оборотов,

317 слов), а в статейном списке Н. Г. Спафария – 4 листа (лл. 103–104 с оборотами, 653 слова). Критериями для определения границ фрагментов для анализа стали единство тематики (упоминание названия города, Великой Китайской стены) и формальное единство текста (без выпуска «лишней» информации или дополнительных вставок текста, расположенных в других частях отчета).

В Росписи И. Петлина фрагмент, посвященный данной локации, открывается описанием Великой Китайской стены, название которой в тексте не указано. При обозначении этого объекта для казака ключевыми становятся следующие параметры: материал постройки (*кирпичная*), количество башен (*по рубежной стене башен со 100*) и расстояние между ними (*башня от башни стоит по стрельбищу*). Более подробное освещение получает назначение стены, прокладывающей границу между мунглами и китайцами, записанное И. Петлиным со слов: *потому, что де 2 земли – земля де Китайская, а другая де земля Мугальская, ино де промежу земель рубеж*. Интересно очевидное противопоставление в этом микротексте информации, проверенной самим посланником и полученной со слов иноземцев (*мы сочли / китаские люди нам сказали*). При этом в описании стены из 189 словоупотреблений только 61 отражает наблюдения посланника (то есть менее трети фрагмента), остальное – пересказ полученных от других людей сведений.

Далее следует достаточно типичная для автора отчета характеристика въезда в Калган и самого города: И. Петлин указывает количество ворот и их размеры (*пятеры ворота, ниски и уски, на коне наклоняя проедешь*), этническую принадлежность города (*китайской*), материал постройки (*каменной*), название (*имя городу Широкалга*), а также главу города (*воевода в нем князь Шубин*). Калган описывается при помощи стандартных для казака формулировок, повторяющихся в Росписи при описании всех городов (*высок, хорош и мудрен делом*), обязательной является номинация оборонных сооружений (*башни, пушки и другое оружие, караулы*). В анализируемом микротексте выделяется событийная номинация-детализация, описывающая ритуал закрытия прохода через рубеж: *А как солнышко за лес сядет, и караульчики ис трех пицалей выстрелят трежды зушно, да станут бить по литаврам, бьют часа ночи три, да перестанут бить, да опять выстрилят трожды на утряной зоре, а города не отпирают часов до шти дни*.

Также к обязательной характеристике города можно отнести указание на наличие торговых рядов, их внешнего вида (*лавки каменные, выкрашены красками всякими и травами выписаны*) и продаваемых товаров, номинации которых выражены однородными субстантивами (*товары в лавках всякие... бархатов и камок, и дорогов, и тафт, и камок на золоте и*

с медью много всяких цветов). Дополнительно И. Петлин упоминает кабаки, харчевни и тюрьмы, а также маргинальные слои населения города и наказания за разбой.

Аналогичный фрагмент в статейном списке Ф. И. Байкова начинается с описания близлежащих к городу земель, этнической принадлежности их населения и того, кому оно служит: *меж тех городов Кококотана и заставного города Капки живут мугальские тайши кочевные, которые отложились от своих мугальцов, называют их тюбенцами, а служат китайскому царю*. Далее обозначается, в какой день отряд подошел к городу, при этом не просто указывается дата, но также дается отсылка к церковному календарю: *к заставному городу Капке пришел посол февраля в 10 день в Мясное заговейно*; локация и расстояние номинируются количеством времени, потраченным на дорогу: *стал, недошед до города за полдниша*. Важной деталью является упоминание подвод и кормов: *воеводы в корму и в подводах отказали*. Все перечисленные параметры являются типичной и неотъемлемой частью характеристики любого населенного пункта в отчете Ф. И. Байкова.

Сам Калган посол описывает тоже по определенной схеме, обозначая в первую очередь расположение города (*стоит... меж гор каменных*), его статус и название (*заставный город Капка*), материал постройки (*кирпичиной, смазыван извистью*), а также приводя общие сведения, касающиеся стоимости основных товаров, необходимых для отряда: *в том заставном городе Капке запас всякой дорог: муки пшеничной и проса и толокна подкупили по лану, а быки покупали невелики лан по осьми и по 10-ти и по 12-ти*. Данная характеристика разбивается и переплетается в тексте с описанием Великой Китайской стены: Ф. И. Байков обозначает ее общие размеры (высота, ширина) – *стена высока, сажени в 3 печатных, поперег в полторы сажени*; размеры кладки (*камень кладен в стене небольшой, а не смазыван ничем*); конструкцию башен (*ставлены от стены прочь*), их размеры (*велики и высоки*) и расстояние между ними (*промеж башен сажен по 100-у*).

Сведения о расположении и протяженности стены получены Ф. И. Байковым также со слов других людей, что выражается в его тексте частицей *де*: *стена де та ведена от ревенского китайского города от Сукчея*. Также он подробно перечисляет все источники информации – бухар, калмыков и китайцев, возможно, для подтверждения достоверности пересказанных им данных. Так же, как и у И. Петлина, в статейном списке Ф. И. Байкова треть информации о Великой Китайской стене представляет собой отсылку к другим источникам: 39 словоупотреблений из 111 составляют пересказ со слов других людей.

Как и в отчете И. Петлина, соответствующий фрагмент в статейном списке Н. Г. Спафария начинается с описания Великой Китайской стены, для характеристики которой посланник использует те же параметры: размеры и протяженность (*стена большая, которая объемлет от моря восточного всех те стран Китайского государства, а идет без урывки на 1500 верст*), расположение (*кладена она по верх хребта и по верху высоких камней*), материал постройки (*камень великой дикой серой, а на верху кирпич*), высота и ширина (*вышина стен по 4 сажени, а ширина по 2 сажени*), наличие башен и расстояний между ними (*башни ставлены часты, по 100-у сажен будет между башнями*). Далее, как и первых двух памятниках, следует фрагмент, записанный со слов китайцев, показывающий масштабы постройки: *на горах камня не осталось, а на степях песок, а в реках воды, а в лесах древа*. Интересно, что последнее описание, переданное со слов китайцев, представляет собой только 25 словоупотреблений их 117.

За описанием Великой Китайской стены в тексте Н. Г. Спафария следует достаточно сложный фрагмент, посвященный конструкции рубежных укреплений – несколько идущих параллельно стен и башен между ними (*к стене небольшой, которая стоит под большою стеною от горы до горы; проехав те ворота, опять стена и ворота третьи; зделана башня великая*); также с указанием размеров построек (*первые ворота, которые были шириною в 4 сажени; башни гораздо крепки; третья стена толще всех*); традиции записывать всех входящих и выходящих из Калгана людей и оружие (*не токмо людей, и оружие все считают и записывают, для того как поедут назад, чтоб не было людей лишних и оружия*). Интересно, что только Спафарий приводит различные варианты названий Китайской стены (*Большая стена, Джаси, Калган*) и указывает на наличие языческих храмов вокруг (*едучи к заставному городу были постановлены кумирницы выкрашенные и идолы в них многие*), что является одной из отличительных особенностей его отчета.

Непосредственно Калгану в отчете Н. Г. Спафария посвящено достаточно мало, поскольку, как пишет посланник, *по городу ходить нашим людям не дали*. Тем не менее в тексте находим общую характеристику города: материал постройки (*каменной*); конструкция (*зделан таким же подобием, как и большая стена*); ориентация в пространстве относительно стены по оси координат север-юг (*выехав из большие стены из ворот, ехали к городу с севера на полдень*). При описании Калгана для Н. Г. Спафария важно наличие жилых мест вокруг (*жилых людей много*) и оружия (*пушечного снаряду нигде не видали*). Так же, как и авторы первых двух источников, он отмечает развитость торговли (*торгу много и всякого харчевого продают много*).

Таким образом, на основе полученных при анализе данных можно сделать следующие выводы. Для И. Петлина характерен преимущественно сбор возможных сведений, внешняя характеристика увиденного, причем не только объектов иноземной действительности, но и традиционного уклада иноземцев. Ф. И. Байков много внимания уделяет формальной стороне отчета и выстраивает свой текст по определенной схеме, включая в нее достаточно богатые описания реалий иноземья. В статейном списке Н. Г. Спафария наблюдается преимущественное внимание к тому, что посланник увидел своими глазами, текст демонстрирует большую ориентацию на свой опыт, нежели на опыт других людей.

Интересным представляется, что, несмотря на возможность видеть стену задолго до проезда через нее и после этого, длительное движение отрядов вдоль нее, при ее описании посланники часто ссылаются на свидетельства третьих лиц. При сопоставлении фрагментов, содержащих сведения, переданные со слов других людей, обнаруживается не только различие в их объеме относительно всего фрагмента, но и существенная разница в содержании: у И. Петлина это назначение стены, у Ф. И. Байкова – ее расположение, а у Н. Г. Спафария – легенды, связанные с ее происхождением.

Статистические подсчеты полного объема всех выделенных изначально фрагментов отчетов привели, на первый взгляд, к неожиданным результатам: у И. Петлина на 1 слово в среднем приходится 2,4 употребления, у Ф. И. Байкова – 2,35, у Н. Г. Спафария – 3,02, что указывает на меньший словарный запас последнего. Но фрагмент текста Н. Г. Спафария более чем в два раза больше, чем у Ф. И. Байкова, и в 1,3 раза больше, чем у И. Петлина, что вносит свои коррективы в подсчеты: чем текст меньше, тем меньше в нем вероятность повториться какому-либо слову. Как представляется, ближе к действительному положению показатели этого параметра в описании Великой Китайской стены, где анализировались близкие по объему фрагменты отчетов.

Библиографические ссылки

1. Петлин И. Роспись Китайскому государству // Русско-китайские отношения в XVII в. : материалы и документы / под ред. В. С. Мясникова. М. : Наука, 1969. Т. 1 : 1608–1683. С. 79–90.
2. Байков Ф. И. Статейный список // Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова). М. : Наука, 1966. С. 113–145.
3. Спафарий Н. Г. Статейный список // Русско-китайские отношения в XVII в. : материалы и документы / под ред. В. С. Мясникова. М. : Наука, 1969. Т. 1 : 1608–1683. С. 346–458.
4. Чжанцзякоу // Путеводитель Ермак Вагус. [Б. м., б. г.]. URL: <https://ermakvagus.com/Asia/China/chzhan-rus.html> (дата обращения: 15.10.2024).

5. Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова). М. : Наука, 1966.

6. Энциклопедический словарь : в 82 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб. : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1904.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ *ДОЛЖЕН* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Л. Ф. Килина

*Удмуртский государственный университет,
ул. Университетская, 1, 426034, г. Ижевск, Россия, kilin_74@mail.ru*

В статье освещается проблема установления связи между лексикой и грамматикой на примере прилагательного *должен*, встречающегося в современном русском языке только в краткой форме. Обращается внимание на тот факт, что в современных словарях прилагательные *должен* и *должный* приведены как разные лексемы, а в исторических словарях как формы одного слова. В результате исследования, которое проводилось на материале Национального корпуса русского языка, установлено, что данное прилагательное уже в древних текстах используется преимущественно в краткой форме, выполняя функцию предиката. Закрепление в русском языке именно краткой формы обусловлено тем, что она употреблялась в значении ‘обязан’ при описании распространенных ситуаций, когда необходимо было совершить какое-либо действие. Следовательно, грамматическая семантика рассматриваемой единицы обусловлена ее лексической семантикой.

Ключевые слова: прилагательное; значение; форма; корпус; поиск.

Сегодня в лингвистической науке широко распространено мнение о том, что грамматика и лексика находятся в постоянном взаимодействии, при этом «семантика слова предопределяет внутренний динамизм грамматической системы, активно участвуя в формировании и развитии отдельных грамматических категорий», а «динамика и характер лексических процессов во многом зависят от категориальных грамматических признаков» [1, с. 68]. На данный момент уже сформировалось целое научное направление, представители которого занимаются изучением грамматической семантики языковых единиц, совмещая принципы и методы современной лексической семантики с анализом специфических грамматических черт языковых единиц.

Описанию особенностей образования и употребления кратких прилагательных в русском языке на разных этапах его развития посвящено большое количество научных работ, но многие вопросы, касающиеся истории формирования этой грамматической категории, до сих пор остаются дискуссионными. Так, Л. П. Якубинский указывает, что краткая форма

прилагательных «в процессе развития русского языка оглаголивалась и была закреплена за выражением предиката-сказуемого» [2, с. 219]. Некоторые исследователи, изучающие особенности функционирования кратких прилагательных в современном русском языке, указывают на наличие многочисленных примеров, подтверждающих, что «преимущественно предикативная функция кратких прилагательных приводит к их полному обособлению на лексическом уровне», однако «наделение краткого прилагательного грамматическим статусом особой морфологической категории, близкой глаголу, преждевременно» [3, с. 224].

Автор раздела об именах прилагательных в Корпусной грамматике русского языка Г. И. Кустова пишет о том, что прилагательные «по своим основным характеристикам относятся к именам», но, несмотря на это, в современном языке «они занимают промежуточное положение между именной и предикатной лексикой, в разных формах и функциях обнаруживая те или другие признаки» [4]. Кроме того, следует обратить внимание и на утверждение о том, что «если полная и краткая форма имеют разные значения, значит, это разные лексемы, и их вообще неправомерно сравнивать» [4]. К примерам последнего типа относится и прилагательное *должен*, которое Г. И. Кустова характеризует как предикативно ориентированное, т. е. имеющее признаки полноценных предикатов (глаголов); исходным у таких единиц «является предикативное употребление, обычно – а иногда обязательно – в краткой форме» [4].

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» прилагательное *должен* описывается в словарной статье слова *должный*, например, здесь находим отдельно значение ‘обязанный’ с пометой «обычно в кр. ф.» [5, с. 303]. Таким образом, в данном лексикографическом источнике нет различий между *должный* и *должен*. В толковых словарях современного русского языка прилагательные *должный* и *должен* приведены в отдельных словарных статьях: *должный* ‘такой, как нужно, подобающий, соответствующий’, *должен* в функции сказуемого (с инфинитивом) ‘обязан’ (исполнять – исполнить что-либо, делать – сделать что-либо; обладать каким-либо качеством), ‘вынужден, принужден’ (делать – сделать что-либо) и др. [6]. Следовательно, в исторических словарях прилагательное *должен* (*дѣлжънь*) приводится как форма прилагательного *должный* (*дѣлжъньи*), а в современных словарях *должен* и *должный* представлены как разные лексемы.

Наше исследование проводилось на материале исторических корпусов (древнерусского и старорусского), а также основного корпуса Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) [7]. В древнерусском корпусе представлены тексты XI–XIV вв., как оригинальные, так и переводные, объем этого корпуса – 337 текстов 881 706 слов. Старорусский корпус включает тексты XV–XVII вв. и отличается жанровым разнообразием

(здесь можно найти летописи, сказания, деловые тексты, бытовую переписку, памятники религиозной литературы, драматические, стихотворные тексты и др.), этот корпус значительно больше по объему – 8242 текста 9 251 633 слова. Наиболее представительным является основной корпус (131 488 текстов 374 449 975 слов), который содержит русские письменные прозаические тексты, созданные после 1700 года (по данным на 14.10.24).

В древнерусском корпусе поиск можно вести по леммам (начальным формам) *дѣлжънѣ* и *дѣлжънѣи*. В результате поиска по лемме *дѣлжънѣ* мы получили 56 примеров, представленных в 19 текстах. Больше половины примеров (30) – прилагательное в сочетании с инфинитивом (в значении ‘обязан’), например: *тогда оузрать днѣи внѣ. яможе вси долѣжни есмы ѿити. въ вѣкъ внѣ непреходимыи* (Житие Василия Нового (конец XI в.)) [7]. Сегодня даже в этом корпусе можно быстро определить, какая ближайшая единица в контексте. Выбрав вкладку «2-граммы», мы получили данные, что рассматриваемая нами единица чаще всего встречается в составе сказуемого со связкой (глаголом *быти*), дальше часто еще какой-либо инфинитив: *имате плодъ вашъ въ сѣнѣе. тѣм же долѣжни есмы работати г(с)ви. радующеса юму* (Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку (1110-е)) [7]. Поиск по лемме *дѣлжънѣи* в этом же корпусе дает нам всего 13 примеров. Итак, в древнерусском корпусе слова *должный* и *должен* представлены как разные языковые единицы. Однако в качестве ранней и поздней леммы в обоих случаях указывается полная форма *дѣлжънѣи* и *должный* соответственно.

В старорусском корпусе поиск можно вести только по лемме *должный*, в результате мы получили 292 примера в 158 текстах, причем в эту выборку попали как полные, так и краткие формы. Поэтому необходимо было ограничить поиск параметрами «прилагательное» и «краткая форма», после чего в выборке оказалось 240 примеров, встречающихся в 133 текстах. Значит, в большинстве случаев в текстах этого корпуса используется именно краткая форма, причем чаще всего в сочетании с формами глагола *быть* (это мы узнали, перейдя во вкладку «2-граммы»), например: *А аще же ты перед ним чем винен, или долѣжен еси, а надеючись на свою мочь потолучишь ево, то уже самое горшее осуждение приимеши, и аще тогда и каятися будеши, да уже не поможеши* (И. Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему (1718–1725)); *их же и мы долѣжни есмы поминати вечно и предав написати имена их в соборной апостолской церкви в вечное поминовение* (А. Лызлов. Скифская история (1692)) [7].

Примечательно, что в качестве леммы в старорусском корпусе зафиксирована именно полная форма *должный*, несмотря на то, что краткие значительно преобладают в количественном отношении. Для носителей

современного русского языка краткие формы являются вторичными по отношению к полным, поэтому такая логика поиска в корпусе вполне понятна, хотя и противоречит хронологии исторических процессов. Кроме того, получается, что при таком подходе *должный* и *должен* – формы одного и того же слова.

Поиск по лемме *должный* в основном корпусе НКРЯ дал 8795 вхождений, но в эту выборку попали и краткие формы, поэтому необходимо было задать грамматические параметры «прилагательное» и «полная форма». В итоге мы получили выборку из 7731 примера в 4502 текстах. Результатом поиска по лемме *должен* стали более 370 тыс. употреблений этого прилагательного. С помощью инструментов корпуса мы также узнали, что в большинстве случаев интересующее нас прилагательное *должен* употребляется в сочетании с инфинитивом, причем четвертая часть этих примеров – сочетания с инфинитивом *быть*: *Процесс должен быть воспроизведен как можно ближе к реальному, определяя натурный эксперимент* (А. Б. Барский. Применение SPMD-технологии при построении сетевых баз данных с циркулирующей информацией // «Информационные технологии», 2004) [7]. Чтобы получить эту информацию, мы заполнили не только поле «Слово 1», но и поле «Слово 2», где обозначили соответствующий грамматический параметр – «инфинитив», в результате получилась выборка, в которую вошли более 240 тыс. примеров. Выбрав вкладку «2-граммы», мы установили, что более 30 тыс. вхождений приходится на сочетание *должно быть*.

Таким образом, поиск примеров в НКРЯ дал следующие результаты: в древнерусском корпусе слова *дѣлжънѣ* и *дѣлжънѣи* закреплены как разные леммы, т. е. как разные языковые единицы, восходящие к одной лемме – *дѣлжънѣи*, что соответствует лексикографическим данным; как две разные леммы эти единицы представлены и в основном корпусе, а вот в старорусском корпусе мы обнаружили только одну лемму (*должный*). Эти факты необходимо учитывать при работе с материалами разных корпусов. Во всех исследуемых корпусах НКРЯ краткое прилагательное встречается намного чаще, чем полное. Кроме того, уже в древнерусском языке прилагательное *должен* широко употреблялось в сочетании с инфинитивом и имело значение ‘обязан’ (что-либо сделать), такая тенденция сохраняется и в последующие периоды развития русского языка.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в русском языке полные прилагательные были образованы от кратких, поэтому первоначально от существительного *долг* (*дѣлгъ*) было образовано прилагательное *дѣлжънѣ*, затем уже его полная форма *дѣлжънѣи*. Однако в русском языке именно краткая форма в значении ‘обязан’ стала наиболее употребительной, т. к. использовалась в предикативной функции при описании ситуаций, когда необходимо было что-либо сделать. Полная форма с течением

времени стала функционировать как самостоятельная лексема, сохранив значение ‘подобающий, соответствующий’.

Библиографические ссылки

1. Балалыкина Э. А. К вопросу о грамматической лексикологии как самостоятельной лингвистической дисциплине // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки, 2006. Т. 148, кн. 2. С. 68–76.
2. Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М. : Учпедгиз, 1953.
3. Котов А. А. О статусе краткого прилагательного в грамматической системе русского языка // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 221–225.
4. Кустова Г. И. Прилагательное [Электронный ресурс] // Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 14.10.2024).
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4 (Г – Д) / АН СССР, Ин-т рус. яз. М. : Наука, 1977.
6. Большой толковый словарь русского языка / под общ. ред. С. А. Кузнецова [Электронный ресурс]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovuj-slovar> (дата обращения 14.10.2024).
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 14.10.2024).

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ТОЧНОСТИ В СТАРОБЕЛОРУССКИХ И СТАРОРУССКИХ СУДЕБНЫХ ДОКУМЕНТАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

О. А. Климкович

*Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
пр. Московский, 33, 210038, г. Витебск, Беларусь, olga-klimkovich@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности количественных характеристик в старобелорусских и старорусских судебных текстах второй половины XVI в. как одной из составляющих текстовой категории точности. Точность, как и стандартизированность, являются важнейшими текстовыми категориями для деловой письменности, так как основная цель делового текста – передать информацию так, чтобы избежать неоднозначного толкования. Количественные характеристики в судебных документах второй половины XVI в. могут быть точными и приблизительными. Основным средством репрезентации точных количественных характеристик выступают числительные, средства репрезентации приблизительных количественных характеристик – это прилагательные, местоимения, наречия, некоторые устойчивые сочетания. В старобелорусских судебных текстах приблизительные количественные характеристики употребляются чаще, чем в старорусских судебных текстах.

Ключевые слова: историческая стилистика; судебные тексты; категория точности; количественные характеристики.

Сравнительно-сопоставительные историко-стилистические исследования близкородственных языков представляют собой относительно новое

направление в исторической стилистике. Одним из аспектов таких исследований может быть сравнительный анализ средств репрезентации важнейших текстовых категорий. Теория текстовых категорий не является окончательно устоявшейся, как не является окончательным и перечень этих категорий. Нам кажется возможным определить важнейшими текстовыми категориями для текстов деловой письменности эпохи Средневековья те категории, которые учеными Пермской научной школы стилистики обозначены как функциональные семантико-стилистические. Функциональная семантико-стилистическая категория – это «разновидность текстовых категорий, отражающая функционально-стилевую дифференциацию речи (типологию текстов)» и «система разноуровневых языковых средств (включая текстовые), объединенных функционально-семантически и стилистически на текстовой плоскости (в целом тексте, типе текстов одного функционального стиля), то есть реализующих тот или иной категориальный признак данного текста как представителя соответствующего функционального стиля» [1, с. 573]. Поскольку традиционно термин «функциональный стиль» в отношении старобелорусских и старорусских текстов не используется лингвистами, остановимся на термине *текстовая категория*.

Среди важнейших текстовых категорий деловой письменности особую значимость имеют категории стандартизованности и точности.

Точность, которая не допускает возможности интолкования, «выражается частотностью тех средств, которые помогают достичь исчерпанности предмета сообщения» [1, с. 274–275]. Считаем, что одной из ключевых составляющих категории точности выступают количественные характеристики.

Цель представленной работы – проанализировать в сравнительно-сопоставительном аспекте особенности употребления средств репрезентации количественных характеристик в старобелорусских и старорусских судебных документах второй половины XVI в. Материалом для исследования стало 45 текстов (25 старобелорусских и 20 старорусских), опубликованных в изданиях XIX, XXI вв. [2; 3]. Актуальность такого исследования определяется необходимостью изучения особенностей развития деловой письменности в двух восточнославянских языках.

В науке количество интерпретируется как одна из наиболее обширных и многогранных категорий человеческого мышления [4, с. 108]. Выражением значения количества служат не только математические, точные формы, но и нематематические, приблизительные, в определенной мере субъективные формы [5, с. 24], т. е. количество может быть выражено определенно, точно, с помощью чисел, и неопределенно, приблизительно, с помощью таких средств, которые показывают значение ‘больше’, ‘меньше’, ‘приблизительно равно’ и т. п. [4, с. 109].

Средства выражения количества пронизывают все языковые уровни: от фонетического до синтаксического. Мы остановимся на типичных для деловой письменности лексико-морфологических средствах выражения точного и приблизительного количества.

Перечень средств выражения точных количественных характеристик не является окончательно устоявшимся. Обычно к ним относятся разнообразные числительные, существительные и наречия с количественным значением (*двойка, вдвойне*), прилагательные с определенно-количественным значением (*трехчастный*) [6, с. 171].

Точные количественные характеристики в деловой письменности связаны с указанием числа субъектов, объектов, денежных средств, печатей, времени. Основными средствами выражения точных количественных характеристик являются:

◆ числительные, употребление которых в деловой письменности рассматривается лингвистами в русле грамматического и культурологического подходов (Г. М. Ярмаркина [7, с. 1173], Е. А. Галинская [8, с. 56], А. С. Улитова [9, с. 113]): ст.-бел.: *выписы два зъ в раду кгородского новгородского* [3, с. 336]; ст.-рус.: ... *землю паишуть силно, перелезши за старую межу двѣ деревни ... а два починка розвели ...* [2, с. 119], *язъ, г-не, Куница, помню за 80 лѣтъ, а язь, Олеша, помню за 40 лѣтъ* [2, с. 122];

◆ сочетания числительных с лексемами, обозначающими определенное количество, среди которых в исследованных ст.-бел. текстах часто встречается лексема *копа* 1) ‘адзінка лічэння – шэсцьдзесят штук чаго-небудзь’; 2) ‘грашова адзінка, якая змяшчала 60 грошаў’ [10, вып. 15, с. 292–293]: *в суме п(е)н(е)зеи у двох тисечахъ и в трохъ сотъ копахъ грошеи литовскихъ ...* [3, с. 59]; в ст.-рус. текстах отмечены лексемы *десятский* ‘лицо, в ведении которого находится десять человек или десять хозяйственных единиц’ [11, вып. 4, с. 234], *десятина* ‘единица измерения земельной площади, участок земли, равный этой единице’ [11, вып. 4, с. 233]: *пашни 9 десятинь въ полѣ* [2, с. 127], *четверть: а рожь купили четверть по двѣ гривны; да десять четвертей овса* [2, с. 126].

Интерес представляет употребление лексем *половина, половица, часть*. С одной стороны, значение этих лексем соответствует математическому понятию $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ и т. п., с другой стороны, точное восприятие включенного в лексему объема передаваемой собственности неразрывно связано со знаниями субъектов деловой коммуникации о полном объеме рассматриваемого предмета.

Лексема *часть* в ст.-бел. текстах употребляется как с количественными и порядковыми числительными, так и с прилагательными, местоимениями: *две, три части, первая, другая, третья, четвертая часть, ровные части, вся часть, тая часть, своя часть, иная часть* и т. д.: ... *на части*

тетеринской, которая на малъжонку пана виленского кнежну Настазью мстиславскую прислушаеть, иниишихъ частей сестри ее не нарушиваючи [3, с. 133]. В ст.-рус. текстах возможно указание части собственности без употребления лексемы *часть*: *в въ тѣхъ денгахъ заложилъ своихъ двѣ трети деревни* [2, с. 125].

Лексема *половица* отмечена нами в ст.-бел. текстах: *которую первей того мещане полоцкые в месте полоцкомъ з шляхтою по половицы держали* [3, с. 108]. Лексема *половина* характерна и для ст.-бел., и для ст.-рус. текстов: *ижъ бы ся вни в половину тое ваги до росправы ничимъ ся не вступовали ...* [3, с. 109], *отняли, г-не, они у насъ сильно половину сельца Никольского Пельшемского приходу* [2, с. 117].

Используются также слова различных частей речи, образованные с помощью первой части *пол-* (*полу-*): *а нам, г-не, не даютъ приходомъ владѣти полусельцомъ и тою деревнею, что за рѣкою* [2, с. 117].

Особенностью ст.-бел. текстов является наличие наречий, имеющих точное количественное значение: *однокрот, двакрот, трикрот* и т. п.: *ижъ сторона мает быти через возного до права трикротъ* [3, с. 90].

К средствам выражения приблизительных количественных характеристик относятся:

◆ определительное местоимение *весь*: ст.-бел.: *... такъ будованя, збожся всякого и иныхъ всихъ речей ихъ* [3, с. 42], ст.-рус.: *и правую грамоту намъ на старца на Пасею и на всѣхъ християнь Троецкого монастыря дали* [2, с. 119], *... что взялъ у Малышки у Омина сына со всѣмъ угодемъ безъ выкупа изъ тягли въ тягль* [2, с. 125];

в ст.-бел. текстах для выражения количественных характеристик также используются:

◆ лексемы *мало, немало, немалый*: *к тому тежъ и немало листовъ иниишихъ короля его м(и)л(о)сти перед ними покладал* [3, с. 133], *стрелбу немалую противъ подкоморому и имъ стороне своеи с того двора пустити казали* [3, с. 153];

◆ наречие *достаточно*: *... и всее жалобы достаточно выслухавши ...* [3, с. 115];

◆ указательное местоимение *колько*: *але потом в колко дней прислалъ листь кн(я)зя бискупа виленского* [3, с. 223];

◆ формулы с определительными местоимениями *со всим на все, со всим тым*: *... з маетностью, збожьемъ и зо всимъ с тымъ, с чим т(воей) м(илость) и врад т(воей) м(илости) у Станковича взялъ былъ* [3, с. 91] и с прилагательными *от мала до велика*: *... и всю маетность ее вт мала и до велика з дому ее забралъ* [3, с. 240].

Анализ средств репрезентации количественных характеристик в старобелорусских и старорусских судебных текстах второй половины XVI в. позволяет сделать следующие выводы:

1) общность старобелорусских и старорусских текстов проявляется в наличии в них точных и приблизительных количественных характеристик и совпадении некоторых средств их репрезентации (числительных, существительных *часть, половина*, определительного местоимения *весь*);

2) во второй половине XVI в. старобелорусские тексты от старорусских отличает наличие таких средств репрезентации точных количественных характеристик, как наречия *однокрот, двукрот, трикрот* и т. п., и таких средств репрезентации приблизительных количественных характеристик, как лексемы *мало, немало, колько*, формулы *от мала до велика, со всим с тым*.

Библиографические ссылки

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л. М. Алексеева [и др.]; под общ. ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта : Наука, 2006.

2. Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России : Т. 1 / собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860.

3. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга № 272 (1576–1579). Кніга судовых спраў № 58 (Копія канца XVI ст.) / падрыхтаваў А. А. Мяцельскі. Мінск : Беларуская навука, 2015.

4. Кузина И. Ю. Категория количества и ее выражение в языке (введение в проблематику) [Электронный ресурс] // *Magister Dixit*. 2014. № 1 (13). С. 108–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-kolichestva-i-ee-vyrazhenie-v-yazyke-vvedenie-v-problematiku> (дата обращения: 09.10.2024).

5. Галич Г. Г. Категория количества и аспекты ее изучения [Электронный ресурс] // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2018. № 4 (34). С. 27–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-kolichestva-i-aspekty-eyo-izucheniya> (дата обращения: 09.10.2024).

6. Самофалова М. В. Средства выражения категории количества с позиции точного/неточного оценивания действительности (на материале русского и английского языков) [Электронный ресурс] // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 12–2 (66). С. 170–172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-vyrazheniya-kategorii-kolichestva-s-pozitsii-tochnogo-netochnogo-otsenivaniya-deystvitelnosti-na-materiale-russkogo-i> (дата обращения: 26.10.2024).

7. Ярмаркина Г. М. Число в калмыцких деловых текстах XVII–XVIII вв. (на материале писем хана аюки и их русских переводов) [Электронный ресурс] // *Вестник КИГИ РАН*. 2022. № 5. С. 1173–1181. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chislo-v-kalmytskih-delovyh-tekstah-xvii-xviii-vv-na-materiale-pisem-hana-ayuki-i-ih-russkih-perevodov> (дата обращения: 26.10.2024).

8. Галинская Е. А. Количественные числительные в деловой письменности первой половины XVII в. [Электронный ресурс] // *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 2021. № 6. С. 55–68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kolichestvennye-chislitelnye-v-delovoy-pismennosti-pervoy-poloviny-hvii-v> (дата обращения: 26.10.2024).

9. Улитова А. С. О связи числа и порядка слов в именной группе с одиночным атрибутом (на материале текстов XVII века) [Электронный ресурс] // *Вестник ТГГПУ*. 2020. № 1 (59). С. 113–120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-svyazi-chisla-i-poryadka-slov-v-imennoy-gruppe-s-odinochnym-atributom-na-materiale-tekstov-xvii-veka> (дата обращения: 26.10.2024).

10. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / пад рэд. А. І. Жураўскага. Мінск : Навука і тэхніка, 1982–2017. Вып. 1–37.

11. Словарь русского языка XI–XVII вв. : вып. 1–31 / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1975 –.

СПЕЦИФИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ПОНЯТИЯ 'ВОЕВАТЬ' В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е. И. Колосова, Ли Хуэйфан

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
ул. Кремлевская, 18, 420008, г. Казань, Россия, hkolosova@yandex.ru*

В данной статье исследуется трансформация лексико-семантического поля (ЛСП) глагола *воевать* в русском языке и в целом в лингвокультуре с опорой на широкий круг лексикографических источников, материалов Национального корпуса русского языка. В результате предпринятого исследования были сделаны выводы относительно состава ЛСП, включающего как основные архисемы (война, бой), так и периферийные (борьба, ссора) и ассоциативные (оружие, победа, честь, жестокость, беспощадность, слава, защита). Прослеживается специфика трансформации когнитивной модели 'воевать', анализируется репрезентация понятия в языке посредством использования глаголов, оценивается частотность функционирования лексем в разные периоды развития языка (*ратоборствовать, сражаться, враждовать, биться, конфликтовать* и др.). Сделан вывод о том, что с исторической точки зрения понятие 'воевать' в русской языковой и концептуальной картинах трансформировалось: расширялась его семантика, менялась коннотация, вводились новые лексемы.

Ключевые слова: глагол; лексико-семантическое поле; русский язык; лингвокультурология.

Как известно, формирование концептуальных понятий происходит на протяжении всей истории развития языка и культуры определенного народа. В этой связи проследить, как осуществляется трансформация того или иного понятия (слова) и как данная трансформация влияет на состав лексико-семантического поля слова, можно только с точки зрения диахронического анализа. Так, при исследовании лексико-семантических полей традиционно выделяют ядро и периферийные семы, а также подчеркивают семантические, ассоциативные, понятийные и эмотивные связи между элементами, замечают влияние стереотипных представлений нации на состав ЛСП и, несомненно, фиксируют способность того или иного понятия меняться, трансформироваться. Актуальность обращения к исследованию концептуальных понятий русской лингвокультуры связана с важностью антропоцентрического направления, а именно исследованием семантики слова и состава лексико-семантического поля с точки зрения того, как в них отразились человеческие факторы – представления общества.

В данной статье рассматривается история понятия ‘воевать’ в русской лингвокультуре. Цель – выявление трансформации лексико-семантического поля глагола *воевать* в русском языке.

Рассматривая концептуальное понятие ‘воевать’ в русской языковой картине, важно отметить, что с исторической точки зрения понятие трансформировалось: расширялась его семантика, менялась коннотация, вводились новые лексемы. В словарях русского языка разных периодов можно наблюдать постепенное изменение семантики глагола. С точки зрения этимологии слово *воевать* и однокоренные образования *война*, *воин* восходят к общеславянскому *вой* (‘воин’), «родственно латинскому *venari* – “охотиться”, также соответствует авест. *vāu-* “преследовать”» [1, с. 73]. Вербализация понятия в древнерусскую эпоху была связана прежде всего с такими лексемами, как *воевати*, *раздрушити*, *разорити*, *ратьствовати* (ср. *рать* ‘войско’) и др.: *вожвати что* – ‘разорять’: *Почаша воевати Фифаньския страны* (Пов. вр. л. 6449 г.) [2, т. 1, с. 279]; *раздрушити* – ‘одолеть, разбить’: *Данило скоро приде на нь и раздруюши полкъ его* (Ип. л. 6757 г.) [2, т. 3, с. 36] и др. В словаре В. И. Даля соединение сем *война* и *бой* при толковании свидетельствует о том, что само понятие ассоциируется с оружием: «**Воевать** кого, что, с кем, противу кого; воеваться с кем, *стар. и арх.* идти на кого войною, идти с войском на бой, наступая или обороняясь, вести войну, ополчиться и ратовать оружием. Воевать народ, землю, государя, идти наступательно, для завоеваний» [3, с. 234]. В словаре С. И. Ожегова появляется уже переносное значение с добавлением в ЛСП таких периферийных сем, как *борьба*, *ссора*: 1. Вести войну, участвовать в войне, сражаться. *Воевал всю войну. Воевал под Москвой*; 2. перен., с кем (чем) и против кого (чего). То же, что бороться (в 3 знач.). *Воевал с предрассудками*; 3. перен. Шумно ссориться, буянить (прост.). *Воевал с домашними*» [4, с. 154].

С течением времени в языковом сознании понятие ‘воевать’ стало включать в себя семы *оружие*, *бой*, *война*, *ссора*, *борьба*, а также семы базовых понятий *жизнь* – *смерть*, что нашло отражение в таких элементах лингвокультуры, как фразеологизмы, а также пословицы и поговорки русского народа. *Не на жизнь, а на смерть*: «1. Не жалея своей жизни (воевать, сражаться). 2. Решительная, беспощадная (борьба, битва). 3. Жестко, яростно (враждовать, бранить, ругать, ругаться)» [5, с. 229]. В данном фразеологизме наблюдается наличие лексико-семантических вариантов понятия ‘воевать’: *сражаться*, *бороться*, *биться*, а также *враждовать*, *бранить*, *ругать*. Взаимосвязь данных антонимов основана на ассоциативных признаках с понятием ‘воевать’ и раскрывают то, что действие, обозначенное глаголом *воевать*, может подразумевать отсутствие жалости к жизни и наличие жестокости и беспощадности, которые приводят

к смерти. Таким образом, в данном фразеологизме представлены следующие ассоциативные семы: *жестокость, беспощадность*.

Надо отметить, что понятие ‘воевать’ в русской языковой и концептуальной картинах мира формируется на протяжении всей истории развития русского языка, при этом меняется состав ЛСП. Так, в древнерусской литературе говорится не о воинах, а о стражах и о святых защитниках государства, а далее в литературе приводится различие между раздорами, происходящими между князьями, и войной. В целом данное понятие с течением времени становится широко распространенным, поскольку древнерусский человек считает войну таким же естественным явлением в человеческом обществе, как и мир, поскольку война так же законна для поддержания иерархии лучшего и худшего, социального порядка.

Далее, проанализировав на основании Национального корпуса русского языка литературные произведения от XVIII в. до современности, содержащие понятие ‘воевать’, мы выделили основные показатели данного явления. Были выявлены следующие мотивирующие признаки: *(Боевой) клич, армия, охота, покорение, желание/стремление, цель*. В таблице ниже приведем характеристики мотиваторов понятия, представленного в лингвокультуре, в основе его лежит установка на борьбу и воинскую доблесть.

Таблица 1

Мотивирующие признаки концепта ‘воевать’

Мотивирующие признаки \ Век	Бороться	Армия	Уничтожить	Победить/Проиграть	Захватить
XVIII в.	+	+	–	–	–
XIX в.	+	–	+	+	+
XX в.	+	–	–	–	–

Иными словами, концепция понятия ‘воевать’ раскрывается через понятия борьбы, охоты, захвата, стремления победить на поле битвы. Приведенные признаки достаточно однозначны в своем наполнении и достаточно статичны. Конечно, часть из них, например значение ‘охотиться’, была утрачена, а сам глагол начал приобретать дополнительные оттенки смысла, которые связаны с особенностями развития языка. Так, в конце XX – начале XXI вв. можно отметить появление новых значений, которые не связаны напрямую с ведением войны, но выходят на иной социальный уровень через лексический контекст – это социальный конфликт, в котором две или более группы сталкиваются друг с другом с применением насилия, вероятно, с применением любого оружия, но кроме этого и на ментальном уровне.

Понятийные признаки концепта 'воевать' в XXI в.

Понятийные признаки \ Период	Бороться	Уничтожать	Доказать свою точку зрения	Получать опыт
Рубеж веков	–	+	+	+
Первое десятилетие	+	+	+	+
Второе десятилетие	–	+	+	–

Чтобы проследить употребление ЛСП 'воевать' в современном русском языке, мы обратились к материалам Национального корпуса русского языка [6], в частности, проанализировали употребление в СМИ. Анализ реализации глагольной леммы в контексте газетного дискурса говорит о том, что ключевой семой является война:

Как оно намерено воевать, видно на примере Чечни, когда войны начинают и останавливают в зависимости от политической конъюнктуры, жертвуют тысячами жизней, руководствуясь частными интересами (Андрей Андреев. Будущее принадлежит нам! // «Завтра», 2003.08.22);

Там американским войскам были созданы такие условия, что, по существу, воевать было не нужно (Махмут Гареев. К каким угрозам и войнам должна быть готова Россия // «Отечественные записки», 2003);

Впрочем, сынкам тех, кто громче всех визжит о необходимости введения в школах боевой подготовки, воевать не придется (Игры в войну // «Криминальная хроника», 2003.06.10);

И все-таки им повезло обоим – остались жить и воевать дальше (Владимир Тыцких. Через три войны // «Дальний Восток», 2019) [6].

Специфика данных лексем заключается в том, что они употреблены в своем прямом значении. Они обращены к войне как к факту реальности, который концептуализируется на основе глагола *воевать*.

Вторым значением, которое раскрывается в газетном дискурсе, становится семема *борьба*:

Хотя мне и приходилось воевать с разными структурами Минобороны, чтобы журналистам дали рассказать правду о ситуации в регионе (Дашь «вести с полей» // «Совершенно секретно», 2003.04.08);

Из миллиона видов около 3500 патогенны или условно патогенны – вот с ними надо воевать (Татьяна Батенева. Анатолий Воробьев: «Жизнь без микробов была бы невозможна» // «Известия», 2002.10.02) [6].

В современных СМИ, тематически связанных со спортивными, политическими или экономическими событиями, довольно активно используются синонимические ряды глаголов с общим значением 'воевать' (*сражаться, завоевать, бороться*):

Д. А. Как член политической партии, я сражаюсь за власть (Андрей Андреев. Будущее принадлежит нам! // «Завтра», 2003.08.22);

*Формат Кубка планеты для легкой атлетики, где традиционно **сражаются** яркие индивидуальности, по-настоящему уникален* (Сергей Подушкин. Звезды континентов. Россиянки выиграли Кубок мира по легкой атлетике // «Известия», 2002.09.22);

*В Сиднее, **завоевав** 35 медалей, россияне были на 14 месте* (Сергей Латышев. Открытие Паралимпийских игр // ИТАР-ТАСС, 2004.09.18);

*Благодаря этому **центристские** фракции, среди которых у «Единства» голосов больше всех, **завоевали** авторитет и **влияние** в стране* (Александр Градов. «Медведи» залили партийный фундамент // «Аргументы и факты», 2003.01.22);

*Выйти на элитный часовой рынок, **завоевать** аудиторию успешных бизнесменов и повысить цену на свою продукцию было жизненной необходимостью брэнда* (Владимир Ляпоров. Молодая гвардия. Искусство быстрого завоевания новых рынков сбыта // «Бизнес-журнал», 2003.10.23);

*За них мы и будем **бороться** на выборах* (Александр Градов. «Медведи» залили партийный фундамент // «Аргументы и факты», 2003.01.22) [6].

Таким образом, милитарное значение ЛСП ‘воевать’ реализуется несколько реже, чем характеристика методов борьбы в спорте, политике или творчестве. В когнитивной модели ‘воевать’ с архисемами *война* были выделены слова *сражаться, враждовать, ратоборствовать, завоевать, отвоевать* (центр ЛСП), а также определены глаголы, где архисемой является *борьба: бороться, биться, драться* (ядерная зона). В современном русском языке заметно, что основными семами являются *конфликт* и *ссора*, которые проявляются в таких глаголах, как *конфликтовать, враждовать, противоборствовать, ссориться*.

В ходе исследования фактического материала мы пришли к следующим выводам. Во-первых, изучение репрезентации понятия ‘воевать’ в лингвокультуре позволяет выделить ассоциативные семы, к которым относятся *оружие, победа, честь, смерть, жестокость, беспощадность, мастерство, слава, защита*, а также дает возможность определить глаголы, находящиеся в центре ЛСП: *сражаться, враждовать, ратоборствовать, завоевать, отвоевать, бороться, биться, драться*. Во-вторых, было выявлено, что с точки зрения своего исторического происхождения не все рассмотренные глаголы обладали значением ‘воевать’, но они вошли в это концептуальное понятие. В-третьих, отмечено, что на современном этапе наряду с семой *война* основной является сема *конфликт* и *ссора*, в результате чего в когнитивной модели появляются такие глаголы со значением ‘воевать’, как *конфликтовать, противоборствовать, ссориться*.

Библиографические ссылки

1. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб. : Полиграфуслуги, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (дата обращения: 17.10.2024).

2. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Санкт-Петербург, 1893 [Электронный ресурс]. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij> (дата обращения 17.10.2024).

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=3577> (дата обращения 17.10.2024).

4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений: [новое издание]. 28-е изд., перераб. М. : Мир и образование, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения 17.10.2024).

5. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М. : Астрель, АСТ, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/> (дата обращения 17.10.2024).

6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 17.10.2024).

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕПОЛНОГЛАСНЫХ И ПОЛНОГЛАСНЫХ СЛОВ-ВАРИАНТОВ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» ПО ЛАВРЕНТЬЕВСКОМУ СПИСКУ

Чжан Хайфэн

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 985623430@qq.com*

Определив слово-вариант как особый вид языкового дублета в древнерусском литературном языке, автор выявил следующие функционально-стилистические особенности слов-вариантов в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку: полногласные слова-варианты чаще употребляются в отрывках, заимствованных из деловых памятников нерусского происхождения, для повествования о «своих», в разговорно-бытовом виде прямой речи и в книжных традиционных формулах; неполногласные слова-варианты чаще употребляются в отрывках, заимствованных из религиозных памятников нерусского происхождения, во фрагментах религиозной тематики, в литературно-обработанном виде прямой речи, в книжных контекстах и в книжных традиционных формулах. Почти половина пар слов-вариантов не полностью совпадает по семантике. Данные слова-варианты употребляются в зависимости от их конкретного значения, проявленного в контексте. Случаи чередования полногласных и неполногласных слов-вариантов свидетельствуют о сближении их употребления во всех функционально-стилистических аспектах.

Ключевые слова: полногласие/неполногласие; языковой дублет; слово-вариант; историческая стилистика; древнерусский литературный язык; «Повесть временных лет».

Благодаря явному противопоставлению на фонетическом уровне полногласные и неполногласные слова в древнерусском литературном языке считаются одними из самых показательных единиц для изучения взаимодействия восточнославянских и церковнославянских элементов. Структурная соотносительность позволяет выделить особый вид полногласных

и неполногласных слов – полногласные и неполногласные слова-варианты, которыми мы называем структурно-генетически соотносительные слова без учета того, в корне или в префиксе находится полногласие/неполногласие (далее соответственно – ПВ и НВ).

В «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку насчитывается 49 пар НВ и ПВ. Количество их употреблений составляет соответственно 614 раз и 252 раза. В процессе исследования мы выделили ряд критериев для всестороннего выявления и описания функционально-стилистических особенностей НВ и ПВ [1, с. 79–83]. Далее представим результаты анализа по каждому критерию. При необходимости указывается общее количество употреблений лексемы (верхним индексом в правом углу) и нахождения ее конкретного словоупотребления в оригинале Лаврентьевского списка¹ (в скобках после лексемы). Примеры из «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку приводятся из «Полного собрания русских летописей» [2, с. 1–286], при этом используется специальный шрифт, после цитаты указывается нахождение примера в оригинале.

Критерий соотносительности слов-вариантов с употреблением в отрывках, заимствованных из памятников нерусского происхождения. В общем НВ употребляются в отрывках, заимствованных из памятников нерусского происхождения, 150 раз, а ПВ – 20 раз. Процентное соотношение НВ и ПВ к общему количеству их словоупотреблений – частотность – составляет соответственно 24,43 % и 7,94 %. Таким образом, можно утверждать, что НВ имеют большую возможность употребляться в отрывках, заимствованных из памятников нерусского происхождения.

Нельзя не отметить, что возможность употребления НВ и ПВ в отрывках, заимствованных из разных по жанру памятников нерусского происхождения, не совсем одинакова. НВ главным образом употребляются в отрывках из церковно-религиозных памятников, а ПВ – в отрывках из деловых памятников, а именно в отрывках из двух договоров с греками; вероятно, эти договоры воспринимались у древнерусских книжников как свои оригинальные памятники. Отметим, что в отрывках из договоров НВ употребляются 30 раз (*власть* 7 раз, *градъ* 1 раз, *златъникъ* 3 раза, *златыи* 1 раз, *пленити* 1 раз, *страна* 15 раз, *сххранити* 1 раз), а ПВ – 12 раз (*во-лость* 2 раза, *ворота* 1 раз, *городъ* 6 раз, *золотьникъ* 2 раза, *золото* 1 раз). Среди остальных 8 случаев употребления ПВ в отрывках из церковно-религиозных памятников употребление топонима *Царьгородъ* встречается 5 раз, в том числе 3 раза чередования слов-вариантов с соответствующим

¹ Например, 1об.¹ обозначает, что это первое словоупотребление лексемы на первом обратном листе Лаврентьевского списка. При однократном словоупотреблении на каком-нибудь листе верхний индекс в правом углу не используется. Такое правило указания применяется также и при цитировании из Лаврентьевского списка.

НВ (об этом см. ниже); 1 употребление лексемы *норовъ* в «Речи философа» объясняется поздней интерполяцией; 1 употребление лексемы *берегъ* и 1 употребление лексемы *чересла* находятся в отрывке из «Хроники Георгия Амартола», которая по жанру отличается от таких канонических и проповеднических памятников, как «Св. Писание» и «Речи философа».

Критерий соотносительности слов-вариантов с употреблениями во фрагментах религиозной тематики. Во фрагментах религиозной тематики НВ зафиксированы 241 раз, ПВ – 41 раз. Процентное соотношение НВ и ПВ к общему количеству их словоупотреблений составляет соответственно 39,25 % и 16,27 %. Таким образом, НВ имеют большую возможность употребляться во фрагментах религиозной тематики.

Показательно в этом аспекте то, что НВ *власть*²⁶ 7 раз (12об.¹, 26об., 32об., 34, 34об., 47об.², 72) употребляется во фрагментах религиозной тематики, а ПВ *волость*¹¹ – 1 раз (68); НВ *врагъ*²⁵ 17 раз (27, 34, 34об., 41, 41об., 45об., 52, 55, 71об., 74¹, 74², 74³, 90об.², 94¹, 94³, 94⁴, 95) употребляется во фрагментах религиозной тематики, при обозначении дьявола или человека, подстрекаемого дьяволом, а ПВ *ворогъ*¹ не отмечен в таких фрагментах; НВ *глава*²⁷ 16 раз (17об., 24, 25, 31об., 32, 33, 45об., 46, 48¹, 48², 52об., 55об., 57об., 68¹, 68³, 94) и НВ *градъ*¹⁹⁶ 19 раз (2об.¹, 2об.², 4, 28об., 35об., 40об., 41¹, 41², 43¹, 43², 48, 52, 53, 55об.¹, 55об.², 70, 72, 75¹, 75²) употребляются во фрагментах религиозной тематики, а их соответственные ПВ *голова*⁶ и *городъ*⁵³ в таких фрагментах не отмечены.

Критерий соотносительности слов-вариантов с прямой речью. НВ 117 раз зафиксированы в прямой речи, ПВ – 52 раза. Процентное соотношение НВ и ПВ к общему количеству их словоупотреблений составляет соответственно 19,05 % и 20,63 %. Таким образом, НВ и ПВ имеют почти одинаковую возможность употребляться в прямой речи.

Стоит обратить внимание на то, что НВ 40 раз употребляются одновременно в прямой речи и во фрагментах религиозной тематики, а ПВ – 2 раза; НВ 95 раз употребляются одновременно в прямой речи и в книжных контекстах, а ПВ – 8 раз. Эти данные говорят о том, что виды прямой речи, в которых часто употребляются НВ и ПВ, отличаются. В соответствии с концепцией И. С. Улуханова о двух видах прямой речи в древнерусских летописях, НВ чаще употребляются в литературно-обработанном виде прямой речи, а ПВ – чаще в разговорно-бытовом виде прямой речи¹.

Критерий соотносительности слов-вариантов для повествования о «своих». Для повествования о «своих» НВ употребляются 368 раз, а

¹ О двух видах прямой речи в древнерусской летописи см. [3, с. 82]. Ср. на примерах из нашего материала: *избавѣ ны естъ ѿ врагъ нашихъ* (41об.), *то естъ ворогъ Русьскѣи земли* (76); *и скръши главы змиевыя* (94²), *а невола ми своее головы бяусти* (88об.).

ПВ – 218 раз. Процентное соотношение НВ и ПВ к общему количеству их словоупотреблений составляет соответственно 59,93 % и 86,51 %. Таким образом, ПВ имеют большую возможность употребляться для повествования о «своих». НВ являются, скорее всего, нейтральными по отношению к оппозиции «свое – чужое».

Не будем учитывать те пары слов-вариантов, среди которых либо НВ единично используется для «чужого», либо ПВ единично употребляется для «своего» (пары типа *врагъ*²⁵ – *ворогъ*¹, *вратитисл*¹ – *воротитисл*⁶, *градънии*² – *городънии*¹ и под.). Многие пары слов-вариантов хорошо иллюстрируют наш тезис. Например, НВ *владѣти*⁵ 2 раза (3об., 7об.) употребляется для повествования о «своих», ПВ *володѣти*⁶ употребляется **только** для повествования о «своих»; для повествования о *власти* «своих» 17 раз используется НВ *власть*²⁶ (12об.¹, 13¹, 13³, 22об.¹, 23об.¹, 23об.², 23об.³, 47об.¹, 51, 53, 61об., 68об., 72¹, 72², 89об.¹, 89об.², 92об.), ПВ *волость*¹¹ употребляется **только** для повествования о *волости* «своих» и т. п.

Критерий семантической соотносительности слов-вариантов. Среди рассмотренных слов-вариантов отмечено 22 случая семантической дифференциации между НВ и ПВ. Семантическая соотносительность слов-вариантов бывает трех типов.

Первый тип. НВ и ПВ употребляются в разных значениях, причем ПВ, как правило, называют бытовые предметы и конкретные действия, а НВ – предметы, связанные с религией, абстрактные действия.

Например, НВ *обратити* употребляется в значении ‘убеждением склонить к ч.-либо’: *ѣда како вѣратити Бѣ тобою рѣскую землю в покаянье* (38). ПВ *оборотити* употребляется в значении ‘повернуть обратной стороной’: *Янь же вворота топоръ оудари и тыльемь* (59об.).

НВ *преди* употребляется в значении ‘прежде’: *си во не вѣша преди слышали словесе книжного* (41); ПВ *переди* употребляется в значении ‘вперед’: *оуже есмъ повелѣлъ товаровамъ поити переди* (87об.).

К этому же типу относятся пары *среда* – *середа*, *съхранити* – *съхоронити*, *храмъ* – *хоромъ*, *чрево* – *черево*.

Второй тип. НВ охватывают значение ПВ и имеют другие значения. Например, НВ *врагъ* употребляется и в значении ‘противник’: *положу враги твои. подъножью ногама монма* (34), и в значении ‘дьявол’: *имже оученьемъ повѣждаемъ. противнаго врага* (27). ПВ *ворогъ* употребляется только в первом значении: *то естъ ворогъ Рѣсьстѣн земли* (76).

НВ *младыи* употребляется и в значении ‘юный’: *и съ младыми свѣтныи* (48), и в значении ‘начавший расти недавно’: *и возмѣтъ на сѧ прѣтъе младое* (3об.). ПВ *молодыи* употребляется только в первом значении: *шво старъ. шво молодъ* (60об.).

К этому типу относятся еще НВ *власть, глава, градъ, злато, кладъ, невьгласъ, нравъ, предатиса, преити, храмина*.

Третий тип. ПВ охватывают значение НВ и имеют другие значения. Например, ПВ *полонъ* употребляется и в значении ‘военная добыча’: и *полонъ бещисленъ съ малыми дружины* (27), и в значении ‘плен’: *яко в полонъ ре^а идѹ. лучи бы ми сде оумретн* (38). НВ *плънь* употребляется только во втором значении: и *въ плънь ведени выша во Усѹрню грѣхъ нхъ ра^а* (34об.). К данному типу относятся также НВ *сторожь, переяти, чересь*.

Критерий стилистической соотносительности слов-вариантов. НВ 528 раз употребляются в книжных контекстах, а ПВ – 90 раз. Процентное соотношение НВ и ПВ к общему количеству их словоупотреблений составляет соответственно 85,99 % и 35,71 %. Таким образом, НВ имеют гораздо большую возможность употребляться в книжных контекстах, т. е. стилистически они более маркированные. Яркими примерами служат пары *власть*²⁶ – *волость*¹¹, *глава*²⁷ – *голова*⁶, *градъ*¹⁹⁶ – *городъ*⁵³ и др. В паре *власть*²⁶ – *волость*¹¹ НВ 20 раз (7, 12об.¹, 12об.², 13¹, 13², 13³, 22об.¹, 22об.², 26об., 32об., 34, 34об., 47об.¹, 47об.², 51, 53, 61об., 72¹, 72², 89об.²) употребляется в книжных контекстах, а ПВ в книжном контексте употребляется только 1 раз (68); в паре *глава*²⁷ – *голова*⁶ только НВ употребляется 22 раза (10, 17об., 21, 21об.¹, 21об.², 21об.³, 24, 25, 31об., 32, 33, 45об., 46, 48¹, 48², 55об., 57об., 67об., 68¹, 68³, 94¹, 94²) в книжных контекстах; в паре *градъ*¹⁹⁶ – *городъ*⁵³ НВ употребляется в книжных контекстах 161 раз, а ПВ – 13 раз.

Критерий соотносительности лексем в составе традиционной формулы. В традиционных формулах НВ употребляются 259 раз, ПВ – 69 раз. Процентное соотношение НВ и ПВ к общему количеству их словоупотреблений составляет соответственно 42,18 % и 27,38 %. Таким образом, НВ имеют относительно большую возможность употребляться в традиционных формулах. В качестве примера можно привести НВ *злато*¹⁹, который 8 раз (17об., 43об.¹, 43об.², 43об.³, 52, 54, 58, 94) употребляется в традиционной формуле вместе с лексемой *сребро*; 6 раз – с лексемой *наволока* (10об., 11², 20об., 21об.¹, 21об.², 21об.³); 2 раза – с обеими лексемами *сребро* и *наволока* (11¹, 66об.). Соответственный ПВ не отмечен в таких традиционных формулах. НВ *градъ*¹⁹⁶ 13 раз (16², 16³, 19об.¹, 21¹, 24об.⁴, 37об.², 56, 67об.¹, 75³, 77², 90об.⁵, 91, 91об.¹) употребляется в традиционной формуле *затворитиса въ градъ*, а ПВ – ни разу, и т. д.

Отметим, что НВ 215 раз употребляется и в традиционных формулах, и в книжных контекстах, а ПВ – 22 раза; НВ 83 раза употребляется и в традиционных формулах, и в религиозных фрагментах, а ПВ – 16 раз. Эти данные говорят о том, что традиционные формулы, в которых упо-

требляются НВ и ПВ, отличаются уровнем книжности и религиозности. Можно сказать, что НВ употребляются главным образом в книжных традиционных формулах, а ПВ – в некнижных. Многие книжные традиционные формулы (*быти подь властью, извлеци мечь, предь богомь* и др.), на наш взгляд, пришли из старославянской письменности.

Критерий взаимозаменяемости слов-вариантов. НВ 41 раз зафиксированы в случаях чередования с ПВ, а ПВ – 38 раз. Чередующимися парами являются *брегъ – берегъ, владѣти – володѣти, власть – волость, врабии – воробии, вранъ – воронъ, врата – ворота, гладь – голодъ, градъ – городъ, древланинъ – деревланинъ, древо – дерево, златыи – золотыи, кладъ – колодъ, предь – передь, прѣяти – переяти, страна – сторона, Царьградъ – Царьгородъ*. Такое чередование говорит о сближении употребления НВ и ПВ во всех функционально-стилистических аспектах и прежде всего – в семантическом. Отдельно отметим, что в стилистическом аспекте НВ 22 раза употребляются одновременно в книжных контекстах и в случаях чередования, а ПВ – 17 раз. Эти данные говорят том, что слова-варианты имеют почти одинаковую возможность употребляться в книжных контекстах, т. е. случаи чередования свидетельствуют о стилистическом выравнивании слов-вариантов.

Библиографические ссылки

1. Чжан Хайфэн. Функционально-стилистические особенности неполногласных и полногласных лексем в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку / Чжан Хайфэн // Мова і літаратура : матэр. 81-й навук. канф. студ. і аспір. філал. фак-т БДУ, Мінск, 24 крас. 2024 г. / БДУ, Філал. фак-т ; [рэдкал.: Г. У. Навумава (гал. рэд.) і інш.]. Мінск : БДУ, 2024. С. 79–83.
2. Полное собрание русских летописей. Т. 1 : Лаврентьевская летопись. Репринт. с изд. 1926–1928 гг. 2-е изд. / под ред. Е. Ф. Карского. М. : Языки русской культуры, 1997.
3. Улуханов И. С. О языке Древней Руси. 2-е изд. М. : Азбуковник, 2002.

ТИТУЛЬНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ПЕТРА I В ПЕЧАТНЫХ УКАЗАХ 1714–1725 ГГ.: НОМИНАЦИИ-ФОРМУЛЫ

А. А. Чекина

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская набережная, д. 7-9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия,
fillinfolk@gmail.com*

В статье¹ рассматриваются номинации *Его Величества Императора и Самодержца Всероссийского* в печатных указах Петровской эпохи. Прослеживается связь темы, времени издания указа с содержанием и типом рассматриваемого документа.

¹ Исследование выполняется при поддержке гранта РНФ: 24-28-00325 (рук. проф. СПбГУ Т. С. Садова).

Наблюдаются характерные особенности функционирования номинаций титулования Петра I в связи с конкретным адресатом. Анализируется «Указ, его императорского величества объявляется во всенародное известие О императорском титуле в грамотах, указах, прошениях и приговорах» от 11 ноября 1721 г., для сравнительного анализа привлекаются другие указы 1714–1725 гг. Выявляются лингвистические особенности формульного именованья государя с учетом типа указа (именной, от Сената, от Коллегии и др.): а) лексика формулы-номинации (*Государь, Князь, Царь, Самодержецъ, Императоръ*); б) грамматический состав формулы-номинации (*Указ Его Величества Императора; Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій ПЕТРЪ Великій*) и др. Делается вывод о становлении формульного именованья государя всероссийского в начале XVIII в.

Ключевые слова: титулование; номинация-формула; Петр I; печатный указ; канцелярский указ.

Формирование традиции титулования государя происходило на протяжении всей Петровской эпохи. Формулы титулования трансформировались в зависимости от исторических преобразований, происходивших в российском государстве. В настоящей статье рассматриваются номинации-формулы Петра I в печатных указах 1714–1725 гг. с учетом типа указа (именной; во исполнение из Сената, из Коллегии) и типом адресата. Представляется возможным предопределить и рассмотреть титульные номинации-формулы как обязательную часть особого речевого акта.

Титулатура Петра I в печатных указах разнородна и непоследовательна. Учитывая тип указа, его адресацию и время издания, как показывает материал, практически невозможно выявить закономерность. В 1721 г. Россия становится империей и Петр принимает титул *Отца Отечества, Императора Всероссийского*, после чего издается «Указ О императорском титуле в грамотах, указах, прошениях и приговорах» от 11 ноября 1721 г., который стандартизирует характерные особенности титулования Петра. Так, согласно указу об императорском титуле, *въ грамотахъ* (в XVIII в. приравнивается к указу [1, с. 317]) *в иностранные государства* Петра надлежит титуловать *Божіей поспѣшествующею Милостію Император и Самодержецъ Всероссийский, Великий Князь, Государь, Повелитель и Обладатель*; в грамотах *же внутри государства Божіей Милостію, Мы Петръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссийский*; в указахъ *из Сената в Коллегии и губерніи, и изъ Колегеи въ губерніи Указ Его Величества Императора, и Самодержца Всероссийского*. Отметим, что после издания официального указа о титуловании новонареченного императора не во всех указах соблюдаются эти нормы.

Для сравнительного анализа в статье рассматривается группа указов, тематически связанных со сферой государственного делопроизводства (канцелярские указы). В этих указах отмечаются следующие титулы царя-преобразователя:

1. *Велікіи Государь Царь, и Велікіи Князь ПетрЪ АЛЕКСіЕВіЧЬ, Всеа велікія, и малыя, и бѣлыя россіи самодержецъ* (указы 1714, 1719, 1720 гг.).

Номинация-формула традиционно имеет трехчастную структуру: указание на титул (*Государь Царь, Князь, Самодержец*); определение-прилагательное (*Великий*); обозначение территории владения (*Всея великия, и малыя, и белыя России*).

Это более ранняя формула, отсылающая еще к правлению Ивана III, когда глава русских земель впервые стал именоваться государем «всея Россіи» [2, с. 25], что постепенно превратилось в обозначение *Всеа велікія, и малыя, и бѣлыя россіи*, укрепившееся при правлении первого царя из династии Романовых – Михаила Федоровича и впоследствии перешедшее по наследству от Алексея Михайловича к Петру I.

При Петре I сохраняется традиция последовательного именованя русского монарха как *Государя* (от *господарь* ‘господин, повелитель’), *Царя* (сокращение от **сѣсарь* ‘император’, др.-русск. *цѣсарь* – в качестве обозначения визант. императора [3]), *Великого Князя* (праслав. **кънѣзь* заимств. из прагерм. **kuningaz* или гот. **kuniggs*, д.-в.-н. *kuning*, производного от *kuni* ‘род’, ‘родовой вождь’ [4, с. 268], что обозначает тесную связь титула с родоплеменными отношениями). Всякое слово-титул царя имеет заимствованное происхождение – «что-то освященное и малопонятное», и «по этой причине, может быть, особенно авторитетное» [4, с. 269]; каждый «новый» приобретенный титул повышает статус царя. Эпитет *Великий* указывает, очевидно, на возвеличение русского государя и признание за ним единой верховной власти.

Далее отмечается называние по имени и отчеству, которое выделяется крупным шрифтом, что подчеркивает крепкую связь государя с родом Романовых, в частности с именем отца – Алексея Михайловича.

В третьей части номинации-формулы указываются пределы подчиненных земель и, что важно, обозначение формы правления посредством слова-титула *Самодержец* (калька с греч. *autokrator*). В русской традиции титул появился в то время, когда «создавалась “держава”, в пределах которой сам хозяин становился всего лишь каким-то символом, и этому символу власти следовало присвоить особый титул» [4, с. 271], что сохраняется и в петровское время.

Номинация-формула, как видно, в указах имеет третьеличную форму. В «канцелярских указах» такая форма именованя Петра встречается всего несколько раз, в более ранний, доимператорский период. Позже в печатных указах эту формулу применительно к Петру почти не используют. Адресат в таких указах может быть как массовым, так и конкретным (обращенным к определенному должностному лицу (например, рекетмейстеру) или ограниченному кругу лиц одной должности, одного звания, одной социальной группы и под.).

2. *Мы ПетрЪ Первыи, Царь (Император) и СамодержецЪ Всероссийскій, и протчая, и протчая, и протчая* (указы 1717, 1722, 1724 гг.).

Номинация-формула состоит из трех частей: указание на титул (*Царь* (после 1721 г. – *Император*), *Самодержец*); относительное прилагательное, характеризующее территорию владения (*Всероссийский*); обозначение территории владения в сокращенном «обезличенном» виде (*и протчая, и протчая, и протчая*).

При рассмотрении перволичных указов стало заметно, что формула самоназвания Петра фиксирует лишь фактические титулы, при которых не используются витиеватые эпитеты, как бы намекающие на самовозвеличивание. Известно, что сам Петр 20 октября 1721 г., в день, когда к нему пришли вести переговоры, «долго отрекался» принять титул *Отца Отечества, Императора Всероссийского* и приводил к тому многие «резоны». Однако «важные представления» сенаторов и архиереев взяли верх, и Петр «склонился на то» [5, с. 53].

Рассматриваемая номинация-формула в канцелярских указах может являться компонентом двух типов речевых актов, на что указывает модальность и семантика предиката: 1) директив: *Мы ПетрЪ Первыи, Царь (Император) и СамодержецЪ Всероссийскій, и протчая, и протчая, и протчая. ПовѣлеваемЪ всѣмъ...*; интенция в указе такого типа направлена на конкретного адресата (здесь – приказным людям); 2) констатив: *Мы ПетрЪ Первыи, Царь (Император) и СамодержецЪ Всероссийскій, и протчая, и протчая, и протчая. ОбъявляемЪ*; в этом случае указ направлен на массового адресата. Можно предположить, что формула меняет модальность и встраивается в определенный речевой акт в зависимости от типа адресата.

Эта номинация-формула – первая встречающаяся в канцелярских указах, фиксирующая новый статус русского монарха. Однако Императором Петра именовали еще и в доимператорское время, в чем уже тогда проявлялось «имперское сознание XVIII века» [6, с. 53]. Так, в Регламенте или указе, его цесарскаго всероссиискаго величества, како содержать себя чинно, и послушно всегда в Академии, школьникам от 18 апреля 1716 г. в заголовочной части встречается именование Петра как императора: «УКАЗЪ ИМПЕРАТОРА всероссиискаго...». Или в Объявлении о лечительных водах сысканных на Олонце, а от каких болезни, и как при том употреблении поступать, тому дохтурское определение от 20 марта 1719 г. подчеркивается его императорская значимость, что проявляется в элативном прилагательном со значением ‘доброжелательный, снисходительный’, соотносимым с божественным началом: «царь абсолютно всевластен, потому что не подчинен никому, кроме бога» [4, с. 273] (*Боже Всемилостивый* – частотное начало молитв): «И для того Его Царское Величество,

Всемілоствѣишии ИмператорѢ, милосердствуя кѢ своим подданнымѢ яко отецѢ, надлежащѣе регулы о употребленіи оныхѢ водѢ, дохтурамѢ при своемѢ бытіи и употребленіи оныхѢ написать **Всемілоствѣише указалѢ...**». Анахроничное употребление номинации *император* в этот период указывает на особое отношение к Петру как внутри государства российского, так и вне его. Как отмечает историк О. Г. Агеева, «во время пребывания в Англии в 1698 г. имперский резидент Гофман сообщал, что русского монарха “все называют здесь императором России”. Императором именовали Петра I и выходцы из Западной Европы, служившие в России» [5, с. 53]. Статус Его Императорского Величества закрепился, как видно, за Петром задолго до официального принятия им этого титула, что отражается в печатных документах различного типа.

3. *Его Царского (Императорского) Величества / ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКОГО.*

Эта номинация-формула имеет более позднее происхождение (указы 1718–1724 гг.). Обращает на себя внимание грамматическая форма третьего лица, выраженная в родительном падеже. Эта формула – *Величество* (калька с латинского *maiestas*) + местоимение *Его* + относительное прилагательное, указывающее на статус русского монарха, *Царского*, после 1721 г. – *Императорского*.

Подобная номинация-формула характерна в основном для указов, изданных во исполнение из Сената или из Адмиралтейской коллегии. Адресат в этом случае может быть как массовым – указ *объявляется для всенародного исполненія* (в основном в указах из Сената), так и конкретным – *о томѢ в АмѣралтеиствѢ Колегію репортовать вѢ указной срокѢ*.

Формула *Его (Царское / Императорское) Величество* в разных падежных формах встречается в различных частях указа (заголовочной, основной, конечной), что дает право определить эту формулу как наиболее устойчивую.

4. *Всепресвѣтлѣишии Державнѣишии, ПЕТРѢ Великѣи, ИмператорѢ и СамодержецѢ Всероссийскѣи...*

Номинация-формула, как правило, продолжает предыдущую и встраивается в иницирующую часть печатного указа. Состоит из трех частей: указание на титул (*Император и Самодержец*); элативные определения-прилагательные (*Всепреспетлейшии, Державнейшии*); обозначение территории владения через относительное прилагательное *Всероссийскѣи*.

В этом случае особого внимания заслуживают формы прилагательных, которые образуют превосходную степень с помощью суффикса *-ейши-* (*Всепреспетлейшии, Державнейшии*), или с контаминированным сочетанием префиксов, указывающих на значение ‘исчерпывающей полноты качества’ (*все-*) и ‘высшую степень качества’ (*пре-*): *Всепреспетлейшии*. Это

наименование характеризуется как «величанье или титул царствующего государя или государыни» [7, с. 413]. Оба эти эпитета появляются только после принятия Петром статуса *Императора Всероссийского*.

Весьма показательны, что подобные формы образуются не только от качественных прилагательных, но и от относительных: *державнейший, милостивейший, благороднейший* и т. д. Для петровского времени такое функционирование определений-прилагательных, являющихся частью формулы титулования, довольно характерно. Подобные формулы титулования встречаются в третьеличных указах во исполнение: *Всепресѣтлѣйшій Державнѣйшій, ПЕТРЪ Великій, ИмператорЪ и СамодержецЪ Всероссийскіи указалЪ*... В предикате проявляется директивная модальность, которая указывает на формирование особого речевого акта, основой которого является номинация-формула, называющего Петра в форме третьего лица. Таким образом, выполняется социально-регулятивная функция, которая идентифицирует статусно-ролевое взаимодействие государя и его подданных, тем самым формируя особый речевой этикет, действующий в печатных указах.

Титульные номинации-формулы – важный рамочный компонент печатного указа любого типа. Как показывает предварительный анализ канцелярских указов, при Петре I происходит становление традиции, отсылающее к формированию этикетного устойчивого обращения к абсолютному монарху (примером может послужить именование Петра в разных частях указа *Его Царским / Императорским Величеством*). В это время, как видно, только начинает складываться иерархическая система титулования русского царя-императора.

Каждая номинация Петра под «влиянием печатной традиции» [8, с. 179] во всех типах титулования пишется с прописной буквы. В отдельных местах прописными буквами выделяется или имя правителя (*ПЕТР*), или только его отчество (*Петр АЛЕКСЕЕВИЧ*), или весь титул целиком (*УКАЗ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА*).

Номинации-формулы могут встраиваться в конкретный речевой акт (директив, констатив), на что влияет тип адресата (функционирование формулы *Мы ПетрЪ Первыи, Царь (Император) и СамодержецЪ Всероссийскіи, и протчая, и протчая, и протчая*), или же образовывать совершенно особый тип речевого акта, выражающийся грамматически в форме третьего лица, регулирующей особое взаимодействие между Петром и его подданными различного статуса (функционирование формулы *Всепресѣтлѣйшій Державнѣйшій, ПЕТРЪ Великій, ИмператорЪ и СамодержецЪ Всероссийскіи указалЪ*).

Важным устойчивым компонентом формулы оказываются элативные прилагательные-эпитеты, на семантическом и словообразовательном уро-

внях подчеркивающие высшую степень верховной власти, принадлежащую абсолютному монарху Петру I.

Таким образом, предпринята попытка проследить процесс эволюции титулования Петра I в указах, тематически связанных со сферой государственного делопроизводства, позволившая установить ряд закономерностей. Для того чтобы представить полную картину лингвистической специфики номинаций-формул Петра, необходимо рассмотреть другие тематические блоки печатных указов, что предполагается выполнить в перспективе исследования.

Библиографические ссылки

1. Словарь Академии Российской : в 6 т. СПб., 1789–1794. Т. 2.
2. Лакиер А. Б. История титулов государей России // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 54. № № 10–12. СПб., 1847.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1987. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer> (дата обращения 13.10.2024).
4. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л. : Изд-во ЛГУ, 1988.
5. Агеева О. Г. Титул «император» и понятие «империя» в России в первой четверти XVIII века [Электронный ресурс] // Мир истории : электронный журнал. 1999. № 5. URL: <http://www.historia.ru/1999/05/ageyeva.htm> (дата обращения 20.10.2024).
6. Демидов Д. Г., Калиновская В. Н., Колесов В. В., Черепанова О. А. Язык и ментальность в русском обществе XVIII века. СПб. : изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2013.
7. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : в 86 т. СПб., 1890–1907. Т. 7.
8. Руднев Д. В., Садова Т. С. Деловая речь Петровской эпохи: наследие прошлого или радикальное преобразование? // Литературная культура России XVIII века. Выпуск 8 / под ред. П. Е. Бухаркина, Е. М. Матвеева. СПб., 2019. С. 169–189.

ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ЛЕКСИКОЛОГИИ, ФРАЗЕОЛОГИИ, ОНОМАСТИКЕ

ПЕРИФЕРИЙНЫЙ ОНОМАСТИКОН БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ХЛЕБОБУЛОЧНЫХ И КОНДИТЕРСКИХ ИЗДЕЛИЙ)

Т. С. Денисенко

*Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
Московский проспект, 33, 210038, г. Витебск, Беларусь, 2tanusha2@mail.ru*

В данной статье рассматриваются особенности номинации хлебобулочных и кондитерских изделий, производимых предприятиями пищевой промышленности Витебщины. Ономастический материал анализируется с точки зрения репрезентации культурных кодов. Актуальность исследования определяется важностью описания специфики регионального прагматимикона Беларуси.

Ключевые слова: словесный товарный знак; прагматоним; код культуры; топomorphicный код; антропоморфный код; биоморфный код; временной код.

Процессы всемирной глобализации, с одной стороны, проявляются в размывании либо стирании границ в разных сферах деятельности человека, в том числе и в области культуры и национальной идентичности, с другой стороны, актуализируют интерес к национально-культурной самобытности. В последние десятилетия мы наблюдаем рост региональных исследований в разных областях научных знаний. Не стала исключением и ономастика. Это продиктовано тем, что имена собственные хранят и транслируют значимую этнографическую и историко-культурную информацию, в них отражены особенности национального мировосприятия.

В разные периоды ономастических изысканий в поле внимания ученых попадали различные единицы онимной лексики. Первоначально интерес для изучения представляли антропонимы и топонимы, так как именно они формировали наиболее крупные и значимые системы, составляющие ядро ономастического пространства. На современном этапе акценты сместились на периферийную зону. Научные исследования последних лет посвящены эргонимии, виконимии, хрематонимии и др. Особое внимание уделяется изучению регионального ономастического материала. Современный этап развития ономастики характеризуется также повышенным интересом к изучению имен собственных с позиций лингвокультуроло-

логии, этнолингвистики, лингвострановедения. «Культура аккумулирует черты определенного времени и эпохи, потребностей и интересов общества, которые впоследствии полностью или частично воплощаются в наименованиях объектов» [1, с. 10].

Все ономастическое пространство, включая ядерную и периферийные зоны, чутко реагирует на социально-экономические и культурные изменения в окружающем мире того или иного носителя языка. Рост экономики в XX в. стимулировал расширение ассортимента товаров, появившихся на рынке. Производители столкнулись с необходимостью поиска удачных названий для товаров, так как это во многом определяет экономическую эффективность продукции. Таким образом, в настоящее время наиболее динамично развивающимся полем ономастического пространства стали наименования продукции различных товарных категорий – словесные товарные знаки (СТЗ). Однако определение статуса товарного знака в ономастической и лексической системе в целом до сих пор является дискутируемым. Мы используем термин «прагматоним», который вслед за А. В. Суперанской и Н. В. Подольской определяем как разряд онимов. Под данным термином условно объединены «различные категории имен собственных, имеющие денотаты в прагматической сфере деятельности человека, связанные с практикой, с предметной областью» [2, с. 110].

В сфере наших научных интересов лежит изучение пищевой коммерческой номинации на примере наименований белорусских хлебобулочных и кондитерских изделий. Этот выбор обусловлен тем, что хлеб – один из основных продуктов питания белорусов, как и других славянских народов. Хлеб символизирует благополучие, счастье, достаток, выступает символом жизни и судьбы человека, является одним из центральных понятий культуры белорусов. Кроме того, названия пищевых продуктов, наряду с другими онимами, эксплицируют информацию различных культурных кодов. Среди многочисленных кодов культуры именно гастрономический, или пищевой, код выступает одним из основных для определения национально-культурной идентичности народа, «што тлумачыцца роляй ежы ў жыцці чалавека, захаванасцю ўжывання асноўных нацыянальных прадуктаў, найменняў страў, пераемнасцю спосабаў іх прыгатавання напрацягу ўсёй гісторыі жыцця народа. Менавіта нязменнасць асноўных паказчыкаў нацыянальнай гастронамічнай прыналежнасці службыць базай для вызначэння асаблівасцей менталітэту ...» [3, с. 15].

Материалом для анализа послужили собранные нами наименования хлебобулочных и кондитерских изделий, размещенные в каталогах на официальных сайтах производителей Витебского региона. Исследуемый нами материал представляет интерес с точки зрения взаимодействия различных кодов культуры с гастрономическим кодом в прагматонимии Белорусского Поозерья.

Нужно отметить, что на современном этапе лингвистических исследований нет единства в классификации кодов культуры. Белорусские, российские, а также зарубежные ученые выделяют от четырех до пятнадцати кодов. Эта проблема освещена в работах В. В. Красных, В. Н. Телия, М. Л. Ковшовой, В. А. Масловой, М. В. Пименовой, А. М. Мезенко, Т. В. Леонтьевой и других.

Рассмотрим группы прагматонимов, функционирующих на территории Белорусского Поозерья и эксплицирующих информацию некоторых базовых кодов культуры.

1. Наиболее многочисленную группу представляют наименования, репрезентирующие топоморфный (пространственный) код культуры. В качестве мотивемы искусственной номинации выступают топонимы. Так в наименованиях хлебобулочных изделий чаще используются астионимы (названия городов), гидронимы (собственные имена водных объектов), хоронимы (собственное имя любой территории, в том числе района города): хлеб «*Пажаданы Віцебск*», «*Старажытны Полацк*», «*Дар Придвинья*» ароматный, «*Двинский ароматный*», «*Полотовский*», «*Прибалтийский*», «*Мосарский*», «*Паланга с черносливом*», «*Невский*», «*Лужниковский*», батон «*Лучёса*», «*Оршица*», «*Исса*», пирог «*Барановичский*». Прагматонимы этой группы объективируют белорусский этнокультурный компонент топоморфного кода, так как номинаторы предпочитают использовать региональные топонимы, в том числе белорусскоязычные. Гораздо реже встречаются наименования с топонимическим компонентом, репрезентирующим культуру других стран и народов (для изучаемого региона это страны-соседи: Россия и прибалтийские государства). В наименованиях колбасных изделий, в отличие от хлебобулочных, такие компоненты преобладают.

2. Широко представлена группа прагматонимов, эксплицирующих информацию антропоморфного кода культуры. В данной группе преобладают наименования кондитерских и хлебобулочных изделий, образованные путем трансонимизации: мужские и женские личные имена, имена или фамилии известных людей, преимущественно исторических деятелей, национально-прецедентные имена, известные как в белорусской, так и в русской лингвокультуре, а также поэтонимы и мифонимы: булочка «*Изобелла*», бисквит «*Надзея*», хлеб «*Сёмушка*», «*Ульянка*», «*Альгерд*», «*Нестерка*», «*Боярин Орша*», «*Добрыня*», «*Пан Тыква*», пирожные «*Асоль*», «*Грей*», «*Белоснежка*», «*Дюймовочка*». Помимо данных наименований, в группе исследуемых единиц можно выделить прагматонимы, образованные способом онимизации апеллятивов. В процессе номинации используются обозначения людей (или производные от них) по профессии, роду занятий, родственным отношениям, отношениям с другими

людьми, социальной роли, оценочной или поведенческой характеристике, эмоциям, образу жизни и др): основа для пиццы «Хозяюшка», хлебцы «Докторские», хлеб «Стрелецкий», булочка «Чародейка», «Шалунья», хлебец «Молодецкий», багет «Гусарский», сайки «Сяброўкі», пирожное «Сластёна», «Глубочанка», торт «Императрица».

3. Вербализации временного кода культуры в прагматонимиконе Белорусского Поозерья служат наименования, обозначающие время, временные промежутки, поры года: булка «Асенняя», булочка «Обеденная», хлеб «Восеньскі», рожок «Летний», торт «Вечерний чай», хлеб «Заря».

4. Биоморфный код культуры также представлен в прагматонимах Белорусского Поозерья. В данную группу мы отобрали наименования, мотивированные внешними признаками, свойствами растений, их вкусовыми качествами: батон «Верасок», хала «Колосок», хлеб «Стебелек» с отрубями, «Злаковое зёрнышко», «Золотые злаки», «Ржаной дар», «Ржаные традиции», «Барвинок» бездрожжевой, булочка «Буточик», пирожное «Картошка». Флористический субкод чаще воплощается в названиях хлебобулочных, а не кондитерских изделий. Для белорусов значимыми являются такие образы, как рожь, стебель, колос, зерно, злаки, ассоциирующиеся у носителей белорусской лингвокультуры с основным продуктом питания – хлебом. Фаунистический субкод (или зооморфный код культуры) в исследуемых номинациях данного региона практически не представлен: хлеб «Светлячок», печенье «Мишки».

Таким образом, прагматонимия Белорусского Поозерья представляет собой богатый лингвокультурный материал для исследования. Группы наименований разнообразны и самобытны, поскольку в анализируемых искусственных номинациях товаров эксплицируется культурологическая, социальная, географическая, историческая и иная уникальная информация. Производители Витебщины ориентированы на реализацию продукции прежде всего в своем регионе, так как хлеб является продуктом для краткосрочного хранения. Это определяет приоритетное использование прецедентных, значимых и привлекательных для жителей данного региона номинаций, ориентированных на белорусские национально-культурные традиции.

Библиографические ссылки

1. Белорусское Поозерье: культура – ономастика – социум : монография / А. М. Мезенко [и др.]. Витебск : ВГУ, 2017.
2. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М. : Наука, 1988.
3. Ляшчынская В. А. Гастронамічны код культуры беларусаў. Стэрэатыпы ежы ў вообразах фразеалагізмаў беларускай мовы : манаграфія. Мінск : РІВШ, 2022.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А. А. Занковец

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, pouralla@gmail.com*

В статье рассматривается возможность применения статистических экономических методов в лингвистических исследованиях, что позволит сделать выводы более четкими и обоснованными, а междисциплинарный подход обеспечит новый, нестандартный взгляд на языковые явления.

Ключевые слова: лингвистические исследования; экономические методы; лингвистическая статистика.

Одним из наиболее важных свойств устойчивой системы является стратификация. Будучи сложно организованной системой, естественный язык также подвергается делению на уровни, подуровни и различным классификациям. Различные уровни русского языка были подвергнуты стратификации не позднее 50-х гг. XX в., и уже тогда подвергались критике. Так, разделение словарного состава на активный и пассивный словари, проведенное В. В. Виноградовым, представляется слишком общим. К активному лексикону относят равно слова *мама* и *младенчество*, хотя даже без специального исследования очевидно, что степени их «активности» различна. Попытки разграничить лексемы внутри активного словаря (например, учет частотности) не всегда релевантны. В этом отношении полезными выглядят отдельные статистические методы, традиционно используемые в экономике.

Лингвистика и экономика, несмотря на свою кажущуюся разобщенность, как выясняется, имеют ряд точек соприкосновения [2]. Несколько последних десятилетий набирает популярность *экономика языка* – область исследований на стыке экономики и социолингвистики, рассматривающая влияние экономики на развитие языка и влияние языка как гибкого навыка на качество человеческого капитала и в целом на экономическое поведение социума. Вот почему применение экономических методов кажется применимым и в лингвистике.

Экономические методы включают в себя статистический анализ, эконометрику, теории игр, модели принятия решений, факторный анализ [1]. Эти алгоритмы позволяют исследователям анализировать данные, выявлять закономерности и делать фундаментально обоснованные выводы. В контексте лингвистики экономические методы могут быть использованы для анализа больших массивов языковых единиц, изучения языковых изменений и оценки влияния различных факторов на язык.

Одним из наиболее распространенных методов в лингвистических исследованиях является статистический анализ. Он позволяет исследователям обрабатывать большие объемы данных и выявлять статистически значимые закономерности. Однако лингвисты используют этот метод не в полном объеме, а лишь как способ организации материала. В то же время с помощью *регрессионного анализа* можно изучить, как различные социальные факторы (возраст, пол, уровень образования) влияют на выбор тех или иных языковых единиц и форм коммуникации. Попытки регрессионного анализа делаются, в частности, в исследованиях городского просторечия I типа и диалектов.

С помощью *эконометрических моделей* можно оценить влияние экономических факторов на языковую практику. Например, исследование может сосредоточиться на том, как экономический кризис влияет на использование определенных лексических единиц в языке. Эконометрика позволяет не только выявлять корреляции, но и устанавливать причинно-следственные связи. Это может быть полезно для анализа того, как изменения в экономической ситуации влияют на языковую практику и наоборот.

Теория игр, изучающая стратегическое взаимодействие между агентами, также может быть применена в лингвистических исследованиях. Например, исследователи могут использовать модели теории игр для анализа языкового выбора в условиях конкуренции между различными языковыми формами. Это может быть особенно актуально в контексте языкового контакта, когда два или более языка взаимодействуют друг с другом. Особый интерес этот подход представляет в исследованиях функционирования русского языка в Беларуси и способности белорусов переключаться с одного языкового кода на другой. Модели теории игр помогут понять, какие факторы влияют на это переключение и как меняется речь билингва-белоруса в зависимости от коммуникативной ситуации.

Модели принятия решений могут быть использованы для анализа того, как люди принимают решения о языке в различных ситуациях. Например, исследование может сосредоточиться на том, как носители языка выбирают между стандартной и диалектной формами в зависимости от контекста общения. Модели принятия решений могут помочь выявить факторы, влияющие на этот выбор (социальный статус, аудитория, цели общения и т. д.).

Наиболее перспективным для лингвистических исследований представляется факторный анализ – это статистический метод, позволяющий выявить структурные связи между рядом переменных, сокращая их количество до небольшого числа факторов, которые объясняют наблюдаемые корреляции. В языкознании этот метод позволит исследователям анализи-

ровать различные аспекты языка, от синтаксиса и семантики до социолингвистических характеристик.

Факторный анализ в лингвистике может использоваться для определения скрытых структур и зависимостей в языке и речи, выявления связей между не связанными на первый взгляд явлениями, сжатия больших наборов данных в более управляемые формы (в частности, в корпусной лингвистике).

Так, в лексикологии факторный анализ может использоваться для изучения семантических полей. Например, исследователи могут проанализировать большой корпус текстов, чтобы выделить группы слов, которые имеют схожее значение или употребление. С помощью этого анализа можно понять, какие слова используются в схожих контекстах и как они связаны между собой, как происходит выбор того или иного слова в зависимости от речевой ситуации, какие признаки и характеристики слова влияют на этот выбор. Это особенно полезно в изучении просторечия, диалектов и функционирования языка в билингвальном обществе, где речевая практика зависит от культурных, образовательных и региональных факторов.

В области синтаксиса факторный анализ помогает исследовать структуры предложений. Например, анализируя часть речи, исследователи могут выявить, какие комбинации слов чаще всего встречаются в определенных типах предложений. Это может быть полезно для разработки теорий о том, как строятся грамматические конструкции и какие факторы влияют на их употребление, а в практическом отношении – для совершенствования словарей типа Т9 и развития искусственного интеллекта.

Факторный анализ находит активное применение в социолингвистике, особенно в изучении диалектных вариаций и социальных аспектов языка. Исследователи могут использовать его для анализа данных о речи различных групп населения, выявляя культурные и социальные факторы, оказывающие влияние на язык. Например, анализируя данные о произношении и употреблении слов в разных социальных группах, можно выделить ключевые факторы, такие как возраст, уровень образования и социальный статус говорящего.

Хотя факторный анализ является перспективным и интересным инструментом, он не лишен ряда недостатков. Например, выбор переменных и интерпретация полученных факторов могут быть субъективными и зависеть от опыта исследователя. Кроме того, факторный анализ требует больших объемов данных для получения надежных результатов, что может быть сложно в условиях ограниченных корпусов текстов.

Тем не менее факторный анализ открывает новые горизонты в лингвистических исследованиях, позволяя исследователям глубже понимать

структуру языка и его использование в различных контекстах. Несмотря на некоторые сложности в использовании, этот метод предоставляет уникальные возможности для анализа и интерпретации языковых данных, что делает его важным инструментом в арсенале лингвистов. В будущем можно ожидать, что с развитием технологий обработки данных и статистического анализа факторный подход будет применяться еще шире, углубляя наше понимание языка.

Подводя итог, следует заметить, что экономические методы, во-первых, позволяют обрабатывать большие объемы данных и выявлять статистически значимые закономерности, что сложно сделать с помощью традиционных количественных методов. Большим плюсом для филологов, не изучавших статистику, является наличие готовых формул для вычисления тех или иных величин [3].

Во-вторых, экономические модели могут помочь исследователям понять сложные взаимодействия между языком и экономическими факторами. Кроме того, применение экономических методов в лингвистике способствует развитию междисциплинарных исследований, что может привести к новым открытиям и инсайтам.

Следует отметить и некоторые сложности в использовании экономических методов лингвистами, а именно: результаты экономического анализа могут быть сложными для интерпретации в лингвистическом контексте, в большей степени ввиду отсутствия у лингвистов знаний по статистике, что может быть исправлено путем введения в учебные планы соответствующей дисциплины.

Библиографические ссылки

1. Бослаф С. Статистика для всех. М. : ДМК Пресс, 2017.
2. Levshina N. How to do Linguistics with R: Data exploration and statistical analysis. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2015.
3. Мухин М. Лексическая статистика и концептуальная система автора. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2010.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОСЛОВИЧНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЯЗЫКА (НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОНД, МАКСИМУМ, МИНИМУМ, ОПТИМУМ, ЭССЕНЦИУМ, ОСНОВНОЙ ФОНД)

Е. Е. Иванов

*Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилев, Беларусь, ivanov_ee@msu.by*

На основании функционально значимых количественных параметров состав пословиц русского языка дифференцируется на «национальный фонд» (своего рода лингвистический конструкт – совокупность всех пословиц, зафиксированных во всех

формах существования за всю историю русского языка), «максимум» (множество пословиц, актуальных для некоторого числа носителей русского языка на данном историческом этапе его развития), «эссенциум» (множество пословиц, актуальных для всех носителей русского языка в данный период его истории) и «основной фонд» (множество пословиц, актуальных для всех носителей русского языка на всем протяжении его исторического развития). Установлено, что внутри «эссенциума» выделяются «минимум» (совокупность наиболее известных и употребительных пословиц) и «оптимум» (множество активных пословиц как основа для определения «минимума»). Доказано, что внутри «основного фонда» выделяется «пословичное ядро» (минимальное количество пословиц, максимально активных в употреблении на всем протяжении исторического развития языка). Обосновано, что определение минимума и основного фонда пословиц русского языка противопоставлено на основании антинормии двух планов анализа языковой системы – диахронического и синхронического.

Ключевые слова: русский язык; пословица; национальный пословичный фонд; максимум; минимум; оптимум; эссенциум; основной фонд.

Объем единиц пословичного состава языка устанавливается, как правило, четырьмя способами. Во-первых, в зависимости от определения объема понятия «пословица» (все единицы, которые квалифицируются как пословицы, входят, по умолчанию, в пословичный состав языка), во-вторых, исходя из фиксации пословиц в паремиографических источниках, в-третьих, на основании выборки пословиц из различных текстовых источников, в-четвертых, по результатам специальных лингвистических экспериментов. В современной паремиологии все шире используется еще один способ – фиксация пословиц в национальном корпусе языка [1].

Первый способ естественным образом либо прямо или косвенно влияет на все другие, либо вытекает из них (всех вместе или порознь). В лингвострановедении, например, объем пословичного состава языка ограничивается, согласно мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, только тем «малым числом пословиц (по подсчетам Г. Л. Пермякова, примерно 800–1500 единиц)», которые «известны повсеместно и активно употребляются в речи» [2, с. 6], поэтому «получают право называться элементами общенародного языка» [3, с. 73]. Второй и третий способы являются взаимно детерминированными, прямо зависят от теоретических взглядов, языковых предпочтений и практических возможностей исследователя, поэтому характеризуются субъективностью и небольшой репрезентативностью. Например, объем пословиц современного русского литературного языка определяется с разницей почти в два раза – от 700 единиц, согласно *«Школьному словарю живых русских пословиц»* (2002) [4] до 1200 единиц, согласно толковому *«Словарю русских пословиц и поговорок»* (1991) [5].

На фоне других способов определения объема пословичного состава русского языка лингвистический эксперимент отличается наибольшей степенью репрезентативности, однако не дает объективных результатов. Самый известный, неоднократно повторенный и модифицированный па-

ремиологами на материале различных языков «паремиологический эксперимент», разработанный Г. Л. Пермяковым для выяснения состава общеизвестных и активно употребительных в речи пословиц и иных устойчивых фраз русского языка [6; 7; 8], неоднократно критично оценивался [9, с. 340; 10; 11; 12, с. 15], в том числе до полного отрицания своих принципов и методики [13, с. 48–51].

Пословичный состав русского языка может быть дифференцирован в диахронии на два количественно противопоставленных множества единиц – «максимум» (актуальный состав) и «эссенциум» (обязательный состав), которые отражают на каждом этапе исторического развития языка, с одной стороны, все пословицы, которые функционируют в русском общенародном языке – «пословичный максимум», а с другой стороны, только те единицы, которые являются известными всем или почти всем носителям русского языка (наиболее известные), употребляются в речи чаще других (наиболее частотные), а также ни территориально, ни социально, ни функционально-стилистически не ограниченные (наиболее массовые) – «пословичный эссенциум».

«Пословичный максимум» нельзя рассматривать количественно равнозначным объему «национального пословичного фонда» русского языка (совокупности всех пословиц общенародного языка на всех этапах и периодах его исторического развития), поскольку «максимум», во-первых, противопоставлен национальному фонду пословиц согласно антиномии двух планов (способов) описания языка – диахроническому и синхроническому, а во-вторых, отражает языковую реальность (актуальный для носителей языка состав паремиологических единиц). «Национальный пословичный фонд» (совокупность всех известных пословиц) общенародного языка нельзя рассматривать как реальное языковое явление, поскольку он не существует в действительности, а создается искусственно в качестве лингвистической модели (является совокупностью всех пословиц, которые никогда не функционировали все вместе одновременно в русском языке).

Так, состав фундаментального сборника *«Большой словарь русских пословиц»* (2010) отражает все известные пословицы (около 70 000 единиц), т. е. «национальный пословичный фонд» русского языка, поскольку собраны из максимального количества различных источников, охватывающих много столетий [14]. В свою очередь, пословицы, которые отражены в таких справочниках, как *«Словарь русских пословиц»* (2007), представляют собой современный «пословичный максимум» русского языка (около 1000 единиц), поскольку все единицы, входящие в данный словарь, зафиксированы в текстовых источниках последнего столетия и подтверждаются речевыми контекстами современного употребления [15].

«Пословичный эссенциум» не совпадает целиком с активным составом пословиц в русском языке, поскольку наиболее известные или функционально не ограниченные единицы не обязательно являются одновременно наиболее частотными. Например, все носители русского языка знают библейские заповеди, ставшие пословицами (*Не сотвори себе кумира; Не убий; Не укради; Не пожелай жены ближнего твоего* и т. д.), однако только одна из этих единиц (*Не сотвори себе кумира*) входит в состав наиболее частотных библейских афоризмов [16, с. 71].

Внутри «пословичного эссенциума» можно выделить множество единиц, которые являются наиболее известными и наиболее массово употребительными в речи. Именно такие пословицы следует, на наш взгляд, квалифицировать как «пословичный минимум» общенародного языка, поскольку такой минимум количественно ограничен только языковым материалом, функционально актуальным в тот или иной (в том числе – новейший) период развития языка, а во-вторых, качественно (содержательно) детерминирован экстралингвистическими факторами (культурными приоритетами эпохи, разнообразными социальными и демографическими катаклизмами, сменой мировоззренческих парадигм в обществе и т. п.).

«Пословичный максимум» можно установить, в свою очередь, как путем последовательной обработки языкового материала (фронтальной выборки из разнообразных текстовых и лексикографических источников, которая на сегодняшний день может быть достаточно быстрой и весьма масштабной, благодаря национальному корпусу русского языка), так и экспериментальным путем (посредством опроса большого количества носителей языка). Второй путь представляется мало осуществимым вследствие технической сложности (хотя в настоящее время массовый характер информационных технологий значительно упрощает его процедуру). В свою очередь, точный объем «пословичного эссенциума» можно установить только экспериментальным путем, поскольку главным показателем обязательности функционирования пословиц как единиц языка является их широкая известность, определить которую невозможно без обращения к языковой компетенции носителей языка.

«Пословичный минимум» определяется по той же причине только экспериментальным путем. Однако выяснилось, что общего для всех «пословичного минимума», т. е. минимума пословиц для всех носителей русского языка, видимо, не существует, поскольку если «наложить» «русский паремиологический минимум», полученный Г. Л. Пермяковым, на состав словарей русских пословиц, то «следует констатировать их разительное несоответствие» [17, с. 15]. Например, в «минимуме» Г. Л. Пермякова не нашлось места для таких общеизвестных и широко распространенных

в речи русских пословиц, как *В чужой монастырь со своим уставом не ходят*; *Пар костей не ломит*; *Ворон ворону глаз не выклюет* и т. п.

В современной паремиологии активно ведутся поиски альтернативы пословичному минимуму. Наиболее значимыми среди них можно считать предложенные независимо друг от друга концепции «пословичного оптимума» [18] и «основного пословичного фонда» [11].

Пословичный оптимум, согласно П. Дюрчо, представляет собой «всеобщее известную часть пословичного фонда конкретного языка» и может быть выделен на основе специально разработанной методики из 5 шагов: шаг 1 – анализ паремий, зарегистрированных в современных и исторических словарях и сборниках, дополненный сравнением и регистрацией пословичной неологик; шаг 2 – «экспертная» редукция паремиологического материала силами лингвистов, этнологов и лексикографов с точки зрения современного языка для выделения базы, служащей в дальнейшем целям исследования методом опросов; шаг 3 – опрос на «приемлемость» выделенной базы с помощью теста компетенции (необходимое число участников опроса можно обеспечить применением on-line анкеты и опросом через интернет); шаг 4 – корпусный анализ частотности употребления паремий из редуцированного списка; шаг 5 – определение «пословичного оптимума как корреляции между наиболее употребимыми/знакомыми паремиями в разговорном языке и наиболее частотными в базе корпуса» [1, с. 15]. Цель выделения пословичного оптимума состоит в том, что он «может стать основой для дальнейшего выделения различных паремиологических минимумов, например в целях изучения как родного, так и иностранного языка» [1, с. 16].

Следует отметить, что поиски «оптимума», безусловно, значительно объективизируют дальнейшее определение пословичного минимума, но остаются в значительной степени субъективными, поскольку зависят от языковой компетенции как самих лингвистов в качестве «экспертов» (шаг 2), так и современных носителей языка (шаг 3). В этом смысле методика определения «оптимума» является модернизированной методикой «паремиологического эксперимента» Г. Л. Пермякова (который, конечно, использовал бы в своем эксперименте и информационные технологии в анкетировании, и корпусный анализ, если бы это было возможно в его время). Это означает, что «оптимум», как и «минимум», является частью «эссенциума», т. е. результатом диахронического анализа пословичного состава языка.

Сущность определения «основного пословичного фонда» состоит в отказе от диахронического подхода к дифференциации пословичного состава языка. Так, если взглянуть на пословицы в синхроническом аспекте, то можно выделить довольно заметное количество единиц, употребление которых фиксируется еще в ранние периоды исторического развития

русского языка, а их содержание и лексико-грамматическая организация сохраняются без существенных изменений в течение многих столетий. Такие единицы являются общеизвестными и продолжают активно употребляться в настоящее время. Так, каждая десятая пословица в нормативном толковом «*Словаре русских пословиц и поговорок*» (1991) В. П. Жукова отражена в рукописном сборнике русских пословиц XVII в. [19, с. 73–162]. Совокупность таких единиц и составляет «основной пословичный фонд» в русском языке. Такие пословицы находятся вне исторической динамики языка и могут рассматриваться (с определенной условностью) как языковая константа.

При последовательном «наложении» друг на друга «минимума» и «основного фонда» можно выделить минимальное количество пословиц, которые максимально долго функционируют в языке. В этом смысле «основной фонд» целесообразно рассматривать как полевую структуру, внутри которой можно выделить ядро (пословицы, которые являются неотъемлемой частью русского языка на всем протяжении его истории) и периферию (пословицы, которые имеют различную функциональную активность в разные периоды истории русского языка, включая настоящее время). Ядро и периферия в составе основного пословичного фонда не являются замкнутыми множествами единиц. В разные периоды развития русского языка одни пословицы в составе ядра и периферии основного фонда сменяют другие, при этом ядро никогда полностью не обновляется, иначе трудно объяснить наличие пословиц, которые фиксируются в письменных текстах на протяжении столетий в одной и той же форме (сохраняют свой лексический состав и грамматическую организацию).

Библиографические ссылки

1. Дюрчо П. Паремнология и корпусная лингвистика // Вестник НовГУ им. Ярослава Мудрого. Сер. «Филол. науки». 2014. № 77. С. 13–17.
2. Костомаров В. Г., Верещагин Е. М. О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческом учебном словаре // Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения : словарь. М. : Русский язык, 1988. С. 4–17.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Национально-культурная семантика языковых афоризмов // Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М. : Русский язык, 1990. С. 71–80.
4. Мокиенко В. М. Школьный словарь живых русских пословиц. СПб. : Нева, 2002.
5. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М. : Русский язык, 1991.
6. Пермяков Г. Л. Паремнологический эксперимент: материалы для русского паремнологического минимума: 1500 русских пословиц, поговорок, загадок, примет и других народных изречений, наиболее распространенных в живой разговорной речи. М. : Наука, 1971.
7. Пермяков Г. Л. К вопросу о паремнологическом минимуме языка (на материале русских народных изречений) // Основы структурной паремнологии. М. : Наука, 1988. С. 143–169.
8. Permiakov G. L. On the Question of a Russian Paremiological Minimum // Proverbium. 1989. Vol. 6. Pp. 91–102.
9. Крикман, А. Паремнологические эксперименты Г. Л. Пермякова // Малые формы фольклора. М. : Восточная литература, 1995. С. 338–382.

10. Иванов Е. Е. О «паремиологическом минимуме» и «основном паремиологическом фонде» русского языка // *Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-bałto-wschodniosłowiańskich*. 2002. Т. VIII. S. 87–93.

11. Иванов Е. Е. «Основной паремиологический фонд» русского языка и его соотношение с «паремиологическим минимумом» // *Мир русского слова и русское слово в мире* : в 7 т. София : Heron Press, 2007. Т. 2. С. 152–156.

12. Мокиенко В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // *Мир русского слова*. 2010. № 3. С. 6–20.

13. Иванов Е. Е. Паремиологический минимум и основной паремиологический фонд // *Паремиология в дискурсе*. М. : URSS : Ленанд, 2015. С. 48–66.

14. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010.

15. Словарь русских пословиц / под ред. В. М. Мокиенко. М. : Астрель : АСТ, 2007.

16. Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / Д. Балакова [и др.]. Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2014.

17. Мокиенко В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // *Мир русского слова*. 2010. № 3. С. 6–20.

18. Ďurčo P. Paremiologické optimum slovenčiny // *Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków*. Opole: Uniwersytet Opolski, 2007. S. 171–177.

19. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столѣтій. Вып. 1 (I-II) / собрал П. К. Симони. СПб., 1899.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ КАК ОБОБЩЕННОЕ ИМЯ РАЗНЫХ СКАЗОЧНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ

В. И. Коваль

*Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
ул. Советская, 104, 246028, г. Гомель, Беларусь, vlad-kov@mail.ru*

В статье на основе анализа аутентичных фольклорных текстов, представленных в сборнике А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки», выявляются различные типы сказочных героев, имеющих общее для них имя – *Иван-царевич*. Определяются основные психотипы сказочного героя: смелый воин и мужественный змееборец; Иван-царевич в окружении чудесных помощников; Иван-царевич, вызывающий сочувственное отношение; Иван-царевич как персонаж «сказок для взрослых». Устанавливается, что в различных сказочных текстах Иван-царевич обладает набором различных – как положительных, так и отрицательных – качеств. Делается вывод о том, что «разнохарактерность» образа Ивана-царевича служит проявлением в поступках младшего царского сына его противоречивого, «земного», понятного людям статуса. Определяется круг опорных слов и словосочетаний, которые используются для создания разных образов популярного героя сказок.

Ключевые слова: Иван-царевич; сказочный текст; герой-змееборец; чудесные помощники; предательство; обман.

Сказочный антропоним *Иван-царевич*, являющийся «феноменом русской культуры» [1, с. 42], устойчиво соотносится в нашей культурной па-

мяти прежде всего с мультфильмом «Царевна-лягушка» (сценарий М. Вольпина, 1954 г.), в котором этот персонаж вначале вызывает сочувствие (в жены ему достается лягушка, из-за чего он становится объектом насмешек старших братьев), потом – осуждение (он совершает опрометчивый поступок, сжигая лягушачью кожу), но в дальнейшем – лишь одобрение и восторг, поскольку Иван-царевич совершает множество благородных поступков и мужественных подвигов, побеждая Кощея и освобождая Василису Прекрасную. Идеализация этого образа опирается на его архетипический характер: «Иван Царевич – мифологизированный архетип главного героя русских народных сказок. Его деяния – образец достижения наивысшего успеха, что очевидно уже из самой семантики данного архетипа: *Иван* – обычный человек, *Царевич* – наивысший (после Царя) социальный статус» [2, с. 42]. Эти в целом позитивные представления об Иване-царевиче дополняются классической картиной В. М. Васнецова «Иван-царевич на Сером Волке» (1899 г.), где герой изображен в богатой царской одежде, сидящий верхом на волке и держащий в объятиях Елену Прекрасную.

Вместе с тем названные «культурные стимулы» дают основание предположить, что перед нами все же не один и тот же, а несколько разные типы одного и того же сказочного героя. Обращение к наиболее авторитетному собранию аутентичных сказок – сборнику А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» – позволяет выявить и дать краткую характеристику различным типам персонажей, носящих имя *Иван-царевич* и представленных набором разных языковых средств.

1. Иван-царевич – смелый воин и мужественный змееборец – в ряде сказочных сюжетов является воплощением сугубо мужских, рыцарских качеств: преодолевая множество препятствий и постоянно рискуя своей жизнью, он освобождает мать, царевну и царицу. Так, в сказке «Кощей Бессмертный» [3, с. 285–288] Иван-царевич отправляется на поиски матери, которую унес Кощей Бессмертный. После серии опасных испытаний герой убивает Кощея и вместе с матерью и освобожденной царской дочерью – своей невестой – отправляется домой.

В зачине сказки «Три царства – медное, серебряное и золотое» [3, с. 189–195] Иван-царевич вместе с двумя старшими братьями отправляется на поиски матери – царицы Настасьи золотой косы, которую унес демонический Вихрь. Проявляя смелость, находчивость и самоотверженность, герой последовательно проходит три царства – медное, серебряное и золотое, где живут царица Елена Прекрасная и ее сестры, сражается с Вихрем и побеждает его, освобождая мать – царицу Настасью и вступая в брак с Еленой Прекрасной. При этом Иван-царевич проявляет великодушные по отношению к предавшим его старшим братьям: «Царь хотел

было старших сынов расказнить за их неправду, да *Иван-царевич упросил, и вышло им прощение*» [3, с. 195] (здесь и далее курсив мой. – В. К.).

В сказке «Марья Моревна» [5, с. 300–305] Иван-царевич сражается с Кощеем как с соперником, похитившим не его невесту, а молодую жену Марью Моревну – богатырку, способную победить в одиночку огромную вражескую рать. Отношения между ними развиваются по неожиданному сценарию: Марья Моревна сразу предлагает Ивану-царевичу отдохнуть у нее еще до свадьбы: «Коли дело не к спеху, *погости у меня в шатрах* <...> Иван-царевич тому и рад, *две ночи в шатрах ночевал, полюбился Марье Моревне* и женился на ней» [3, с. 301]. В дальнейшем отношения между молодыми супругами получают еще более неожиданное развитие, заключающееся в кардинальной смене гендерных стереотипов: «Пожили они вместе сколько-то времени, и вздумалось королевне на войну собираться; покидает она на Ивана-царевича всё хозяйство и приказывает...» [3, с. 301]. Однако Иван-царевич, оставленный женой «на хозяйстве», совершает опрометчивый поступок, из-за чего на свободе оказывается Кощей Бессмертный, который похищает саму отважную воительницу. Сказочный герой отправляется на ее поиски и после долгих приключений расправляется с Кощеем, возвращаясь в свое царство вместе с Марьей Моревной.

2. Иван-царевич и его чудесные помощники. В сказках этого типа Иван-царевич в значительной степени утрачивает героический ореол рыцаря-змеборца: он не только пассивен, но и нередко совершает спонтанные, ошибочные поступки, хотя и проявляет доброту и сочувствие к другим людям. Одновременно на стороне Ивана-царевича активно действуют чудесные помощники, обладающие именно теми качествами, которых недостает сказочному герою в критических ситуациях. Так, в сказке «Кощей Бессмертный» [3, с. 295–300] Иван-царевич отправляется искать свою невесту Василису Кирбитьевну и во время странствий из жалости выручает человека, которого жестоко избивают на площади. Спасенным оказывается Булат-молодец, который, несмотря на явную оплошность Ивана-царевича (он заснул в карауле, из-за чего Кощей похитил Василису Кирбитьевну), не только помогает ему найти невесту, но и, проявляя хитрость и огромную физическую силу, убивает Кощея. По пути домой Булат-молодец узнает о предстоящих кознях сестер убитого Кощея, спасает Ивана-царевича и его невесту от смерти.

Таким же – добрым и проявляющим сочувствие к другим людям – изображен Иван-царевич в сказке «Королевич и его дядька» [3, с. 166–170]: он освобождает находящегося в заключении Никанора-богатыря, за что царь наказывает своего сына изгнанием. В дальнейшем царский сын утрачивает свой высокий социальный статус: терпя лишения, он вынужден

стать пастухом и царским поваром, одновременно решая судьбу царской дочери, за которую поочередно сватаются трехглавый, шестиглавый и двенадцатиглавый змеи. Никанор-богатырь с участием Ивана-царевича расправляется с врагами, после чего сказочный герой вновь становится царевичем и женится на царской дочери.

Еще более сложную задачу решает главный герой «Сказки об Иване-царевиче, жар-птице и сером волке» [3, с. 331–343], который стремится добыть прекрасную королеву Елену, золотогривого коня и жар-птицу. В пути он встречает серого волка, который в дальнейшем становится его верным помощником. Отдыхающего после тяжелых испытаний героя убивают его старшие братья, решившие присвоить себе его победу. Но в результате все заканчивается благополучно: Ивана-царевича с помощью мертвой и живой воды возвращает к жизни серый волк, верхом на котором он возвращается домой и женится на королевно Елене.

3. Иван-царевич, вызывающий сочувственное отношение. Такой – еще более «сниженный» образ Ивана-царевича представлен, как правило, в сказках, в которых на героя оказывают негативное влияние коварные и злобные противники, а сам он оказывается жертвой обмана и интриг. Такие мотивы позволяют условно отнести подобные сказки к числу текстов, отражающих преимущественно «женскую» картину мира, в которую стереотипно «укладывается» образ постоянно плачущего Ивана-царевича, из-за чего степень пассивности главного героя в этих текстах значительно возрастает по сравнению с вышерассмотренными сказочными сюжетами.

В зачине сказки «Ведьма и Солнцева сестра» [3, с. 110–112] немой от рождения Иван-царевич, узнав, что у его матери вскоре родится дочь – страшная ведьма, которая «съест и отца, и мать, и всех подначальных людей», предусмотрительно отправляется «куда глаза глядят». По дороге в неизвестность Иван-царевич встречает своих будущих помощников – старых швей, Вертодуба и Вертогора – и эмоционально реагирует по поводу ситуаций, в которой они оказались: «Иван-царевич заплакал и поехал дальше», «пуще прежнего заплакал царевич и поехал все дальше», «залился Иван-царевич горькими слезами и поехал еще дальше». Оказавшись у Солнцевой сестры, Иван-царевич снова плачет от охвативших его горестных чувств: «Взойдет, бывало, на высокую гору, посмотрит на свой дворец и видит, что все съедено, только стены остались! *Вздохнет и заплачет*» [3, с. 111]. Вернувшись домой, он спасается от родной сестры-ведьмы, которая хочет его съесть, но на стороне героя – его помощники и подаренные Солнцевой сестрой предметы-обереги. В финале сказки Иван-царевич остается жить у Солнцевой сестры.

Таким же «пассивно-подчиненным» представлен Иван-царевич и в сказке «Царевна-лягушка» [4, с. 260–263], сюжет которой вначале разви-

вается по сценарию упомянутого мультфильма. Иван-царевич становится предметом насмешек со стороны окружающих, и от испытываемых переживаний он вновь ведет себя явно не по-мужски – плачет: «Те братья были веселы и радостны, а Иван-царевич призадумался, заплакал: «Как я стану жить с лягушкой? Век жить – не реку перебрести или не поле перейти!» *Поплакал-поплакал*, да нечего делать – взял в жены лягушку». Сомневаясь в способностях лягушки сшить рубашку, «Иван-царевич опять призадумался, плачет»; перед балом, на котором невестки царя должны были танцевать, *«заплакал навзрыд наш Иван-царевич»* [4, с. 260–261]. Отправившись на поиски Елены Прекрасной, Иван-царевич не преодолевает каких-либо преград и тем более не вступает в физическое единоборство с противниками (фактически они отсутствуют), а, находясь в тридесятом царстве, лишь правильно, осмотрительно себя ведет, выполняя предписания известных ему ритуалов: он произносит адресованное стоящим в лесу избушкам нужное заклинание и уважительно разговаривает с их обитательницами – старухами, точно выполняя их советы. В итоге Иван-царевич и Елена Прекрасная на ковре-самолете улетают к себе домой. Показательна при этом роль «ведомого» в финале сказки, где инициатором приобретения волшебного «транспортного средства» становится не сказочный герой, а его жена: «Елена Прекрасная взяла ковер-самолет у старухи, и понеслись они, как птицы полетели» [4, с. 263]. Персонажи, таким образом, словно меняются местами: если на картине В. М. Васнецова ситуация представлена в соответствии с традиционными ролями мужчины и женщины – вооруженный мечом Иван-царевич верхом на Волке увозит из тридесятого царства грустную и испуганную Елену Прекрасную, то в рассмотренном сказочном тексте все происходит «с точностью до наоборот»: находившаяся долгие годы в заточении Елена Прекрасная забирает из тридесятого царства своего мужа и возвращается с ним домой.

4. Иван-царевич – персонаж сказок «для взрослых». Особое место среди сказочных текстов, главным героем которых является Иван-царевич, занимают сказки, в сюжетах которых просматриваются явные любовно-эротические и семейно-брачные мотивы. Такова «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» [3, с. 358–360], в которой Иван-царевич, как и его братья, подвергаются откровенному женскому искушению. Отправленные царем на поиски живой воды и сладких молодежавых яблок, старшие братья Ивана-царевича встречают на своем пути девицу, которая предлагает им лечь рядом с ней на краю постели, а когда они, не задумываясь о последствиях, ложатся на постель, она их сталкивает «неведомо куда».

Иван-царевич избирает другой, связанный с риском для жизни путь и достигает покоев, в которых живет хранительница молодежавых яблок и жи-

вой воды – Белая Лебедь Захарьевна. Убедившись в том, что девушка «крепко спала, на пуховой на постели разметалась», Иван-царевич, воспользовавшись ситуацией, совершает откровенно аморальный поступок: он не только похищает живую воду и молодильные яблоки, но и вступает в связь со спящей девушкой: «Он взял воды, поцеловал девицу и *пошутил с ней негораздо*; потом, набравши моложавых яблоков, поехал назад» [3, с. 359]. По дороге домой Иван-царевич оказывается в доме у девицы, которая пытается его соблазнить (как до этого – его братьев), но он, предложив ей сначала лечь самой, сбросил ее с ложа, и «девица полетела неведомо куда». В финале сказки Белая Лебедь Захарьевна отвергает пришедших к ней старших братьев Ивана Царевича, а в Иване-царевиче признает отца своих детей.

По сходному сценарию развиваются события и в сказке «Иван Запечный» [3, с. 362–364]. Попав в Дивье царство, Иван-царевич (он же – Иван Запечный) добывает для своего отца – царя Ефимьяна – «живую и молодую воду», но перед отъездом, увидев спящую царь-девицу, совершает греховный поступок, суть которого в тексте сказки аллегорически передана через мотив обмена перстнями: «И удумал *сменяться с ней именными перстнями*: ее перстень взял себе, а свой перстень ей отдал» [3, с. 362].

Как бы в оправдание бесчестного поступка героя в сказке показано его благоразумное поведение, заключающееся в его отказе от случайной «легкой связи»: встретившись по дороге домой с ведьмой *Ириной мягкой периной*, которая его «напоила-накормила, на пуховик спать повалила», Иван-царевич решительно расправляется с коварной соблазнительницей: «Царевич ее подхватил под середку и прошиб сквозь пол, и *улетела Ирина мягкая перина в погреб*» [3, с. 363].

Проснувшаяся царь-девица посылает за сбежавшим Иваном-царевичем погоню, но, не настигнув его, сама прибывает в Ефимьянское царство вместе со своими двумя сыновьями, которые «от Ивана-царевича родились», и пишет царю Ефимьяну письмо с категорическим требованием «Поддай виновного человека!» Как и в предыдущем тексте, царь-девица отвергает старших царевичей, а в пришедшем к ней в простой одежде Иване-царевиче, который, направляясь к ней, не без оснований чувствует себя виноватым и готовится к худшему («Видно, моя вина, нужна и моя голова»), узнает отца своих детей, прощает его, выходит за него замуж и уезжает с Иваном-царевичем в Дивье царство.

Приведенный материал, далеко не в полной мере представляющий сказочные сюжеты, главным героем которых является Иван-царевич, убеждает в том, что в народном сознании младший сын царя в значительной мере «очеловечивается», наделяется рядом положительных и негативных качеств, в том числе – способностью к нечестности и обману. «Даже

в волшебных сказках, – отмечал В. Я. Пропп, – идеализированный герой-царевич очень часто добивается своих целей путем обмана» [5, с. 101]. Сказка, однако, в любом случае стремится к показу в характере Ивана-царевича таких простых и понятных качеств, как доброта, сопереживание, непосредственность, самоотверженность, способность к гармоничным отношениям с окружающими.

Библиографические ссылки

1. Татарникова О. Н. Антропоним *Иван* как объект лингвокультурологического анализа волшебных и новеллистических сказок // Мир русского слова. № 4. 2015. С. 38–42.
2. Чернышов А. В. Архетипы древности в русской культурной традиции // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Социология. Психология. Философия. 2010. № 1. С. 349–356.
3. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В трех томах. Т. 1. Издание подготовили Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М. : Наука, 1984.
4. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В трех томах. Т. 2. Издание подготовили Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М. : Наука, 1985.
5. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М. : Наука, 1976.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА КАК ОСНОВА «МНОГОПОЛЮСНОСТИ» СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. А. Матюнова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kozhevnikova_ant@mail.ru*

В настоящей статье объясняются «многополюсность» современного языкознания множественностью исследовательских задач в рамках лингвистической семантики. Обозначены ключевые направления современного языкознания, становление которых обусловлено необходимостью решения задач по построению и интерпретации текстов естественного языка; по созданию текстов при помощи искусственного интеллекта; по распознаванию текстов при машинном переводе; по установлению семантических связей при составлении поисковых запросов.

Ключевые слова: семантика; ономазиология; семасиология; когнитивная лингвистика; лингвокультурология; компьютерная лингвистика; искусственный интеллект; компьютерная лексикография.

Русское языкознание начала XXI в. – сложная наука с богатой историей и огромным багажом нерешенных проблем особенно в области прикладной лингвистики. В отличие от XIX в., когда главенствовало сравнительно-историческое языкознание, XX в., когда определяющую роль играла структурная, формальная лингвистика, в лингвистике XXI в. нет определяющей лингвистической концепции и единого метода исследова-

ния. Ю. С. Степанов так определяет современное состояние науки о языке: «Теоретическая лингвистика входит в новый век многополюсной дисциплиной» [1, с. 5].

Конец XX в. и XXI в. обозначили основной вектор лингвистических исследований: это исследование текста на естественном языке, его смысла, закономерностей его построения, логические связи на уровне текста. Несмотря на то что любой текст имеет четкую формальную структуру, создается он прежде всего для передачи информации, поэтому в конечном счете имеет семантическую мотивировку. Именно поэтому любой современный специалист, работающий с текстом (не только и не столько лингвист), должен разбираться в том, что представляет собой та или иная информация, какой смысл закодирован при помощи тех или иных языковых средств, как интерпретировать те или иные семантические построения.

Вся многополюсность языкознания (не только русского) так или иначе основывается на многообразии современных текстов и неединственности интерпретации их содержания. Это обусловлено сложностью определения предмета семантики как научной дисциплины, поскольку на вопрос о том, что есть значение языкового выражения, нет однозначного ответа. К исследованию этой проблемы обращалась И. М. Кобозева в своих работах по общей и русской синтаксической и лексической семантике, анализу художественного текста, дискурсу.

В данной статье ставится цель выявить некоторые наиболее актуальные «полюсы» современного языкознания, становление которых связано с развитием семантических методов исследования. Границы семантики обозначил А. Е. Кибрик: «К области семантики (в широком смысле) относится вся информация, которую имеет в виду говорящий при развертывании высказывания и которую необходимо восстановить слушающему для правильной интерпретации этого высказывания» [2, с. 25]. Таким образом, понимание семантики очень широко: семантика пронизывает все уровни языка. Исследователи лингвистической семантики видят основной своей задачей установление объема содержания понятий «значение», «смысл», определение структуры смыслового строя языка, установление логических особенностей построения текста; актуальными являются исследования в области именования явлений окружающего мира и т. д.

Исследования, как правило, проводятся в рамках двух направлений в семантике – ономазиологии и семасиологии. Ономазиологический способ рассмотрения языковых явлений предполагает, что говорящий переводит внеязыковое содержание в языковую форму, которую выбирает самостоятельно, исходя из своих когнитивных предпочтений. Семасиологический подход в первую очередь ориентирован на речевую деятельность слушающего, который воспринимает языковую форму и соотносит ее

с тем или иным внеязыковым содержанием. Адекватная оценка семантики языкового факта (лексического, синтаксического и др.) возможна при анализе потенциала его функционирования, т. е. функции. Таким образом, современные исследования в области семантики русского языка рассматривают любой языковой факт в триединстве его формы, содержания и функции. Особенно ярко это прослеживается в работах ученых по функциональной грамматике (А. В. Бондарко, Г. В. Золотова, Т. Н. Волюнец и др.).

Истоки современных семантических исследований восходят к античной проблеме присвоения имени предметам окружающего мира. Древнегреческий философ Гераклит пишет о том, что восприятие вещей определено их природой, именно природа создает имя. Задача избранных – открыть истинное имя, которое постоянно прячется от людей. Свою концепцию «отприродности» имени Гераклит подтверждает тем, что люди не могут произвольно менять названия вещей, проклятия и молитвы действуют на названных в них людей, поскольку их имена связаны с их природой. По мнению Гераклита, при произвольном именовании явлений последним присваиваются неправильные имена. Против «отприродности» имени выступал другой древнегреческий философ Демокрит, считавший, что имена даются произвольно. Обе точки зрения в дальнейшем развивали Платон и Аристотель. Для Платона определяющую роль в присвоении имени играют идеи – нематериальные сущности, Аристотель же говорил, что идеи существуют в материи, и выступал за эмпирическое познание мира. По учению Аристотеля, идея – только форма, охватывающая материю, из которой образуется предмет. Платон основывался на умозрительных заключениях, Аристотель – на рациональной логике. Взгляды Платона и Аристотеля в эпоху Средневековья реализовались в споре реалистов и номиналистов.

Становление и развитие ономаσιологического направления в Европе связано с грамматикой Пор-Рояля, деятельностью Р. Декарта и других мыслителей, которые пытались найти и объяснить рациональные начала, положенные в основу языка.

В XIX в. большой интерес вызывают семасиологические исследования, что связано с развитием сравнительно-исторического языкознания. Наиболее крупной фигурой в мировом языкознании того времени, безусловно, является В. фон Гумбольдт. Ключевой для себя вопрос о соотношении языка и речи Гумбольдт решал в русле ономаσιологического подхода. Однако ономаσιологические категории он выделял при помощи семасиологического анализа, обращая внимание на структурно-семантические различия между языками. Источник языкового своеобразия В. Гумбольдт видел в особом отношении к языку со стороны народа, говорящего на нем. Цель ученого – показать, как отразилась в структуре то-

го или иного языка особый взгляд на мир того или иного народа. Его классификация языков решала в большей степени ономаσιологические, а не семасиологические задачи: «Через описание формы мы должны установить тот специфический путь, которым идет к выражению мысли язык, а с ним и народ, говорящий на этом языке» [3, с. 73].

В истории русского языкознания проблемами именования, исследованием внутренней формы слова занимался А. А. Потебня. Он исследовал внутреннюю форму слова, а также связь между мышлением и языком, что стало фундаментом для развития ономаσιологии и когнитивной лингвистики.

В XIX в. интерес к ономаσιологическим исследованиям спадает. В это время на передний план выдвигается семасиологическая грамматика, что было обусловлено развитием сравнительно-исторического языкознания. Семасиологическое направление сохраняло лидирующее положение в грамматике и в XX в. в трудах структуралистов.

Наиболее известные значимые исследования в области ономаσιологии в XX в. представлены в трудах Ш. Балли, О. Есперсена, В. Матезиуса, Г. Гийома и др. Ономаσιологические исследования семантики разноуровневых языковых единиц в настоящее время являются более актуальными, поскольку принципы ономаσιологического описания языковых фактов разных уровней разработаны в меньшей степени, чем основы семасиологического описания.

Вопросами семантики на сегодняшний день активно занимаются М. Э. Рут, А. К. Матвеев, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, В. Г. Гак, А. А. Уфимцева, А. В. Суперанская, И. Э. Ратникова, Т. Г. Трофимович и многие другие исследователи.

Первый «полюс» современного языкознания связан с дискуссией вокруг понятия «языковой смысл», восходящей еще к работам А. А. Потебни. Здесь стоит вспомнить работы А. Вежбицкой, Ю. Д. Апресяна, Н. Ю. Шведовой, С. Аскольдова, Д. С. Лихачева и др. Поиски ответов на вопросы, что такое языковой смысл и какова структура смыслового строя языка, осуществляются в рамках когнитивной лингвистики – направления в языкознании, которое занимается изучением взаимосвязи языка и сознания, а также роли языка в категоризации мира. Исследования в области когнитивной лингвистики основываются на методах семантического анализа. Основные цели когнитивной лингвистики включают описание того, как язык отражает и формирует познавательные процессы, а также анализ механизмов, с помощью которых язык помогает структурировать человеческий опыт. В рамках когнитивной лингвистики описываются концептосфера русского языка и составляющие ее концепты, язы-

ковая картина мира (индивидуальная, групповая, национальная и др.), разрабатываются теоретические модели, способствующие объяснению языковых явлений в их связи с когнитивными процессами на конкретных языковых примерах, осуществляется описание смыслового строя русского языка, создаются словари русского языка различного типа и назначения, отражающие русскую языковую картину мира или ее фрагменты.

В Европе развитие когнитивной лингвистики связано с именами таких ученых, как Дж. Лакофф и Р. Лэнгакер, которые развивали концепцию когнитивной грамматики. В России и Беларуси к представителям когнитивной лингвистики можно отнести таких ученых, как Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Н. Н. Болдырев, В. В. Петров, З. Д. Попова и И. А. Стернин, С. М. Прохорова, В. А. Маслова и др. Эти исследователи внесли значительный вклад в изучение таких аспектов, как когнитивная семантика, концепты, фреймы, скрипты, сценарии и дискурс.

Второй важнейший «полюс» современного языкознания – это изучение проблем перевода. Переводческая деятельность является неотъемлемой частью межкультурного общения и научного обмена. Особое внимание в исследованиях уделяется лексико-семантическим, грамматическим и стилистическим проблемам перевода, а также способам решения конкретных переводческих задач. Л. С. Бархударов, Н. Галь, Я. И. Рецкер, А. Д. Швейцер и др. внесли значительный вклад в развитие теории перевода. В условиях Беларуси актуальной является проблема переводов с близкородственных языков, в частности, с русского на белорусский и наоборот. В данном случае исследователи (И. С. Ровдо, В. Д. Стариченок и др.) обращают внимание на тонкие различия в лексике, грамматике, культурные контексты, описывают национально-специфическую лексику и реалии. Подобный подход требует от переводчика знаний языка и понимание культурных особенностей страны. В рамках теории перевода актуальным направлением стала лингвокультурология, занимающаяся изучением взаимосвязей между языком и культурой, исследованием того, как язык отражает культурные концепты, категории и метафоры.

Третий важный «полюс» современного языкознания – компьютерная лингвистика. Данное направление, используя современные технологии, занимается обработкой естественного языка и созданием языковых моделей для компьютеров. На развитие и цели компьютерной лингвистики в последние десятилетия активно влияет искусственный интеллект. Именно в этой области существует множество направлений, которые сегодня нуждаются в исследователях. Одно из ключевых направлений – разработка и улучшение алгоритмов машинного обучения для обработки естественного языка, что включает в себя понимание, генерацию и перевод

текста. Важным направлением в области компьютерной лингвистики и искусственного интеллекта является также создание и совершенствование языковых моделей, способных анализировать, интерпретировать и создавать человеческий язык на уровне, сопоставимом с естественным восприятием. Исследования в этой области включают разработку стандартов оценки систем обработки естественного языка, таких как General Language Understanding Evaluation (GLUE), русскоязычный аналог Russian SuperGLUE, которые помогают улучшить понимание машинами естественного языка, что способствует созданию более точных и эффективных синхронных переводчиков, без которых сложно обойтись в современном мультикультурном мире. Значимую роль в создании синхронных переводчиков играют исследования в области распознавания и синтеза речи, совершенствование алгоритмов воспроизведения и восприятия человеческой речи.

Другое значимое направление современной компьютерной лингвистики – это семантический анализ и извлечение информации, которое помогает системам определять смысловые отношения в текстах и извлекать из них релевантные данные. Это направление тесно связано с развитием технологий информационного поиска.

Еще один важный «полюс» современного языкознания – лексикография. В условиях развития искусственного интеллекта уместнее говорить о компьютерной лексикографии, поскольку в последнее время актуальным становится создание электронных словарей и объемных баз данных лингвистической информации (например, проект диалектологического атласа, включающий в себя данные полевых исследований за несколько десятилетий, или система «Лексикограф» – семантический словарь, представленный в виде базы данных). Информация из этих баз данных может быть использована при создании электронных приложений.

Важной прикладной задачей компьютерной лингвистики является компьютерное обучение языкам с помощью специальных программ и приложений. Это направление включает в себя разработку образовательного контента и создание систем, помогающих подстраиваться под индивидуальные потребности учащихся.

Таким образом, современное русское языкознание характеризуется разнообразием подходов и направлений. Одним из ключевых направлений остается структурализм, который анализирует язык как систему знаков и их взаимоотношений. Вместе в тем получали развитие новые направления в лингвистике, основанные на анализе лингвистической семантики единиц разных языковых уровней, а именно: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, компьютерная лингвистика, функциональная грамматика, теория перевода. В последние годы часто говорят о лингвистическом про-

гнозировании, которое занимается предсказанием развития языковых явлений.

Библиографические ссылки

1. Степанов Ю. С. Теоретическая лингвистика входит в новый век многополюсной дисциплиной // Вопросы филологии. 1999, № 3.
2. Кибрик А. Е. очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М. : МГУ, 1992.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 2000.

ЭФЕМИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В МЕДИАТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В. А. Новоселова

*Петрозаводский государственный университет,
пр. Ленина, 33, 185910, г. Петрозаводск, Россия, Республика Карелия, novosita@mail.ru*

Исследование выполнено в русле медиалингвистики, базовой дискурсивной дискретной единицей которой является медиатекст. Актуальность темы диктуется интенсивным развитием массовых коммуникаций в медиасфере и экспрессивизацией языка политического дискурса. В ряду выразительных средств, эффективно воздействующих на массовую аудиторию, одно из заметных мест принадлежит фразеологическим эфемизмам. Интенциональные фразеологические субституты в образной форме не только интерпретируют негативные политические реалии, находящиеся в фокусе социального внимания, но и формально позитивируют стигматичность денотата, преуменьшают или вуалируют истинность высказывания, при этом сохраняя смысловую связь с исходным значением, известным адресату. Цель представленного исследования – описать фразеологизмы, употребляемые в медиатекстах политического дискурса, в проекции на их эфемистическую функцию. Эмпирическим материалом послужили публикации информационно-аналитического характера, размещенные на страницах периодических изданий и информационных агентств.

Ключевые слова: политический дискурс; медиатекст; социальный эфемизм; фразеологизм; экспрессема.

Политический дискурс как многомерный социальный феномен вызывает закономерный лингвистический интерес. Средством общения в указанной сфере человеческой деятельности является политический язык. Это «инструмент, с помощью которого формируются социальные и политические идеалы, ценности и нормы, устанавливается контакт между структурами власти и гражданами» [7, с. 305].

Е. И. Шейгал под политическим языком понимает «любые речевые образования, <...> содержание которых относится к сфере политики» [10, с. 20]. Таким образом, актами политического дискурса являются официальные документы, речи политиков и государственных деятелей, медиатексты политической тематики.

Следует отметить, что вопрос о квалификации политического дискурса до настоящего времени остается открытым. Например, известный нидерландский лингвист Т. А. Ван Дейк ограничивает это понятие только деятельностью профессиональных политиков [1, с. 26].

В публикации Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова политический дискурс рассматривается как «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы», необходимые для понимания содержания медиаречи [3, с. 8].

Согласно определению Т. Г. Добросклонской, медиатекст – это «актуализированное в определенном медиаформате и объединенное общим смыслом последовательное сочетание знаковых единиц вербального и медийного уровней» [2, с. 30].

Автор первого в России словаря-справочника по медиалингвистике Л. Р. Дускаева рассматривает медиатекст с позиции деятельно-процессуального, праксиологического подхода [5, с. 74–79].

В интерпретации событий, происходящих в социуме, проявляется субъективизм государственного деятеля, политика, журналиста. Выражаемая оценка сопряжена с политическими взглядами, мировоззренческой позицией, профессиональной компетентностью адресанта, она может диктоваться стремлением к дискредитации деятельности властных структур или компрометации известных лиц.

Чтобы избежать коммуникативных конфликтов, завуалировать или преуменьшить негативные реалии, скрыть истинный смысл тех или иных нежелательных явлений, авторы медиатекстов систематически используют эвфемизмы – слова и выражения, которые употребляются вместо тех языковых единиц, которые «по каким-либо причинам неудобно или нежелательно произнести» [9, с. 746].

Известный российский лингвист Л. П. Крысин разделил эвфемизмы на межличностные (бытовые) и социальные [4, с. 385–407]. Первые употребляются в сфере неформальных отношений, а вторые функционируют в официально-деловой, научной, политической, экономической областях, а также используются в языке художественной литературы. В политическом дискурсе эвфемизмы выполняют не только вуалирующую и камуфлирующую функции, но и экспрессивную [6, с. 130–134]. Образные замененные номинации, выраженные фразеологизмами, формируют ироническую модальность. Особый интерес вызывают модифицированные устойчивые конструкции. По мнению создателя «Словаря эвфемизмов» Е. П. Сеничкиной, творчески преобразованные фразеологизмы являются окказиональными речевыми единицами, которые обладают «максимальной степенью эвфемизации» [8, с. 17].

В качестве образных субститутов в медиатекстах политического дискурса активно употребляются фразеологизмы как с полным компонентным составом, так и трансформированные. Смысловое содержание замененных устойчивых единиц адгерентно обусловлено, поэтому анализ фактологического материала дополняется комментариями пояснительного характера.

1. Фразеологизмы с полным компонентным составом.

Варшава прочно удерживает пальму первенства по количеству абсурдных и провокационных заявлений [РИА Новости, 14.02.23; П. Акопов]. *Пальма первенства* – неоспоримое преимущество перед другими в чем-либо. Данной фразеологической экспрессемой автор заменяет денотат *первое место*, что создает комический эффект, поскольку недостойный характер деятельности лидеров Польского государства заслуживает порицания, а не возвеличивания. Историческая аллюзия порождает парадокс и усиливает ироническую коннотацию: выражение *пальма первенства* восходит к традиции Древней Греции награждать победителей Олимпийских игр ветвями финикового дерева. В настоящее время этот символ знаменует собой награду за лучшие достижения в различных сферах деятельности человека и в норме неприменим к оценке агрессивных высказываний политических лидеров Польши.

О планах закрутить гайки Урсула фон дер Ляйен заговорила еще в сентябре прошлого года: она анонсировала принятие комплекса мер по «защите демократии», направленных на борьбу с иностранным влиянием (РИА Новости, 15.03.23; Давид Нармания). *Закрутить гайки* – усилить требования к чему-либо, установить жесткий режим. С помощью эфемизма-фразеологизма автор медиатекста формально вуалирует стремление председателя Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен добиться послушания и полного подчинения парламента Грузии Западу. Ироническая тональность проявляется в стилистическом несоответствии разговорной идиомы на фоне официальной лексики информационного характера и в использовании кавычек, выделяющих устойчивое словосочетание *защита демократии*. (*Защита демократии* – это деятельность, гарантирующая соблюдение политических и гражданских свобод и равенство каждого человека перед законом). Адгерентное значение субститута «защита демократии» хорошо известно участникам политического дискурса: речь идет о давлении на парламент Грузии со стороны США и Евросоюза.

Камалу Харрис и Дональда Трампа может ждать «октябрьский сюрприз» [Ведомости, 02.10.24; Роман Романов]. *Октябрьским сюрпризом* в Америке называется обнародованная информация, дискредитирующая кандидата на должность президента, губернатора штата или чиновника высокого ранга. Как правило, эти данные публикуются накануне даты

голосования, чтобы у претендентов и электората не было возможности проверить их истинность. Автор медиатекста использует эвфемистическую зашифровку *октябрьский сюрприз* в заголовочной части статьи, что привлекает внимание адресата, традиционно ожидающего новостных событий скандального характера, которые могут повлиять на результат выборов президента Америки. Устойчивое словосочетание *октябрьский сюрприз* было введено в политический дискурс в 1980 г. Уильямом Кейси – руководителем предвыборной кампании Р. Рейгана. Следует заметить, что подобные провокационные технологии, характерные для избирательной системы США, описал еще Марк Твен в юмористическом рассказе «Как меня выбирали в губернаторы» (1870).

Никогда такого не было – и вот опять. Еврокомиссия запретила со 2 мая по 5 июня экспорт зерна из самостийной в 5 восточноевропейских держав [Комсомольская правда, 03.05.23; Игорь Якунин]. Данное выражение используется для иронической оценки ошибок, которые неоднократно повторяются, потому что не учитывается их негативный результат. В приведенном контексте с помощью фразеологического эвфемизма характеризуются парадоксальные решения ЕС, в соответствии с которыми украинское зерно поставляется не в голодающую Африку, а в страны Запада.

2. Трансформированные фразеологизмы.

Орбанул сплеча. В Венгрии смекнули, на сколько лет Россию выгнали из Европы [АиФ, 10.03.23: Владислав Воробьев]. Автор модифицирует структуру фразеологизма *рубануть сплеча* ‘сказать резко, прямо и открыто, честно ответить’. Компонент *рубанул* заменяется неузуальным словом *орбанул*, сходным по звучанию с фамилией венгерского лидера. Неодериват формирует ироническую модальность медиатекста и является показателем позитивной оценки речи Виктора Орбана на экономическом форуме в Будапеште (2023).

Хорошенько разбросав камни, Европа пока только мелкими, но все более решительными перебежками начинает дрейф в сторону нового сбора камней [АиФ, 10.03.23: Владислав Воробьев]. Автор произвольно оперирует компонентами устойчивого выражения, сохраняя его базовое значение. Упоминание о разбросанных камнях, которые надлежит собрать, отсылает к фразе библейского царя Соломона *время разбрасывать и время собирать камни*, означающей, что каждое действие должно сопрягаться с наиболее подходящим моментом. С помощью фразеологического эвфемизма в иронической тональности в медиатексте интерпретируется тот факт, что ухудшение политико-экономического положения западных стран на международной арене вынуждает их лидеров задуматься о выстраивании адекватных и конструктивных отношений с Москвой.

А причина, в общем-то, одна: глобальный просчет в области анти-российских санкций, которые сильнее всего ударили по тем, кто их вводил, и желание **выйти из экономического штопора**, созданного своими же руками [РИА Новости, 03.05.23; Кирилл Стрельников]. Модифицированный фразеологический оборот восходит к авиационной лексике: *выйти из штопора* – выйти из критического режима полета самолета по крутой спирали с одновременным вращением. Автор расширяет компонентную структуру устойчивой конструкции, что придает содержанию медиатекста новые смысловые оттенки и помогает понять его денотативное значение: *выйти из экономического штопора* – остановить стремительное падение экономики и снижение уровня жизни в странах «коллективного Запада».

Что дозволено Брюсселю, то не дозволено Тбилиси [РИА Новости, 15.03.23; Давид Нармания]. Окказиональный эвфемизм представляет собой модификацию латинского выражения *Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку* с заменой двух компонентов. Литературно-историческая аллюзия используется как средство создания аксиологической модальности с иронической коннотацией: автор осуждает двойные стандарты Евросоюза, считающего, что принятие закона об иноагентах является в Грузии угрозой демократии, а в США и Евросоюзе – ее защитой.

“Прекрасное далёко”: какой стала жизнь стран Балтии за 19 лет с ЕС [Baltnews, 01.05.23]. Эвфемизм *прекрасное далёко* является фрагментом из популярных строк песни, прозвучавшей в фильме «Гостья из будущего» (1985): *Прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко*. Редукция устойчивого выражения стимулирует процесс осознания адресатом недальновидной политики Прибалтийских стран, которая привела к экономической деградации и снижению уровня жизни населения.

Как показывают наблюдения, в аналитических жанрах политического дискурса экспрессивные эвфемизмы, репрезентированные фразеологическими единицами, выполняют изобразительно-выразительную, вуалирующую, аттрактивную и аксиологическую функции, а также формируют ироническую модальность медиатекста. Во фразеологическом эвфемизме проявляются основные признаки этого феномена: косвенная номинация, формальная позитивация стигматичного денотата, сохранение истинности высказывания, содержание которого понятно коммуникантам.

Библиографические ссылки

1. Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989.
2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления [Электронный ресурс]. URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1600671409_8213.pdf (дата обращения: 12.06.24).
3. Караулов Ю. П., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. С. 7–12.
4. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М. : Языки русской культуры, 2000. С. 385–407.

5. Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь-справочник / под ред. Р. Л. Дускаевой. М. : Флинта, 2020. С. 74–79.
6. Новоселова В. А. Экспрессивные эвфемизмы в медиатекстах политического дискурса // Категории языка и мышления : сборник научных статей / под ред. Н. В. Патроевой. Петрозаводск : ПетрГУ, 2023. С. 130–134.
7. Политическая энциклопедия : в 2 т. М. : Мысль, 1999. Т. 2.
8. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М. : Флинта: Наука, 2008.
9. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1984. Т. 4.
10. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01; 10.02.19 / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2000.

СЕМАНТИКО-ДЕНОТАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА»

Т. А. Панова

*Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь, tatyana-a-panova@mail.ru*

В статье речь идет о структурировании лексического состава языка по полевому принципу. Впервые устанавливается семантико-денотативная организация лексико-семантического поля «Чрезвычайная ситуация экологического характера», формирующегося в русском языке. Посредством метода компонентного анализа словарных дефиниций номинативных единиц в данном лексико-семантическом поле выявляется состав семантико-денотативных микрополей ‘природные катастрофы’, ‘техногенные катастрофы’, ‘биолого-социальные катастрофы’. В каждом микрополе лексемы распределяются по лексико-семантическим группам, например ‘природные пожары’, ‘промышленные аварии’, ‘транспортные аварии’, ‘военные конфликты’, ‘инфекционные заболевания людей’. Микрополя анализируются в сопоставительном ключе, оценивается их удельный вес в поле. Проводится также анализ процентного соотношения лексических единиц в лексико-семантических группах внутри каждого микрополя.

Ключевые слова: семантическое поле; микрополе; лексико-семантическая группа; лексема.

Полевой подход является одним из наиболее эффективных способов описания и представления лексико-семантической структуры языка. Под лексико-семантическим полем мы понимаем «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [1]. Структурирование лексикона по полевому принципу помогает раскрыть системные связи и организацию языка на всех его уровнях. Ведь в лексике каждого языка существуют ряды слов, более или менее близко совпадающие по своему основному семантическому содержанию. Семан-

тическое поле в свою очередь подразделяется на различные структурно-семантические объединения, связанные частными семантическими признаками (микрополя, макрогруппы, лексико-семантические группы, тематические группы, микрогруппы, группы), которые формируются по наличию в них других общих значений помимо основной интегральной семы. Семантическое поле и образующие его микрополя, лексико-семантические группы характеризуются различной лексической наполняемостью, в зависимости от актуальности связанного с полем понятия для человека.

В соответствии с этим лексико-семантическое поле «чрезвычайная ситуация экологического характера» формируется языковыми средствами, семантика которых ориентирована на вербализацию различных типов чрезвычайных ситуаций. В пределах полевой структуры мы систематизируем лексические единицы и определяем структурные связи между компонентами поля. Ядром поля является сама «чрезвычайная ситуация экологического характера». На основе компонентного анализа лексических единиц мы выделяем три микрополя: микрополе «природные катастрофы», микрополе «техногенные катастрофы», микрополе «биолого-социальные катастрофы».

В каждом микрополе в свою очередь языковые единицы можно распределить по лексико-семантическим группам.

Лексические единицы, номинирующие микрополе «природные катастрофы», обозначают разрушительные стихийные явления, не поддающиеся влиянию человека и являющиеся следствием действия сил природы, которое может повлечь за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей и окружающей среде. В микрополе «природные катастрофы» мы выделили следующие лексико-семантические группы – «природные пожары», «геологические», «гидрологические», «метеорологические». Архилексемы каждой лексико-семантической группы обозначают стихийные бедствия: *землетрясение* ‘сильное колебание отдельных участков земной коры, вызываемое вулканическими или тектоническими процессами’ [3]; *наводнение* ‘значительное затопление местности в результате подъема уровня воды в реке, озере или море, обычно являющееся стихийным бедствием’ [3]; *ураган* ‘разгул стихии с устойчивым ветром не менее 33 м в секунду’ [3]; *лесной пожар* ‘неконтролируемое горение растительности и стихийное распространение огня по площади леса’ [3].

Процентное соотношение лексических единиц во всех лексико-семантических группах практически одинаковое: «природные пожары» – 28 %, «геологические» – 23 %, «гидрологические» – 21 %, «метеорологические» – 28 %. Основная часть лексем является именной, большое количество глагольных номинаций действия встречается в ЛСГ «природные пожары», здесь концентрируются глаголы и отглагольные лексемы с корнем *-гор-* (*возгораемый, горение, горельник, догорать, разгореться,*

выгорать) и именные лексемы с корнем *-жар-* (*пожарище, пожар, пожароопасный*).

Микрополе «техногенные катастрофы» включает в себя лексические единицы, обозначающие бедствие, которое намеренно или случайно вызвано антропогенной деятельностью; оно угрожает жизни и здоровью людей, наносит ущерб имуществу населения, народному хозяйству и окружающей среде. Микрополе «техногенные катастрофы» включает в себя такие лексико-семантические группы, как «промышленные аварии», «транспортные аварии», «пожары, взрывы, угроза взрыва», «гидродинамические аварии», «внезапное обрушение зданий и сооружений», «радиационные и ядерные аварии», «военные конфликты». Архилексемы в лексико-семантических группах данного поля отражают неосторожность, небрежность, халатность, недобросовестность человеческой деятельности: *промышленная авария* ‘непредвиденная ситуация на промышленном объекте, в технической системе или на промышленной установке, связанная с нанесением ущерба объектам промышленной деятельности, персоналу, населению и окружающей среде’ [2, с. 423]; *дорожно-транспортное происшествие* ‘событие, возникшее в процессе дорожного движения с участием транспортного средства, при котором гибли или пострадали люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы, окружающая среда, либо причинен иной материальный ущерб’ [2, с. 139]; *пожар* ‘неконтролируемый процесс горения, сопровождающийся уничтожением ценностей и создающий опасность для жизни и здоровья людей, сельскохозяйственных животных, растений и окружающей среды’ [4]; *терроризм* ‘совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинение им телесных повреждений, причинение ущерба в крупном размере или наступление иных тяжких последствий, в целях дестабилизации общественного порядка, либо устрашения населения, либо оказания воздействия на принятие решений государственными органами, либо воспрепятствования политической или иной общественной деятельности’ [2, с. 537].

В данном микрополе мы наблюдаем неравномерное распределение лексических единиц: «промышленные аварии» – 23 %, «транспортные аварии» – 11 %, «пожары, взрывы, угроза взрыва» – 33 %, «гидродинамические аварии» – 4 %, «внезапное обрушение зданий и сооружений» – 4 %, «радиационные и ядерные аварии» – 10 %, «военные конфликты» – 15 %. Возможно, это связано с частотностью данных антропогенных катастроф в мире. Наибольшая концентрация лексем наблюдается в лексико-семантической группе «пожары, взрывы, угроза взрыва». Здесь, как и в ЛСГ «природные пожары», частотны лексемы с корнями *-гор-* (*горение, выгорать, горючесть, прогореть, сгореть, погорелец*), *-плам-* (*воспламенение,*

пламя, запламенить), -жар- (пожар, пожарный, пожароопасный), -рыв- (взрыв, взрывной, взрывчатый), -огон'- (огонь, огнестойкий, огнеопасный).

Микрополе «биолого-социальные катастрофы» в исследованном нами языковом материале является самым немногочисленным. Лексические единицы данного микрополя обозначают обстановку, сложившуюся в результате возникновения источника биолого-социальной чрезвычайной ситуации на определенной территории, когда нарушаются нормальные условия жизни и деятельности людей, существования сельскохозяйственных животных и произрастания растений, появляется угроза жизни и здоровью людей, создаются условия для широкого распространения инфекционных болезней, потерь сельскохозяйственных животных. Примерами биолого-социальных катастроф являются: *эпидемия* 'массовое и прогрессирующее распространение инфекционного заболевания в пределах определенной территории, значительно превышающее обычно регулируемый уровень заболеваемости за аналогичный период' [2, с. 654]; *эпизоотия* 'одновременное прогрессирующее во времени и пространстве в пределах определенного региона распространение инфекционной болезни среди большого числа одного или многих видов сельскохозяйственных животных, значительно превышающее обычно регистрируемый на данной территории уровень заболеваемости' [4]; *панфитотия* 'массовое заболевание растений и резкое увеличение вредителей сельскохозяйственных растений на территории нескольких стран или континентов' [2, с. 355]. В микрополе «биолого-социальные катастрофы» мы выделили «инфекционные заболевания людей», «инфекционные заболевания сельскохозяйственных животных», «поражение сельскохозяйственных растений болезнями и вредителями».

Процентное соотношение лексем в лексико-семантических группах выглядит следующим образом: «инфекционные заболевания людей» – 70 %, «инфекционные заболевания сельскохозяйственных животных» – 11 %, «поражение сельскохозяйственных растений болезнями и вредителями» – 19 %. Количественные данные свидетельствуют о преобладании лексико-семантической группы «инфекционные заболевания людей», что связано с распространением такого явления, как *пандемия* 'категория интенсивности эпидемического процесса, характеризующаяся массовым распространением инфекционной болезни, когда ею охвачено население страны, нескольких стран или континентов' [4].

Итак, в ходе нашего исследования мы установили, что при рассмотрении лексико-семантического поля «чрезвычайная ситуация экологического характера» можно выделить 3 микрополя: микрополе «природные катастрофы» – 35 %, микрополе «техногенные катастрофы» – 60 %, микрополе «биолого-социальные катастрофы» – 5 %, что свидетельствует о частоте

возникновения чрезвычайных ситуаций в результате человеческой деятельности, а также о большом количестве стихийных явлений, не контролируемых человеком и не зависящих от него. В приречной зоне сосредоточено 12 % всех лексических единиц, объединенных архилексемой 'чрезвычайная ситуация' и обладающих небольшим количеством дифференциальных признаков. Нами был проведен также анализ процентного соотношения лексических единиц в лексико-семантических группах внутри каждого микрополя. В результате этого мы выявили, что в микрополе «природные катастрофы» процентное соотношение лексических единиц во всех лексико-семантических группах практически одинаковое. В микрополе «техногенные катастрофы» наблюдается неравномерное распределение лексических единиц, что позволяет выделить наиболее или, наоборот, наименее частотные антропогенные бедствия. Микрополе «биолого-социальные катастрофы» характеризуется высокой концентрацией лексем в лексико-семантической группе «инфекционные заболевания людей», что связано с таким распространенным и масштабным явлением в последние несколько лет, как пандемия.

Библиографические ссылки

1. Бондарко А. В. Проблемы функциональной грамматики: полевые структуры / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед., А. В. Бондарко [и др.]; редкол.: А. В. Бондарко [и др.]. СПб. : Наука, 2005.

2. Гражданская защита : Энциклопедический словарь (издание третье, переработанное и дополненное) / под общей ред. В. А. Пучкова ; МЧС России. М. : ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015.

3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : Св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц : В 2 т. М. : Русский язык, 2000.

4. Национальный Интернет-портал Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий : [сайт]. Москва, 2019–2024. URL: <https://mchs.gov.ru/> (дата обращения: 28.09.2024).

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ МАРТИРОЛОГ КАК НОВЫЙ ПОДХОД В ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

С. А. Попов

*Воронежский государственный университет,
Университетская пл., 1, 394018, г. Воронеж, Россия, spo@bk.ru*

На основе описания проблемы исчезнувших географических названий (топонимов) в статье¹ рассматривается новый подход к ономастической лексикографии –

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01737, <https://rscf.ru/project/23-28-01737/>.

топонимический мартиролог, который представляет собой перечень ойконимов, ушедших из официального употребления по причине переименования, слияния, присоединения, выделения или разделения, а также ликвидации населенных пунктов. Выявлено, что за последние десятилетия в Российской Федерации исчезло более сорока пяти тысяч наименований населенных пунктов: городов, поселков городского типа, поселков, рабочих, курортных и дачных поселков, хуторов, деревень, сел, пристанционных поселков, выселков, улусов, слобод, железнодорожных станций, участков, кордонов и др. Доказано, что в настоящее время возникла острая необходимость зафиксировать и исследовать ушедшие географические названия, чтобы передать потомкам культурно-историческую информацию о России и ее регионах, отразившуюся в топонимах, поскольку за каждым исчезнувшим ойконимом – своя история, человеческие судьбы. Обоснована необходимость подготовки и издания большим тиражом регионального топонимического мартиролога в каждом субъекте Российской Федерации, который станет полноценным ономастическим словарем и позволит по-новому взглянуть на лексикографическое описание исчезнувших имен собственных.

Ключевые слова: ономастика; топонимика; ойконимия; топонимический мартиролог; лексикография; лингвокраеведение.

Существующие в настоящее время многочисленные ономастические словари (антропонимические, топонимические, этнонимические, литературных персонажей, астрономические, космономические, зоонимические и др.) представляют собой результат исследований ученых-ономастов: лингвистов, историков, лингвокультурологов, краеведов, лингвокраеведов, географов, этнографов, фольклористов и представителей других наук.

На состоявшейся в сентябре 2024 г. XXII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» Ю. Ю. Гордова выделила новые направления ономастики: «коммуникативная, кинематографическая, андронидная и другие, которые пока, быть может, еще не обозначены, свидетельствуют о развитии социума и современной цивилизации, фиксируют основные векторы ее развития. Наука не может игнорировать происходящие социальные, культурные и технологические процессы, оказывающие воздействие, в том числе, и на мир собственных имен» [1, с. 29], которые со временем также могут получить лексикографическое оформление.

В. Э. Сталтмане справедливо отмечала, что «каким бы ни был исследовательский подход, непременным условием для любой ономастической работы всегда остается наличие фактического материала. Последний же в наиболее удобной и обозримой для научного потребления форме оказывается представленным в виде словарей. Поэтому без преувеличения можно сказать, что лексикографическая инвентаризация имен собственных различных разрядов является основой дальнейшего развития онома-

стики в целом. При этом нельзя забывать о нормативной функции многих типов современных словарей» [2, с. 3].

Эту мысль спустя несколько десятилетий развивает Н. М. Ивашова: «Выявление статуса ономастических словарей в общих словарных типологиях позволяет определить их специфику как лексикографических источников особого типа и выработать четкие типологические критерии для их внутренней классификации» [3, 105].

Современная топонимическая система большинства субъектов Российской Федерации формировалась на протяжении нескольких веков, однако со временем с карты страны исчезли или были изменены десятки тысяч названий населенных пунктов (ойконимов) и других крупных и мелких географических объектов (урбанонимов (улиц, площадей, переулков, скверов, парков, набережных и др.), микротопонимов и др.). Основными причинами такого массового явления в каждом регионе России стали **переименование** (в основном по идеологическим соображениям или из-за неблагозвучности ойконимов), **слияние**, **присоединение**, **выделение**, **разделение населенных пунктов**, а также их **ликвидация**.

В ушедших топонимах были отражены особенности исторического развития региона, «законсервированы» следы материальной и духовной культуры, взаимопроникновения культур различных эпох и народов, в связи с чем в настоящее время возникла острая необходимость зафиксировать и исследовать ушедшие географические названия, чтобы передать потомкам культурно-историческую информацию о нашей стране и ее регионах, отразившуюся в топонимах, поскольку за каждым исчезнувшим ойконимом – своя история, человеческие судьбы. В предисловии к трехтомному «Словарю микротопонимов Воронежской области» чувствуется боль его автора, профессора Г. Ф. Ковалева, за случившееся, в основном в советское время: «Что парадоксально, многие населенные пункты исчезли не по «злой указке большевиков», не только из-за укрупнения хозяйств, но в большей степени ... из-за неравномерности наступления цивилизационного прогресса: в соседние села провели газ, проложили асфальтовую дорогу – и потянулись туда люди, туда, «где лучше». Всему виной – наши расстояния: действительно, из-за десятка домов невыгодно прокладывать, а потом эксплуатировать электролинии, газопровод. Хотя, конечно, люди и их нужды должны быть оценены вне выгоды или невыгоды» [4, с. 17].

Таким образом, необходимо в каждом субъекте Российской Федерации подготовить и издать большим тиражом топонимический мартиролог региона.

Среди ономастических словарей русского языка особое место займет «Топонимический мартиролог Российской Федерации» (от греч.

μαρτυρολόγιον, μάρτυς ‘свидетель’, ‘мученик’ и logos ‘слово, сказание’; лат. martyrologium ‘перечень жертв преследований или гонений’; в более широком смысле этим словом обозначают перечень умерших или погибших людей). Термин **топонимический мартиролог**, введенный нами в научный оборот в 2022 г., обозначает перечень исчезнувших наименований географических объектов (топонимов) [5, с. 108].

В настоящее время нами совместно с преподавателем кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета Воронежского государственного университета Э. О. Пархоц при финансовой поддержке Российского научного фонда ведется работа по составлению «Топонимического мартиролога Российской Федерации», в картотеке которого насчитывается более сорока пяти тысяч исчезнувших с начала XX в. наименований населенных пунктов: городов, поселков городского типа, поселков, рабочих, курортных и дачных поселков, хуторов, деревень, сел, пристанционных поселков, выселков, улусов, слобод, железнодорожных станций, участков, кордонов и др. С учетом масштаба исчезнувших ойконимов нами принято решение в первую очередь подготовить первый том, в который войдут ушедшие названия населенных пунктов Центрального федерального округа.

Большую помощь в этом нелегком деле нам оказала публично-правовая компания «Роскадастр» (г. Москва), предоставившая алфавитные списки географических названий ранее существовавших населенных пунктов, зарегистрированных в АГКГН (автоматизированном государственном каталоге географических названий), в форме таблицы на каждый вид географических объектов (табл. 1, для иллюстрации представлена одна позиция из всего перечня, состоящего из 20 записей).

Таблица 1

Перечень зарегистрированных в АГКГН названий географических объектов, снятых с учета как прекративших существование на 10.02.2023, Российская Федерация, тип объекта – город

Рег. номер	Название географ. объекта	Варианты названия	Адм.-территор. (муниципальная) привязка	Географ. координаты		Номенкл. листа карты масштаба 1:100000
				широта	долгота	
				Привязка к др. географ. объектам		
67682	Бежица Указ Президиума Верхов. Совета РСФСР от 02/06/1956	<i>Бежичи</i> <i>Ордженикидзеград</i> <i>Орджоникидзеград</i>	Брянская область Брянский район	53°19'	34°18'	N-36–105

Мы привели пример исходных данных для дальнейшей работы над общероссийским топонимическим мартирологом. Подача информации в таком виде неудобна для топонимических исследований и для конечного потребителя – заинтересованного читателя. В связи с этим сама таблица для нашего исследования была изменена (табл. 2).

Таблица 2

Пример предоставления информации об исчезнувших населенных пунктах для «Топонимического мартиролога Российской Федерации»

№ п/п	Наименование географ. объекта (варианты наименования)	Тип географ. объекта	Адм.-территор. (муниц.) привязка	Рег. № в Гос. катал. геогр. названий	Географ. координ., номенкл. листа карты масштаба 1:10000	Основание исключения из учетных данных
1.	Бежица (<i>Бежичи</i> <i>Ордженикидзеград</i> <i>Орджоникидзеград</i>)	город	Брянская обл., Брянский р-н	67682	53°19'; 34°18'; N-36-105	Указ През. ВС РСФСР от 02.06.1956

Составляемый нами «Топонимический мартиролог Российской Федерации» представляет собой таблицу данных, удобную для исследователя, однако не совсем понятную для читателя. Поэтому конечная цель нашего научного проекта – подготовка «Словаря исчезнувших наименований населенных пунктов Российской Федерации», в котором помимо полученных из АГКГН сведений будет представлена историко-культурная информация об исчезнувшем топониме, поскольку «любое географическое название – это явление истории и культуры: имя несет на себе отпечаток времени, отражает события и мировоззрение живущих в данный момент людей. Сведения такого рода, несмотря на свой экстралингвистический характер, создают фоновые знания: помогают лучше понять топоним, время и обстоятельства, при которых он появился, а также связанный с ним ассоциативный ряд» [6, с. 92]. «Топонимический мартиролог Российской Федерации» войдет в словарь в качестве приложения.

Приведем пример словарной статьи будущего словаря.

БЕЖИЦА (*Губонино, Брянский Завод, Бежичи, Ордженикидзеград, Орджоникидзеград*), рег. № 67682, бывший город в Брянском районе Брянской области [53°19'; 34°18'; N-36-105]. Возник в середине 1860-х гг. при строительстве Орловско-Витебской железной дороги; первоначально назывался *Губонино* (по фамилии промышленника и землевладельца П. И. Губонина). В 1873 г. здесь основан Брянский рельсопрокатный, железоделательный, сталелитейный и механический завод (т. н. «Брянский завод», ныне ОАО «Брянский машиностроительный завод»), который делал в том числе и паровозы. Поселение стало называться *Брянский Завод*. В 1925 г. Бежица получила статус города; в 1929–1956 гг. – город област-

ного подчинения. С 1921 по 1929 гг. – центр Бежицкого уезда в составе Брянской губернии; в 1929–1930 гг. – адм. центр Бежицкого р-на (с 1930 г. – Брянский р-н). В 1934 г. в черту г. Бежица включены пригородные нас. пункты Чайковичи, Бежичи, Бордовичи, Городище, что сделало Бежицу крупнейшим по площади городом на территории совр. Брянской обл. (ок. 150 км²). С 1936 по 1943 г. город назывался *Орджоникидзеград* (в честь Серго Орджоникидзе). Это название до сих пор носит ж.-д. станция. 2 июня 1956 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР произошло объединение г. Брянска и г. Бежицы в один город. В областном центре появился четвертый административный район – Бежицкий, который был и остается крупнейшим городским районом по площади и по населению. Название *Бежица* происходит от названия ж.-д. ст. *Бежицкая* или *Бежица*, в 1904 г. переименованной в ст. *Болва* (по одноименной реке). Станция была названа по соседнему владельческому с. Бѣжичи, к концу XIX в. утвердилось название *Бежица*. Лит: Архангельский А. С., Архангельский В. А., Шептунова А. И. Железнодорожные станции СССР : Справочник. М. : Транспорт, 1969; Орловская губерния. Список населенных мест по сведениям 1866 года. СПб. : Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1871. С. 40.

Таким образом, «Топонимический мартиролог Российской Федерации» станет полноценным ономастическим словарем и позволит по-новому взглянуть на лексикографическое описание исчезнувших имен собственных.

Библиографические ссылки

1. Гордова Ю. Ю. Новые направления ономастики информационной эпохи // Ономастика Поволжья : материалы XXII Международной научной конференции, Саратов, 26–29 сентября 2024 года / ред. кол.: Н. И. Данилина, В. И. Супрун ; Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. Саратов : Саратов. гос. мед. ун-т, 2024. С. 25–29.
2. Сталтмане В. Э. Ономастическая лексикография / отв. ред. А. В. Суперанская. М. : Наука, 1989.
3. Ивашова Н. М. К типологии ономастических словарей // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–12 сент. 2009 г. / Институт русского языка им. В. В. Виноградова (Москва); [редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др.]. Екатеринбург : Из-во Урал. ун-та, 2009. С. 104–105.
4. Ковалев Г. Ф. Словарь микропонимов Воронежской области : в 3 т. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2023. Т. 1: А – Й.
5. Попов С. А. Топонимический мартиролог региона как часть национального культурного пространства Российской Федерации [Электронный ресурс] // Социоллингвистика. 2022. № 3 (11). С. 104–119. DOI: 10.37892/2713-2951-3-11-104-119.
6. Гордова Ю. Ю. Актуальные способы обработки и представления ономастических данных: 2009–2019. М. : ЛЕНАНД, 2020.

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ МОТИВЫ И ПРИНЦИПЫ НАЗВАНИЙ ВНУТРИГОРОДСКИХ ЛИНЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ ГОРОДОВ ЮГО-ЗАПАДНОЙ АНГЛИИ

М. М. Прищепа

*Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
Московский пр., 33, 210038, г. Витебск, Беларусь, maksimpr2002@gmail.com*

В статье рассмотрены мотивы и принципы номинации топонимов 8 городских агломератов Юго-Западной Англии. Для анализа корпуса топонимов мы использовали лексико-семантическую классификацию и схему по выявлению культурно-языковых мотиваций, зафиксированных в топонимической системе английских городов. Источником материала исследования послужили списки названий улиц английских городов (1788 единиц), полученные методом сплошной выборки из топонимических словарей, топографических карт и интернет-ресурсов; использовались методы инвентаризации и систематизации ономастического материала, семантического описания и структурного анализа.

Установлено, что более распространен семантический принцип номинации (69,5 %). Семантические топонимы представлены ориентирующими и характеризующими наименованиями в равных соотношениях. Среди семантических ориентирующих топонимов преобладают внешние (68,1 %). В корпусе семантических характеризующих имен – фито-фаунистические (34,5 %). Семиотический принцип номинации (30,5 %) распространен в меньшей степени, чем семантический. Семиотические топонимы представлены демонстративными и меморативными номинациями. Доминирующими наименованиями являются меморативные (93,9 %). Среди них преобладает номинация по фамилиям землевладельцев и домовладельцев (35,0 %).

В зависимости от их мотивационной характеристики и по степени количественной репрезентации топонимы подразделяются на топопонимы (37,3 %), антропопонимы (25,9 %), характеризующие топонимы (13,1 %), фито-топонимы (10,5 %), номинации, связанные с практической деятельностью человека (5,7 %), ландшафтные топонимы (3,7 %), зоопонимы (2,8 %) и названия королевских и дворянских титулов (1,0 %).

Выявленные принципы наименования внутригородских линейных объектов городов Юго-Запада Англии характеризуют лингвистический и культурный ландшафт городов данного региона.

Ключевые слова: топоним; урбаноним; топоним; Юго-Западная Англия; внутригородские линейные объекты; принципы номинации.

Великобритания – страна с богатым культурным наследием и историей. Британские города объединяют единый план застройки и стилистика архитектуры, что объясняется их компактной застройкой недалеко друг от друга, на ограниченной территории и представителями одних и тех же архитектурных школ. При этом нельзя сказать, что все английские города полностью похожи друг на друга. В каждом городе есть свои особенности,

что отражается в его урбаномическом портрете [1; 2]. Уникальность урбанонимов, в том числе и годонимов, заключается, прежде всего, в их способности отражать традиционную народную духовную культуру, являться источником исторической, страноведческой и культурной информации [3; 4]. Длительность периода исторического развития отражается в особенностях урбанонимикона и, соответственно, годонимии городов региона [5].

Нами были исследованы названия внутригородских линейных объектов восьми городов Юго-Западной Англии (1788 единиц). Вначале мы использовали лексико-семантическую классификацию. Используя лексико-семантическую классификацию при анализе корпуса годонимов Юго-Западной Англии, мы установили, что более распространен семантический принцип номинации (69,5 %). Семантические годонимы представлены ориентирующими и характеризующими номинациями в равных соотношениях. Среди семантических ориентирующих годонимов преобладают внешние (68,1 %). В корпусе семантических характеризующих имен – фито-фаунистические (34,5 %).

Семиотический принцип номинации (30,5 %) распространен в меньшей степени, чем семантический. Семиотические годонимы представлены демонстративными и меморативными номинациями. Доминирующими наименованиями являются меморативные (93,9 %). Среди семиотических меморативных годонимов преобладает номинация по фамилиям землевладельцев и домовладельцев (35,0 %). Семиотические демонстративные наименования представлены незначительно меньше (6,1 %).

Другой номинационной классификацией, которую мы использовали, была схема по выявлению культурно-языковых мотиваций, зафиксированных в годонимической системе английских городов. В зависимости от их мотивационной характеристики годонимы можно подразделить на следующие типы: антропогонимы, топогонимы, зоогонимы, фитогонимы, ландшафтные годонимы, характеризующие годонимы, номинации, связанные с практической деятельностью человека и названия дворянских титулов.

Самой многочисленной группой внутригородских линейных объектов в рассматриваемом годонимиконе являются топогонимы, названия которых образованы от наименований географических объектов – 667 единиц, 37,3 % от общего количества.

Эту многочисленную группу можно подразделить на следующие подгруппы:

◆ годонимы, образованные от названий городов и деревень, т. е. ойконимов, – 437 единиц (65,5 %): *Gloucester Street, Dartmoor Close, London*

Street. Эта самая распространенная номинация среди топонимов содержит наименования от названий населенных пунктов, к которым они ведут;

◆ вторая по численности группа годонимов среди топогодонимов, образована от названий объектов городского пространства, ойкодомонимов, – 196 единиц, 29,4 %: *Bridge Street, Marsh Farm Lane, Westcott Place*;

◆ годонимы, связанные с физико-географическими объектами, преимущественно гидронимами, составляют всего 34 единицы, 5,1 % от всех топонимов: *Severn Road, Tamar Avenue, Windermere Road*.

Наряду с топогодонимами антропогодонимы представляют собой еще одну наиболее частотную группу названий на топонимической карте городов – 463 единицы, 25,9 % от всех годонимов. Эти английские названия образованы от имен известных личностей. К данной группе относятся годонимы, названные в честь монархов, землевладельцев, политиков, военных, национальных героев, деятелей искусства и других известных личностей (преимущественно Великобритании).

Самыми многочисленными номинациями являются следующие:

◆ деятели науки, культуры и искусства – 107 единиц, 23,1 %: *Lowley Brook Court* ‘двор Лоули Брука’ (Фулк-Гревилль Брук (1554–1628) – английский поэт, драматург и писатель Елизаветинской эпохи); *Scoresby Close* ‘двор Скорсби’ (Уильям Скорсби Рутледж (1859–1939) – британский историк, антрополог и этнограф, Член Королевского географического общества в 1900 г.; *Fletcher Close* ‘двор Флетчера’ (Джайлс Флетчер (1546–1611) – английский поэт и дипломат, автор описания Русского царства в XVI в.);

◆ государственные деятели – 103 единицы, 22,3 %: *Kilmorie Close* ‘двор Килмори’ (граф Килмори (1748–1832), генерала британской армии и член Палаты общин); *Raleigh Close* ‘двор Рэли’ (Уолтер Рэли (1554–1618) – английский государственный деятель, поэт и писатель, историк, моряк и путешественник, фаворит королевы Елизаветы I); *Vernon Close* ‘двор Вернона’ (Эдвард Вернон (1684–1757) – британский адмирал, который командовал флотом во время войны с Испанией (1739–1742).

◆ религиозные деятели – 87 единиц, 18,8 %: *Wesley Close* ‘двор Уэсли’ (Джон Уэсли (1703–1791) – английский священнослужитель, богослов и проповедник, руководитель движения ривайвелизма в англиканской церкви, известного как методизм); *Vaughan Road* ‘улица Вогана’ (Томас Воган (1622–1666) – английский священник, алхимик и мистик).

Далее следуют номинации:

◆ земле- и домовладельцы – 58 единиц, 12,5 %: *Fauconberg Road* (1874) ‘улица Фоконберга’ (лорд Фоконберг являлся владельцем дома на Бэйсхилле, в котором останавливался Георг III в 1788 г.); *Haywards Road*

(1897) ‘улица Хейворда’ (семья Хейвордов владела кирпичным заводом и дала название переулку, который вел к нему); *Hollins Road* (1884) ‘улица Холлиса’ (Уильям Холлис – владелец оружейного завода в Торки);

♦ монархи и члены их семьи – 53 единицы, 11,4 %: *Victoria Road* ‘улица Виктории’ (Виктория (1819–1901) – королева Соединенного королевства Великобритании и Ирландии с 20 июня 1837 г.); *Roberts Close* ‘двор Роберта’ (Роберт II (1316–1390) – король Шотландии с 1371 г., основатель династии Стюартов на шотландском престоле); *Alexandra Road* ‘улица Александры’ (принцесса Александра – член британской королевской семьи, принцесса Кентская, сестра королевы Елизаветы II).

Самыми малочисленными стали номинации годонимов по именам:

♦ спортсменов – 33 единицы, 7,1 %: *Wilmot Court* ‘двор Уилмота’ (Бенджамин Льюис Уилмот, более известный как Бен Уилмот, – английский футболист, защитник клуба «Сток Сити»); *Caddick Close* ‘двор Кэддик’ (Эндрю Ричард Кэддик – игрок в крикет, который играл за Англию в качестве боулера в ODI); *Champion Road* ‘улица чемпиона’.

♦ строителей городов и членов их семей – 22 единицы, 4,8 %: *James Hinton Street* (1890) ‘улица Хинтона’ (разработчик Джеймс Хинтон); *Florence Street* (1864) ‘улица Флоренс’ (названа в честь дочери строителя Джорджа Уайтхеда); *Colbourne Street* (1902) ‘улица Колборна’ (Эй Джей Колбурн – деятель GWR);

Отличительной особенностью данной группы является то, что в разных городах этого региона доминируют разные группы фамилий и имен. Например, в Суиндоне в большом количестве в качестве годонимов присутствуют имена строителей города и членов их семей. Это связано с тем, что история города охватывает немного более двухсот лет и связана с бурным развитием железной дороги и промышленности и деятельностью застройщиков города. В Эксетере функционирует английский профессиональный футбольный клуб «Эксетер Сити», основанный в 1901 г. и не раз выигрывавший кубок Англии. В связи с этим в городе существует группа годонимов, наименования которых образованы от имен и фамилий футболистов. В то же время в других городах этого региона, имеющих более длительную историю развития, в данной группе доминируют антропо-годонимы по фамилиям землевладельцев и домовладельцев, например в Бристоле (15 единиц) и Челтнеме (24 единицы).

Третьей по численности наименований является номинация характеризующих годонимов, которая отражает такие компоненты, как размер, местоположение, климатические характеристики, цветовые особенности – 235 единиц, 13,1 %: *Gold View*, *Steps Lane*, *South Street*.

Следующим мотивом образования годонимов является фито-фаунистический. Фитогодонимы, представляющие собой названия улиц, свя-

занные с растениями, составляют 188 единиц, 10,5 % от общего количества наименований: *Birch Street Broome Manor Lane Briar Street*. Еще более малочисленны зоогадонимы – названия улиц, связанные с животными, – 50 единиц, 2,8 %: *Mallard Close, Barn Owl Close, Nuthatch Drive*.

В гадонимиконе Юго-Западной Англии присутствуют наименования, связанные с практической деятельностью человека (трудоваа деятельность, социальный статус, национальная, религиозная принадлежность) – 102 единицы, 5,7 %: *Farriers Close, Turner Street, Courtsknap Court*. Небольшое количество названий английских улиц являются ландшафтными гадонимами, которые отражают особенности рельефа местности – 66 единиц, 3,7 %: *Cliff Road, Walls Hill Road, Underhill Road*.

Самой немногочисленной группой гадонимов являются названия улиц, мотивированные названиями дворянских титулов, отражающих социальный статус жителей, – 17 единиц, 1,0 %: *Shire Parade, Perinville Road, Regent Circus*.

Таким образом, в результате проведенного анализа мотивационной базы внутригородских линейных объектов городов Юго-Западной Англии было выявлено, что наиболее многочисленными из проанализированных единиц являются топогадонимы (37,3 %) и антропогадонимы (25,9 %), далее по степени убывания продуктивности идут характеризующие гадонимы (13,1 %), фитогадонимы (10,5 %), гадонимы, связанные с практической деятельностью человека (5,7 %), ландшафтные гадонимы (3,7 %) и наименьшие по количеству группы зоогадонимов (2,8 %) и гадонимов, образованных от названий королевских и дворянских титулов (1,0 %). Проведенный количественный анализ показывает закономерности наименования улиц английских городов и характерные особенности их гадонимической системы. Выявленные принципы наименования внутригородских линейных объектов с разных сторон характеризуют не только лингвистический, но и культурный ландшафт городов.

Библиографические ссылки

1. Леонович О. А. В мире английских имен. М. : Астрель, 2002.
2. Уразметова А. В. Топонимическая система Великобритании: первичная и вторичная номинация. СПб. : Сциентиа, 2022.
3. Мезенко А. М. Урбанонимия Белоруссии. Минск : Университетское, 1991.
4. Садуов Р. Т. Полевое исследование культурно-языкового ландшафта в национальной республике: описание и обоснование проекта // Экология языка и коммуникативная практика. 2020. № 1. С. 135–141.
5. Прищепа М. М. Мотивы и принципы номинации линейных объектов городов Юго-Западной Англии // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова». 2024. Т. 38. С. 151–155.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ В НЕБЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

В. Б. Скромблевич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lera2304@gmail.com*

В статье затрагиваются вопросы, связанные с трудностями в интерпретации понятий «межъязыковая омонимия» и «ложные друзья переводчика», а также рассмотрены проблемы, с которыми можно столкнуться при сопоставительном изучении языков, имеющих разную структуру и относящихся к разным языковым группам (сложности «чужой» речи при восприятии и при изучении иностранного языка, неразличение омонимов при машинном переводе, вопросы разграничения омонимии и полисемии и неупорядоченное отражение омонимов в словарях).

Ключевые слова: межъязыковая омонимия; «ложные друзья переводчика»; лексикография; контрастивный анализ лексики; перевод.

Феномен межъязыковой формально-семантической соотнесенности лексических единиц связан с некоторыми общими вопросами лингвистики, в частности о соотношении формы и значения в разных языках в сопоставительном плане. Большое разнообразие семантических корреляций между лексическими единицами разного уровня в языках разной структуры создает для сопоставительной лексикологии определенные трудности в установлении типов межъязыковых лексических отношений. При контрастивном анализе различия между семантическим объемом и содержанием лексических значений сопоставляемых слов наиболее очевидны. Именно эти различия позволяют проследить диапазон варьирования от минимальных до существенных. Слова двух сопоставляемых языков с точки зрения их предметно-логической отнесенности могут находиться в отношениях эквивалентности либо безэквивалентности. Если при этом учитывать соотношение звуковой и/или графической сторон эквивалентных слов, то можно разграничивать такие категории, как межъязыковая омонимия и паронимия.

Под межъязыковыми омонимами, как правило, понимаются слова сопоставляемых языков, тождественные по звуковой и/или графической форме, но имеющие разные значения. В центре внимания исследователей омонимии в разных странах находятся проблемы, имеющие прикладное значение: разграничение омонимии и полисемии и неупорядоченное отражение омонимов в словарях, что может вводить в заблуждение тех, кто к ним обращается. Значительные трудности при переводе и при изучении неблизкородственных языков вызывают различия в лексической сочетаемости, что также не находит достаточного отражения в словарях. И если

в близкородственных языках вероятность выбрать сочетания слова, рекомендованные в словаре, достаточно высока, то в случаях с «непохожими» языками избежать ошибки достаточно сложно, особенно если речь идет про машинный перевод. Очевидно, что между родственными и близкородственными языками межъязыковая омонимия будет встречаться значительно чаще, чем среди неблизкородственных. Так, например, межъязыковая омонимия между русским и чешским языками составляет до 6 %, а между русским и литовским – до 1 % [1, с. 163].

К межъязыковым паронимам относятся слова сопоставляемых языков, которые не полностью совпадают по форме, но могут вызывать ложные ассоциации и отождествляться друг с другом, несмотря на расхождения их значений. Именно эти два явления представляют особые трудности в многоязычной лексикографии, переводоведении и глоттодидактике. Такие семантически разнородные случаи объединяет то, что ассоциируемые и отождествляемые (в плане выражения) слова частично или полностью не соответствуют друг другу в плане содержания. Очевидно, поэтому слова такого типа получили во французском языкознании первой половины XX в. название *faux amis* ‘ложные друзья переводчика’ (М. Кесслер, Ж. Дерокин).

Достаточно часто термины «ложные друзья переводчика» и «межъязыковая омонимия» семантически не разграничиваются. В. Н. Манакин в монографии «Сопоставительная лексикология» обосновывает неправомерность такого отождествления: термин «ложные друзья переводчика» имеет прикладной характер и относится прежде всего к сфере переводоведения. Под «ложными друзьями переводчика» (или лексическими псевдоэквивалентами) понимаются слова или генетически родственные, или заимствованные (интернационализмы), близкие или совпадающие по форме, но не связанные друг с другом по значению [1, с. 162].

Г. М. Готлиб предлагает рассматривать термин «ложные друзья переводчика» в двух аспектах: лингвистическом и переводческом. «Если исходить из теории и практики перевода, то наиболее удачным является термин «ложные друзья переводчика», а если рассматривать вопрос с лингвистической точки зрения, более подходящим представляется термин «междязычная аналогия» для обозначения данного явления, а для обозначения слов со сходным внешним оформлением (звуковым или графическим), но разными значениями» – «междязычные аналогизмы» [2, с. 439].

Р. А. Будагов констатирует, что «ложными друзьями переводчика» обычно именуются межъязыковые омонимы – слова, имеющие при одинаковом звучании разные значения» [3, с. 141], однако эта позиция не является общепринятой: такое наименование не отражает фундаментальной

симметрично-асимметричной стороны явления, поскольку омонимия – это проявление симметрии формы при асимметрии содержания. В. Н. Манакин предлагает относить к межъязыковой омонимии только такие слова из разных языков, которые имеют одинаковые обозначающие и значения которых не совмещаются и/или не пересекаются, а исключаются [1, с. 163–164].

Межъязыковые омонимы, как и внутриязыковые, могут возникать несколькими разными способами. Семантическое несовпадение однокоренных по происхождению слов разных языков может быть результатом не только распада или преобразования единого этимологического корня. Это могут быть и результаты языковых контактов в различные исторические периоды, а также определенный характер заимствования иноязычных слов, когда из «чужого» языка берется только то, что необходимо или подходит для данного социума: ср. ит. *professore* ‘преподаватель в средней и старшей школе, а также в вузе’ и рус. *профессор* ‘ученое звание, должность преподавателя высшего учебного заведения или сотрудника научного учреждения’.

Межъязыковая омонимия может формироваться в процессе динамики лексического значения в ходе исторического развития языков (англ. *mark* – рус. *марка*; англ. *family* – рус. *фамилия*). Нередко в межъязыковые омонимические отношения вовлекаются и внутриязыковые омонимы: так, если англ. *crab*¹ ‘краб’ и русск. *краб* являются межъязыковыми относительными синонимами, то англ. *crab*² ‘дикая яблоня’ и *crab*³ ‘уклон, крен’ омонимичны по отношению к первому английскому слову, а отсюда и к его русскому аналогу [4, с. 83].

Неразработанность вопросов омонимии в целом и межъязыковой омонимии в частности, отсутствие унифицированной классификации межъязыковых омонимов, а также единства взглядов исследователей на само явление может приводить к возникновению следующих проблем:

1) трудности восприятия речи (особенно иностранной) на слух и ее понимания. Актуальность данной проблемы напрямую связана со степенью насыщенности того или иного языка омонимами. Например, в языках Юго-Восточной Азии, по сравнению с языками индоевропейской группы, степень перегруженности языка омонимами стала настолько велика, что возникла угроза для взаимопонимания. А распространение радио- и телевидения только обострило данную проблему, поскольку омонимы, различимые на письме, стали большой помехой для понимания на слух. В связи с этим в 1934 г. в Японии была создана специальная комиссия из ведущих лингвистов, которая с целью «улучшения» медийных текстов составила список рекомендаций, как сделать текст диктора понятным на слух и чем телевизионный текст должен отличаться от газетного. Предлагалось делать предложения короче, чем в газетах, избегать трудных для понимания

слов, имеющих омонимы. С ноября 1940 г. до января 1944 г. создавалось пособие для дикторов с рекомендациями замены 2000 трудных для понимания на слух слов, оно переиздавалось много раз и превратилось в словарь «Нанго иикаэсю», в состав которого входило 5200 случаев замены «трудных слов и выражений» (т. е. омонимов) на понятные слова [5, с. 33–34];

2) осложняет изучение иностранного языка на начальном этапе, когда обучающийся привыкает связывать слово с одним конкретным значением, в то время как значение омонима во многом трактуется с опорой на контекст;

3) создает сложности в процессах машинного перевода и автоматической обработки текстов, так как даже наличие контекста не всегда позволит точно определить, какой из омонимов выбрать;

4) трудности в составлении двуязычных и многоязычных словарей, поскольку часто лексикографы расходятся во мнениях не только относительно одних и тех же слов, но и относительно одних и тех же явлений, вследствие чего в словарях существует определенная неупорядоченность и нечеткость представления значений слов. В качестве примера рассмотрим, как представлены омонимы в различных типах словарей английского и итальянского языков.

В работе «Психолингвистические аспекты омонимии (на материале русского и английского билингвизма)» на примере 40 слов-омонимов из наиболее известных толковых и учебных словарей английского языка было сопоставлено описание принципов отражения значения слов, перечисленных в предисловии к соответствующему изданию, и фактическое представление этих значений. Было установлено, что в англоязычной лексикографической практике нет четкого правила представления омонимов. Обычно в словарях подробно описываются принципы отбора слов и способы представления их значений, однако единый принцип описания омонимичных лексем отсутствует. Более того, заявленные составителями словарей принципы организации словарной статьи часто не соблюдаются, что становится особенно заметным при обращении к словарным толкованиям значений омонимов. Предполагается, что наиболее трудным для восприятия и понимания читателей может быть словарь «Collins English Dictionary», так как в нем не соблюдаются единые принципы организации словарной статьи и не всегда последовательно используется частеречный принцип представления значений омонимов. Так, слова-омонимы *jumper*¹ ‘прыгун’ и *jumper*² ‘свитер’, являясь существительными, представлены в одной словарной статье. Омоним *kind*, являясь существительным в значении ‘вид/сорт/класс’ и прилагательным ‘добрый/податливый/любезный’, представлен в двух словарных статьях. Однако в других случаях лексико-семантические варианты, принадлежащие разным частям речи,

включены в одну словарную статью. Так, например, многозначное слово *general* в значении 'генерал' представлено существительным, а в значении 'общий' – прилагательным и вынесено в одну словарную статью. В некоторых случаях разделение на словарные статьи происходит по лексическому значению.

Составители итальянских словарей также по-разному решают проблему разграничения значений и представления омонимов в лексикографических источниках. Своеобразие итальянских толковых словарей в представлении омонимов связано со взглядами их авторов на природу национального языка. Опираясь на исторический подход, одни исследователи приводят этимологию латинского слова после романизации, другие ищут в латинских словах индоевропейские корни [6, с. 102]. На современном этапе большинство лексикографов сочетают исторический подход с синхроническим, показывают функционирование слова и изменение его значений в разные периоды. Особенностью толкового словаря «*Vocabolario della lingua italiana compilato da Nicola Zingarelli*» является «гнездовое» размещение слов. Каждая отдельно взятая словарная статья включает дериваты, синонимы, антонимы или омонимы. Объединение такого количества разных слов в одной словарной статье может вызвать затруднения в ее использовании, однако при этом позволяет рассмотреть слово с разных сторон, что очень важно при изучении словообразовательных процессов и при определении характера омонимии [7, с. 90–91]. Словарная статья «Словаря омонимов итальянского языка» Р. Арагона может состоять из: 1) исключительно омонимов исходных форм; 2) омонима в исходной форме, омографа и омофона; 3) омонима в исходной форме и грамматического омонима. Значения слов приводятся кратко, в сжатой форме, при необходимости во избежание ложного понимания значения слова отражены стилистические, функционально-стилевые или терминологические пометы. Частотный словарь «*Lessico di frequenza della lingua italiana contemporanea*», составленный методом машинной обработки словаря, позволил выявить ряд нерешенных вопросов (например, проблема границ слов, устойчивых выражений), в том числе омонимов. Авторы данного словаря пришли к заключению, что все эти проблемы возникают прежде всего из-за невозможности полной формализации значения и исключения асимметрии языкового знака вне контекста для некоторых слов и устойчивых выражений.

Таким образом, детальное исследование вопросов межъязыковой омонимии в языках с разной структурой и местом в генеалогической классификации важен для специалистов не только в сфере переводов и преподавания иностранного языка, но и в области лексикографии. Дискуссионные для представителей разных лингвистических традиций вопро-

сы очерчивают перспективы исследования омонимии: определение семантических границ омонимов и выявление универсального понятия омонимии, создание единой классификации омонимов, унификации терминов, отражающих разные виды омонимии. Остаются актуальными вопросы путей возникновения и характера (случайного или закономерного) межъязыковых омонимов в различных языках. Как в теоретическом, так и в практическом плане важно создание межъязыковых словарей омонимов: описание всех значений, свойственных каждому слову, отражение стилистических, эмоционально-экспрессивных, грамматических характеристик и лексической сочетаемости значительно помогут повысить качество выполнения переводов, преподавания языков, а также культуру речи.

Библиографические ссылки

1. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. К. : Знания, 2004.
2. Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика» / сост. К. Г. М. Готлиб. М. : Сов. энцикл., 1972.
3. Будагов Р. А. Человек и его язык. М. : Изд-во МГУ, 1974.
4. Лобковская Л. П. О понятии межъязыковой омонимии (к проблеме термина «ложные друзья переводчика») // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2012. Вып. 67. № 20 (274). С. 79–87.
5. Черепанов И. Е. Психолингвистические аспекты омонимии (на материале русско-английского учебного билингвизма): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ин-т языкознания РАН. М., 2018.
6. Черданцева Т. З. Очерки по лексикологии итальянского языка. М. : URSS, 2020.
7. Скромблевич В. Б. Особенности представления омонимов в лексикографических источниках русского, белорусского и итальянского языков // Евразийский филологический вестник. 2024. Вып. 3 (7). С. 79–96.

НЕСКУЧНАЯ «СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ»: К ВОПРОСУ О РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ВАРИАНТАХ НАЗВАНИЯ ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА И ЕЕ ЭКРАНИЗАЦИЙ

Т. Е. Троцинская-Стетушина

*Международный университет «МИТСО» (Витебский филиал),
ул. М. Шагала, 8А, 210015, г. Витебск, Беларусь, stepushyna@gmail.com*

В ноябре 2024 г. исполняется ровно 135 лет со времени первой публикации повести А. П. Чехова «Скучная история (из записок старого человека)». Цель статьи – разобраться в загадке столь необычного названия. В статье описаны результаты сравнительного анализа названия повести в литературоведческой и лингвистической интерпретации как в русскоязычных источниках, так и в польской русистике в диахроническом аспекте (с 1889 г. до наших дней). Прослежена история перевода названия повести в работах польских ученых и переводчиков начиная с 1902 г. Установлено, что к настоящему времени в польской переводческой традиции название по-

вести «Скучная история» имеет два варианта: более ранний – «Nudna historia» («Скучная история») Ю. Биссингера и более поздний – «Niesiekawa historia» («Неинтересная история») М. Монгирдовой, Р. Сливовского. Кроме этого, представлены результаты анализа названий экранизаций повести в СССР и Польше: одноименной черно-белой советской телепостановки П. Резникова (1968) и полнометражного цветного художественного фильма польского режиссера В. Е. Хаса под названием «Niesiekawa historia» (1982).

Ключевые слова: повесть А. П. Чехова «Скучная история»; интерпретация названия; переводы на польский язык; экранизация.

Польский писатель и переводчик Ярослав Ивашкевич сказал однажды, что Чехов является самым лучшим соединяющим звеном между польской и русской литературами. Один из наиболее известных польских переводчиков А. П. Чехова на польский язык в 1900-е гг. Ю. Биссингер писал ему в сентябре 1901 г.: «В последние годы литературная связь между славянскими народами становится все крепче, и могучее влияние крупных сочинений русских сильнее, требует многих переводов» [1, с. 452].

Повесть «Скучная история (из записок старого человека)», посвященная горьким размышлениям о своей жизни пожилого профессора, А. П. Чехов начал писать летом 1889 г. в Ялте, куда он приехал «в преподрейшем настроении» после смерти брата Николая. Как врачу, Чехову много раз приходилось сталкиваться со смертью, много раз он описывал смерть своих героев как писатель («Смерть чиновника», «Человек в футляре», «Цветы запоздалые» и т. д.). Но смерть брата явилась для него первой большой утратой: «Дома я застал горе. Наша семья еще не знала смерти, и гроб пришлось видеть у себя впервые» [2, т. 3, с. 227–228]. Цитата из письма издателю А. С. Суворину: «Бедняга Николай умер. Я поглупел и потускнел. Скука адская, поэзии в жизни ни на грош, желания отсутствуют и проч. Одним словом, черт с ним» [там же, с. 229].

В Ялте А. П. Чехов начинает писать. «Рассказ по случаю жары и скверного, меланхолического настроения выходит у меня скучноватый. Но мотив новый» (А. Н. Плещееву, 3 августа 1889). Из письма А. М. Евреиновой¹: «Сюжет рассказа новый: житие одного старого профессора, тайного советника. Очень трудно писать. То и дело приходится переделывать целые страницы, так как весь рассказ испорчен тем отвратительным настроением, от которого я не мог отделаться во все лето».

Посылая А. Н. Плещееву написанный текст, А. П. Чехов замечает: «Самое скучное в нем, как увидите, это длинные рассуждения, которых, к сожалению, нельзя выбросить, так как без них не может обойтись мой

¹ А. М. Евреинова была издательницей журнала «Северный вестник». Впервые «Скучная история (Из записок старого человека)» была напечатана в ноябрьском номере именно этого издания.

герой, пишущий записки. Эти рассуждения фатальны и необходимы <...>. Они характеризуют и героя, и его настроение, и его влияние перед самим собой» (А. Н. Плещееву, 24 сентября 1889)» [2, т. 3, с. 252]. Ответ Плещеева: «Большинству повесть несомненно покажется скучной (зачем вы назвали ее “Скучная история”? Назовите иначе. Зачем давать самому повод к дешевому остроумию прохвостов-рецензентов?) <...> Толпа найдет повесть скучной – по причине отсутствия шаблонной фабулы и обилия рассуждений. Людям понимающим она не может не понравиться; но таких всегда меньшинство...» [3]. Но А. П. Чехов названия не изменил.

В русском литературоведении определение в заглавии обычно не объясняется либо понимается в прямом значении: «Скука не просто наполняет – она организует в единое целое, порой кажется, что она окрашивает одним тоном вселенную Чехова. “Скучная история” жизни профессора Николая Степановича скучна абсолютной всепроникающей скукой – все вызывает в нем скуку, от любимой жены до лекций», – в этой цитате заключена общепринятая точка зрения о чеховской ‘скуке’ [4].

Однако И. Н. Сухих считает, что скука не имеет прямого отношения к жизни профессора: «Если внимательно присмотреться к герою, его меньше всего можно застать в состоянии скуки. Он воодушевлен на лекции, ироничен во время студенческого экзамена, серьезен в разговорах с Катей, возмущен безволием пришедшего за темой коллеги, охвачен страхом во время воробьиной ночи» [5]. Концепт *скука* появляется в повести 13 раз, но лишь в трех случаях, по мнению И. Н. Сухих, он семантически значим (дважды упоминается о скучном семейном обеде и скучных письмах Кате). Другие определения либо ситуативны (*скучающий дворник в тулупе; напишет под моим наблюдением никому не нужную диссертацию, с достоинством выдержит скучный диспут*) либо вовсе не имеют отношения к главному герою (трижды о скуке говорит Михаил Федорович) [там же].

Польский исследователь Гжегож Ойцевич приводит интересное наблюдение, касающееся результатов статистического анализа лексики повести: всего она содержит 18 400 слов, слов с морфемой *-сук-/-суч-* в ней 0,09 %, поэтому они никак не могут являться ключевыми [6, с. 246].

Как известно, А. П. Чехов был чрезвычайно скромным, сомневающимся в себе человеком. Если к этим качествам добавить состояние внутреннего беспокойства, эмоционального напряжения, страдания, связанного с переживанием тяжелой утраты, то не стоит ли за выбором такого названия желание эмоционально опустошенного человека предварить будущие критические замечания, касающиеся отсутствия захватывающего сюжета, но имеющего множество отвлеченных рассуждений: да, господа, история вышла действительно скучная, ничего не поделаешь?

Для уточнения семантики слов *скука* и его производного *скучный* обратимся к словарям. В словаре В. Даля приводится такой синонимический ряд: **Скучный**. О человеке: *невеселый, смутный, грустный, угрюмый, задумчивый, рассеянный, безучастный, малословный, скучающий*. Сравним: **Скука**. *Тоска, грусть, томленье горем, печалью* [7, с. 236]. Словарь С. Кузнецова дает два значения слова «скучный»: 1. *Испытывающий скуку; унылый, невеселый*. 2. *Вызывающий скуку, неинтересный*. Сравним: **Скука**. *Состояние душевного томления, уныния, тоски от безделья или отсутствия интереса к окружающему* [8, с. 1203–1204]. Мы выделили те значения, которые считаем наиболее семантически подходящими для определения душевного состояния главного героя, а также эмоционального тона повести в целом.

Начинается повесть с рассказа героя о себе, причем в 3 лице: «Есть в России заслуженный профессор Николай Степанович такой-то, тайный советник и кавалер...». Однако «всемирно известный» ученый тяжело болен, впереди неизбежность и отчаяние: «Мне хочется крикнуть громким голосом, что меня, знаменитого человека, судьба приговорила к смертной казни» [2, т. 7, с. 251]. Герой-рассказчик объективирует свое имя от себя, своей собственной внутренней сути. Важно также отметить, что первым названием повести было «Мое имя и я», что точно отражало это разъединение, вернее, отъединение. Например, в одном предложении у А. П. Чехова герой сначала отождествляет себя с именем, а потом разъединяется с ним: «Теперь **мое имя** (*и герой* – прим. Т. Т.) безмятежно гуляет по Харькову; месяца через три **оно**, изображенное золотыми буквами на могильном памятнике, **будет блестеть**, как самое солнце, – и это в то время, когда **я буду уж покрыт мохом...**» [2, т. 7, с. 308].

А. Е. Агратин считает, что Николая Степановича «совершенно не занимает» будущее собственного имени – его идеального двойника [9, с. 414]. Мы же полагаем, что оно не просто занимает профессора – оно его задевает и раздражает, рискнем предположить, что герой ему даже завидует: ведь, в отличие от него самого, его имя будет продолжать жить, ведь оно «известно каждому грамотному человеку» [2, т. 7, с. 251]. Поэтому имя героя, воплощающее все, чем он является для других, «счастливо» и «популярно», а его носитель несчастлив и одинок. Имя оказывается некоей внешней силой, подчиняющей себе почти всю жизнь героя вопреки его воле: «Генеральский чин и известность, – сокрушается он, – отняли у меня навсегда и щи, и вкусные пироги, и гуся с яблоками, и леща с кашей. Они же отняли у меня горничную Агашу, говорливую и смешливую старушку, вместо которой подает теперь обед Егор, тупой и надменный малый, с белой перчаткой на правой руке» (2, т. 7, с. 259).

Любопытный материал дает опыт переводов повести. Обратимся к истории перевода названия повести в польской русистике.

Юзеф Биссингер был первым и единственным польским переводчиком, кто перевел повесть «Скучная история» лексическим эквивалентом: «*Nudna historia*» (Czechow, 1902). Подзаголовок «Из записок старого человека» он перевел так: «Из дневников старого человека», что вызвало резонное возражение у исследователей, поскольку оригинальное произведение дневником все же не является. Мария Монгирдова озаглавила повесть «Неинтересная история» (1958). Повесть в ее переводе была включена в VII том собрания сочинений А. П. Чехова, содержащий повести и рассказы 1889–1892 гг. В 1976 г. выходят два важных научных труда: «История русской литературы» в 2-х томах под редакцией Мариан Якобц и академический учебник «Русская литература в общих чертах» под редакцией З. Баранского и А. Семчука, в которых произведение А. П. Чехова озаглавлено так же: «*Nieciekawa historia*». Автором последнего польского перевода повести, который был опубликован в 2011 г., является литературовед, русист Рене Сливовский. В своем переводе он сохранил название, предложенное М. Монгирдовой. Достоверные мотивы переводчиков неизвестны. Однако Р. Сливовский, разоблачая силу традиции, дал следующий комментарий: «Поскольку принятое название *Nieciekawa historia* (...) уже прижилось, я решил его не менять. Хотя название «Грустная история» было бы ближе к содержанию, поскольку история **не скучна** и **не неинтересна**» [10, с. 113].

Таким образом, к настоящему времени в польской переводческой традиции название повести Чехова «Скучная история (из записок старого человека)» имеет два варианта: ранний – «*Nudna historia*» (Биссингер) и более поздний «*Nieciekawa historia*» (Монгирдова, Сливовский).

Г. Ойцевич дал подробный анализ польских переводов названия повести в двух аспектах (лингвистическом и литературоведческом) и пришел к выводу, что, предложив варианты *скучный* и *неинтересный*, переводчики были правы, поскольку их эквиваленты указаны в русских и польских лексикографических источниках. Однако ученый сомневается в обоснованности названий с точки зрения их литературной интерпретации, поскольку выбор наиболее точного лексического эквивалента должен быть обусловлен взглядом на текст в целом. Ведь главным в повести, по мысли ученого, является не скука или незаинтересованность, а уныние и отсутствие радости как основного эмоционального фона [6, с. 245]. Именно этим соображением должны были бы руководствоваться переводчики при выборе окончательного варианта названия повести.

Впервые повесть была экранизирована в Советском Союзе в 1968 г. Роль профессора в одноименной телепостановке режиссера Павла Резни-

кова блестяще сыграл Борис Бабочкин. В 1982 г. известный польский режиссер Войцех Ежи Хас снял художественный полнометражный фильм под названием «Nciekawa historia», используя ставший традиционным перевод названия. В субтитрах, предваряющих фильм, отсутствует информация о переводчике. Чтобы прояснить проблему авторства текста, на который опирался режиссер, Г. Ойцевич сверил высказывания главного героя фильма (в исполнении Г. Холоубека) с существующими польскими переводами повести. Ученый пришел к выводу о том, что режиссер использовал перевод Монгирдовой, но без сохранения оригинальной структуры перевода повести. В. Е. Хас сократил реплики, несколько изменил композицию и место действия (из России – в Польшу), состав действующих лиц (исчез сын профессора), характер отношений между некоторыми из них (в фильме есть намек на романтические отношения между профессором и Катей).

И. Сухих приводит информацию еще об одной, правда, неосуществленной экранизации «Скучной истории». В 1972 г. заявку на киносценарий «Скучная история» по повести А. Чехова подавал Геннадий Шпаликов – автор сценариев фильмов «Застава Ильича» (1962) и «Я шагаю по Москве» (1965). В ней он писал: «...в “Скучной истории” все интересно и совсем уж не скучно (*курсив мой* – Т. Т.). Характеры настолько тщательно и подробно выполнены, все обстоятельства отношений между героями настолько завязаны, что я зримо вижу и Катю, и семью Николая Степановича, и его учеников, помощников и знакомых» [цит. по: 5].

Таким образом, и сама повесть, и ее заглавие не раз переосмысливалось в русскоязычной и зарубежной литературной критике. В последнее время появилась точка зрения, которая показывает несоответствие семантики прилагательного глубинному смыслу повести.

С нашей точки зрения, определение в заглавии – слово с подтекстом. Смысл названия «Скучная история» в нашем понимании заключается в том, что конец жизни – это вечная, прозаическая, грустная и неизбежно повторяющаяся в жизни каждого человека история.

Важное дополнение. С 16 по 23 ноября на Международном кинофестивале в польской Торуне пройдет ретроспектива фильмов В. Е. Хаса, в т. ч. будет показана и «Nciekawa historia». Значит, интерес к русской классике, к А. П. Чехову не иссякает, и «Скучная история» до сих пор интересна литературоведам, деятелям искусства и, конечно, читателям и зрителям как в нашей стране, так и за ее пределами.

Библиографические ссылки

1. Сахарова Е. М. Вступительная заметка // Чехов и мировая литература : В 3 кн. / Ред. З. С. Паперный; Отв. ред. Л. М. Розенблюм. М. : Наука, 1997–2005. Кн. 3.

2. Здесь и далее тексты цитируются по изданию: Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Соч. : в 18 т. М. : Наука, 1974–1982 (с указанием тома и страницы).

3. Чехов А. П. : Плещеев А. Н. – Чехову А. П., 27 сентября 1889 г. [Электронный ресурс] URL: <http://chegov-lit.ru/chegov/letters-to-chegov/letter-93.htm> (дата обращения: 01.10.2024).

4. Семкин А. Д. Скучные истории о скучных людях? Скука в художественном мире А. П. Чехова [Электронный ресурс] // URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2012/8/skuchnye-istorii-o-skuchnyh-lyudyah.html> (дата обращения: 25.09.2024).

5. Сухих И. Н. «Скучная история»: непрочитанная повесть Чехова [Электронный ресурс] // URL: <https://nm1925.ru/articles/2023/10-2023/skuchnaya-istoriya-neprochitannaya-povest-chekhova/> (дата обращения: 08.09.2024).

6. Ojcewicz G. Nudna, nieciekawa czy jednak niewesoła lub ponura historia? Translatorski spór o tytuł opowieści A. Czechowa «Скучная история» // Wokół języka i kultury. Prace dedykowane Prof. Stefanowi Grzybowskiemu w 80 rocznicę urodzin, red. M. Głuszkowski, Toruń: eEditing, s. 235–266.

7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4, М., 1994. СПб.–М. (Репринт издания 1909 г.).

8. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 2000.

9. Агратин А. Е. Возможное событие в «Скучной истории» А. П. Чехова [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnoe-sobytie-v-skuchnoy-istorii-a-p-chehova> (дата обращения: 29.08.2024).

10. Śliwowski R. O Antonim Czechowie i jego Nieciekawej historii // Czechow A. Nieciekawa historia, seria «Wielcy Pisarze w Nowych Przekładach» / przekł. i kom. R. Śliwowski. z dod. Eseju T. Manna o Czechowie. Przeł. I. Czermakowa. Warszawa, 2011, s. 119–150.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

О РОДОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НЕСКЛОНЯЕМЫХ НЕОДУШЕВЛЕННЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, НАЗЫВАЮЩИХ ЯЗЫКИ

Е. А. Болтовская

*Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, г. Могилев, Беларусь, boltovskaia@msu.by*

На основе сопоставления кодифицированных (лексикографические источники) и узуальных (Национальный корпус русского языка, анкеты белорусских студентов) данных выявляется изменение морфологической нормы, связанной с родовой отнесенностью несклоняемых неодушевленных имен существительных, называющих языки; устанавливаются факторы, влияющие на родовую характеристику рассматриваемой группы предметных слов; доминирование мужского рода обосновывается более сильным воздействием фактора смысловой, а не формальной аналогии.

Ключевые слова: динамика морфологической нормы; несклоняемые неодушевленные существительные; родовая принадлежность имени существительного.

Известно, что существительные нулевого типа склонения ввиду отсутствия у них падежных флексий могут проявлять свою родовую принадлежность только синтаксически, в сочетаниях с прилагательными, местоимениями-прилагательными, порядковыми числительными, причастиями, глаголами в форме прошедшего времени единственного числа.

Общее правило, предлагаемое ортологическими изданиями, заключается в отнесении наименований неодушевленных предметов к существительным среднего рода. Так, в работе В. В. Виноградова «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» читаем: «Подавляющее большинство иностранных заимствований, не подходящих к русской системе словоизменения существительных, зачисляется в средний род, если только эти слова не обозначают живых существ» [1, с. 79]. Имеется в ней и более категоричное утверждение: «Все несклоняемые существительные, обозначающие неодушевленные предметы, относятся к среднему роду (*каба-*

ре, манто, кино, коммюнике, рагу, ампула, жюри, бра и т. п.), кроме слова *кофе*, которое употребляется в мужском роде (пью *крепкий кофе*)» [1, с. 61]. Как известно, первое издание этого фундаментального труда увидело свет в 1947 году. За прошедший период нормы русского литературного языка, в том числе и морфологические, стали менее строгими, допускающими под влиянием процесса демократизации ослабление своих границ. И некоторые современные нормативные издания, размещенные на справочно-информационном интернет-портале Грамота.ру («Большой толковый словарь русских существительных» (2005) (отв. ред. Л. Г. Бабенко) или «Современный словарь иностранных слов» (2012) Л. П. Крысина), уже предлагают ввести равноправную (между мужским и средним родом) родовую вариантность слова *кофе*. В то же время специалисты справочной службы этого портала в ответах населению стараются придерживаться более консервативной, традиционной точки зрения (например, см. ответ от 30 июля 2024 года: «*Кофе* мужского рода в эталонном употреблении и среднего рода в разговорной речи»), изложенной в «Краткой русской грамматике» (1989): «Существительное *кофе* строгая литературная норма предписывает употреблять как слово муж. р. (*черный, растворимый кофе*), однако в разговорной речи оно широко употребляется и как слово сред. р. (*черное, растворимое кофе*)» [2, с. 172].

Основную причину колебаний в родовом оформлении несклоняемых неодушевленных существительных, появление растущего числа отступлений от общего правила лингвисты усматривают в активном действии **закона (принципа) аналогии**, под влиянием которого на видовое понятие переносится грамматический род обобщающего родового понятия или синонима, существовавшего в русском языке до появления нового заимствованного слова: *салями* – женского рода, так как соотносится со словом *колбаса*; *кольраби* – женского рода, как и *капуста*; *витилиго* – женского рода, как и *болезнь*; *бри, сулугуни* – мужского рода, как и *сыр*; *пенальти* – мужского рода, как и *удар*; *сирокко* – мужского рода, как и *ветер*; *хинди* – мужского рода, как и *язык*. К. С. Горбачевич называет этот фактор «косвенной, или, точнее, ассоциативной, мотивированностью рода» [3, с. 174], «смысловой аналогией» [4, с. 145], С. О. Савчук – лексико-семантическим фактором [5, с. 642], Е. В. Маринова – парадигматическим, или «внутри-системным», фактором [6, с. 165]. В. В. Виноградов также утверждает, что при освоении заимствованных слов «большое значение имеют смысловые аналогии и предметные связи. <...> Кроме того, родовая квалификация заимствованных слов может зависеть от того родового класса, к которому принадлежит в русском языке слово со значением соответствующего общего понятия (*genus*)» [1, с. 60].

Замечено, что на протяжении XIX–XX вв. действовала тенденция к устранению родовых колебаний в пользу вариантов среднего рода [7, с. 102]. Этому способствовали, по мнению К. С. Горбачевича, и усилия нормализаторов, и «подсознательная формальная аналогия» [4, с. 144]. У слов на *-o* обычно перевешивает формальная аналогия [4, с. 147]. Например, несклоняемые неодушевленные существительные типа *контральто, сопрано, фиаско*, прежде имевшие колебания между средним и мужским родом, закрепили за собой средний род, так как внешне похожи на склоняемые слова среднего рода типа *дерево, яблоко, лукошко*. Ученый объясняет существование «зон сильного варьирования» «у слов, не имеющих релевантного (морфологически выраженного) показателя грамматического рода», «*противоборством между формальной и смысловой аналогией*» [4, с. 145]. В качестве ярких примеров им приводятся, с одной стороны, существительное *такси*, которое в современном языке среднего рода благодаря своим внешним признакам, хотя в период вхождения в русский язык оно ассоциировалось и со словом «автомобиль», и со словом «машина» (если бы победила «косвенная мотивация», то за ним закрепился бы мужской или женский род), а с другой – существительное *галифе*, которое благодаря грамматическим свойствам родового понятия *брюки* «все чаще употребляется как *pluralia tantum*» [4, с. 145], т. е. смысловая аналогия начинает побеждать формальную.

По наблюдениям Е. В. Мариновой, среди иноязычных несклоняемых неодушевленных субстантивов, вошедших в русский язык на рубеже XX–XXI вв., «активно формируются существительные **всех трех родов**» [6, с. 138]: «Если на протяжении XVIII–XX вв. доминирующее положение имел средний род (большинство несклоняемых существительных приобрело признаки именно среднего рода), то в начале XXI в. “позиция” среднего рода для новых иноязычій ослаблена и держится, по аналогии с исконными существительными среднего рода на *-o*, в основном у существительных на *-o* (за исключением отдельных лексем, например, *евро* – м. р.). Несклоняемые существительные, оканчивающиеся другими гласными звуками или согласным, приобретая признаки того или иного грамматического рода, чаще всего “ориентируются” на род их русских параллелей (аналогов, эквивалентов). В результате несклоняемые неодушевленные существительные пополняют не только класс имен среднего рода, но и классы существительных мужского и женского рода» [6, с. 165–166].

Рассмотрим родовую принадлежность несклоняемых существительных, называющих языки, на конкретных примерах: *урду, хинди, эсперанто*. Авторы большинства лексикографических источников сходятся во мнении относительно определения их родовой принадлежности. В словарях, расположенных на портале Грамота.ру, грамматическая поме-

та возле существительных *урду* (один из государственных языков Пакистана) и *хинди* (один из государственных языков Индии) свидетельствует об их мужском роде. Существительное же *эсперанто* (созданный врачом Л. Заменгофом международный язык) в «Русском орфографическом словаре» под ред. В. В. Лопатина и О. Е. Ивановой, в словаре «Русское словесное ударение» М. В. Зарвы, в «Большом толковом словаре русского языка» (под общ. ред. С. А. Кузнецова), в «Большом толковом словаре русских существительных» (отв. ред. Л. Г. Бабенко) имеет равнозначную вариантность по роду: слово может быть мужского и среднего рода. В «Современном словаре несклоняемых слов русского языка» И. Д. Успенской *урду* [8, с. 408] и *хинди* [8, с. 432] мужского рода, *эсперанто* – мужского и среднего рода [8, с. 467]. В «Кратком словаре трудностей русского языка» Н. А. Еськовой *эсперанто* – мужского и среднего рода [9, с. 504]. В «Словаре несклоняемых слов» Н. П. Колесникова содержатся идентичные сведения [10, с. 173, с. 181, с. 195], еще имеется примечание о том, что *эсперанто* «в просторечии может употребляться в форме склоняемого существительного среднего рода: “Очень просто изъясняться на их эсперанте” (В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений в 12 томах, т. IX, М., 1941 г., стр. 92)» [10, с. 195–196]. В специализированном «Словаре грамматических вариантов русского языка» *урду* и *хинди* также подаются как слова мужского рода, а *эсперанто* – как слово с колеблющейся родовой принадлежностью: мужского и среднего рода [7, с. 109–110], хотя в более раннем издании этого словаря *эсперанто* квалифицируется только как слово среднего рода [11, с. 82].

Исследуя словоупотребление лексем *урду*, *хинди*, *эсперанто* в основном, газетном, устном подкорпусах, а также в подкорпусе «Социальные сети» Национального корпуса русского языка, мы обнаружили, что *хинди* и *урду* представлены в подходящих для определения грамматического рода контекстах как слова мужского рода (8 примеров с *хинди* и всего 1 пример с *урду*): *Но главная беда в том, что ее перевели на **высокоинтеллектуальный, санскритизированный хинди*** [Л. В. Шебаршин. Рука Москвы: записки начальника советской разведки (1991)]; *С помощью востоковеда я сумел расшифровать **древний хинди*** [vk (10.04.2016)]; *Урду не потеряет статус языка из-за того, что очень **похож** на хинди* [vk (21.05.2014)]. Родовая принадлежность лексемы *эсперанто*, как и отмечено в лексикографических источниках, колеблется между мужским (род удалось определить в 30 примерах) и средним (20 примеров) родом, причем, по нашим наблюдениям, если слово употребляется в прямом значении, существенно (приблизительно в 4 раза) преобладают контексты, в которых *эсперанто* выступает как слово мужского рода: ***Эсперанто был создан в 1870-х годах врачом-офтальмологом Людвигом Лазарем Замен-***

гофом в качестве универсального языка для международного общения [Переводчик Google выучил эсперанто // Lenta.ru, 23.02.2012]; Шарль Балли совершенно верно заметил, что **эсперанто, который** состоит исключительно из индоевропейских лексем, тем не менее является языком чисто агглютинативным [Н. С. Трубецкой. Мысли об индоевропейской проблеме (1938)]; **Эсперанто помогло ему выучить и другие языки** [Диссертация для пианиста // Аргументы и факты, 2005.08.17]; **Беседа началась с вопроса о языке эсперанто и о том, распространено ли эсперанто в СССР** [Константин Симонов. Япония. 46 (1946–1976)]. Средний род почти в 2 раза чаще предпочитается для передачи переносного значения: – **Картины моего мужа – это духовное эсперанто**, – гордо сказала жена [Евгений Евтушенко. «Волчий паспорт» (1999)]; **Если согласиться с идеей неизбежности глобализации, то демократия, как политическое эсперанто, в теории неплохое средство для взаимопонимания и сближения народов** [Русский собор и политическое эсперанто Запада // РИА Новости, 17.04.2006]; **Однако при этом «По-Ортез» выглядел именно что командой, пусть и не выдающейся, но хорошо организованной, знающей свой маневр, нашедшей свой общий игровой эсперанто** [Моя твоя нихт ферштейн // Известия, 12.10.2001]. Скорее всего, дифференциация прямого и переносного употребления, входящая в корреляцию с разными граммемами рода, вызвана влиянием категориальной семантики среднего рода, его обобщенно-абстрактным значением: «Средний род выступает как отвлеченная форма обезличенной предметности» [1, с. 78].

В результате проведенного в марте 2024 г. письменного анкетирования 120 студентов, обучающихся на филологических специальностях в БГУ (69 чел.) и МГУ имени А. А. Кулешова (51 чел.), мы получили следующие количественные данные, представленные в таблице (см. табл.). Информанты определяли род несклоняемых нарицательных существительных и могли указать на имеющуюся в современном языке родовую вариантность заимствований, но лишь 1 человек воспользовался такой возможностью (в отношении лексемы *эсперанто*).

Родовая принадлежность несклоняемых существительных, называющих языки, по мнению белорусских студентов, обучающихся на филологических специальностях

Лексема	Мужской род	Средний род	Женский род	Мужской и средний род	Род не определяется, так как слово <i>pluralia tantum</i>	Отказ от ответа
Урду	101 (84,2 %)	3 (2,5 %)	6 (5,0 %)	0	3 (2,5 %)	7 (5,8 %)
Хинди	106 (88,4 %)	4 (3,3 %)	3 (2,5 %)	0	4 (3,3 %)	3 (2,5 %)
Эсперанто	86 (71,7 %)	17 (14,2 %)	8 (6,7 %)	1 (0,8 %)	4 (3,3 %)	4 (3,3 %)

Как видим, среди представленных лексем наибольшие колебания по роду, по мнению белорусских студентов-филологов, испытывает слово *эсперанто*. При этом количественный анализ фактического материала подтверждает стремление к доминированию мужского рода у всех рассмотренных существительных, называющих языки. Это можно объяснить более сильным действием лексико-семантического фактора, а не фактора формальной аналогии. Некоторое тяготение существительного *эсперанто* к среднему роду, по данным анкетирования, а также единодушное разрешение лексикографов относить данное слово как к мужскому, так и к среднему роду обусловлены внешним сходством лексемы со склоняемыми существительными среднего рода, имеющими флексию *-о*. Таким образом, сохраняющаяся в современном русском языке родовая вариантность лексемы *эсперанто* поддерживается одновременным действием противостоящих факторов: смысловой и формальной аналогии.

Библиографические ссылки

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учебное пособие для вузов. Отв. ред. Г. А. Золотова. 3-е изд., испр. М. : Высшая школа, 1986.
2. Краткая русская грамматика / В. Н. Белоусов, И. И. Ковтунова, И. Н. Кручинина [и др.]; под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. 2-е изд., стереотип. М. : РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 2002.
3. Горбачевич К. С. Нормы современного русского языка : пособие для учителей. М. : Просвещение, 1978.
4. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка / отв. ред. Ф. П. Филин. 2-е изд. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
5. Савчук С. О. Корпусное исследование вариантов родовой принадлежности имен существительных в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по матер. ежегодной междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). № 10 (17). М. : Изд-во РГГУ, 2011. С. 627–644.
6. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в. : проблемы освоения и функционирования. 3-е изд., стереотип. М. : ЛЕНАНД, 2021.
7. Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Словарь грамматических вариантов русского языка / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М. : Астрель : АСТ, 2008.
8. Успенская И. Д. Современный словарь несклоняемых слов русского языка. М. : Астрель : АСТ, 2009.
9. Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. 6-е изд., испр. М. : АСТ: Астрель, 2008.
10. Колесников Н. П. Словарь несклоняемых слов. Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1978.
11. Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов / под ред. С. Г. Бархударова (отв. ред.), И. Ф. Протченко, Л. И. Скворцова. М. : Наука, 1976.

СРЕДСТВА РАСШИРЕНИЯ СЕМАНТИКИ НАРЕЧИЙ И ПРЕДЛОЖНЫХ ГРУПП: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В. К. Голубева

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, victdove@gmail.com

В статье сопоставляются наречия и соотносительные предложно-падежные формы по их способности присоединять разного рода модификаторы и таким образом формировать коррелятивные конструкции. Предложные группы обнаруживают более богатые в сравнении с наречием возможности представлять обстоятельственный признак дифференцированно посредством сочетания с распространителями. Это обусловлено лексическим разнообразием модификаторов адъективного типа, выражающих качественную и/или количественную семантику; крайне ограниченной способностью качественного наречия подчинять другое качественное наречие, лишённое количественных сем; отсутствием у (окачественных) относительных прилагательных и генитивов коррелята в виде наречия сравнения и уподобления.

Ключевые слова: наречие; предложная группа; предложно-падежная форма; грамматическая синонимия; семантика.

Наречие в соответствии со своей этимологией (церковнославянская калька с греческого или латинского, обозначающая ‘приглаголие/наглаголие’: греч. *rhema – epirrhema*, лат. *verbum – adverbium*) является, по словам В. А. Богородицкого, «определением к глаголу» (цит. по [1, с. 12]). Эта адвербиальная функция признается не единственной, но прототипической. Во-первых, несмотря на способность наречия распространять также прилагательное, другое наречие, в некоторых случаях существительное, к глаголу оно примыкает чаще всего (не случайно возможность наречий сочетаться с другими категориями была отражена в грамматиках церковнославянского и русского языков далеко не сразу). Кроме того, даже те адвербиальные лексемы, которые используются преимущественно с прилагательными и наречиями (наречия меры и степени), как правило, могут служить модификаторами и глагольных слов: *очень вкусный*, но и *очень устал*; *чересчур солёный* и *чересчур расхвастался*; *божественно красиво* и *играл божественно*¹; ср. также: *яйцо всмятку* и *приготовить яйцо*

¹ Исключения единичны: например, согласно [2, т. 1, с. 200], лексема *гораздо* употребляется только как распространитель прилагательных и наречий, однако в устной разговорной речи и некоторых письменных текстах [3] иногда фиксируется и приглагольная позиция данной единицы: *Причем здесь спрос гораздо превышает предложение* (lenta.ru, 19.08.2017); встречаются также сочетания *терминалы, гораздо опережающие банкоматы*; *роль страны гораздо увеличивается в решении проблемы*; *состояние гораздо улучшилось* и др., которые не вполне соответствуют современной литературной норме.

всмятку; дом наискосок и переходить наискосок. Во-вторых, хотя обстоятельством определителем при глаголе могут выступать и предложно-падежные формы существительных (*отказался из скромности, произнес с гордостью*), наречие является лексикализованным способом выражения обстоятельственных значений; к тому же предложные группы могут выполнять и функцию дополнения (*Это я никак не связываю с гордостью за страну*), а наречие лишено этой возможности и, таким образом, обслуживает область именно обстоятельственных значений.

Не каждое наречие имеет грамматический синоним в виде предложно-падежной формы, по крайней мере употребленной без распространителей (*доботно шит – *с добротностью шит; компетентно изложил – *с компетентностью изложил*), верно и обратное утверждение: некоторые предложные группы невозможно заменить на наречие (*с удовольствием общаются – *удовольственно общаются*¹). Однако если корреляты в языке существуют, встает задача дифференцировать их в функционально-семантическом отношении. В данной работе мы ставим целью выявить, насколько наречия в сравнении с предложными группами ограничены в своей способности присоединять разного рода модификаторы, которые позволяют расширить и трансформировать семантику определяемых слов.

Дело в том, что комбинаторный потенциал той или иной части речи влияет на возможности ее семантической модификации. Хотя предложно-падежные формы выступают в адвербиальной функции, по своим свойствам они не отрываются от субстантивов, сохраняют их синтаксические связи, отсюда и различие в характере распространителей наречий и их грамматических синонимов.

Основным модификатором наречия является другое наречие, которое может иметь а) количественное значение (меры и степени); б) качественное значение (слова на *-о/-е*); в) сравнительно-уподобительную семантику.

Легче всего наречия распространяются чисто количественными наречиями (*очень ловко, чересчур нахраписто, немного пессимистично, крайне увлеченно* и т. д.), а также синкретичными лексемами, совмещающими качественные и количественные семы и выступающими во вторичной функции интенсификатора (*бесконечно монотонно, откровенно ехидно, нестерпимо грустно*). Такие распространители наречий коррелируют с прилагательными как модификаторами предложных групп: первичные интенсификаторы типа *очень, чуть* заменяются часто неодноко-

¹ В [3] нам, однако, встретилось 4 примера наречия *удовольственно*, в т. ч. в несовременных текстах.

ренными, но изофункциональными адъективами¹: *очень ловко* – с *большой ловкостью*, *чересчур нахраписто* – с *чрезмерной нахрапистостью*, *немного пессимистично* – с *некоторым / легким пессимизмом*, *крайне увлеченно* – с *крайней / огромной / редкой увлеченностью*, а вторичные – имеют однокоренные прилагательные, поэтому между наречным и адъективным модификаторами возникает структурная эквивалентность: *читал бесконечно монотонно* – *читал с бесконечной монотонностью*, *усмехнулся откровенно ехидно* – *усмехнулся с откровенным ехидством*, *смотрел нестерпимо грустно* – *смотрел с нестерпимой грустью*.

Хуже примыкают к наречию другие наречия, лишенные количественных сем. Преобразования типа «предлог *с* + качественное прилагательное + сущ. в Т. пад.» → «качественное наречие на *-о/-е* + качественное наречие на *-о/-е*» демонстрируют ограниченность выражения заданного смысла посредством структур второго типа:

(1) *Я теперь вот не уйду, – прибавила она с доверчивой лаской в голосе, – вы сегодня были сердиты* (И. С. Тургенев. Ася (1858)) – [?]*прибавила доверчиво ласково*².

(2) *Он [Максим] пел и просил о полете. Но не жалобно, а, скорее, с какой-то сердитой настойчивостью* (Владислав Крапивин. Болтик (1976)) – [?]*пел и просил как-то сердито настойчиво*.

(3) *Макс воспринял дарованные регалии с благородной скромностью истинного профессионала* (Из горилл – в офицеры // «Криминальная хроника», 2003.07.08) – [?]*воспринял благородно скромно*.

Можно сказать, что сочетания двух качественных наречий, которые обозначают признаки одного типа (например, оттенки эмоций, свойства лица, сопровождающие друг друга и одновременно проявляющиеся в действии), для русского языка не характерны. В этом плане распространенные предложно-падежные формы оказываются востребованнее. Если же аналогичный смысл выражается на уровне наречий, то он эксплицируется посредством сложного слова (*доверчиво-ласково*, *сердито-настойчиво*, *благородно-скромно*). Вопрос о том, какую роль в квалификации отношений между наречиями / частями слова играет орфография, остается дискуссионным. Например, М. В. Панов рассматривает сочетания *очень сильный*, *крайне неприятный* в одном ряду с *темно-синий*, *изжелта-красный*, в каждом из этих случаев квалифицируя наречия как распространители

¹ Изофункциональными мы их называем потому, что наречная и адъективная лексемы выступают распространителями наречия и предложно-падежной формы в обстоятельственной функции.

² Здесь и далее контексты с указанием источника даются по [3].

адъективов [4, с. 147]. Традиционно лексемы типа *благородно-скромно* относятся к сложным наречиям, а не к отдельным словам, связанным подчинительными отношениями, как в случае с распространенными предложными группами (*с благородной скромностью*). Для данного исследования важно то, что создание сложной лексемы на базе «наречие + наречие» служит одним из способов замены модифицированной предложно-падежной формы. К таким способам относится и оформление двух наречий как компонентов сочинительной, а не подчинительной связи (синтаксическая однородность): *прибавила доверчиво, ласково*. Однако при этом признаки не составляют взаимодополняющих частей целого, а в определенной мере обособляются друг от друга.

В этом лингвистическом сюжете интересно и то, что не каждое сочетание «качественное наречие (модификатор) + качественное наречие (определяемое слово)» блокируется языком и узусом. Так, в монографии [5, с. 63–66] как грамматичные рассматриваются конструкции *неожиданно радушиная встреча, ушел легкомысленно рано, намеренно наивный взгляд, обдуманно неучтивый поклон, обязательно крепкий чай, определенно плохое решение, бескорыстно долго помогал* (выделено полужирным нами). С точки зрения корреляции наречий с предложно-падежными формами для данной работы релевантны лишь некоторые из приведенных структур, в наших исследовательских целях их можно преобразовать таким образом: *с намеренной наивностью взглянула = намеренно наивно взглянула; с обдуманной неучтивостью поклонился = обдуманно неучтиво поклонился; с приятельской непринужденностью похлопал по плечу = приятельски непринужденно похлопал по плечу*. Однако и остальные примеры показательны для выявления возможностей конструкций «качественное наречие (модификатор) + качественное наречие (главное слово)». По-видимому, приемлемость таких сочетаний может возникать в случаях, когда два наречия выражают разные признаки – не оттенки эмоций, качества субъекта, а, например, цель/антицель и свойство (*намеренно наивно взглянула, обдуманно неучтивый поклон*), модальную семантику обязательности, степени уверенности и качество (*обязательно крепкий чай, определенно плохое решение*), качество и временной промежуток (*бескорыстно долго помогал*). Таким образом, при заданной комбинации адвербиальных признаков структура «качественное наречие + качественное наречие» может быть эквивалентной конструкции «с + прилагательное + сущ. в Т. пад.». Детализация этой области пересечения грамматических синонимов требует отдельного анализа.

В качестве модификаторов предложно-падежных форм могут выступать и относительные прилагательные в первичном или вторичном – каче-

ственном чаще – значении (4) либо генитивные формы с семантикой типичного носителя признака, названного существительным (5):

(4) *Они [любители] с **детской наивностью** убеждены, что если два слова <...> сходны по звучанию, то можно без всяких предварительных проверок смело утверждать, что одно из них произошло из другого <...>* (А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко // «Вопросы языкознания», 2000).

(5) *Но вот молодой человек, который вскоре после крушения любовных чувств и надежд воспроизводит с **невозмутимостью шарманичника** не спетые в срок нежные песни сердца* (Владислав Отрошенко. Эссе из книги «Тайная история творений» // «Октябрь», 2001).

Если не рассматривать сравнительный оборот как способ уточнения семантики наречия вместо соответствующих прилагательного или генитива (*наивно, как **ребенок**; невозмутимо, как **шарманичик***), а анализировать реализацию собственно подчинительных связей наречия, то эквивалентом адъектива-модификатора может выступать наречие сравнения и уподобления: *с **детской наивностью** убеждены* → ***по-детски** наивно убеждены*; ср. также другие сокращенные контексты из [3]: *с **хозяйской дотошностью** осматривая каждый метр новой жилплощади* → ***по-хозяйски** дотошно осматривая*; *с **дружеской откровенностью** признались* → ***по-дружески** откровенно признались*; *с **солдатской нежностью** вспоминал* → ***по-солдатски** нежно вспоминал*.

Однако далеко не каждое прилагательное и генитив способны преобразоваться в адвербиальную лексему: наречие, находящееся на следующей после прилагательного ступени словообразовательной цепочки, в первую очередь требует окачествления значения своего мотивирующего слова, а потому невозможно преобразование в (6):

(6) *Дежурный растерялся, но все же сам лично с боязливой **ответной серьезностью** дал ему на это разрешение* (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001) – **по-ответному серьезно; *ответно серьезно*.

Кроме того, создание уподобительного наречия со структурой *по-...-ому, по-...ски, -ски* может быть затруднено с формальной точки зрения:

(7) – *Ну а Марина что? – с **семнадцатилетней мстительностью** спросила я* (Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)) – **по-семнадцатилетнему мстительно спросила я*.

В целом можно сказать, что наречия сравнения и уподобления характеризуются разной степенью освоенности в языке, а потому обладают неодинаковым потенциалом выступать модификатором другого наречия и,

таким образом, обеспечивать синонимию конструкций с адвербиальными лексемами и предложными группами. Так, если весьма частотными являются, например, наречия *по-детски* (2994 словоупотребления суммарно в Основном и Газетном подкорпусах), *по-дружески* (1065), то **по-семнадцатилетнему* не встречается вовсе. Ср.: *гимнастически* там же зафиксировано 8 раз; *по-гимнастически* – 1; *клоунски* – 14, *по-клоунски* – 8; *замогильно* – 10, *по-замогильному* – 0. С учетом этого преобразования в (8)–(10) возможны, хотя пока они могут вызывать ощущение речевой шероховатости.

(8) *Студенты разом встали и почти бегом покинули приемную, а мерзавка с гимнастической легкостью соскочила со стола* (А. Азольский. Облдрамтеатр // «Новый Мир», 1997) – *гимнастически* легко соскочила.

(9) – *Почему? – с клоунской непосредственностью заинтересовался Попов* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)) – *по-клоунски* непосредственно заинтересовался.

(10) *С замогильной нежностью, позабыв про обряд, смотрел старик на внучку, прозванную Усатой* (Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988–1989)) – *по-замогильному* нежно смотрел.

Таким образом, сопоставительное рассмотрение только некоторых модификаторов наречий и соотносительных предложно-падежных форм позволяет обнаружить у последних более богатые в сравнении с наречием возможности представлять обстоятельственный признак дифференцированно и детализированно посредством присоединения модификаторов. Это обусловлено лексическим разнообразием распространителей адъективного типа, выражающих качественную и/или количественную семантику; крайне ограниченной способностью качественного наречия подчинять другое качественное наречие, лишённое количественных сем; отсутствием у (окачествленных) относительных прилагательных и генитивов коррелята в виде наречия сравнения и уподобления.

Библиографические ссылки

1. Галкина-Федорук Е. М. Наречие в современном русском языке. М. : Моск. гос. ин-т истории, философии и литературы, 1939.
2. Морковкин В. В., Луцкая Н. М., Богачева Г. Ф. Большой универсальный словарь русского языка : в 2 т. М. : АСТ-Пресс, 2022.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.10.2024).
4. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М. : Наука : Школа «Языки русской культуры», 1999.
5. Филипенко М. В. Семантика наречий и адвербиальных выражений. М. : Азбуковник, 2003.

РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СЛОВ-АРТЕФАКТОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ БЕЛАРУСИ

Е. П. Жиганова

*Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка
ул. Советская, 18, 220032, г. Минск, Беларусь, zhiganovalena@mail.ru*

Статья посвящена выявлению репрезентативных возможностей слов-артефактов в современном русскоязычном поэтическом дискурсе Беларуси на примере анализа лексико-семантической группы «предметы быта». В большинстве случаев слова-артефакты используются в поэтическом тексте в прямом значении. Поэтический дискурс также представлен сложными синтаксическими конструкциями, в которых наблюдается актуализация разных признаков артефактных номинаций. Регулярными типами образного словоупотребления слов-артефактов в исследуемом контексте являются метафоры и сравнения. Приводятся структурные типы сравнений и круг реципиентных номинаций, включенных в сравнительные конструкции.

Ключевые слова: поэтический дискурс; русскоязычная поэзия Беларуси; слова-артефакты; нейтральная коннотация; номинативность с семантическими приращениями; метафора; сравнение.

Отражение вещного мира человека в художественном тексте происходит с помощью использования артефактных номинаций (лат. *arte* 'искусственно' и *faktus* 'сделанный; в основном своем значении: предмет, сделанный или обработанный человеком). Функционирование подобных слов в поэтическом контексте имеет ряд отличительных особенностей, поскольку эстетические возможности предметной лексики не исчерпываются простой номинацией предметов, созданных руками человека. В поэтическом тексте данные лексические единицы вступают во взаимодействие с ближайшим текстовым окружением, включаются в широкий культурный контекст, за счет чего прирастают новыми коннотативными смыслами, которые имеют особое значение в художественном замысле автора. Однако это не исключает использования слов-артефактов в формате традиционного для художественного континуума образного словоупотребления в составе таких тропов, как метафора, сравнение и пр.

В данной статье используется методология описательного, компонентного и статистического анализа. В ходе исследования было выявлено более 600 лексических единиц, называющих артефакты. Исследование проводилось методом сплошной выборки на материале антологии современной русскоязычной поэзии Беларуси «Поэзия русского слова» (в 2-х томах) [1]. Семантический анализ слов-артефактов, выявленных в современной русскоязычной поэзии Беларуси, позволил установить сле-

дующие лексико-семантические группы: *одежда, обувь и аксессуары; предметы быта (мебель, посуда, домашняя утварь); орудия труда; средства передвижения и их части; осветительные приборы, источники света, огня; предметы и средства искусства; предметы религиозного культа; военные артефакты; технические устройства; печатные издания и средства письма.*

Одной из наиболее репрезентативных лексико-семантических групп в силу ее частотности является группа слов-артефактов, называющих **предметы быта**, которую, в свою очередь, можно разделить на более узкие семантические блоки – *домашняя утварь* (более 70 текстовых включений), *посуда* (27 текстовых включений), *мебель* (16 текстовых включений). В исследуемом контексте было выявлено более 90 прямых словоупотреблений артефактов и более 30 – образных.

В поэтическом контексте используются следующие лексемы, называющие домашнюю утварь, посуду и мебель: *рушник* (6 включений), *одеяло* (5 включений), *котомка* (4 включения), *ковер* (4 включения), *шторы* (4 включения), *подушка* (3 включения), *ведро* (3 включения), *простыня* (3 включения), *самовар* (2 включения), *бочка* (2 включения), *сундук* (2 включения), *ларец* (2 включения), *торба* (2 включения), *скатерть* (2 включения), *плед* (2 включения), *тюфяк*, *ванночка*, *шкатулка*, *рюкзак*, *чемодан*, *портъера*, *зеркало*, *зерцало*, *сетка*, *полотенце*, *наволочка*, *салфетка*, *покрывало*, *перина*, *узелок*, *гардины*, *пеленка*, *лукошко*, *кошелка*, *поднос*, *ковш*, *ушат*; *стакан* (5 включений), *чашка* (4 включения), *блюдец* (4 включения), *тарелка* (2 включения), *чарка* (2 включения), *бокал* (2 включения), *ложки*, *миска*, *кувшин*, *бутылек*, *кубок*, *котелок*, *хрусталь*; *диван* (5 включений), *кровать* (3 включения), *стол* (2 включения), *скамейка* (2 включения), *зыбка*, *колыбель*, *трюмо*.

Вещный мир белоруса, зафиксированный в поэтическом контексте, характеризуется простотой, скромностью, безыскусностью, отчасти бедностью, соответственно, человек, которого окружают подобные вещи, привык жить просто, скромно и довольствоваться малым.

В поэтических текстах встречаются слова-артефакты, называющие предметы быта, с нейтральной коннотацией. Основная их функция – описание окружающей действительности, своеобразная фиксация вещного мира, в котором существует лирический герой: *чай из самовара перед сном* (Иван Бурсов); *И шелест штор, И блеск зеркал* (Наталья Татур); *Приедет утром на базар / И ложки выложит / на скатерть* (Геннадий Казак).

Использование слов, называющих артефакты, в прямом значении во все не снижает их значимости в процессе создания целостного художе-

ственного образа, поскольку «номинативное значение может реализовываться с позиции разной степени семантической осложненности – почти нулевой и реально воспроизводимой, характеризующейся наличием текстовых сигналов, «подсказывающих», «сигнализирующих» о развитии контекстной семантики и эмоциональных коннотаций слова» [2, с. 8].

Гораздо чаще слова-артефакты, употребленные в прямом значении, прирастают коннотативными смыслами за счет ближайшего контекстуального окружения. В этом смысле весьма показательно использование рядом с артефактами эпитетов, придающих им особую эмоциональную окраску: *истертый коврик, ситцевая легкая портьера, в рюкзачке невесомом, разбитых блюдец, в тонкой чашке*. Использование слов с суффиксами субъективной оценки (-к-, -чик-, -чк-, -ек-, -очк-, -ик-) также способствует приращению особых эмотивных коннотаций: *сундучище, за шторкой, в кувшинчик, в икатулочке, бутылек, в рюкзачке, на блюдечко, на диванчике, сковородочку* и пр. Дополнительные смыслы появляются при использовании устаревших слов (*зерцало, зыбка*), белорусизмов (*рушник, чарка*).

В качестве примера обратимся к самой часто встречающейся лексеме из исследуемой группы – *рушник* (встречается *ручник, полотенце*). Традиционно рушник – это полотенце с вышитым или вытканым символическим узором, использовавшееся в народных обрядах. Символическому узору на рушниках, как и цвету вышивки, придавалось особое значение. Например, читая отрывок из стихотворения Людмилы Шевченко: *Моя прабабка ткала рушники / С затейливым узором, с петухами*, – читатель, носитель культуры, осознает, что затейливый узор несет в себе особый смысл, в частности, петух в традиционной культуре белорусов является символом счастья, богатства и здоровья.

Встретившиеся в исследуемом контексте примеры подтверждают мысль о том, что рушник не просто предмет домашнего обихода, а своеобразная сакральная вещь, требующая особого отношения. Например, в отрывке *ручник окаймил красный угол* (Олег Ананьев) упоминается народная традиция украшать угол главной комнаты в доме, где висят иконы, расшитым рушником; в цитате *Гроб несут. / И повысыпал люд. / Рушники по плечам, и, качаясь, / Тяжелющий, на них он плывет* (Дмитрий Ковалев) упоминается традиция использования рушников в похоронном обряде.

Приращение смыслов, обусловленных авторским замыслом, можно наблюдать и в следующем примере: *утешает мне сердце / льняное сияние / полотенца, / что вышили мамыны руки* (Надежда Буранова). Сакрализация предмета домашнего обихода достигается путем использования

метафоры *льняное сияние*, однако в контексте эта сакрализация подчеркивается историей происхождения самого артефакта: он дорог лирической героине как память об ушедшей матери.

Встречается образ рушника и как компонент сравнения: *Я сегодня сам не свой, как рушник, облезлый* (Михаил Шепелев), *А у калитки / клен похож на свата / с весенним ручником через плечо* (Иван Бурсов).

Еще одна интересная подгруппа артефактов из исследуемой группы – это названия дорожных сумок: *котомка* (*торба, узелок, сетка*). Так, *котомка* – это дорожная сума из грубой ткани, сукна, лыка и пр., носимая за плечами; *торба* – мешок, сума, носимые за плечом, через плечо (обычно у нищего, странника); *сетка* (разг.) – сумка для ношения продуктов, сплетенная из веревок, шнурков [3]. С одной стороны, эти слова называют конкретные предметы быта, необходимые человеку при его перемещении с места на место, но их частое использование в поэтическом дискурсе указывает еще и на состояние бездомности, бедности.

Большая часть зафиксированных словоупотреблений реализуют номинативность со смысловыми приращениями, обусловленными авторским замыслом. Например, у Вениамина Блаженного – *Что же делать, коль мне тяжела и котомка без хлеба?* – актуализируется сема сложности жизненного пути. Мотив пути возникает именно благодаря использованию слова-артефакта, а сложность жизненного пути подчеркивается с помощью парадокса – *тяжела и котомка без хлеба*. Котомку носят те, кто скор на подъем, способен довольствоваться малым: и не случайно в разных текстах рядом со словами-артефактами используется субстантив *хлеб*: *Успеть бы бросить хлеб в котомку / И знать, что здесь он, за спиной* (Алла Черная); *Присел, у ног свою поставил торбу, / Достал краюшку хлеба, бутылек* (Надежда Солодка); *К тем жителям в простецких кедах, / Несущим в сетках хлеба впрок* (Светлана Кряжева). Использование вышеназванных лексем в данных контекстах позволяет дополнить прямое значение артефакта смыслами, открывающими новые грани художественного образа, благодаря ближайшему контексту и включенности в широкий культурный контекст.

Регулярным типом образного словоупотребления артефактов в современной русскоязычной поэзии Беларуси являются метафоры. Чаще всего такие метафоры носят индивидуально-авторский характер. В контекст вносятся дополнительные семы, актуализирующие различные аспекты широкого артефактного континуума: *Тучи, вытряхнув быстро котомки, / Уплывают за дали легко* (Надежда Солодка); *Милость звуков нечаянных да любви подаяния / Бесприютная музыка прячет в торбу свою* (Юрий Фатнев); *Одеялом зима / Накрывает застывшие / Изгороди* (Валерия Ра-

дунь); *Туманное теплое утро / Укуталось в мартовский плед* (Людмила Воронова); *доваривать в щербатых котелках / мослы судьбы на водке и рассоле* (Александр Габриэль).

В исследуемом контексте встречаются слова-артефакты, входящие в состав сравнения в качестве предмета, с которым сравниваются другие предметы или явления (*народ, как бочку, одному не выпить, / а знать вино – достаточен стакан* (Федор Ефимов); *В долгой памяти, / Как в шкапулочке, / Ощущенья хранятся еще* (Виктор Куц); *Внезапный дождь крутой, как из ковша* (Михаил Поздняков).

В русскоязычном поэтическом дискурсе также используются развернутые сравнительные конструкции, которые создают сложный ассоциативно-образный комплекс артефактного наполнения: *Вот и осень пришла, словно лишнюю чаркухватила* (Алексей Жданов); *нас выводила из себя страна, / как пятна грязи с новенькой простынки* (Александр Габриэль); *Струилась тишина, как молоко в подойник* (Елена Крикливец).

Слова-артефакты, называющие предметы быта, в редких случаях употребляются в качестве компонентов метонимических моделей: *Кубок наполненный будет испит!* (Надежда Солодка); *В полумраке грусть гитары, / в хрустале – пурпур вина* (Ольга Норина).

Таким образом, репрезентативные возможности слов-артефактов в современном русскоязычном поэтическом дискурсе Беларуси довольно велики. Субстантивные артефакты, как правило, используются в прямом значении. Однако наблюдаются случаи, когда основное значение приращает дополнительными коннотациями, обусловленными спецификой мировосприятия и мироощущения автора, его способностью погружать артефакты в широкое контекстуальное окружение. Слова-артефакты используются и как элементы образных словоупотреблений в составе таких тропов, как метафоры, сравнения и метонимии.

Библиографические ссылки

1. Поэзия русского слова : антология современной русскоязычной поэзии Беларуси / редкол.: В. В. Гниломедов [и др.] : в 2 т. Минск : Беларус. навука, 2019. 2 т.
2. Шадрина А. А. Эстетическое функционирование лексики, обозначающей артефакты, в поэзии Серебряного века: на материале лирики А. Ахматовой, Н. Гумилева, М. Цветаевой, И. Северянина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998.

ЖИЗНЬ ПУШКИНСКОГО НАСЛЕДИЯ В ЖИЗНИ АНЕКДОТОВ НАРОДА РОССИИ

Г. Ф. Ковалев

Воронежский государственный университет,
Университетская пл. 1, 394006, Воронеж, Россия, kovalev@phil.vsu.ru

Данная статья посвящена проблеме отклика современной читательской массы на художественное наследие А. С. Пушкина. Отмечено, что пушкинские тексты до сих пор продолжают порождать все новые и новые жанры общенародного творчества. Это, прежде всего, *анекдоты, афоризмы, частушки, шутки* с использованием каламбура. Кроме того, в связи с развитием электронной связи и сетевой активности появляются совершенно новые жанры подобного творчества – это псевдотелефонное сообщение – *SMS-ка*, а также однокуплетные сетевые стихотворения типа «*пирожок*».

Ключевые слова: Пушкин; творческое наследие; культурная память; юмор; анекдоты; SMS-ка; «пирожок».

Еще в школе мы все из года в год изучаем творчество Пушкина. А потом, вливаясь в большую взрослую самостоятельную жизнь, мы встречаемся с той же литературой уже в виде крылатых выражений, цитат и т. д. А еще мы встречаемся с анекдотами, которые не только продолжают другую жизнь литературных произведений в нашем восприятии, но и специфично маркируют употребление литературных фрагментов, таким образом реализуя осмысление в хронотопе жизни России и окружающего мира. В этой статье мы исследуем лишь анекдоты, имеющие составной существенной частью имена собственные, связанные с творчеством А. С. Пушкина.

Слово *анекдот* (от греч. τὸ ἀνέκδοτον) в переводе с греческого языка обозначает неопубликованное произведение, то есть такое, которое не получило широкой известности. Впервые термин *анекдот* (ἀνέκδοτα) появился в последней работе историка и явного основателя данного жанра Прокопия Кесарийского «Тайная история» (550 г. н. э.). В этой работе он обличил византийского императора Юстиниана и его жену Феодору. Затем французский энциклопедист Дени Дидро в своей «Энциклопедии» определил анекдот как «слово, относящееся к древней и новой истории, которым греки называли дела, впервые становящиеся известными публике».

Смоленский профессор В. С. Баевский справедливо указывал: «В русской литературе есть несколько авторов, окруженных густым затекстом. Этот затекст зафиксирован, публикуется, переопубликовывается,

и первый здесь – Пушкин. Это поразительно, но примерно с двадцати лет о Пушкине стали ходить исторические анекдоты» [1, с. 293]. Правда, в ту пору сам «анекдот» был не совсем то, что мы подразумеваем сейчас, но это уже касается не столько Пушкина, сколько самого анекдота.

Ономастические единицы активно используются в художественной литературе. Более близкое общение с таким вулканическим материалом выявило характерную особенность: имена собственные всегда оказываются самыми активными участниками в поле игры и в поле изменения интонации и семантики этих юмористических или сатирических текстов. Более того, именно ономастические единицы, как верстовые столбы, ярко и образно показывают путь и хронографию нашей истории, пусть и в весьма специфическом формате, но абсолютно верно и дотошно, чего не способны достичь крупные литературные и даже исторические произведения. И действительно: наличие ономастической единицы в тексте, тем более в микротексте, порождает своеобразную организацию минимизированной речи, которая уже предполагает мощную художественную пресуппозицию, то есть сжатие подразумеваемого содержания.

Характерно, что анекдоты, практически не меняя своего смысла и содержания, переносят нас в различные эпохи и ситуации только за счет изменения ономастических точек отсчета (фамилии, топонимы, названия организаций и т. п.). Показательно, что анекдоты, благодаря известным именам, развивают тему эпохи, темы, связанные с обладателями этих имен, соответственно преломляя события и эпохи в связи с такими именами. А имена эти принадлежат и самим авторам произведений, и их героям, как положительным, так и отрицательным (хотя в русской традиции более притягательны для развития анекдотического сюжета именно отрицательные). Это, например, сам Пушкин и его фамилия, Онегин и Ленский, Старик и золотая рыбка, а также ситуации из произведений писателя различных жанров: «Руслан и Людмила», «Сказка о царе Салтане», «Пиковая дама» и др.

Анализ даже небольшого массива материала анекдотов вполне убеждает, что ономастические единицы действительно являются стержнем сюжета, или если уж не центром, то образформирующей аурой анекдота. Исследование показало, что среди русских писателей в наибольшей мере «анекдототформирующее» начало присуще таким авторам, как А. С. Пушкин («Сказка о Рыбаке и Рыбке», «Евгений Онегин»), И. С. Тургенев («Муму»), Н. А. Некрасов («Кому на Руси жить хорошо», «Дед Мазай и зайцы»), Л. Н. Толстой («Анна Каренина») и др.

Поскольку нынешний год является юбилейно-пушкинским, рассмотрим анекдоты, связанные с нашим Гением.

В своей эпиграмме, иронизирующей над критиками А. С. Пушкина, В. С. Филимонов обыграл почти все названия крупных романтических произведений поэта:

*Романтики кричат: вам дар небесный дан!
Но вы небесный дар во зло употребили:
Гречанку, Ленского сгубили;
Ввели нас в общество Разбойников, Цыган;
Взмутили кровию Фонтан;
Черкешенку в водах как будто утопили...
Нет! мы не любим так писать;
Мы, классики, своих героев не морили:
Но жаль – не любят нас читать...*

(«От классиков – к Пушкину», 1829).

Как видим, здесь для «поэтического охаивания» представлены такие персонажи, как Гречанка, Ленский, Разбойники, Цыгане и даже Фонтан (видимо, Бахчисарайский), однако в анекдоты из этого списка, хоть и редко, попадал только Ленский. Отчего даже Ленский такой «неанекдотный»? А это уже чисто славянский вопрос: народ его жалеет, ведь он внебрачный сын, к тому же погиб.

Сам А. С. Пушкин постоянно «излучал» анекдоты, а чаще провоцировал их, оставляя за собой следы народной мифологизации. Анекдоты о Пушкине, в которых «высокий» поэт предстает как шутник и остролов, имеют давнюю традицию и активны в России с конца XVIII в.: *Однажды Пушкин, гуляя по Тверскому бульвару, повстречался со своим знакомым, с которым был в ссоре. Подгулявший, увидя Пушкина, идущего ему навстречу, громко крикнул: «Прочь, шестерка! Туз идет!». Всегда находчивый Александр Сергеевич ничуть не смутился при восклицании своего знакомого. «Козырная шестерка и туза бьет», – преспокойно ответил он и продолжил путь дальше. (В другом варианте на месте знакомого оказался польский поэт Адам Мицкевич); Однажды пригласил Пушкин несколько человек в тогдашний знаменитый ресторан «Доминика» и угощал их на славу. Входит граф Завадовский и, обращаясь к Пушкину, говорит: «Однако, Александр Сергеевич, видно, туго набит у вас бумажник!». «Да ведь я богаче вас, – отвечает Пушкин, – вам приходится иной раз прожигаться и ждать денег из деревень, а у меня доход постоянный – с тридцати шести букв русской азбуки»; Кто-то, видимо, дама, считавшая себя безукоризненно красивой, желая смутить Пушкина, спросила его в обществе: «Какое сходство между мной и солнцем?». Поэт быстро нашелся, ответ был резким: «Ни на вас, ни на солнце нельзя взглянуть не поморщившись».*

А. С. Пушкину вообще «везло» в анекдотах и каламбурах. В. С. Баевский вспоминал: «Пушкинский юбилей полувековой давности, 1949 год, люди моего поколения хорошо помнят. Юбилейные передовые статьи газет начинались приблизительно так: “В 1917 г. мечта Пушкина осуществилась: произошла Великая Октябрьская социалистическая революция”. Тогда-то Томашевский сказал А. Л. Слонимскому: “Конечно, Пушкин же написал: “Октябрь уж наступил”» [2, с. 6].

Сегодня тоже наблюдается обыгрывание пушкинских строк в анекдотах на актуальные темы: *Пушкин еще в 1831 г. предсказал в сказке «О царе Салтане» гендерно нейтральную «неведому зверушку»; Среди русских исследователей двоичную систему счисления и двоичный код впервые применил Александр Сергеевич Пушкин, о чем поведал в романе «Евгений Онегин»: «Мы почитаем всех нулями, а единицами – себя». Ср. также аллюзию на рекламу из пушкинского «Гробовщика» («Над воротами возвысилась вывеска, изображающая дородного Амура с опрокинутым факелом в руке, с подписью: “Здесь продаются и обиваются гробы простые и крашенные, также отдаются напрокат и починяются старые”»): Рекламное объявление: «Сдам напрокат очень красивые гробы, производства Германии, б/у. Доставка с музыкой в один конец».*

Примечательно, что поводом для языковой шутки стали также и юбилеи поэта, которые каждый раз являются масштабным культурным событием: *Отец А. С. Пушкина, Сергей Львович, как-то выходя утром из спальни жены, радостно потирая руки, сказал: «До дня рождения Александра Сергеевича Пушкина осталось 9 месяцев».*

В целом же современные анекдоты, связанные с А.С. Пушкиным, менее изысканны, каламбуры в них нередко имеют сниженную тональность: *И говорит Пушкин Арине Родионовне: «Няня, принеси-ка мне водочки». – «Так ведь выпили ж всю вчера». – «Опять ты мне будешь сказки рассказывать!»; Урок литературы, «Евгений Онегин». Литераторша, напрягая скучный голос, пытается обратить внимание класса если не на себя, то хоть на Пушкина: «“Давно ее воображенье, сгорая негой и тоской, алкало пици роковой”. О чем здесь говорит автор – какой пици алкала душа Татьяны?.. Вовочка?» – «Водки!» – «Как водки, почему??!» – «Ну, алкала – значит, алкоголя».*

Знание/незнание прецедентных имен и текстов, связанных с А. С. Пушкиным, лежит в основе анекдотов, содержащих социальную сатиру: *Жена нового русского спрашивает: «И кто и это пра мово мужика говорит: “златая цепь на дубе том”, уш не Пушкин ли?»; Заловили менты на облаве какого-то крайне подозрительного мужика, допрашивают: «Ваша фамилия?». Тот (спокойно): «Иванов». – «Ты мне лашу на уши не вешай!»*

Все вы Ивановы! Может, ты еще мне расскажешь, что и имя, и отчество у тебя Иван Иванович?» – «Ага, Иван Иванович!» – «Ну, мужик, или тебе щас прямо плохо будет, или настоящее говори!» – «Уломал, пиши: Пушкин Александр Сергеевич!» – «Ну вот, так бы сразу и сказал! А то заладил: “Иванов, Иванов”».

К сожалению, некоторым авторам хочется приуменьшить роль Пушкина в нашей культуре и литературе. Ср. последний образец такого творчества, представляющий культ поэта в сниженной тональности, – фрагмент стихотворения Дмитрия Балина:

*Пушкин жив – он стал словами в русском языке,
Лучшей розой и стихами, голосом в строке.
Он российская легенда, ссылка и хештег;
Флагман книжного контента – ретро и хай-тек.*

Наличие современных иностранных слов в этих строчках буквально загло псевдолитературное рвение штатного пародиста «Литературной газеты» Евгения Минина. Мгновение – и уже готова пародия-плевок в ... самого Пушкина: *Пушкин жив – хотя от жизни не имел кешбек, / Ботал на великом русском, юзал весь свой век. / С лексикой дружил обценной, что зовется мат, / От царя от Николая получал донат. / Не любил анжамбеманы, нравился Ван-Дейк, / Но дворяне-хулиганы сочинили фейк. / Ствол достал поэт и сразу на дуэль айда. / И Дантеса в черный список занесли тогда* (Литературная газета, 2024, № 32, с. 32). Право слово, хоть пиши на эту плевковую пародию снова пародию же.

Современный городской фольклор изобилует анекдотами, связанными с романом «Евгений Онегин»: *В книжном магазине: «У вас есть “Евгений Онегин”?» – «Хм... А что именно из Евгения Онегина?»; «Евгений Онегин» – роман в стихах, «Мертвые души» – поэма в прозе, «Черный квадрат» – геометрия в живописи.* При этом значительная часть устного речевого творчества обращается к опере «Евгений Онегин»: *На открытии новой Мариинки присутствует глава города, опера «Евгений Онегин». Охрана отбирает у Ленского и Онегина пистолеты: «Сражаетесь на шпагах!»; Говорят, в Большом это было. Опера «Евгений Онегин». То место, где герой у графа спрашивает: «Кто там в малиновом берете?..» – «Жена моя!» – «Не знал, что ты женат!». Так вот, в самый ответственный момент потерялся малиновый берет. Срочно нашли другой, но зеленый, и выпустили певицу, исполнявшую роль Татьяны, на сцену. Герой увидел, из положения выходить надо, ну и спел наскоро: «Кто там в зелёном берете с послем испанским говорит?». Граф обалдел, и от неожиданности запутался: «Сестра моя!». Евгений совсем спрыгнул с катушек, и поет: «Не знал, что ты сестрат!».*

Реалии сегодняшнего дня, например достижения кибернетики, также коснулись представления А. С. Пушкина в анекдотах: «А Пушкин использовал искусственный интеллект?» – «Ну, конечно же, он ведь сам говорил: *Ai da Пушкин! Ai da сукин сын!*» (англ. *AI* – аббревиатура от *artificial intellect*).

С распространением беспроводных телефонов появился новый жанр юмора – SMS-ки. Правда, чаще они совпадают с таким жанром, как короткие анекдоты (типа «вопрос–ответ»). Характерно, что SMS-ка сообщается от лица популярного литературного или исторического персонажа. Ср. типичные примеры SMS-ок, представляющих собой отсылки к пушкинским произведениям:

Нашел невод, пошел за рыбой, тебе чего-нибудь пожелать? Дед;
Скока пацанов брать с собой? Черномор;
Олег, смотри под ноги! Конь;
Пушкин, ты сам-то када-нить изумруды грыз??? Белочка;
Задержался у Татьяны. Ленский, начинайте без меня, подъеду к своему выстрелу. Онегин;
Друган, давай в пятницу сходим в кабак, выпьем? Я угощаю. Сальери;
Блин, когда же я выплюсь? Царевна;
Половина двенадцатого! Герман, ты где? Лиза.

С развитием сетевого общения появился такой юмористический стихотворный жанр, как «пирожок», который, как правило, однокуплетен, лишен знаков препинания и «больших букв». Этот жанр очень близок к частушке, особенно к нескладушке:

*хороши шекспиры
гёты и басё
но великий пушкин
это наше всё*

*наклеил гоголь бакенбарды
кудрями волосы завил
твердит я пушкин пушкин пушкин
но стих не пишется облом*

*я буду бронзовый в помете
на бакенбардах и плечах
меня узнаешь по тропинке
не зарастающей травой*

*дантес с мартыновым в финале
чемпионата по стрельбе
вы пушкин лермонтов за бронзу
стреляться будете теперь*

*пушкин крут и силен
он такой один
зачитаю строчку
ай да сукин сын*

(Из собр. М. Е. Щербаковой [3]).

Как видим, А. С. Пушкин полнокровно живет в наших умах, в наших сердцах, в нашей современной жизни. Анекдоты как бы продолжают жизнь народного гения. И это еще и еще раз доказывает непреходящую народность нашего любимого автора и его творческую гениальность.

Прекрасно в свое время (1914 г.) сказал о пушкинском наследии наш земляк – блестящий филолог Б. М. Эйхенбаум: «Пушкин – наша вера, наша первая любовь, к которой всегда возвращаешься, когда тяжело становится жить. Что бы ни было, как ни ужасно наше прошлое, как ни печально настоящее, как ни загадочно будущее, – у нас есть Пушкин» [2, с. 306].

Библиографические ссылки

1. Баевский В. С. Пока в России Пушкин длится, метелям не задуть свечу. Смоленск, 1998.
2. Эйхенбаум Б. М. О литературе. Работы разных лет. М., 1987.
3. Щербакова М. Е. «Пирожки» с Пушкиным и Барто: литературные антропонимы в текстах сетевого фольклорного жанра // Материалы по русско-славянскому языкознанию: Международный сборник научных трудов. Вып. 37. Воронеж: изд. дом ВГУ, 2024. С. 154–163.

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

М. В. Ладутько

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь; ladutko.m@mail.ru*

Анализируются возможности стилистики в изучении речевого воздействия. С применением метода объяснительного описания на материале теоретических источников выявлены сферы стилистических исследований, позволяющих дополнить целостное представление о речевом воздействии.

Ключевые слова: речевое воздействие; стиль; текст; дискурс.

Ключевым для стилистических исследований является понятие стиля. Термин «функциональный стиль» фиксирует осознание человеком и об-

ществом в целом «целевую, проблемно-содержательную и коммуникативно-ситуативную специфику сфер социального общения, активно задействованных в плане протекания когнитивной и коммуникативной деятельности речевых субъектов» [1, с. 185].

Стиль признается одним из существенных свойств текста, формирующихся и выражающихся в его речевой системности [2, с. 511]. Текст «выступает универсальной формой коммуникации; является речевым произведением; всегда имеет идею, отражающую авторский замысел и формирующую целостность произведения; представляет собой речевую систему, свойственную определенной сфере общения; всегда ориентирован на адресата; несет информацию; обладает эффектом воздействия (прагматическим эффектом)» [2, с. 530]. В. Е. Чернявская, подчеркивая соотношенность текста с коммуникативной ситуацией и ее центрами – автором и адресатом, фокусирует внимание на «пяти экстралингвистических факторах коммуникативной ситуации, ориентированных на человека, «присваивающего» язык: 1) функционально-коммуникативной сфере; 2) индивидуально-социальных характеристиках речевого субъекта; 3) характере отношения субъекта речи к ее адресату; 4) характере отношения автора текста к его теме/содержанию; 5) взаимодействии с языковым кодом» [3, с. 12–13].

Стиль содержит информацию «о сути действия, о том, кто его осуществляет, кто его предполагаемый адресат, какова ситуация...» [цит. по 3, с. 23]. Е. А. Гончарова определяет стиль, или модус формулирования текста, как «переменный, индивидуально и социально обусловленный параметр текста, зависящий от смены субъекта-автора, (речевого) способа представления им предмета/темы познания и коммуникации и характера выстраиваемого «диалога» (по Бахтину) с предполагаемым читателем» [4, с. 93]. «Модус формулирования речевого высказывания свидетельствует о том, что создание текстовой структуры заключается не в переводе готового содержания в соответствующую языковую форму. Это творческий индивидуальный речевой акт языковой личности, действующей под давлением собственных явных или скрытых прагматических интенций, а также условий коммуникативной ситуации» [4, с. 93]. Актуальными в этом ключе становятся такие признаки стиля, как реляционность, поливалентность, альтернативность [5, с. 181–182]. Таким образом, текст позволяет проследить возникновение модуса формулирования: как происходит отбор, комбинаторное сочетание, переосмысление и преобразование средств используемого языка человеком [5, с. 186]. Это создает необходимую и соответствующую интенциям автора общую текстовую «атмосферу», от которой зависит эффективность персуазивного воздействия текста [4, с. 94].

На базе общезыковых функций в конкретных речевых разновидностях выделяют стилевые функции, под которыми понимаются «социальные функции языковых и текстовых единиц как их роль в реализации целей и задач общения и других экстралингвистических стилеобразующих факторов той или иной речевой разновидности, ее назначения в социуме [6, с. 402]. В перечень стилистико-речевых функций включается функция воздействия, которая в зависимости от функциональной значимости языковой организации речевой разновидности может иметь статус как центральной, так и периферийной функции [6, с. 402].

В тексте речевое воздействие реализуется посредством стилистического приема и типа выдвижения. Т. Г. Винокур трактует стилистический прием как «минимальный отрезок текста, с достаточной полнотой выявляющий как стилистическое намерение говорящего, так и способ осуществления этого намерения» [7, с. 86]. Дж. Лич, классифицируя стилистические приемы на основе принципа разграничения между нормальными и неправильными чертами языка литературы, выделяет парадигматические и синтагматические отклонения от лексических и грамматических норм языка [8, с. 47]. Такого же основания для выделения стилистического приема придерживается Ю. М. Скребнев [9]. Этот подход развивает Г. А. Копнина, трактуя прием как «прагматически мотивированное и моделируемое отклонение от норм языка/речи или их нейтральных вариантов с целью оказания определенного воздействия на адресата» [10, с. 7]. В качестве системных свойств приема ученый выделяет мотивированность, моделируемость, способность к нейтрализации, функциональную общность, способность к взаимодействию между собой [10, с. 8]. Стилистические приемы отражают специфическую организацию таких языковых средств, как тропы и фигуры речи, классификации которых представлены в работах Ю. М. Скребнева; Т. Г. Хазагерова, Л. С. Шириной; В. П. Москвина; А. П. Сковородникова, Г. А. Копниной и других.

Типы выдвижения, разработанные М. Риффатером, «отражают специфический характер текстового развертывания, определяющий разные способы представления информации и различные пути и средства воздействия на адресата и приобщения его к содержательному плану текста» [цит. по: 11, с. 283]. Детальное описание типов выдвижения (повтора, контраста, обманутого ожидания, сцепления, конвергенции) предлагает И. В. Арнольд в работе «Стилистика декодирования» [12, с. 98–112]. Исследователем отмечается, что выбор определенного типа выдвижения, формирующегося на основе стилистического приема, зависит от авторской интенции и индивидуального стиля автора [12, с. 112].

Перенесение словесно оформленного текста на уровень «речемыслительного произведения» на первый план выдвигает вопросы взаимодей-

ствия текста со «средой» и другими «системами», т. е. диадой текст – дискурс. В. Е. Чернявская определяет дискурс как «отдельно взятое коммуникативное событие, реализованное в устной или письменной форме, с учетом его формальных и содержательных характеристик, а также субъектной ситуации общения, которая включает коммуникантов – адресанта и адресата – и их взаимодействие, а значит, актуализируемые этими участниками общения определенные роли» [3, с. 20]. Воздействующий тип дискурса представляется как дискурс, оказывающий мощный перлокутивный эффект на своего адресата [13, с. 6]. Такой тип дискурса характеризуется парадигмой интенциональных категорий, состоящей из идеологемы, оценочности, номинации, интерпретации, тональности. Этот набор категорий эксплицирует следующее содержание: «определенная заданная идея (идеологема) реализуется в тексте с помощью авторской оценочности, интерпретации действительности, номинации и выбранной адресантом стилистической манеры изложения» [13, с. 33–34]. Именно интенциональные категории становятся текстообразующими категориями: они структурируют конкретный текст и подчиняют себе лексико-семантические и стилистические ресурсы выразительности.

Текст выступает в качестве «когнитивного и коммуникативно-деятельностного медиума между автором и адресатом», обеспечивая их социально-психологическое взаимодействие и включая в свернутом виде элементы коммуникативного акта, сигналы для их дешифровки [14, с. 187]. Так, Н. И. Клушина, определяя особенности воздействующего текста через коммуникативный блок адресант/адресат, выстраивает коммуникативную цепочку построения и развертывания текста: речевой акт → речевой жанр → речевой ход → речевая тактика → речевая стратегия [13, с. 19]. Дискурсивный анализ воздействующего текста осуществляется по схеме: адресант → интенция → текст + коммуникативная ситуация → адресат → декодирование → воздействие (перлокутивный эффект) [13, с. 23].

М. П. Котурова акцентирует внимание на необходимости критического мышления для реализации воздействующей функции, поскольку «такое мышление предполагает рефлексивное, оценочное отношение автора к явлениям действительности» [15, с. 339]. По отношению к создаваемому речевому произведению критичность мышления адресанта выступает в качестве «сильнодействующего дискурсивного фактора, обуславливающего использование языковых единиц, соответствующих авторскому замыслу» [15, с. 339].

В креативной стилистике коммуникативно-прагматическая направленность речевого творчества связана со стремлением адресанта воздействовать на адресата для достижения перлокутивного эффекта. Воздействии производителя речи на адресата осуществляется посредством креа-

тем-регулятивов, обеспечивающих эмоциональные реакции или практические действия адресата. В трактовке Н. А. Купиной креатема предстает как преднамеренно отобранное или преобразованное средство, основная цель которого – создание эстетического впечатления – достигается за счет его основного свойства – окказиональности [16, с. 314]. Регуляция восприятия осуществляется как отдельными или групповыми креатемами, так и текстами-регулятивами [16, с. 383]. Креатемы-регулятивы способствуют не только реализации коммуникативного намерения автора речи, но и установлению реального или внушаемого коммуникативного равенства адресанта и адресата, установлению фактического «верховенства» адресанта, замаскированного «верховенства» адресата [16, с. 385].

А. П. Сковородников и Г. А. Копнина, подчеркивая лингвистическую природу креатемы, уточняют терминологическую систему креативной стилистики термином лингвокреатема, обозначающим языковые (речевые) единицы, которые возникают в результате речетворческой деятельности и могут быть выражены словом, словосочетанием, предложением, сложным синтаксическим целым [17, с. 101]. Ученые визуализируют противопоставление лингвокреатема – псевдолингвокреатема, под которой понимается стилистический прием, создающийся путем отступления от языковых/речевых норм и не обладающий эстетической или прагматической значимостью [17, с. 102].

Креативная стилистика рассматривается как часть лингвистики креатива – направления, разрабатываемого Т. А. Гридиной и ее школой. В лингвистике креатива в фокусе изучения находятся «пути и способы формирования лингвокреативного мышления, творческое использование языковых средств в различных дискурсивных практиках» [18, с. 272].

В интеракционной стилистике в фокусе находятся «интерпретации смысла интеракции участников рассматриваемых актов коммуникации, а также воздействие как результат данной интеракции, который “рождается” соучастием акторов» [19, с. 32–35]. Легитимация этого направления стилистики базируется на теории интеракционной социолингвистики и психологической теории коммуникации. О. Органева, опираясь на работы С. Гайда, принимает в качестве методологической инструкции экспансионизм, неофункционализм, антропоцентризм/культурализм, интернационализм [19, с. 34]. В этом аспекте коммуникация предстает специфическим процессом, «приобретающим свою идентичность не просто суммаризацией качеств и опыта отдельных акторов как индивидуальностей, но являющимся результатом их взаимодействия, кооперации в тексте или совместной активности в речи» [19, с. 36]. Поэтому интеракционализм становится основой «эмергентности вербально-невербального процесса, т. е. дефинитивную идентичность средства коммуникации можно подтвердить только в актуальном контекстуальном применении» [19, с. 37].

Таким образом, анализ теоретических источников показывает, что в стилистике формируется понимание воздействия как сложного феномена, в котором, во-первых, акцентируется его антропоцентрическая и функциональная природа; во-вторых, подчеркивается имманентная связь воздействия с языковыми элементами и экстралингвистическими факторами при создании речевого произведения.

Библиографические ссылки

1. Гончарова Е. А. Стиль как реляционная поливалентная категория // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2023. Т. 22, № 4. С. 180–191.
2. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта, Наука, 2006.
3. Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
4. Гончарова Е. А. Текстовые категории и стиль // Извес. РГПУ им. А. И. Герцена. 2019. № 194. С. 89–97.
5. Гончарова Е. А. Стиль как реляционная поливалентная категория // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2023. Т. 22, № 4. С. 180–191.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта, Наука, 2006.
7. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М. : Наука, 1980.
8. *Leech Geoffrey N. Principles of Pragmatics. London and New York, 1986.*
9. Скребнев Ю. М., Кузнец М. Д. Стилистика английского языка / под ред. Н. Н. Амосовой. Л. : Просвещение, 1960.
10. Копнина Г. А. Риторические приемы современного русского литературного языка: опыт системного описания) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / А. Г. Копнина; ФГ АОУ ВПО «Сибирский федеральный университет». Красноярск, 2010.
11. Болотнова И. С. Коммуникативная стилистика текста. Словарь-тезаурус. М. : Флинта, Наука, 2006.
12. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М. : Флинта 2016.
13. Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / Н. И. Клушина; МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 2008.
14. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб. : ООО «Книжный Дом», 2007.
15. Котюрова М. П. Дискурсивные средства выражения критичности мышления журналиста // Настоящее и будущее стилистики : сб. науч. ст. междунар. науч. конф. М. : Флинта, 2019. С. 339–343.
16. Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка. М. : Юрайт, 2013. С. 298–410.
17. Копнина Г. А., Сквородников А. П. Стилистика креатива и эколлингвистика : точки соприкосновения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8 (38). С. 101–104.
18. Гридина Т. А. «Делать из мухи слона»: ассоциативная проекция игрового слова в художественном тексте // Лингвистика креатива – 2 / отв. ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург : ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». 2016. С. 272–288.
19. Органева О. Интеракциональная стилистика // Актуальные проблемы стилистики. 2018. № 4. С. 32–37.

ПАРФЮМЕРНАЯ КРИТИКА КАК ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА И РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ли Мин-Чунь ¹⁾, П. А. Катъшев ²⁾

¹⁾Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
ул. Академика Волгина 6, 117485, г. Москва, Россия, ming-li-1028@yandex.com;

²⁾Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
ул. Академика Волгина 6, 117485, г. Москва, Россия, PAKatyshev@pushkin.institute

В статье рассматривается парфюмерная критика как один из типов дискурсивной практики и речемыслительной деятельности. Отмечается, что в дискурсивных исследованиях понятие «парфюмерная критика» является недостаточно осмысленным. Однако парфюмерная критика, если рассматривать ее путем сопоставления с риторической критикой, является, с одной стороны, дискурсивной практикой, в которой основополагающее значение имеет оценочный режим осмысления ароматического источника, а с другой – деятельностью, в которой восприятие парфюмерной композиции и связанных с ней свойств и атрибутов (стойкости, шлейфа, упаковки, гендерного профиля и т. д.) включено в познавательную ситуацию выбора и применения аксиологического основания.

Ключевые слова: речемыслительная деятельность; критическая деятельность; парфюм; парфюмерная критика; риторическая критика.

По мнению Н. Л. Зыховской, «исследование вербализации физиологических ощущений ведется в науке достаточно давно» [1, с. 10], при этом вопросами их концептуализации и категоризации ученые занялись лишь в последние десятилетия XX века (зрение, слух, вкус, обоняние и осязание являются предметом лингвистических исследований с точки зрения семиотического, критического, оценочного, риторического, коммуникативного и других походов).

Вместе с тем в современных лингвистических исследованиях, особенно в сфере изучения феноменов речевой деятельности, недостаточно научных трудов, касающихся проблемы дискурсивного осмысления особенностей восприятия парфюма и связанных с ним атрибутов и свойств. Традиционно данная проблема затрагивается в теории парфюмерного дискурса.

Согласно Ф. Л. Косицкой, «парфюмерный дискурс – это тип профессиональной коммуникации, связанный с созданием (изобретением), производством (технологией), рекламой, защитой, оценкой, маркетингом (продажей) парфюмерной продукции» [2, с. 72]. При этом самостоятельной сферой функционирования парфюмерного дискурса выступает деятельность, направленная на оценивание парфюмерной продукции. Именно со спецификой данной деятельности связана парфюмерная критика (далее – ПК).

К сожалению, в российских филологических исследованиях отсутствует толкование и объяснение понятия ПК, однако данное понятие можно рассмотреть, проводя аналогии с риторической критикой (далее – РК) как «дискурсивной деятельностью субъекта, понимающего воздействующий потенциал и целесообразность коммуникативного акта и словесно формулирующего их оценку» [3, с. 96–100]. Полагаем, что в настоящее время риторическая критика является «критической деятельностью специального субъекта, занимающегося рассмотрением различных дискурсивных практик и коммуникативных артефактов с целью более глубокого понимания и рациональной оценки того, как символы воздействуют на людей» [4, с. 18].

На этом основании ПК может строиться по образцу того, как описывается структура речемыслительной деятельности субъекта РК (см. работы В. В. Смолененковой [5; 6]).

Субъект ПК: критиком может быть лицо профессиональное (парфюмер) или непрофессиональное (блогер, любитель парфюма), имеющее способность к восприятию, описанию, категоризации, анализу, истолкованию и оценке парфюма, отдельных его свойств и семиотических репрезентаций (в рекламе, отзывах и т. д.).

Объект ПК: в первую очередь к нему относят саму парфюмерную продукцию, ее свойства и атрибуты – «пирамиду композиции», стойкость, шлейф, упаковку, название, гендерный профиль и др.

Предмет ПК: воздействие парфюмерии на человека, а также культурные, этнические, экономические, эстетические, гедонистические и другие аспекты, определяющие использование ароматических композиций в социуме и отдельными индивидами.

Цель ПК: установка критика в общем случае состоит в том, чтобы передавать восприятие запаха парфюма, оценивать и описывать его.

Повод ПК: его можно определить как некий фон или источник, которые у субъекта сознания вызывают желание поделиться мнением, эмоцией об ароматической композиции.

Средства ПК: поскольку деятельность критика имеет дискурсивный характер, то ее средствами выступают прежде всего сам язык, а также речевые, жанровые формы, приспособленные для выражения оценки, и речевые механизмы формулирования оценочного суждения, например, ирония, похвала, метафора, эвфемизм и пр.

Процедуры ПК (методы разбора для выявления и квалификации механизмов речевого воздействия): они могут располагаться на дескриптивно-прескриптивной шкале примерно следующим образом: описание → категоризация → анализ → оценка.

За счет **описания** критик дает представление о параметрах и свойствах аромата и связанных с ним явлениях.

Посредством **категоризации** описываемые характеристики подводятся под какую-либо обобщающую категорию:

- ◆ гендер: мужской, женский или унисекс;
- ◆ группа ароматов: цитрусовые, геспериды, древесные, шипровые, восточные, зеленые, папоротниковые, фужерные и т. д.;
- ◆ рыночный сегмент: элитная, селективная, масс-маркет, люкс;
- ◆ стоимость: дорогая, средняя и недорогая;
- ◆ флакон: стеклянный, фарфоровый, пластиковый и т. п.

Анализ раскрывает зависимость восприятия аромата от входящих в его состав компонентов.

Оценка позволяет выразить отношение субъекта сознания к воспринимаемому аромату или к другим связанным с ним атрибутам.

Зачастую в тексте все процедуры критической деятельности связаны и создают единое целое: *Il Était Un Bois – одеколонный ветивер, такой как в Малевском **Vetiver Extraordinaire** [описание + категоризация + оценка]; Прозрачный, смолистый как свежий сруб сосны. Травяной и фужерно-дедовский, с классической кумариново-ванильной базой [описание + категоризация + оценка]; На самом деле, тут не совсем ветивер, а его прозрачная и чистая фракция – ветиверол [анализ]; Она более зеленая и свежая, нежели само эфирное масло корня [описание + оценка]; Ветивер украшен мучнистостью кедра и едва заметной рассольностью и лакированностью сандала [описание + оценка]; Чувствую фундук, даже скорее его шелуху [оценка]; Этот парфюм подходит мне, но еще лучше подошел бы Щелкунчику [оценка]; Последнее, что меня добило, – охренительный, очень дорогой цвет этикетки. Такой выбеленной хлоркой голубой ели [описание + оценка]; Я старался писать сдержанно, чтобы не перехваливать, но мне прям зашел. Поставлю на полку избранных (но могу и убрать, если не приживется) [оценка]* (Telegram-канал «Духи наизнанку»).

Формы ПК: деятельность субъекта критики может быть воплощена через разнообразные дискурсивные формы, определяемые по нескольким основаниям: по характеру субъекта, доминирующей процедуре и жанру [4, с. 20–21]. В плане жанрового состава деятельность критика характеризуется преимущественным использованием форм, которые свойственны публицистической (блог, сетевой канал, журнал, реклама и т. д.), научно-популярной и разговорной речи. Можно выделить такие формы ПК, как:

- ◆ спонтанная критика (оценка через газетные и сетевые публикации) – в данной ситуации субъектом является журналист, блогер, «фанат» парфюма;

◆ критика профессионалов, специалистов – здесь субъектом является представитель экспертного сообщества (химик, парфюмер, эвалуатор).

Часто элементы спонтанной критики встречаются и в высказываниях профессионалов, особенно в тех случаях, когда они выступают в роли блогеров (см. текст выше, написанный профессиональным парфюмером, химиком по образованию К. Хайкиным).

В соответствии с доминирующей процедурой выделяются:

◆ импрессионистическая критика (доминирует эмоциональная реакция критика);

◆ аналитическая критика (доминирует анализ свойств и атрибутов парфюма);

◆ рассудочная критика (под оценку подводятся разнообразные параметры и свойства парфюма, а также сопровождающие его явления, в том числе социального характера).

Продукт ПК: это может быть определенное критическое выступление, представленное в жанре видеобзора, интервью на различных каналах блогеров или интернет-произведение (в виде комментария, отзыва, эссе, статьи парфюмеров, журналистов и любителей парфюма).

Таким образом, ПК – это один из типов дискурсивной практики и речемыслительной деятельности, так как она:

◆ осуществляется через текст;

◆ ориентирована на оценку свойств и характеристик парфюма (ароматической ноты и аккорда, интенсивности, стойкости, шлейфа, ценового сегмента и т. д.);

◆ предоставляет критикам возможность раскрыть и передать свое мнение о парфюмерной продукции, а также соответствующий опыт любому адресату.

Библиографические ссылки

1. Зыховская Н. Л. Изучение теории одорической вербализации в отечественной филологии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. : Лингвистика. 2012. № 25. С. 10–13.

4. Катышев П. А. Риторическая критика в гносеологическом и онтологическом измерениях // Русский язык за рубежом. 2018. № 2 (267). С. 18–23.

2. Косицкая Ф. Л. Жанровая палитра французского парфюмерного дискурса // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2016. № 6 (171). С. 71–75.

3. Риторика / под ред. П. А. Катышева. Кемерово, 2011.

5. Смолененкова В. В. Риторическая критика как филологический анализ публичной аргументации : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

6. Смолененкова В. В. Понятие риторической критики. [Электронный ресурс]. URL: https://genhis.philol.msu.ru/article_49.shtml (дата обращения: 18.04.2024).

ТЕМА «ПИРА ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ» А. С. ПУШКИНА В ПРОЗЕ АНДРЕЯ АНТИПИНА

И. А. Митрофанова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., 7–9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, a_blum@mail.ru*

Название «маленькой трагедии» А. С. Пушкина «Пир во время чумы», вошедшее в фразеологический состав русского языка, активно функционировало в медиакоммуникации в период пандемии коронавируса 2020–2022 гг. в закреплённом за фразеологизмом значении. Сибирский писатель Андрей Антипин в книге миниатюр «Живые листья» (2021) актуализировал ключевые смыслы пушкинского произведения: опыт пребывания перед лицом смерти; достигаемое в диалоге гармоническое согласие с другим; чувство верности своему народу и др.

Ключевые слова: цикл миниатюр; А. С. Пушкин; Андрей Антипин; диалог.

Поэт и прозаик Андрей Антипин родился в 1984 г., закончил легендарный факультет филологии и журналистики Иркутского государственного университета, давший русской литературе Александра Вампилова и Валентина Распутина, живет в поселке Казарки Усть-Кутского района Иркутской области – «родном поселке на берегу любимой Лены» [1, с. 7]. Автор пяти книг. В 2024 г. за сборник «Радуница» А. Антипин получил Национальную литературную премию имени В. Распутина.

Составившие книгу «Живые листья» (2021) миниатюры создавались в течение ряда лет. Книжному изданию предшествовали журнальные публикации. Так, с подзаголовком «Из книги миниатюр» выборочные тексты публиковались в журнале «Наш современник» (№№ 4, 8, 12) в 2020 г. Журнальная публикация включала миниатюру с цитатным заголовком «И бездны мрачной на краю...» из «маленькой трагедии» «Пир во время чумы», созданной А. С. Пушкиным в болдинскую осень 1830 г. На 1830–1831 гг. в России пришелся пик эпидемии холеры. Отсылка именно к этому произведению в 2020 г. воспринималась как своевременная: в период пандемии коронавируса массовая коммуникация востребовала фразеологизм «пир во время чумы», закреплённый во фразеологическом составе русского языка в значении 'пир, веселье во время общественного бедствия' с пометой 'неодобрительное' [2, с. 447].

Книгу «Живые листья» открывает миниатюра, состоящая из вопроса о целесообразности писательского труда, обращенного лирическим субъектом к самому себе, – ситуация автокоммуникации определяет степень одиночества субъекта, в сферу размышления которого в следующих миниатюрах входит столь же единолично переживаемая проблема собствен-

ной смертности. Возраст между ушедшей молодостью и еще далекой старостью вызывает предположение о подведении лирическим субъектом предварительных итогов жизни. Здесь уместно привести обобщающее суждение Ю. М. Брюхановой: «Скорее не художественно, а психологически мотивирован тот факт, что к миниатюрам писатели обращаются чаще в зрелом творческом возрасте» [3, с. 73]. В случае с А. Антипиным, возможно, мы имеем дело с иным обоснованием данного творческого акта.

Цельность книги обеспечивает трагическое переживание состояния дел в индивидуальной и народной жизни. Образ «на краю бездны» возникает на начальных страницах и определяет бытие лирического субъекта, длящегося с момента осознания себя писателем: «бессонные семнадцать с их крошечным одиночеством на краю мироздания» [4, с. 7]; «в этой пустыне один на один со своим одиночеством» [4, с. 19]; «край, пустота, финиш» [4, с. 27].

Одновременно в описаниях картин народной жизни выделяется мотив современного существования русского народа, приближающегося к краю национальной катастрофы: «жуткая картина всенародного побоища, гноилица наших вчерашних надежд и планов, под ненастным небом Родины» [4, с. 69]; «дичающее поле» [4, с. 115]; «кто-то скажет, что при таком нашем промедлении велик риск высвобождения из народа темных сил и, как результат, падения его в крошечную бездну...» [4, с. 239].

Названный мотив, оформленный воспроизводимым сочетанием «на краю бездны», актуализирует два словарных значения существительного «бездна»: 1) ‘пропасть, кажущаяся бездонной’; 3) ‘о грозящей кому-либо опасности, гибели’, ‘на краю бездны, над бездной’ [5, с. 466–467]. Первое значение обеспечивает предметную образность, в то время как третье, переносное значение позволяет обозначить полное погружение лирического субъекта в ощущение абсолютного одиночества в близости смерти и в собственном творчестве.

В миниатюре «Гидроэлектростанции» автор использует названный выше фразеологизм в словарном значении неуместности веселья в минуту неурядиц народной жизни: «А на бревнах у тракта, накрыв нехитрую поляну, гомозились подвыпившие мужики, курили и орали во всю матушку»; «А я, глядя на этот праздник жизни, на пир во время чумы похожий, вернулся к неизменно волновавшей меня мысли: а что, интересно, в XXI веке поют деревенские мужики?» [4, с. 41]. Отметим, что дистанция, с которой лирический субъект характеризует мужиков, сокращается по мере того как созерцание подобной картины усиливает в нем «отчаяние и ощущение ненужности себя в этой жизни» [4, с. 42].

Нарастающий в процессе смыслообразования мотив стояния на краю бездны в книге А. Антипина актуализирует из пушкинской «маленькой

трагедии» гимн Чуме председателя пира Вальсингама. Как представляется, для понимания авторского замысла в книге Антипина ближе концепция, сформулированная М. В. Михайловой в статье, опубликованной в том же коронавирусном 2021 г.: статья высветила насущные вопросы в беспрецедентной ситуации реальной глобальной опасности, к которой современники не были готовы.

В начальных стихах гимна «Когда могучая Зима, / Как бодрый вождь, ведет сама / На нас косматые дружины» [6, с. 418] рисуется ежегодно повторяющаяся ситуация зимних холодов, защищаться от которых на протяжении долгого исторического периода русский человек научился. В книге Антипина время осуществляет годовой оборот, который начинается и завершается зимними морозами под 50 градусов: типичные для сибиряков климатические условия жизни благодаря обеспечиваемому пушкинским претекстом (максимально неопределенное место действия) метонимическому переносу распространяются с части на целое: геопоэтическим пространством зимы является вся Россия.

Антитетичная первой, вторая строфа гимна Вальсингама, начинающаяся стихами «Царица грозная, Чума / Теперь идет на нас сама» [6, с. 418], обозначает беспрецедентный период жизни социума, когда смерть прямо и непосредственно угрожает жизни каждого конкретного человека. Данное непреодолимое обстоятельство требует от каждого выработать свой, личный ответ на вопрос «Что делать нам?» [6, с. 418], в котором будет заключен и общий, солидаризирующий с другими опыт. Кажущийся парадоксальным вариант ответа «Как от проказницы Зимы, / Запремся также от Чумы», «Восславим царствие Чумы» [6, с. 419], заключенный в третьей строфе, нуждается в обосновании, которое Вальсингам развивает в двух следующих строфах: «Есть упоение в бою, / И бездны мрачной на краю...» и «Все, все, что гибелью грозит, / Для сердца смертного таит / Неизъяснимы наслажденья – / Бессмертья, может быть, залог» [6, с. 419].

Понимание данных стихов М. В. Михайловой представляется справедливым: «Вполне осознать ценность жизни человеку удастся лишь “на краю”, когда велика вероятность ее потерять. Оказавшись в бою, среди бушующего океана или в чумном городе, мы и стоим на этом краю: из боя можно выйти живым или не выйти, от болезни можно выздороветь или умереть. Кто прошел через ураган и выжил, имеет высокий шанс научиться радоваться и благодарить» [7, с. 285]. «Пушкин воспроизводит здесь мыслительную фигуру из оды Г. Р. Державина “Бог”, где созерцание непомерного, почти нестерпимого божественного величия приводит к принятию человеческой смертности: “Твоей то правде нужно было, / Чтоб смертну бездну преходило / Мое бессмертно бытие; / Чтоб дух мой

в смертность облачился / И чтоб чрез смерть я возвратился, / Отец! в бессмертие твое» [7, с. 285]. В гимне Чуме заключен «смысл христианского героического смирения» [7, с. 285]. Принятие смерти в ситуации прямой угрозы жизни открывает человеку высвобождающее от страха смерти бессмертное существование души.

В книге «Живые листья» миниатюры скомпонованы в 20 разделов. Миниатюра «И бездны мрачной на краю...» помещена в являющийся композиционным центром книги 11-й раздел – ее значимость отмечена на уровне композиции. В ней соединяются жизнь народа, пребывающего на краю бездны, «когда самим временем, на бурлящих порогах истории этот народ испытывало, измалывало, измывало, источив основу, но и вымыв корни», и жизнь лирического субъекта на пределе: «в этот трагический для твоего народа момент сам ты был юн и открыт, корнями наружу, и боль и любовь, крик и молчание, печаль и чаяния своего народа предельно остро воспринял обнаженной душой. И вы все равно что схлестнулись, сплелись всеми вашими корнями, а поверх выросла крепкая заболонь...» [4, с. 142]. Употребленный в данном контексте композит «гидротурбины» («гидротурбины прогресса») коррелирует с заголовком миниатюры «Гидроэлектростанции», организованной противопоставлением «я» – мужики. В маркированной пушкинской цитатой миниатюре лирический субъект полемизирует с оценочным суждением «выродился народишка» [4, с. 142], которое прежде разделял.

Гармоническое слияние народной жизни в трагический период ее истории с предельно обнаженным, одиноким и трагическим переживанием собственной жизни на краю определенно подразумевает освоение смыслов третьей части пушкинской «маленькой трагедии».

Третья часть «Пира во время чумы» наполнена движением, динамична и конфликтна. В ней разворачивается напряженный диалог Вальсингама и старого Священника. Последний индивидуализирован в роли требовательного ригориста, в сфере ответственности которого находятся сильные доводы убеждающей покаяться речи. Священнику удастся вызвать у Вальсингама ответный исповедальный монолог, однако пир тот не оставляет. Завершающие трагедию слова Вальсингама «Отец мой, ради Бога, / Оставь меня» и ответная реплика Священника «Спаси тебя Господь. / Прости, мой сын» [6, с. 422], а также венчающая текст ремарка «Уходит. Пир продолжается. Председатель остается погружен в глубокую задумчивость» [6, с. 422] подразумевают несколько ключевых положений.

Согласно интерпретации В. Е. Хализева, во-первых, «...мы имеем дело с глубочайшим – для самого Пушкина и потому так часто проявляющимся в его героях – чувством верности, т. е. сильным, захватывающим

ощущением кровной связи с отдельным ли человеком, с людьми ли, или лишь с кратковременной ситуацией, связи, которая так безусловно, почти болезненно пронизывает все существо, что доводы рассудка не в состоянии ее расторгнуть» [8, с. 137]. «Трагически смятенный герой “Пира во время чумы” получил от своего поэта печальное и ясное чувство верности, и сейчас это – верность людям, с которыми он и впрямь кровно связан одним грехом и стало быть – ожиданием общей расплаты. По строгой логике пушкинской верности всякий нарушивший ее – “проклят будь”... И Вальсингам говорит о своем решении остаться на пире как о выполнении нравственного долга, тем самым словно бы призывая “милость к падшим”, так – незаметно – поднимая одну из важнейших тем русской литературы» [8, с. 138].

Во-вторых, Хализев называет «нравственным чудом» согласие, в котором разрешается конфликт: «В финальном благословении Священника – то сострадание и доверие, которое дает ему счастливую возможность не только простить Вальсингама, но печально просить его прощения... Смена требований и угроз на сострадание и задушевность поражают глубиной своего смысла. Вспомним: Дженни не требовала от милого пожизненного траура, она лишь просила когда-нибудь посетить ее бедную могилу... Сила такой любви – в ее совершенном бескорыстии, в полной, ничем не омрачаемой самоотдаче. Слова Дженни и заключительная реплика Священника обнаруживают перед нами один из важнейших пластов пушкинского мироотношения – ту “лелеющую душу гуманность”, о которой говорил еще Белинский» [8, с. 139].

В миниатюре «И бездны мрачной на краю...» лирический субъект выступает в защиту простых людей, устоявших на краю бездны, черпает из себя любовь: «и мучительно любишь эту деревню, реку, этих людей, и как еще недавно, в дни отчаяния, просил скорейшего избавления от всего, так и в эти ночные часы боишься одного – смерти, и молишь об одном – чашу пронеси» [4, с. 93], как будто полемизирует с точкой зрения себя прежнего. Одновременно он вбирает в себя ответное чувство земляков, одноклассника, читателя. По мере разворачивания речевого материала автоскоммуникация все более уступает место диалогу.

В. М. Маркович суммировал отмечаемые исследователями смыслы болдинских пьес: они «создают единую картину болезненно-ненормального состояния мира» [9, с. 329] «и вместе с тем восстанавливают представление о подлинной норме человеческого бытия, указывают людям путь, ведущий к спасению» [9, с. 330]. Данный высокий уровень обобщения смыслов улавливается в книге «Живые листья».

Финал книги отмечен двумя образами, коррелирующими с образом «бездны на краю»: «прорубь» и «попынь» в миниатюрах, озаглавленных

данной предметной лексикой. Эти пространственные образы конкретны и локальны, потому безопасны. Слово «прорубь» имеет конкретную референцию – выдолбленная лирическим субъектом на реке Лене прорубь. Одновременно «прорубь» фигурирует как образ сравнения, через который лирический субъект в конечном итоге определяет назначение своего творчества: рукотворная, уходящая в речную глубину, прорубь открыта для всего народа, черпающего из нее полными ведрами. Снимается мучительная для лирического субъекта антитеза праздное писание «я» – тяжелая физическая работа народа. Отыскивается ответ на открывающий книгу инициальный вопрос первой миниатюры.

Опыт стояния на краю визуализируется в завершающей книгу миниатюре «Полынья»: «Перешел на лыжах. Везде надежно, крепко. Не надо щупать посохом. И лишь на фарватере проснулась одна и дышит, жмурясь в мороз, в оттепель – пролизываясь и скалясь. Остановится на краю, смотрел на черную...» [4, с. 266]. Апозиопезис формирует подтекст: смотрел на черную воду, в черную бездну – благодаря конкретности описания, антропоморфным предикатам образ «бездны на краю» одомашнивается и свидетельствует, что проблема собственной смертности решена и снята.

Название «Пир во время чумы» бытует в речевом обиходе в статусе фразеологического оборота. Цитатное название миниатюры «И бездны мрачной на краю...» сигнализирует о наличии плотной смысловой связи книги Андрея Антипина «Живые листья» с «маленькой трагедией» А. С. Пушкина.

Библиографические ссылки

1. Антипин А. Радунца : повести, рассказы, очерк. М. : Вече, 2022.
2. Бирих А. К., Мокненко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998.
3. Брюханова Ю. М. Открывая большое в малом: анализ прозаической миниатюры (по книге Андрея Антипина «Живые листья») // Духовно-нравственное воспитание. 2024. № 1. С. 71–80.
4. Антипин А. Живые листья : Книга миниатюр. Иркутск, 2021.
5. Большой академический словарь русского языка. Т. 1. СПб. : Наука, 2004. [Электронный ресурс]. URL: <https://iling.spb.ru/publications/351> (дата обращения: 05.11.2024).
6. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Том V. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1949.
7. Михайлова М. В. Смертность как религиозно-культурологическая проблема: Бочачко и Пушкин о жизни во время чумы // Вестник РХГА. 2021. Том 22. Вып. 3. С. 275–288.
8. Хализев В. Е. «Пир во время чумы»: опыт прочтения // Хализев В. Е. Ценностные ориентации русской классики. М. : Гнозис, 2005. С. 127–142.
9. Маркович В. М. Цикл «маленькие трагедии» как исследовательская проблема // Поэтика русской литературы : сб. ст. к 75-летию проф. Ю. В. Манна. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2006. С. 315–340.

КОСВЕННЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕНЦИИ ПОБУЖДЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н. А. Михальчук

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, n-mihalchuk@list.ru*

В статье доказывается, что в русской прозе начала XX в. используются в равной мере как кооперативные, так и некооперативные речевые модели косвенного выражения побуждения, а в произведениях русских писателей XXI в. наблюдается снижение частотности кооперативных речевых моделей и преимущественное применение некооперативных моделей. Отмечается изменение роли авторских комментариев в контекстах с косвенными реализациями интенции побуждения.

Ключевые слова: непрямая коммуникация; косвенный речевой акт со значением побуждения.

Непрямая коммуникация – термин, введенный представителем Саратовской лингвистической школы В. В. Дементьевым в работе «Непрямая коммуникация и ее жанры» в 2000-х гг. [1]. Вслед за В. В. Дементьевым мы определяем непрямую коммуникацию как «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [2, с. 5]. В качестве разновидности не прямой коммуникации учеными трактуются косвенные речевые акты.

Характеристика косвенных речевых актов как особого типа высказываний представлена в трудах российских лингвистов Т. В. Булыгиной [3], В. Г. Гака [4], М. Л. Макарова [5], Т. В. Нестеровой [6], Н. И. Формановской [7], А. Д. Шмелева [3] и других. Принимая определение М. Л. Макарова, к косвенным речевым актам мы относим «случай, когда говорящий подразумевает одновременно и прямое значение высказывания, и нечто большее, а само высказывание имеет две иллокутивные функции» [5, с. 107–108]. Таким образом, дифференциальным признаком, позволяющим фиксировать косвенность, мы считаем потенциал употребления речевого акта с двумя иллокутивными функциями.

Отметим, что в лингвистической литературе наметилось два различных подхода к изучению высказываний со значением побуждения: с одной стороны, они рассматриваются с точки зрения ядерного и периферийного способа выражения языкового значения и, с другой стороны, в качестве прямых или косвенных речевых актов. Мы придерживаемся второго подхода и, с опорой на теорию речевых актов, анализируем не прямые (косвенные) реализации интенции побуждения.

Принимая определение Н. И. Формановской, побудительность считаем одним из «целесообразностей говорящего, отражающим его волеизъявление, с одной стороны, а с другой – побуждение к действию адресата» [7, с. 188]. К косвенному речевому акту с интенцией побуждения относим высказывание, в рамках которого прагматическое значение выражается в виде речевых структур, не предназначенных для его реализации (в форме вопроса или сообщения) и имеющих потенциал к прямому употреблению в другом контексте.

Цель данной статьи – выявление особенностей косвенной реализации побуждения в частном дискурсе в русской прозе 1900–1917-х гг. и 2000–2024 гг.

В качестве материала для анализа были выбраны произведения И. Бунина, А. Куприна, М. Горького, В. Вересаева, И. Шмелева 1900–1917 гг. и З. Прилепина, Ю. Полякова, И. Сахновского, В. Токаревой 2000–2024 гг.

Аналізу подлежат группа косвенных речевых актов со значением побуждения (общее число высказываний – 1552). Изучение косвенных речевых актов проводится в двух контекстах: 1) диалог; 2) нарративный контекст, отражающий реплику в диалоге. Высказывания, релевантные для проблематики статьи, отбирались методом сплошной выборки.

Рассмотрим наиболее частотные модели ритуализированного косвенного выражения побуждения в русской прозе двух указанных периодов.

1. Косвенные побуждения в форме высказываний с иллокутивной функцией сообщения.

1.1. Конструкции с лексемами модальной оценки *надо, нужно, должен*.

Косвенные реализации интенции побуждения, имеющие значение необходимости, долженствования выполнения действия, являются самой частотной группой в анализируемых текстах произведений как в период с 1900 по 1917 гг. (129 случаев употребления, 23 % от общего числа косвенных побуждений), так и в период с 2000 по 2024 гг. (177 контекстов, 18 % от общего числа косвенных речевых актов с директивным значением).

В подобных высказываниях говорящий выражает свое мнение, дает оценку предполагаемому действию – необходимость, долженствование его совершения адресатом, однако коммуникативной целью сообщения является не собственно оценка, а последующее выполнение (или невыполнение) действия собеседником. Лексемы *надо, нужно, должен* предполагают категоричность оценки говорящего и, следовательно, побуждения, данную речевую модель в целом мы рассматриваем как некооперативную. Анализируемые высказывания, помимо косвенного побуждения, включают дополнительные смысловые компоненты: говорящий оценивает то, к чему побуждает адресата, убеждает, мотивирует, выражает свою уверенность в необходимости совершения действия.

В частном дискурсе при условии обращения старшего собеседника к младшему или в случае наличия близких и доверительных отношений между коммуникантами косвенные речевые акты, порождаемые в соответствии с анализируемой моделью, могут не приводить к нарушению кооперации в общении. Если же указанные выше условия не соблюдаются, то использование данной модели побуждения может иметь своим следствием коммуникативную неудачу, что отражено, например, в одном из рассказов В. Токаревой: *К нам подошла незнакомая девушка, по виду молдаванка, приехала на заработки. Услышала русскую речь и захотела поговорить на русском языке. Соскучилась. – Вы очень хорошо одеты, – сказала она Сонечке. – А вам надо купить кардиган. – У меня есть, – сухо ответила я. А про себя подумала: «Тожже мне... ложкомойка. Будет советы давать...»*

В художественном тексте благодаря интерпретационной поддержке в виде авторских комментариев, а также с учетом контекста и параметров ситуации мы получаем возможность определить коммуникативную интенцию в такого рода высказываниях, в качестве которой могут выступать не только требование и приказ, но и просьба, совет, упрек, поучение.

Ср. параметры ситуации: разговор хозяина квартиры и квартиранта: *Рваный пришел, словно его по гвоздям волочили. И страшно так глядит. – Дома надо сидеть! – прикрикнул уж на него»* (= седи дома; требование) (И. Шмелев, «Человек из ресторана»). *Подошла бабушка, наклонилась надо мной и чуть слышно шепнула: – Ты меня прости, ведь я не больно потрепала тебя, я ведь нарочно! Иначе нельзя, – дедушка-то старик, его надо уважить, у него тоже косточки наломаны, ведь он тоже горя хлебнул полным сердцем, – обижать его не надо. Ты не маленький, ты поймешь это... Надо понимать, Олешиа!* (= уважай; пойми; поучение) (М. Горький).

В произведениях 1900–1917 гг. прямое указание на коммуникативную интенцию в авторских ремарках наблюдается спорадически, но вместе с тем определенную роль в интерпретации косвенного высказывания, как правило, играет характеристика невербальных средств общения, которая в значительном объеме представлена в текстах произведений. Ср.: 1. Параметры ситуации: разговор матери и сына: *«– Да, да, – сказала она тихонько, – не нужно озорничать!»* (= не озорничай; поучение) (М. Горький). 2. Параметры ситуации: разговор прохожего со сторожем. *«– Отворяй, Никита! – крикнул он голове. – Лошадей нам нужно!»* (= давай лошадей, требование) (И. Шмелев).

В текстах XXI в., напротив, наблюдаем экспликацию коммуникативной интенции в авторском комментарии, а характеристика невербального

компонента, как правило, редуцируется. Данное явление, на наш взгляд, следует связывать с тенденцией демократизации в современной речевой коммуникации, со стремлением к упрощению и сокращению речевого высказывания, ср.: *Не надо развешивать свои проблемы, как белье на веревке, – посоветовала я* (= не развешивай; совет) (В. Токарева).

Т. В. Ларина отмечает факт высокой употребительности конструкций со средствами выражения модальности в значении побуждения в обиходно-бытовом речевом общении, подчеркивая категоричность, импозитивность данного косвенного способа выражения побуждения. Результаты нашего исследования показывают значимость данной модели косвенного выражения побуждения и для русской художественной прозы как начала XX в., так и XXI в.

1.2. Конструкции с глаголом в форме сослагательного наклонения.

Непрямые реализации побудительной интенции в форме конструкций со значением ирреальности представляют собой частотную группу в текстах произведений начала XX в. (86 контекстов, 15 % от общего числа косвенных побуждений в данный период). В лингвистике неоднократно отмечался особый прагматический эффект форм с нереализуемым условием в русском языке – смягчение реализации интенций, снижение категоричности высказываний. Данная речевая модель косвенного побуждения, которую мы относим к кооперативным, наблюдается у всех авторов, выбранных для анализа. Ср. *«Мне бы, – говорит, – лучше белуги бы»* (= дайте; просьба) (И. Шмелев); *Хоть бы картузишко-то купил себе! – кричал он с усмешкой* (= купи, совет) (И. Бунин); *– И пожил бы у нас, бабушка, – сказала Вера* (= поживите; приглашение) (А. Куприн).

Как показывает анализ материала, основная нагрузка в текстах первых двадцатилетий XX в. приходится на высказывания с глагольными формами второго лица сослагательного наклонения, которые выражают желание, обращенное к адресату (74 % контекстов). Ср.: *– А ведь это ты от болезни так зол! Полечился бы, что ли, маленько* (= полечись; совет) (И. Бунин). Намного реже (20 % случаев употребления) встречаются речевые формы с инфинитивом. Ср.: *Завязать бы надо ногу-то, – посоветовала старушка Смурьгина и ушла* (= завяжи; совет) (М. Горький). Конструкции с глаголами в форме 1 лица со значением речемыслительных процессов являются малочисленными (6 % примеров). Ср.: *А я все-таки избу вашу хотел бы посмотреть* (= разрешите; просьба) (И. Бунин).

Показательно, что в русской художественной прозе XXI в. отмечено снижение употребительности данной модели побуждения. Так, в текстах произведений 2000–2024 гг. было зафиксировано всего 16 примеров реа-

лизации косвенного побуждения в виде форм с нереализуемым условием (2 % от общего числа косвенных речевых актов с директивным значением). *А за встречу надо бы и выпить!* – мечтательно предложила она (= давайте выпьем; предложение) (Ю. Поляков).

Снижение частотности данной речевой и языковой модели выражения побуждения в художественной прозе XXI мы связываем с магистральной тенденцией демократизации в современном русском речевом общении, с ослаблением роли принципа вежливости в коммуникации. Характеризуя время перестройки и современную ему эпоху XXI в., В. В. Дементьев констатирует: «Соблюдение вежливости начинает восприниматься как слабая позиция говорящего, зависимость, ею начинают тяготиться» [8]. На наш взгляд, в русле данных тенденций – и снижение частотности кооперативных моделей выражения побуждения в художественном тексте XXI в., вытеснение их некооперативными речевыми моделями и формами.

1.3. Конструкции с глаголами в форме будущего времени.

Косвенные речевые акты с директивным значением, в которых побудительное значение выражено посредством конструкций с глаголом в форме второго лица будущего времени, представлены в 10 % контекстов в русской прозе XX вв. и в 17 % контекстов – в прозе XXI в. Данная речевая модель является некооперативной: конструкции предполагают отчетливую авторитетность говорящего и отмечены императивностью. *Завтра ты мне всю азбуку без ошибки скажешь, и за это я тебе дам пятак* (= выучи, расскажи; требование) (М. Горький).

2. Косвенные побуждения в форме высказываний с иллокутивной функцией вопроса.

Как показывают результаты нашего исследования, количество косвенных реализаций интенции побуждения в форме высказываний с иллокутивной функцией вопроса в XXI в, по сравнению с началом XX в., несколько увеличивается. Так, вопросительные конструкции, используемые в значении побуждения в русской прозе 1900–1917 гг., составляют 13 % от общего числа косвенных директивных высказываний, а в период с 2000 по 2024 гг. они представлены 28 % контекстов.

В то же время типы косвенных вопросительных высказываний, которые традиционно связываются в лингвистике с повышением вежливости общения, – например, подчеркнуто этикетные конструкции с отрицанием типа *Не могли ли бы Вы передать мне соль?*, являясь довольно частотными в прозе начала XX в., в произведениях XXI в. представлены небольшим количеством примеров (8 %). Ср.: *Вы не могли бы передать вот это?* – показывает пакет с коробкой (= передайте; просьба) (В. Токарева).

В произведениях XXI в. распространенными являются вопросы о действиях адресата или о совместных действиях говорящего и адресата, они характеризуются категоричностью и фамильярностью. Данный тип косвенных побуждений наблюдается почти в равной мере у всех анализируемых писателей и составляет 30 % от общего количества вопросительных конструкций. Ср.: *Пойдем пешком? – предложил братик* (= давай пойдем; предложение) (З. Прилепин). – *Выьем? – предложил он мне, уже наливая* (= давай выпьем; предложение) (З. Прилепин). *А чокнуться? А за знакомство?* (= давай чокнемся; предложение) (З. Прилепин). *Целоваться будем?* (= давай целоваться; предложение) (Ю. Поляков).

В русской прозе XXI в. актуализированы краткие формы вопросов, выраженные с синтаксической точки зрения неполными, а также односоставными предложениями. Ср.: – *Хочешь? – предложил мне Славчук, протянув бутылку* (= выпей; предложение) (З. Прилепин). – *Будешь? – произнес я одно из самых важных слов, определяющих судьбы русской цивилизации* (= выпей; предложение) (З. Прилепин). – *Расскажете? – спросил в пространство Андрей Львович* (= расскажи; просьба) (Ю. Поляков).

Таким образом, если в русской прозе начала XX в. используются в равной мере как кооперативные, так и некооперативные модели косвенного выражения побуждения, то в произведениях русских писателей XXI в. выявлено снижение частотности кооперативных моделей и преимущественное применение некооперативных моделей, что связано с тенденцией демократизации и снижением роли принципа вежливости в современной русской коммуникации.

Библиографические ссылки

1. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000.
2. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006.
3. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Издательский дом "ЯСК", 1997.
4. Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи // Иностранные языки в школе. 1982. № 5. С. 11–17.
5. Макаров М. Л. Коммуникативная структура текста : конспект лекций. Тверь : Твер. гос. ун-т, 1990.
6. Нестерова Т. В. Непрямая коммуникация в обиходной сфере (русскоязычное общение) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5, ч. 1. С. 156–162.
7. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М. : Ин-т рус. яз., 1998.
8. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация в русской национально-речевой культуре // Вестник РУДН. 2018. Том 22, № 4. С. 919–944.

БЕЛОРУССКАЯ ПУШКИНИАНА: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Т. Г. Трофимович

*Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,
ул. Советская, 18, 220030, г. Минск, Беларусь, t.trof@mail.ru*

Кратко рассматривается история возникновения белорусской пушкинианы, прослеживаются пути ее существования в течение почти двух веков. Отдельно характеризуется современное состояние переводов А. С. Пушкина на белорусский язык, достижения и неудачи переводческой деятельности. Прогнозируются возможные перспективы развития белорусской пушкинианы.

Ключевые слова: пушкиниана; русский язык; белорусский язык; теория и практика перевода; близкородственные языки.

Среди многочисленных и разноплановых событий текущего года не осталось незамеченным 225-летие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Гений русской и мировой литературы внес значительный вклад в духовное развитие человечества, его нравственное и гуманитарное совершенствование. Как считал известный литературовед и писатель Б. И. Бурсов, «Пушкин сразу – начало и вершина великой русской литературы, занявшей место в ряду величайших литератур мира» [1, с. 139].

Слово *пушкиниана* не сразу отыскивается в словарях и энциклопедиях. Это и понятно. Оно используется, как оказывается, для называния многих явлений, связанных с именем, личностью и творчеством А. С. Пушкина. Пушкинианой предлагают считать все произведения гения, изданные и продолжающие издаваться, произведения литературы и искусства, посвященные ему, работы, связанные с изучением жизни и творчества поэта. Ясно одно: все, что связано с таким явлением мирового масштаба, как Пушкин, может именоваться *пушкинианой*. Не случайно поэтому существует *скульптурная, филателистическая, публицистическая, театральная, музейная, даже наивная* и многие другие пушкинианы.

Слово *пушкиниана* в свое время зафиксировал известный «Толковый словарь русского языка» под редакцией Дмитрия Николаевича Ушакова. В томе 3 читаем: *Пушкиниана – литература, посвященная А. С. Пушкину, и издания его сочинений* [1, т. 3, с. 1082]. Всезнающий интернет ограничивается коротким толкованием: «*Пушкиниана – совокупность изданий произведений А. С. Пушкина и исследований о нем*» [2]. Очевидно, что это не так. В том же интернете без труда находим *михайловскую пушкиниану, пушкиниану Нади Рушевой*.

В пушкиниану наверняка следует включать и многочисленные переводы произведений А. С. Пушкина на другие языки. Есть, например, информация о том, что сотрудники Архангельского литературного музея издали книгу с единственным стихотворением А. С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье...», но переведенным на 210 языков мира [3].

Оставим до лучших времен рассмотрение семантики слова *пушкиниана*, однако с уверенностью укажем, что существует *белорусская пушкиниана*, основную часть которой образуют произведения гения, переведенные и переводимые на белорусский язык.

Есть основания считать, что первым переводчиком Пушкина был Адам Гуринович (1869–1894), который перевел стихотворение «Эхо». А. Мальдис в предисловии к книге «Пушкин и Беларусь» (1999) пишет, что впервые Пушкин заговорил по-белорусски в начале 90-х гг. XIX века [4, с. 5].

В историю белорусской литературы А. Гуринович вошел как поэт-революционер, призывавший к борьбе с самодержавием. Был арестован за политические взгляды, затем из-за болезни выслан из Петербурга на родину, где и умер. Переводил на белорусский язык произведения Н. Некрасова, А. Толстого, И. Крылова, И. Франко, Э. Ожешко, А. Мицкевича и др.

Период приблизительно в три-четыре десятилетия с конца XIX в. до 30-х годов XX в. заметных следов в белорусской пушкиниане не оставил. Не исключено, что мы их просто не сумели обнаружить. При этом можно полагать, что серьезные события этих лет в истории вообще и истории белорусского народа в частности не способствовали созидательному общественному развитию.

Расцвет белорусской пушкинианы приходится на тридцатые годы XX в. Известно, что в 1937 году исполнилось сто лет со дня гибели Пушкина. В связи с этим в СССР и других странах решено было провести серию мероприятий [5]. В ряду таких мероприятий значилось издание произведений писателя на языках народов СССР. Янка Купала распределил произведения между писателями и поэтами для того, чтобы они перевели их на белорусский язык. Известно, что себе Купала взял для перевода поэму «Медный всадник», роман же «Евгений Онегин» он поручил переводить известному тогда поэту Алесю Дудару [6].

К великому пушкинскому наследию обращались классики белорусской литературы: Я. Колас, Я. Купала, А. Кулешов, П. Глебка, П. Бровка, М. Танк, М. Лужанин и др. В 1993 году вышел двухтомник избранных произведений А. С. Пушкина на белорусском языке, в котором помещены переводы еще двадцати авторов.

Хочется несколько слов сказать о состоянии белорусской пушкинианы в последние 20 лет. Поиск переводов и сведений о переводчиках okazaля делом сложным и трудным. Не облегчила это дело «Летопись газетных и журнальных статей». Пока ограничимся устойчивым сложившимся осознанием того, что белорусская пушкиниана жива и успешно поступательно развивается. По разным причинам, прежде всего этического характера, не станем приводить здесь имена и фамилии переводчиков. Эту информацию можно найти на портале «Беларуская палічка», подумать над ней, оценить ее.

Обратимся к языковому анализу. Известное стихотворение А. С. Пушкина с условным названием «Памятник» на белорусском языке бытует в шести поэтических версиях (М. Лужанин, В. Зуенок, Г. Бородулин, В. Моряков, М. Танк (дважды)). Начинается стихотворение строкой *Я памятник себе **воздвиг** нерукотворный...* Словарная дефиниция и сопровождающие пометы выделенного глагола (*высокое*) предсказывают сложности при переводе. Так и произошло. Переводной русско-белорусский словарь предлагает три соответствия глаголу *воздвигать*: *будаваць, ставіць, узводзіць* [7, т. 1, с. 197]. Стилистических помет нет, значит для перевода предлагаются нейтральные глаголы. Переводчики же чувствовали «высокость» пушкинского глагола и попытались ее передать белорусскими глаголами *узнёс* (М. Лужанин), *узвёў* (В. Зуёнок), *узвысіў* (Р. Бородулин). Попытка частичной стилистической переориентации удалась.

В ряде случаев отсутствие полноценных в семантико-стилистическом смысле соответствий подталкивает переводчиков включать в тексты единицы, которых в белорусском языке нет. Вот примеры: *Вознесся выше он главою непокорной Александрийского **столпа**...* Ожидаемые параллели использованы: *Александрыйскага **слупа*** (М. Лужанин), *Вышэй... за **стоўп** Александрыйскі* (Г. Бородулин), *слуп* (М. Танк), но только В. Моряков *Вышэй паўстаў ... Александрыйскага **сталпа***.

Известная строка из того же «Памятника» *К нему не зарастет **народная тропа*** тоже непросто переводится на белорусский язык. В. Зуенок и Г. Бородулин перевели выделенное словосочетание как *людская сцежка*, В. Моряков употребил *народны шлях*. Попытки расширить возможности белорусского языка предприняли в своих переводах М. Лужанин и М. Танк, переведя соответственно: *Туды не зарасце народная **трапа*** и *Не зарасце людская да яго **трапа***.

Переводчики предпринимали попытки использования неизвестных белорусскому языку слов. Слово *пиит* (*Жив будет хоть один пиит*) переводится как *пяняр* (М. Лужанин, М. Танк), *паэт* (В. Зуёнок), но В. Моряков и Г. Бородулин используют слово *niim*.

Приведенные факты следует, по нашему мнению, расценивать как прецеденты положительного влияния русского языка на белорусский. Переводчики предлагали и предлагают для общественного одобрения проверенные временем и высокой поэтической практикой средства, которые могут стать достоянием белорусского литературного языка.

Знакомство с белорусской пушкинианой прошлого и настоящего показывает, что близкое родство русского и белорусского языков позволяет достигать практически полного смыслового и стилистического сближения. Приведем несколько примеров: *Люблю тебя, Петра творенье. / Люблю твой строгий, стройный вид. / Невы державное течение. / Береговой ее гранит.* – *Люблю цябе, Пятра тварэнне. / Люблю твой строгі, стройны від. / Нявы дзяржаўнае цячэнне. / Берагавы яе граніт* (перевод Я. Купалы). *Мороз и солнце; день чудесный! / Еще ты дремлешь, друг прелестный...* – *Мароз і сонца; дзень цудоўны! / Яшчэ ты дрэмлеш, друг чароўны...* (перевод Г. Бородулина). *С своей волчихою голодной / Выходит на дорогу волк; / Его почуя, конь дорожный / Храпит – и путник осторожный...* – *З сваёй ваўчыхаю галоднай / Выходзіць на дарогу воўк; / Яго пачушы, конь дарожны / Храпе – і путнік асцярожны...* (перевод А. Кулешова).

Уровень переводов снижается, если переводчики допускают некоторые небрежности в толковании значения слов или определении их стилистической принадлежности. Так, в «Сказке о золотом петушке» читаем: *Инда плакал царь Дадон, инда забывал и сон...* В переводе А. Якимовича находим: *Часам плакаў цар Дадон, часам забываў і сон...* Однако разговорное и во времена А. С. Пушкина слово *инда* имело другое, не временное значение. Царь Дадон не иногда, не время от времени плакал, его очень беспокоили враги государства, так что он **даже** плакал и не спал.

Известны случаи серьезного нарушения смысла. Так, в четвертой главе романа «Евгений Онегин» читаем: *...С своей волчихою голодной выходит на дорогу волк; / его почуя, конь дорожный храпит – и путник осторожный несется в гору во весь дух...* В переводе А. Кулешова находим: *...Ляціць, што мае сіл, з гары...* Наверх горы и вниз с горы.

В поэме «Медный всадник» есть такие строки: *Причалит с неводом туда / рыбак, на ловле запоздалый, / И бедный ужин свой варит...* В переводе Я. Купалы читаем: *Прыстане з невадам худы / Рыбак у спозненую пору, / Каб падвячорак свой зварыць...* Ужин – это не падвячорак (полдник).

Лингвистической загадкой можно назвать переводы на белорусский язык известной пушкинской строки из стихотворения «Памятник»:

И назовет меня всяк сущий в ней язык. Понятно, что слово *язык* использовано в устаревшем ныне значении ‘народ, народность’ [8, т. 4, с. 780]. В этом значении слово *язык* использовал не только Пушкин, но и другие писатели. Установлено, что слово это евангельского происхождения. Согласно словарю, Пушкин в таком значении использует его 5 раз [9, т. 4, с. 1066]. Поэты-переводчики дружно решили, что *язык* – это *мова*. Читаем: *І кожны назаве той моваю, што звык* (М. Лужанин), *І назаве мяне шматмоўны пераклік* (В. Зуенок), *І назавуць мяне на кожнай з існых моў* (В. Моряков). М. Танк перевел немного по-другому: *І імя маё кожны назаве язык*, предложив использовать слово *язык* в значении ‘орган ротовой полости’.

Существующие и создающиеся переводы страдают нередко из-за недостаточной стилистической дифференциации белорусских языковых единиц. Предлагаем сравнить: *Царь ты наш! Отец народа – возглашает воевода... Цар ты наш! Айцец народа! Ледзь не плача ваявода...* (перевод А. Якимовича). *А девица – хи-хи-хи да ха-ха-ха! А царыца калі стала рагатаць...* (перевод А. Якимовича). *Когда же юности мятежной ... monsieur прогнали со двора... Monsieur пратурьлі з двара...* (перевод А. Кулешова). Количество примеров без труда можно увеличить.

Трудности у переводчиков возникают и тогда, когда А. С. Пушкин использует оставшиеся в прошлом или получившие поэтический статус произносительные и грамматические варианты. *Он по-французски совершенно ... и кланялся непринужденно...* Выделенное слово нужно произносить без перехода *е* в *о*, это подсказывает рифма и история русского произношения. Передать это по-белорусски невозможно: *Ён па-французску дасканалы / Мог размаўляць і мог пісаць; / Мазурку лёгка танцаваць / І адбіваць наклон нядбала* (перевод А. Кулешова). *...Гроба с размытого кладбища... З магіл размытых дамавіны Плывуць па вуліцах!* (перевод Я. Купалы). Употребив старую форму имени существительного и поэтический вариант ударения, Пушкин запечатлел в своей строке особенности тогдашнего русского языка, которые перевод далеко не всегда может передать.

В белорусском произношении нет такого явления, как перемещение ударения на предлог в предложно-падежной форме. Еще одна преграда для переводчика. *Медлитъ нечего: «Скорее! Люди! На конь. Эй, живее!»* В переводе А. Якимовича читаем: *І гукае: «Гэй, народ, у паход жывей на ўсход».* *И что с Парашей будет он дня на два, на три разлучен...* В переводе Я. Купалы читаем: *І што з Парашай будзе ён Разлучаны на пару дзён.*

Справедливости ради укажем, что иногда поэты-переводчики следуют за автором и оставляют предложенные им акцентологические варианты: *Мосты повисли над водами / Масты навiслi над вадамі.*

Завершая свои наблюдения, скажем, что перевод вообще, а тем более перевод поэтических произведений, дело чрезвычайно трудное. Наши наблюдения вовсе не претендуют на упреки или увещевания в некомпетентности. Мы призываем работать с гениальными пушкинскими строками осторожно и добросовестно. Намеренно не станем называть фамилий переводчиков, приведем лишь три примера явных неудач. Помните, *Три девицы под окном пряли поздно вечерком...* В переводе известного всем вступления находим: *Вось каб я была царыца, – / Кажса першая сястрыца, – / Дык адна на ўвесь бы свет / Я наладзіла банкет.* В этом же переводе в конце строфы читаем: *Нарадзіла б для цара / Я асілка-змагара.* В переводе другого общеизвестного стихотворения находим: *Я вас кахаў, каханне засталася ў душы маёй, загасла не зусім, але я не шукаю з вамі зносін.*

Подводя итоги, с уверенностью укажем, что белорусская пушкиниана будет развиваться, обогащаться и совершенствоваться. Эти возможности по умолчанию заложены в нее при возникновении. Белорусам очень повезло оттого, что у них, кроме своих классиков, есть еще и великий А. С. Пушкин.

Библиографические ссылки

1. Бурсов Б. И. Судьба Пушкина. Л. : Сов. писатель, 1986.
2. Пушкиниана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gramota.ru/meta/pushkiniana>. Дата доступа 15.08.2024.
3. Пушкин в переводах на иностранные языки. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://natlibrarium.ru>. Дата доступа 15.08.2024.
4. А. С. Пушкін і Беларусь. Мінск : Беларуская навука, 1999.
5. Пушкинский юбилей 1937 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. Дата доступа 15.08.2024.
6. Алесь Дудар. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia>. Дата доступа 09.05.2024.
7. Русско-белорусский словарь. В 2-х т. АН БССР / Ред. К. К. Атрахович. 2-е изд. Доп. и перераб. Минск, 1982.
8. Словарь русского языка: В 4 т. / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1985–1988. Т. 1–4.
9. Словарь языка Пушкина : в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М. : Азбуковник, 2000.

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД, ВОЗНИКШИХ НА БАЗЕ ОДИНОЧНЫХ СЛОВ

С. В. Халили-Квасова

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, khalili@bsu.by

В статье рассмотрены структурные особенности словообразовательных гнезд, которые возникли на базе одиночных слов, зафиксированных в «Словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова. Словообразовательные гнезда охарактеризованы по количеству компонентов, типу структуры, глубине и ширине гнезда, частеречной принадлежности исходного слова и по соотношению частей речи внутри гнезда.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо; структурный тип; одиночные слова.

Согласно академической «Русской грамматике» (1980), словообразовательное гнездо – комплексная единица словообразовательной системы, представляющая собой «совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченных в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации» [2, с. 134].

В данной статье, опираясь на классификацию А. И. Моисеева [1], мы рассмотрели структурные особенности словообразовательных гнезд, которые возникли на базе одиночных слов, зафиксированных в «Словообразовательном словаре» А. Н. Тихонова (издания 1985–2003 гг.) [3].

По количеству компонентов среди словообразовательных гнезд, возникших на базе одиночных слов, преобладают бинарные гнезда (81% от рассмотренных нами).

Они являются результатом замкнутого одноактного процесса словообразования и представляют собой корневое производящее и его производное.

Большинство лексем, зафиксированных нами в гнездах данного типа, – узкоспециальные термины, чаще всего заимствованные из европейских языков, например: *жерминаль* – *жерминальский*, *умбра* – *умбристый* и т. п. Далее по убывающей располагаются гнезда, объем которых равен 3–12 производным словам; наибольшее количество производных (20) у слова *шоу*.

Среди словообразовательных гнезд, возникших на базе одиночных слов, кроме бинарных, можно выделить следующие структурные типы:

а) гнезда-цепи, или цепочечные гнезда, представляющие собой полинарную цепь, являющуюся результатом последовательного словообразования (1,5 % от рассмотренных нами) и состоящую из трех и более компонентов, например: *ангиология* – *ангиолог* – *врач-ангиолог*.

Большинство полинарных цепей (80 % от общего числа) в исследуемом материале являются линейными, то есть такими, в которых исходное слово и конечное звено принадлежат разным частям речи, например: *гипокинез – гипокинезия – гипокинетический*. Присутствуют также кольцевые словообразовательные цепочки, в которых исходное слово и конечное звено являются словами одной и той же части речи, например, *шунт – шунтировать – шунтирование*.

б) гнезда-пучки, или веерные гнезда, появившиеся в результате параллельного словообразования и представляющие собой исходное слово и его производные, организованные в парадигму на первой ступени словообразования (12 % от рассмотренных нами), например: *бард – бардовский и рок-бард*.

в) гнезда-деревья, или комплексные гнезда, представляющие собой сочетание цепочек и вееров (4,4 % от рассмотренных нами). Среди комплексных гнезд зафиксированы как цепочно-веерные, так и веерно-цепочечные. Веерно-цепочечные гнезда преобладают. Например:

*гашиш – гашишизм
гашишник
гашишемания
гашишный*

*диссоциация – диссоциативный – диссоциативно
– диссоциативность*

По глубине гнезда все словообразовательные гнезда можно разделить на группы в соответствии с глубиной шага.

Так, все цепочечные гнезда имеют слова второй ступени словопроизводства. Среди комплексных словообразовательных гнезд 18 имеют глубину – 2 шага, 3 – 3 шага (*сикх, битл, имплантировать*), 1 – 4 шага (*серф*).

Показателем ширины гнезда является количество производных первой степени деривации. Сред веерных гнезд нами зафиксировано 48 гнезд, имеющих по два производных первой степени деривации, 9 – по три производных, 3 гнезда – по четыре производных. Словообразовательное гнездо с исходным словом *вампир* имеет пять производных на первой ступени деривации.

По частиречной принадлежности в исследуемом нами материале преобладают словообразовательные гнезда с исходным словом, выраженным именем существительным (76 % от рассмотренных гнезд). В меньшей степени представлены прилагательные (6,1 %) и глаголы (2,3 %). Междометия, звукоподражания, частицы являются исходным словом в единичных словообразовательных гнездах.

В зависимости от соотношения частей речи в словообразовательном гнезде весь рассмотренный нами материал можно разделить на однородные и гетерогенные словообразовательные гнезда: однородные включают в себя слова одной части речи, гетерогенные – разных частей речи. Гетерогенные гнезда преобладают (79 %). Среди однородных гнезд большинство (81 %) состоит из имен существительных; количество гнезд, в состав которых входят глаголы, прилагательные и частицы, единично.

Таким образом, среди словообразовательных гнезд, возникших на базе одиночных слов, большая часть является бинарными словообразовательными парами. Веерные и веерно-цепочечные гнезда в количественном отношении превосходят цепочечные и цепочечно-веерные. В данных словообразовательных гнездах наиболее широко представлены имена существительные. Большинство гнезд являются гетерогенными, среди однородных гнезд преобладают субстантивные.

Библиографические ссылки

1. Моисеев А. И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке : учеб. пособие. Л. : Изд-во ЛГУ, 1987.
2. Русская грамматика : в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980. Т. 1.
3. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М., 2003.

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОПОСТАВЛЕНИИ С РОДСТВЕННЫМИ И НЕРОДСТВЕННЫМИ ЯЗЫКАМИ. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

МОДЕЛИРОВАНИЕ ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ МЕТАФОР ЛИНГВОДИДАКТИКИ: ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

О. Г. Дедович

*Белорусский государственный педагогический университет,
ул. Советская, 18, 220030, г. Минск, Беларусь, olya-de@yandex.ru*

В статье представлены результаты сопоставительного анализа русских и немецких гастрономических метафор лингводидактического сектора Беларуси, России, Германии. Уточнены области-источники и сферы метафорической референции. Выявлены сходства и различия вторичных наименований сладостей, холодных закусок, горячих блюд, пищи быстрого приготовления, кухонной утвари, мест общественного питания в немецком и русском языках. Рассматриваемая база контекстных употреблений позволяет сделать вывод о более разветвленной фреймо-слотовой структурной организации метафорической модели в немецкоязычном лингводидактическом дискурсе. Установлены случаи комплексной мотивации вербально-визуальных метафорических образов. В русскоязычном индивидуально-авторском дискурсе Е. И. Пасова зафиксирована активность пейоративных гастрометафор.

Ключевые слова: метафора; метафорическая модель; сопоставление; русский язык; немецкий язык; учебные издания; лингводидактика.

Процесс конструирования гастрономических метафор можно считать своеобразным ключом к пониманию того, как реализуется глубинный семантический потенциал языковых единиц посредством создания метафорических лексико-семантических вариантов. Вторичные наименования пищи, процессов ее приготовления и поглощения не раз становились объектом исследований на стыке лингвистики и педагогики. Так, посвященное метафорическому моделированию базисных концептов педагогического дискурса диссертационное исследование Е. Г. Кабаченко показывает, что сфера-источник «Пища» активно используется в трудах отечественных педагогов-классиков для репрезентации концептов «образование», «знание», «школа», «урок», «ученик» [1, с. 5]. Метафорические наименования продуктов питания экстраполируются в область педагогики

для характеристики учебной атмосферы, роли учащихся и родителей в образовательном процессе, что находит отражение в научных трудах видных российских методистов начала XXI в. [2, с. 18].

Интересный ракурс анализа российского образовательного дискурса в аспекте сравнения двух «картин мира» (восприятие образовательного процесса обществом и самими педагогами) представлен в статье И. И. Чироновой. Вывод, к которому приходит исследователь, отражает важность преобразования действительности, в том числе на лингвистическом уровне. Для этого «учителям нужно перестать использовать образ глотающего и переваривающего знания ученика, отказаться от метафор “собственность” и “товар”, а вместо них развивать идею образования как увлекательного путешествия в мир новых знаний» [3, с. 81].

Определяя специфику концептуализации абстрактных понятий в методическом англоязычном дискурсе, Н. П. Ивинских подчеркивает, что «метафорическая модель “ЕДА” помогает интерпретировать сложные для понимания методические категории: обучение, учение, метод, коммуникация, содержание обучения» [4, с. 53]. Представители Пермской школы метафоры обращаются к проблеме творчества в образовательном англоязычном дискурсе и анализируют в том числе манифестацию гастрономических метафор. Например, сфера образования образно отождествляется с состоящим из разнообразных качественных ингредиентов блюдом (талант, личностная свобода и др.), а учитель выступает в роли квалифицированного шеф-повара [5, с. 399]. Реализация пищевой метафоры в англоязычном педагогическом интернет-дискурсе соотносится с традиционными представлениями о «потреблении» и «переваривании» полученных новых знаний, при этом актуализируется порционность обучения [6, с. 97].

В фокусе нашего исследования находится ранее не систематизированный немецкоязычный корпус гастрометафор лингводидактики в аспекте сопоставления с русским языком. При составлении картотеки был использован метод целенаправленной выборки из учебных пособий трех стран (Беларуси, России, Германии), а также блогов преподавателей на образовательных web-платформах. В качестве источниковой базы русских индивидуально-авторских метафор привлекались научно-методические труды Е. И. Пассова. При описании и интерпретации лексических значений были использованы методы компонентного, мотивационного и контекстного анализа. На этапе систематизации вторичных единиц задействованы методы метафорического и фреймового моделирования.

Рассмотрим специфику метафорических экспликаций лингводидактических реалий. Гастрометафоры в немецком и русском языках в области лингводидактики образуются по прямой семантической модели «G (гастрономический исходный ЛСВ, источник мотивации) → N (нега-

строномический производный ЛСВ, сфера-реципиент)». Выход за рамки гастрономического «коридора» позволяет экстраполировать определенную часть семантики в область внеязыковой действительности и образно переосмыслить абстрактные термины и понятия. Основными критериями для систематизации гастрометафор послужили интегральные компоненты, на основе которых происходит метафорический перенос в целевую зону, а также семантическая представленность исходной понятийной сферы (см. рис.). Цветом выделены совпадающие источниковые области в сопоставляемых языках, курсивом – специфические для русскоязычного лингводидактического дискурса.

Сферы-источники гастрометафор лингводидактики

Можно отметить общую тенденцию представления лингводидактических понятий через разнородный по своему составу гастрономический континуум, который в обоих языках выступает продуктивной донорской сферой. Универсальные аспекты реализации гастрономической метафоры в немецком и русском языках связаны с метафорической проекцией в целевые сферы «грамматика», «говорение», «рефлексивные приемы и техники», мотивированные

♦ **формой** (круглый – нем. *die Aufgabentorte* ‘торт заданий’ / рус. *торт решений*);

♦ **структурой** (многослойный – нем. *das Zwiebel-Gespräch* ‘луковый разговор’ / рус. *дискуссия «Луковица»*; соотношение «часть – целое» – нем. *der Argumentationburger* ‘бургер аргументации’ / рус. *рефлексивный гамбургер*);

♦ **свойствами продуктов питания** (твердый, крепкий – нем. *die Nuss: schwierige Aufgabe* ‘орех: сложное задание’ / рус. *грамматический орешек*);

♦ **способом приготовления блюд и напитков** (смешивание – нем. *der Wortsalat* ‘салат из слов’ / рус. *салат из сказок*; нем. *die Buchstabensuppe* ‘буквенный суп’ / рус. *суп из рефлексии*; рус. *термины-коктейли*; перекручивание – нем. *der Mixer: das beschäftigt mich noch* ‘миксер: нужно обдумать’ / рус. *прием мясорубка: информацию «докручу» (домыслию, переработую)*; раскалывание – нем. *der Textknacker* ‘тот, кто расколется текст’ / рус. *грамматический Щелкунчик*);

♦ **функциональным назначением** (вместилище – нем. *der Wasserkrug* ‘кувшин с водой’ / рус. *кувшинчик знаний*; ассортимент для выбора – нем. *das Aufgabenbuffet* ‘шведский стол индивидуальных заданий’ / рус. *рефлексивный ресторан*).

В немецкоязычном дискурсе вкусовые метафоры актуализируют полярные семантические полюсы по шкале «сладкий – кислый»: *die Orangen: eine positive Rückmeldung* ‘апельсин: положительный отзыв’ – *die Zitrone: eine kritisch-konstruktive Rückmeldung* ‘лимон: критико-конструктивная обратная связь’. Если в фокусе метафоры оказываются улучшители вкуса, русский авторский дискурс заряжен скорее отрицательно. Ср. нем. *die Aufsatzzewürze* ‘приправы для сочинения’ / рус. *страноведческие знания – «приправа к пище», «витаминная добавка» к знаниям языковым и овладение ими (точнее, их запоминание), если и происходит, то отдельно от языка* (Е. И. Пассов); *национальный компонент – лишь «приправа», но не само блюдо* (Е. И. Пассов); *в традиционном «обучении иностранным языкам» язык служит основной пищей, а культура некими пищевыми добавками, БАДами* (Е. И. Пассов).

В метафорические немецкоязычные контексты вовлекаются наименования фаст-фуда в значении ‘любая пища, которая быстро приготавливается и предоставляется клиенту’ [7, с. 23]. В целевую зону рефлексии транслируется семантика способа приготовления (в частности, очередность выкладывания слоев), что воплощается в развернутых метафорах нем. *die Feedbackpizza* ‘рефлексивная пицца’ / рус. *сэндвич обратной связи, сэндвич похвалы* и др.

В немецкоязычном корпусе лингводидактики регистрируются гастро-метафоры, которые обладают «комплексной (синкретической) мотивацией, иными словами, актуализируют разные смыслы в зависимости от ре-

ципиентной сферы и контекста функционирования» [8, с. 164]. Например, в семантическом диапазоне полисеманта *попкорн* доминирует мотивирующая сема ‘способ приготовления’, если важно подчеркнуть свободную очередность высказываний при обсуждении проблемы (*der Popcorn-Prinzip* ‘принцип попкорна’). В грамматической сфере-мишени актуализируется сема ‘внешний вид’ (*der Wortartenpopcorn* ‘попкорн из частей речи’). Разные смысловые ответвления наблюдаются и в смысловой структуре представленного графически полисеманта *конфета*: *didaktisches Bonbon* ‘дидактическая конфета’, *das Bonbon* ‘eine freiwillige Aufgabe, die dir Spaß machen wird’ ‘конфета: добровольное задание по выбору, которое принесет удовольствие’. В первом случае актуализируется внешний вид кондитерского изделия с целью визуализации модели учебного занятия, во втором – сладкий вкус лакомства.

В рамках одной и той же сферы-мишени визуальная метафора может встретиться в различных контекстовых фрагментах. Например, *рожок мороженого* метафорически репрезентирует иерархию степеней сравнения прилагательных или последовательность глагольных времен в целевой грамматической зоне. Пересечение исходного и вторичного значений фиксируется в параметре ‘внешний вид молочного продукта’. В смысловой структуре полисеманта *яйцо* актуализируются следующие фасеты: яйцо как продукт *das Votum-Ei* ‘яйцо для голосования’, яйцо как готовое блюдо *das Spiegelei* (также *Spiegel-Ei*) ‘яичница-глазунья’. В обоих случаях перенос по признаку внешний вид ‘молочно-белый белок, круглая, выпуклая форма желтка’ дополняется проявлением пространственной семы с целью визуализации рефлексивного представления о собственной работе, например, в ходе проекта: *im Eigelb: positive Bewertung* ‘в желтке: положительная оценка’; *im Eiweiß: gute Bewertung* ‘в белке: хорошая оценка’; *außerhalb des Eis: unbefriedigend* ‘за пределами яйца: неудовлетворительно’.

Выводы. Представленные в лингводидактическом дискурсе гастро-метафоры имеют разную степень детализации и смысловой наполненности. Отличия просматриваются в более дробном и многомерном воплощении метафор в немецкоязычном лингводидактическом дискурсе, что выражается разветвленной системой слотов. Универсальные для двух языков сходства между элементами гастрономической области-источника и лингводидактической области цели реконструируются на основе «внешних» (форма, структура, функциональное предназначение) и «внутренних» (вкус, способ приготовления) салиентных признаков. Будучи включенными в лингводидактические контексты, ряд визуальных метафор реализует комплексную мотивацию, что обуславливает расширение их ассоциативно-образного потенциала. В индивидуально-авторском дискурсе

Е. И. Пасова преобладают негативно окрашенные пищевые метафоры, которые номинируют болевые точки лингводидактики и методики преподавания.

Библиографические ссылки

1. Кабаченко Е. Г. Метафорическое моделирование базисных концептов педагогического дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Уральский федеральный ун-т. Екатеринбург, 2007.
2. Макашова В. В. Концептуальная метафора в педагогическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 5.9.8 / Российск. ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы. Москва, 2023.
3. Чиронова И. И. Что значит имя: метафорический образ российского образования // Филологические науки в МГИМО. 2016. № 7. С. 69–84.
4. Ивинских Н. П. Метафорическая модель «еда» в методическом дискурсе (на материале английского языка) // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2015. Выпуск 32. С. 51–54.
5. Пермьякова Т. М., Мишланова С. Л., Ивинских Н. П. Метафоры творчества в образовании // Стереотипность и творчество в тексте : Межвуз. сб. науч. тр. Пермского гос. ун-та. Пермь, 2010. С. 397–402.
6. Мучкина Е. С. Метафорическая репрезентация образовательного процесса в англоязычном педагогическом интернет-дискурсе // Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык». 2021. № 3 (30). С. 87–102.
7. Бойчук А. С. Гастрономическая метафора: структурный, семантический, стилистический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Волгоградский государственный ун-т. Волгоград, 2012.
8. Стариченок В. Д. Образ человека в белорусском языковом континууме. Минск : Колорград, 2018.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАБОТЕ ПЕРЕВОДЧИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКОВОЙ ПАРЫ «АНГЛИЙСКИЙ–РУССКИЙ»)

М. М. Жбанков

*Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, taxim.zhbankov@gmail.com*

Статья посвящена использованию информационных технологий в процессе осуществления письменного перевода. Описан опыт использования новых технических средств (программных продуктов, онлайн-сервисов нейросетей) в практике письменного перевода. Рассмотрены положительные и отрицательные стороны использования онлайн и офлайн инструментов для этих целей.

Ключевые слова: информационные технологии; письменный перевод; программа; сервис; нейросеть.

Цифровизация и автоматизация процессов являются характерными для нашего времени тенденциями, затрагивающими все сферы челове-

ской деятельности, в том числе и сферу перевода. Начиная с самых ранних попыток осуществления машинного перевода в 1954 году, тематика использования информационных технологий в лингвистике и переводе остается актуальной и освещается в диссертационных исследованиях О. И. Максименко [1], О. И. Кузьмина [2], Н. А. Панасенкова [3] и др., а также учебных пособиях А. В. Зубова [4], А. Н. Малявиной [5], Т. В. Захаровой и Турловой Е. В. [6], Э. В. Пивановой [7].

В данной публикации мы рассмотрим актуальные сегодня инструменты, которые могут использоваться на разных этапах процесса письменного перевода. Заметим, что приведенная ниже схема построения рабочего процесса переводчика и использования технологических средств применяются нами не только в собственно переводческой практике, но и в рамках практических занятий по учебным дисциплинам «Автоматизированный перевод и постредактирование» (первая ступень) и «Информационные технологии в переводе» (магистратура) в Минском государственном лингвистическом университете.

В профессиональной среде традиционно принято делить процесс письменного перевода на три этапа: предпереводческий анализ, выполнение перевода и последующее его редактирование. С учетом всех технических аспектов на современном этапе процесс письменного перевода можно разбить на следующие стадии: получение исходного файла и приведение его в редактируемый формат (как правило, текстовый документ); предпереводческий анализ полученного текста; собственно выполнение перевода; редакция выполненного перевода; представление перевода в формате, необходимом заказчику. Для ускорения и облегчения работы на каждом из данных этапов существуют технические средства и инструменты, многие из которых имеют широкий набор функций и могут применяться в течение всего процесса.

Ввиду ограниченного объема статьи мы подробно рассмотрим только использование средств автоматизации на первом этапе работы с письменным переводом – получении исходного материала и преобразовании его в редактируемый формат. Исходный материал может предоставляться в разной форме: редактируемый текстовый документ (например, .docx), нередатируемый текстовый документ (например, .pdf), изображение (сканированный текст, фотография), аудиозапись, видеозапись. В зависимости от требований заказчика конечная цель при работе с каждым из этих видов может варьировать от собственно перевода текста до субтитрирования и/или переозвучивания, что соответственно определяет перечень необходимых технических и программных средств.

В случае с редактируемым текстом и распознанным pdf-файлом дополнительные действия обычно не требуются (во втором случае достаточ-

но просто выделить и скопировать текст). В случае работы с нераспознанным pdf-файлом, а также сканированным изображением или фотографией текста, для конверсии его в редактируемый формат могут использоваться как специализированные программы для оптического распознавания текста или редакторы pdf-файлов и конверсии их в другие форматы (Adobe Acrobat Reader Pro, Foxit Reader Pro или ABBYY Fine Reader), так и бесплатные и условно-бесплатные онлайн-инструменты с аналогичным функционалом, такие как ilovepdf.com, onlineocr.net или другие сходные сервисы. В зависимости от качества исходного материала распознанный документ может требовать определенного объема редакторы и форматирования, чтобы с ним в дальнейшем можно было работать. Для этих целей удобно использовать нейросети. Логично было бы предположить, что при этом выбор конкретной нейросети должен зависеть от основного языка, на котором она обучалась (как правило, родной язык разработчиков), т. е. с вычиткой текста на русском языке «русскоязычный» GigaChat справится лучше, чем «исконно» англоязычные ChatGPT или Perplexity. В порядке эксперимента мы распознали фрагмент текста из старого издания Ф. М. Достоевского [8] и предложили трем нейросетям его проверить. См. таблицу:

Результаты вычитки распознанного текста нейросетями

Fine Reader	Chat GPT	Gigachat	Perplexity
<...> хотя я и называю Алексея Оедоровича моим героем, но однако самый знаю, что человек опт» отнюдь не великий, а посему и предвижу неизбежные вопросы в роде таковых: ч!мь же замечателен ваш Алексей Ое- доровпч, что вы выбрали его своим героем?	<...> хотя я и называю Алексея Федоровича моим героем, но сам знаю, что человек он отнюдь не великий, а потому предвижу неизбежные вопросы в роде таких: чем же замечателен ваш Алексей Федорович, что вы выбрали его своим героем?	<...> хотя я и называю Алексея Федоровича моим героем, но сам знаю, что человек он отнюдь не великий, а потому предвижу неизбежные вопросы в роде таких: чем же замечателен ваш Алексей Федорович, что вы выбрали его своим героем?	<...> хотя я и называю Алексея Федоровича моим героем, но сам знаю, что человек этот отнюдь не велик, а посему предвижу неизбежные вопросы в роде таковых: чем же замечателен ваш Алексей Федорович, что вы выбрали его своим героем?

Как можно видеть, в данном случае качество вычитки у всех трех нейросетей примерно одинаковое. Примечательно в данной ситуации лишь то, что среди списков использованных источников и ChatGPT, и Perplexity приводят в основном системы машинного перевода (то есть работают с базами параллельных текстов, а не одноязычным массивом данных). Таким образом, разумнее будет предположить, что определяющим фактором является большая или меньшая степень доступности материалов

для обучения нейросети на данном языке, а также ее доступ к сторонним онлайн-базам.

В случае получения аудиовизуального исходного материала нам необходимо осуществить распознавание аудиодорожки и сформировать текст для последующего письменного перевода. Характерная особенность технологий распознавания речи состоит в необходимости хранения на компьютере большого объема данных языковых пакетов. Так, размер инсталлятора популярного видеоредактора Adobe Premiere Pro, поддерживающего функцию распознавания речи, составляет около 2 Гб, а общий размер всех языковых пакетов для 16 языков – около 10 Гб. В подобной ситуации более удобным для широкой аудитории является использование онлайн-сервисов, таких как *notta.ai* или *speechnotes.co*. Данные сервисы позволяют загрузить аудиофайл и выгрузить распознанный текст в виде готового текстового документа. В отличие от текста, получаемого при распознавании изображения, продукт распознавания речи требует редактуры в большинстве случаев. Это связано с тем, что в беглой речи многие выражения звучат похоже, и, чтобы правильно выделять слова, необходима работа с контекстом, чего обычные системы распознавания речи не делают.

Приведем пример из видеосюжета на YouTube-канале индийского новостного агентства WION [9] про избирательную кампанию в США. Сервис *notta.ai* распознал следующий текст: «<...> Harris retains majority support from the **blackmail** voters <...>» ‘Харрис сохраняет поддержку большинства избирателей-**шантажистов**’. При этом темой сюжета были изменения предпочтений чернокожих избирателей-мужчин. После вычитки нейросетью Perplexity мы получили следующий результат: «<...> Harris retains majority support from **Black male** voters <...>» (‘Харрис сохраняет поддержку большинства **чернокожих** избирателей-**мужчин**’). Произношение *black male* (‘чернокожий мужчина’) и *blackmail* (‘шантаж, шантажировать’) идентично, и выбор трактовки данного сочетания звуков определяется исключительно контекстом. Следует отметить, что для вычитки нейросети давался не изолированный фрагмент, а полный распознанный текст сюжета продолжительностью около 5 минут. Таким образом, у системы было достаточно контекста. По завершении работы нейросеть также предоставила нам список источников, которыми пользовалась при проверке текста.

Следует отметить, что качество систем распознавания речи значительно варьирует в зависимости от сегмента: условно-бесплатные системы общего пользования значительно уступают коммерческим системам, в особенности предназначенным для использования в корпоративном

сегменте (напр. встроенные системы распознавания в ИИ-ассистенте Fireflies или корпоративном мессенджере Slack, Google Whisper в Google Workspace).

При работе с исходным материалом в видеоформате задача в конечном итоге сводится в тому же, что и при работе с аудио: распознавание речи и перевод полученного текста. Конечный продукт нашей работы в данном случае может быть представлен в виде: а) переведенного текста (в т. ч. для переозвучивания или субтитрирования); б) субтитров (отдельным файлом или «вшитых» в само видео); в) переозвучки.

В первом случае схема работы идентична обычному порядку работы над переводом текста. Во втором случае традиционно использовались специализированные программы для субтитрирования (Aegisub, Visual Sub Sync и другие), но для них необходимо наличие готового переведенного текста, а выставление временных рамок каждого фрагмента субтитров (т. н. «таймкодов») осуществляется вручную на основании видеоряда или осциллограммы аудиодорожки.

Однако для ускорения и автоматизации процесса нам представляется логичным использовать решения в сфере автоматического субтитрирования. Они позволяют распознать текст оригинала и автоматически соотносят его фрагменты по времени с самим видео. В современной массовой культуре мы повсеместно видим использование таких решений в видео блогеров в TikTok и на YouTube. В первом случае субтитры встраиваются в видео при его редактировании в сервисе, во втором – их можно включать и выключать. В обоих случаях существуют свои ограничения, в частности, отсутствие возможности распознавания нескольких языков одновременно (пользователь просто выбирает язык из списка в меню «Язык видео»), поэтому вкрапления из других языков могут расшифровываться необычно или даже просто комично. Например, в русскоязычном видео в TikTok, где говорится об анализе потребностей клиента при обучении иностранному языку, английский термин *needs analysis* («анализ потребностей») расшифровывается просто как «ниц анализис». Аналогичная ситуация наблюдается с автоматическими субтитрами на YouTube, но там существует возможность их ручной правки, а также добавления нескольких дорожек.

Для более серьезной работы с автоматическим субтитрированием существуют как онлайн, так и оффлайн-решения. В качестве примеров онлайн-решений приведем сервисы veed.io и vizard.ai. Оба представляют собой онлайн-видеоредакторы с интуитивно понятным интерфейсом. Оба позволяют распознать текст оригинала, автоматически расставить плашки субтитров для последующей редактуры и при необходимости выгрузить

готовый файл субтитров. Сравним, как они справились с распознаванием речи американца на русском языке, в которой присутствуют ошутимый, но не препятствующий пониманию акцент, а также вкрапления английских примеров. Он рассказывает о том, почему многие русскоязычные люди, говоря по-английски, звучат грубовато [10]. Ср. фрагмент, распознанный *veed.io*: *В русском вы можете совсем нормально говорить: «Передайте мне, пожалуйста, сахар». Но многие русские, которых я знаю, дословно переводят эту фразу на английский и говорят «Give me, please, the sugar».* Сервис *vizard.ai* распознал тот же самый фрагмент следующим образом: *В русском вы можете совсем. Ло мало говорить, передайте мне, пожалуйста, сахар. Ну многие русские, которых я знал, словно переводить эту фразу на английский и игр ВЯТ. GVM nlsb шок.* Как видно из приведенных выше фрагментов, в то время как один сервис справился с акцентом и даже распознал вкрапление английского (хотя язык видео выставлен как «Русский»), второй не справился ни со словами, ни с границами предложений. Конечно, постредактирование продукта такого распознавания отнимет много времени и сил.

В области оффлайн-решений подобный функционал реализован в уже упоминавшемся нами выше видеоредакторе Adobe Premiere Pro, однако требует ручной установки языковых пакетов. Качество распознавания весьма высокое, существует возможность выбора плотности субтитров (насколько большими будут фрагменты и как часто они будут сменяться).

После подобной подготовительной работы можно приступить непосредственно к переводу фрагментов текста, при необходимости корректируя длительность фрагмента, а также его положение во времени.

В заключение отметим, что подобное разнообразие вспомогательных инструментов позволяет значительно облегчить и ускорить работу переводчика, тем самым существенно повышая производительность его труда и качество итогового продукта. Таким образом, владение данными техническими средствами на современном этапе является одним из важных факторов профессиональной конкурентоспособности переводчика.

Библиографические ссылки

1. Максименко О. И. Формальные методы оценки эффективности систем автоматической обработки текста : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.21 / Московский государственный лингвистический университет. М., 2003.
2. Кузьмин О. И. Сопоставительное исследование современного цифрового инструментария автоматизированного перевода (на материале подъязыка «Логистика») : дис. ... канд. филол. наук : 5.9.8 / Московский государственный лингвистический университет. М., 2023.
3. Панасенков Н. А. Обучение лингвистов-переводчиков работе в системах автоматизированного перевода в вузе: дис. ... канд. пед. наук : 5.8.2 / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2022.

4. Зубов А. В. Информационные технологии в лингвистике : учебное пособие для студ. лингв. фак-тов высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2012.

5. Малявина А. Н. Информационные технологии в переводческой деятельности : учеб.-метод. пособие. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2014.

6. Захарова Т. В., Турлова Е. В. Практические основы компьютерных технологий в переводе : учебное пособие. Оренбург : ОГУ, 2017.

7. Теория и практика машинного перевода : учебное пособие / авт.-сост. Э. В. Пиванова. Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2014.

8. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 13 т. Санкт-Петербург : Типография братьев Пантелеевых, 1888. Т. 13.

9. Black Males in US Edge Over Trump as Obama Loses Cool [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8zvJo7CD7rY> (дата обращения: 15.10.2024).

10. 2 Причины Русские Звучат Грубо На Английском! [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fErq3FokuT8> (дата обращения: 15.10.2024).

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА КАК ИСТОЧНИК СХОДСТВ И РАЗЛИЧИЙ ПЕРЕВОДА И ОРИГИНАЛА (ТРИ БАСНИ И. КРЫЛОВА В ПЕРЕВОДАХ ГЕОРГИЯ РАЙЧЕВА НА БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ)

К. И. Иванов

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Krasimirivanov10@gmail.com*

На основе сопоставительного анализа текстов басен И. А. Крылова «Любопытный», «Пруд и река» и «Крестьянин и смерть» и их болгарских переводов Георгия Райчева исследуются отношения семантической и функциональной адекватности между ними. Выявлены основные проявления сходств и различий в семантической и лексической структурах текстов. Представлены обоснования причин расхождений в связи с рецепцией оригиналов переводчиком и аудиторией принимающей литературы.

Ключевые слова: переводческая интерпретация оригинала; семантическая адекватность; модификация смысловых акцентов; прагматическая адаптация.

Мастерство И. А. Крылова-баснописца заключается в удивительном умении объединить элементы живой разговорной речи и различных стилей литературного языка. Переводчики басен И. А. Крылова должны передать не только смысловые компоненты текстов, но и такие черты индивидуального изобразительного стиля, как выразительность, конкретность, динамичность описаний, естественность языка, на котором говорят герои. Сравнительный анализ оригинала и перевода необходим для выработки оценки степени функциональной адекватности и репрезентативности переводного текста. Различия в лексическом оформлении часто связаны не только с расхождениями языковых систем, но и с рецепцией оригинала

переводчиком на этапе ознакомления с ним. Именно она определяет конкретные решения, связанные с задачей воспроизвести условный семантический инвариант содержания в аналогичной первообразу форме при наличии некоторых отклонений от нее.

Объектом нашего анализа стали тексты басен И. А. Крылова «Любопытный», «Крестьянин и смерть» и «Пруд и река» и их переводы на болгарский язык, сделанные Георгием Райчевым, одним из тех, для кого интерес к творчеству Крылова был не эпизодическим, а постоянным, целенаправленным и плодотворным. Позиция переводчика находит проявление уже в сохранении или изменении исходного заглавия. Одно из них почти полностью повторяется: «Любопитният». Наличие членной формы имен в болгарском языке позволяет внести дополнительный семантический нюанс определенности – речь пойдет о конкретном любопытном человеке. Поскольку он изображен в стиле жанра как представитель распространенного в обществе типа людей, это дополнительно усиливает контраст единичное – общее. В других названиях изменения более существенны: «**Старецът и смъртта**» («Старик и смерть») и «**Река и блато**» («Река и болото»). В оригинальные заглавия вынесены главные антагонисты и участники диалога, предлагающего разные решения вопросов экзистенциального и философского характера: крестьянин, в унынии пеняющий «на свой рок» и зовущий смерть; пруд и река – обобщенные символы застоя, лени, ничегонеделания и движения, энергии, активного начала, ведущего к обновлению и развитию. В самом тексте социальный статус крестьянина не отмечен номинацией, но он присутствует опосредованно в собственных характеристиках и авторских обозначениях: *куда я беден!; нуждаюся во всем; бедняк; тащился к своей лачужке дымной*. Возрастной статус представлен два раза номинацией *старик*. В болгарском тексте признаки пожилого возраста появляются чаще: *старик, повяхнал* (увядший), *дядото* (дед); старость к тому же противопоставлена молодости: *До този час от ранна младост // не помня ни единчък ден на радост* ‘С ранней молодости и до сегодняшнего дня не припомню ни одного радостного дня’. Старость вообще в переводе относится к атрибутам смерти: *свирепа, стара*. В болгарском тексте встреча старика и смерти представлена в других параметрах: *едвам изрече, смъртта пред него се изпречи* (‘как только сказал, она встала на его пути, перегородила ему путь’). У И. А. Крылова видим: *Зовет он Смерть: она у нас не за горами, а за плечами*; смерть подстерегает крестьянина, подходит к нему сзади, поэтому и он, *увидев вдруг ее свирепую осанку*, оторопел. Автор опирается здесь и на известную русскому читателю поговорку: *Мысль (думы) человека за горами, а смерть (беда) за плечами*. Простая констатация безра-

достного существования в переводе снижает эмоциональную и образную выразительность риторического вопроса в тексте Крылова: *И выдался ль когда на свете // Хотя один мне радостный денек?* Более общая трактовка конфликта подчеркнута и обращением смерти к крестьянину: – *Защо ме призова, човече?* ‘Зачем ты звал меня, старик?’. Социальные корни, локальный и исторический контекст сюжета в трактовке Райчева даны в ограниченном объеме: *Как съм беден, боже мой! // Безкрайни нужди, а жена, дечица, пък данъците нямат брой...* – *Куда я беден, боже мой! // Нуждаюся во всем; к тому ж жена и дети, // А там подушное, боярщина, оброк...* Перечень конкретных повинностей крестьян заменен выводом: налогов не счастье. Семантические трансформации в переводе наблюдаются и в обратном направлении, в сторону развития линий, которые у И. А. Крылова даны в общих контурах с элементом недосказанности. У него старик зовет смерть, а Георгий Райчев дает этому действию вербальное выражение: *О, смърт, ела и прибери ме!* ‘О, смерть, приди и забери меня!’. В сторону большей конкретизации направлено добавление в известном послании этого текста: *Из басни сей // Нам видетъ можно, // Что как бывает жить ни тошно, // А умиратъ еще тошней. – Ако обсъдим тази басничка добре, // ще проумеем, // че както мъчно да живеем – // триж по е мъчно да се мре (триж ‘в три раза’).*

Замена пруда на болото в названии басни «Пруд и река», скорее всего, связана с задачей прагматической адаптации текста для восприятия другой национально-культурной аудитории. Пруд в языковом сознании болгар не связан с коннотациями застоя, более понятным для них является в таком значении образ болота (место с застоявшейся водой, обычно обросшее водными растениями, в переносном смысле – место духовного разложения). Пруд к тому же не так часто встречающийся в природе Болгарии водный объект. Асимметрия в восприятии подтверждается ассоциативным потенциалом номинации в русском языке для обозначения большого количества: *Пруд пруди*. Модификации здесь затронули и порядок расположения объектов в заглавии – носителей двух противоположных философий: *Река и блато* (в оригинале *Пруд и река*). Исчез в переводе и момент соседства двух антагонистов, предполагающий постоянное наблюдение друг за другом: *Веднъж блатото каза на реката* ‘Однажды болото сказало реке’. Ср. рус.: «*Что это, – говорил Реке соседний Пруд*». Близость подчеркнута фамильярным обращением *сестрица*, также не нашедшим места в болгарском тексте: *Неужли-таки ты, сестрица, не устанеш?* В другом месте перевода находим обращение *река* (отсутствующее в оригинале), указывающее на большую дистанцию в общении: *Погледай, аз съм по-добре от теб, река!* ‘Смотри-ка, река, я в лучшем по-

ложении, чем ты!'. (В оригинале: *В сравнении с твоим, как жребий мой приятен!*). В словесном противостоянии речевая партитура пруда исполнена самодовольства, а местами она и откровенно ироничная, обвиняющая, оценочная, построенная на противопоставлении Я–ТЫ. Столкновение идей представлено И. А. Крыловым в ярких образах, и это важная часть системы языковых изобразительных средств. Переводчик стремился передать эту особенность, но с некоторыми семантически значимыми трансформациями: *А воды все твои текут! – Все течеш!* Форма множественного числа у И. А. Крылова создает впечатление большого количества воды: *То с грузом тяжкие суда, то долговязые плоты ты носишь. – Всеки ден по теб платната // на тежки кораби е вятърът развял, // или пък мъкнеш пълен сал.* Здесь перераспределены экспрессивные единицы: *долговязые* (признак длины) – *пълен* (полный); *тяжкие суда* – в болгарском переводе ветер развеивает паруса тяжелых кораблей; *носишь* – *мъкнеш* ('волочить, переносить с усилием'); *Я, право, высох бы с тоски. – Аз бих пресъхнало от скръб така; Да это, право, все пустое. – За всичко туй не струва да се жали* ('об этом не стоит жалеть'); *Когда такую жизнь ты бросишь? – Нима не чакаш мир, покой!* ('Разве ты не ждешь покоя?'); *Что беззаботную заменит жизнь такую? – С какво ще замениш живот такъв блажен?* Образы пруда и реки связаны с определенным кругом лексем, описывающих два способа жизни: 1) тихую, спокойную, неактивную, до поры до времени хорошую, но с незавидным концом (*в илестых и мягких берегах – край тинестите, меки брегове; лежу и в неге, и в покое – в покой и нега стоя; за ветрами – на завет; не движась – без да се подвижа; не будет и в помине – за тебе никой няма да се сети* 'о тебе никто не вспомнит'; *глох – заглъхна; иссох – изсъхна; заволочен весь – покри го кал дълбока; зарос осокой – обрасна в тръст висока* (степень проявления признака); и 2) полную движения и труда (*с грузом тяжкие суда – тежки кораби; лодки, челноки – лодки; свежестъ, движение – преснота, вечно движение; веки течъ – дълго да тека през вековете; обилием и чистотою вод – с водата си обилна, прясна*).

Выбор лексических эквивалентов сильнее меняет семантические акценты именно в басне, чье название претерпело минимальную трансформацию – «Любопытный». Финал басни давно уже превратился в крылатую фразу «Слона-то я и не приметил» как символ неумения увидеть главное в явлении и невнимательности в его восприятии и оценке. Но это результат определенных действий героя, которые представлены в разных пропорциях в двух текстах. В оригинале: *Где ты был?; часа там три ходил, все видел, высмотрел; каких зверей, каких там птиц я не видал; а видел ли слона?; я, чай, подумал ты, что гору встретил; не приметил.* В переводе:

Къде си бил?; три часа бях в музея; срещнах там; срещнах там какви не зверове и птици; не съм видял; а слона срещна ли?; стоях, излязох ('вышел') и не забелязах ('не заметил'). Заметно преобладание глаголов движения и состояния в переводе (*быть* – 2, *встретить* – 3 словоупотребления), в оригинале – больше глаголов зрительного восприятия (*видел* – 3, *высмотрел, не заметил*). Единственное употребление глагола *встретить* связано не с действием посетителя кунсткамеры, а с предположением его собеседника. Глаголы *видеть, высмотреть, заметить* предполагают активность субъекта действий. Это подчеркнуто и дотошным пересчетом мелких насекомых, увиденных посетителем: *бабочки, букашки, козявки, мушки, таракашки, коровки*. В переводе этот ряд представлен скупом: *буболечки и мушци*. Акцентируется глагол *срещна* ('встретить') – идя, увидеть кого-либо, движущегося с противоположного направления; столкнуться, найти, и увидеть при этом. Посетитель музея настроен на то, чтобы и увидеть, и встретить, натолкнуться (заранее не зная об экспонате), а посетитель кунсткамеры, первого в России публичного музея, собрания редкостей, диковинных предметов, стремится все увидеть своими глазами. Это два типа зрителей: один – более самостоятелен и активен, другой – более пассивен и невнимателен, но результат один и тот же: главного они так и не увидели. В переводе Г. Райчева есть и одна смысловая неточность, здесь головки насекомых как головки булавок, а у Крылова сами насекомые меньше их: *И с толкоз мънички главици, същински топки на карфици!* В оригинале: *Какие крохотны коровки! Есть, право, менее булавочной головки!*

Из проведенного анализа лексических структур текстов трех басен И. А. Крылова и их переводов, сделанных Георгием Райчевым, можно заключить, что в целом ему удалось донести до болгарского читателя особенности содержания и формы оригиналов. При этом есть случаи семантических и стилистических отклонений от текста, проявившиеся в выборе переводных функциональных эквивалентов, в экспликации возможного, но не прямо указанного автором развития смысла, в перестановке экспрессивных и образных доминант отрезков текста, в элиминировании лексики с национально-культурным компонентом, в модификациях заглавий, переформулирующих тему, философскую или социальную идею басни. Выявленные различия в языковом материале вызваны комплексом факторов субъективного и объективного порядка, главными среди которых являются: 1) индивидуальная трактовка расстановки и обособленности смысловых акцентов оригинала и 2) соображения вкуса и привычек новой болгарской читательской аудитории.

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛАГОЛА (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕШСКОГО, РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Н. В. Ивашина

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, natasha.ivashina@gmail.com

В статье рассматриваются определенные семантические закономерности при сопоставлении глагольного управления в чешском, белорусском и русском языках. Представлены некоторые устойчивые модели отличий в управлении глаголов семантически консолидированных групп лексем. Отмечено, что развитие нового значения слова может быть связано с изменением его сочетаемости. При этом довольно часто оно включается в иную модель управления. Сопоставительный анализ глаголов в трех языках показывает, что отдельные значения глагола всегда обусловлены его актантным типом, семантической, лексической и синтаксической сочетаемостью.

Ключевые слова: глагольное управление; семантическая, лексическая, синтаксическая сочетаемость; устойчивые модели; чешско-белорусско-русское сопоставление.

Сопоставительные исследования в области синтаксиса направлены не только на формальную, но и на семантическую организацию коммуникативных единиц. Связь между семантикой и синтаксисом может касаться как отдельных лексических единиц, так и семантически консолидированных групп лексем. Известно, что семантически близкие лексемы группируются по определенным моделям синтаксической сочетаемости [1; 2; 3]. Поиск такого рода закономерностей чрезвычайно продуктивен при сопоставлении.

Развитие нового значения слова часто связано с изменением его сочетаемости. При этом нередко оно включается в иную модель управления, например, чеш. *přijít na co* 'додуматься до чего' (как *myslit, pomyslet, vzpomínat na co*), *přijít o co* 'потерять что' (как *připravít se o co, zkracovat o co*); *platit za koho, za co* 'считаться кем, чем' (как *pokládat, označovat, považovat za koho, za co*), *platit komu* 'предназначаться кому' (как *adresovat, zaslat komu*), *platit na koho* '(воз)действовать на кого' (как *působit, účinkovat na koho*), ср. также *nutit* 1. *koho k čemu* 'заставлять' (как *pobízet koho k čemu*), 2. *co komu* 'навязывать' (как *vnucovat co komu*); *spočítat* 1. *kde* 'лежать' (как *ležet kde*), 2. *na čem* 'основываться' (как *zakládat se na čem*), 3. *v čem* 'заключаться, состоять' (как *tkvít v čem*); *volat* 1. *koho* 'звать' (как *zvat koho*); 2. *komu* 'звонить' (как *telefonovat komu*); *svědčit* 1. *proti komu, před kým* 'свидетельствовать', 2. *komu, čemu* 'приносить пользу' (как *prospívat komu, čemu*); *odbyť* 1. *co* 'сделать кое-как, сострять' (как *odfláknout co*), 2. *koho, co čím* 'отвергнуть, отказать' (как *odmítnout koho, co*).

Вместе с тем изменение управления глагола далеко не всегда предполагает изменение лексического значения. Многочисленные примеры колебания управления без изменения семантики приводит, например, С. Махова: *diskutovat, uvažovat o čem > diskutovat, uvažovat co* (как *projednat co*); *svěřit se komu s čím > svěřit se komu o čem* (как *povědět komu o čem*); *podívat se čemu > podívat se nad čím* (как *pozastavovat se nad čím*); *zmáčknout co > zmáčknout na co* (как *sáhnout na co*); *přimlouvav se za co > přimlouvav se o co* (как *prosít o co*) [4, с. 34].

Речь идет о чисто поверхностной характеристике, которая не связана с изменением лексического значения, ср. бел. *кінуць камень / кінуць каменем, хістаць галіны / хістаць галінамі, мысліць аб кім / мысліць пра каго* ‘думать’, чеш. *nadávat komu / nadávat na koho* ‘ругать’, *přihlašovat se k čemu / přihlašovat se do čeho / přihlašovat se na co* ‘записываться, регистрироваться’. Однако изменение управления *мысліць на каго* ‘злоумышлять’ или *přihlašovat se o koho, o co* ‘заявлять’ ведет к изменению значения, поскольку мотивировано глубинной семантикой.

В ряде случаев управление глаголов-полисемантов может совпадать только в первом значении, ср.: чеш. *bát se koho, čeho* – бел. *баяцца каго, чаго* – рус. *бояться кого, чего*, чеш. *bát se o koho, o co* – бел. *баяцца за каго, за што* – рус. *бояться за кого, за что*; чеш. *srážet se s kým, s čím* – бел. *сутыкацца з кім, з чым* – рус. *сталкиваться с кем, с чем*, чеш. *srážet se čím* – бел. *збгацца (пра тканіну), згортвацца (аб вадкасці) з-за чаго* – рус. *садиться (о ткани), свертываться (о жидкости) из-за чего*.

Обязательные синтаксические и семантические валентности могут не совпадать, ср. примеры разной семантической и синтаксической сочетаемости: чеш. *dbát na co* – бел. *выконваць што* – рус. *соблюдать, исполнять что*, чеш. *dbát o koho, o co* – бел. *дбаць, клапаціцца аб кім, аб чым, пра каго, пра што* – рус. *заботиться о ком, о чем*. Возможны различные семантические валентности и при совпадении управления: чеш. *dotýkat se čeho* – бел. *дакранацца да чаго* – рус. *дотрагиваться до чего*, чеш. *dotýkat se čeho* – бел. *закранаць што* – рус. *затрагивать, упоминать что*.

Семантическая валентность глагола первична по отношению к его синтаксической валентности. В случае несовпадения глагольного окружения в двух языках одна и та же ситуация может описываться с помощью нескольких глаголов в одном из языков. В белорусском и русском языках глаголы *працаваць* и *работать* связаны с работой не только людей, но и механизмов, в то время как в чешском языке работу человека определяет глагол *pracovat*, а механизмов *fungovat*. В белорусском языке глагол *гуляць* передает значения ‘развлекаться, проводить время за играми и спортивными занятиями’ (*hrát co s kým, o co* – *гуляць у што з кім, на што* – *играть во что с кем, на что, hrát co* (о спорте) – *гуляць у што* – *играть*

во что), а с глаголом *іграць* связаны значения ‘исполнять роль’ и ‘играть на музыкальном инструменте’ (*hrát koho, co – іграць каго, што – іграць кого, што, hrát na* (о музыкальном инструменте) – *іграць на чым – іграць на чем*). Встречаются и примеры лексической асимметрии, когда значение глагола в сопоставляемом языке можно передать лишь описательно: *ztroukoti – пацярпець крушэнне – потерпеть крушение, těšit se – чакаць з нецярпеннем – ждать с нетерпением, tápat – прабірацца вобмацкам – пробираться ощупью* и др.

Следует учитывать существование устойчивых моделей управления у глаголов со сходной семантикой в каждом языке, однако при этом различие валентности у соответствующих глаголов в родственных языках не обусловлено семантически.

К группе глаголов с генетивным управлением относятся чешские глаголы с семантикой 1) ‘достижения, контакта’ (часто с приставкой *do-*, как правило, возвратные): *dopouštět se* ‘совершать что’, *dotýkat se* ‘дотрагиваться до кого, до чего’, *dožít se* ‘доживать до чего’, *dopátrat se* ‘добраться до кого, до чего’, *dovolát se* ‘дозваться, дозвониться до кого, до чего’, *chopit se, chytit se* ‘схватиться за кого, за что’, *zmočnit se* ‘захватить кого, что’; 2) ‘отделения, лишения’: *vzdávat se* ‘отказываться от кого, от чего’, *zřít se* ‘отрекаться от кого, от чего’, *zbavovat se* ‘избавляться от кого, от чего’, *pouštět se* ‘отпускать кого, что’, *zdržovat se* ‘воздерживаться от кого, от чего’, *štit se* ‘гнушаться кем, чем’. В белорусском и русском языках в основном консолидированы глаголы со значением достижения с приставкой *да-/до-*: *дакрануцца, дажыць, дайсьці да каго, да чаго, дотронутся, дожить, дойти до кого, до чего*, но здесь очевидно влияние приставки.

Общим для трех языков является дательный падеж с общим значением ‘давать, передавать’ + винительный падеж: *dávat, věnovat, předávat, odevzdávat, přinášet, nařizovat, příkazovat, důvěřovat, sdělovat, oznamovat* – *даваць, дарыць, перадаваць, прыносіць, загадваць, завяшчаць, давяраць, даручаць, наведамляць* – *давать, дарить, передавать, приносить, приказывать, доверять, сообщать* и др. Однако только в чешском языке встречается дательный падеж при глаголах с семантикой ‘брать, отнимать’: *brát, odebírat, odnímat, pobírat* ‘брать, отбирать’, *krást, odcizovat* ‘красть’. Белорусские и русские семантические соответствия управляют предложным родительным падежом – бел. *браць, красці, адбіраць, адымаць у каго* – рус. *брать, красть, отбирать, отнимать у кого*.

Вместе с тем в чешском языке есть группа процессуальных глаголов с управлением исключительно дательным падежом: *přizvukovat* – *згаджацца з кім, з чым – соглашаться с кем, с чем; rozumět* – *разумець каго, што – понимать кого, что; spílat* – *лаяцца на каго, на што – ругать кого,*

что; *věnovat se* – займацца чым – заниматься чем; *vyhýbat se* – пазбягаць, унікаць каго, чаго – избегать кого, чего; *divít se* – здзіўляцца каму, чаму – удивляться кому, чему. Сопоставление показывает единичные случаи совпадения в управлении.

Чешские глаголы со значением ‘высмеивать, издеваться’ также употребляются с дательным падежом: *smát se*, *posmívát se*, *vysmívát se*, *pošklebovat se*. Белорусские глаголы управляют родительным падежом с предлогом *з*: *смяяцца*, *здэкавацца*, *кпіць з каго*, русские – творительным с предлогом *над*: *смеяться*, *насмехаться*, *издеваться*, *измываться над кем*.

Беспредложный винительный падеж в чешском языке чаще всего встречается при глаголах с семантикой: 1) ‘владеть, управлять’ – *vlastnit*, *ovládat* ‘владеть’, *řídít*, *spravovat* ‘управлять’, *dirigovat* ‘дирижировать’; 2) ‘влиять’ – *ovlivňovat* ‘влиять’, *otravovat* ‘надоедать’, *zdravít* ‘здороваться’, *kontaktovat* ‘контактировать’, *usměrňovat* ‘направлять’; 3) ‘подражать, следовать’ – *pozorovat* ‘наблюдать’, *sledovat* ‘следить’, *napodobovat*, *padělat*, *imitovat* ‘подражать’, *obdivovat* ‘восхищаться’.

Аккузатив с предлогом *na* в чешском языке часто связан с обозначением 1) мыслительной деятельности: *myslit* ‘думать’, *pamatovat* ‘помнить’, *potuýšlet* ‘подумывать’, *zapomínat* ‘забывать’, *vzpomínat* ‘вспоминать’, *soustředovat se* ‘сосредотачиваться’; 2) эмоционального состояния: *nadávat* ‘ругать’, *žárlit* ‘ревновать’, *usmívát se* ‘улыбаться’; 3) направленности на установление контакта: *volat* ‘звать’, *obracet se* ‘обращаться’, *upozorňovat* ‘обращать внимание’, *mávat* ‘махать’, *mrkat* ‘подмигивать’, *ptát se*, *tázat se* ‘спрашивать о ком, о чем’; 4) некоторых конкретных действий: *mířit* ‘целиться’, *střílet* ‘стрелять’, *sahat* ‘дотрагиваться’, *útočit* ‘атаковать’, *klepat*, *bušit* ‘стучать’.

В чешском языке регулярно употребляется модель управления аккузативом с предлогом *o*, которая отсутствует в белорусском и русском языках. Эта модель чаще всего встречается при глаголах с семантикой: 1) ‘заботиться о ком’ – *dbát*, *pečovat*, *starat se*; 2) ‘бояться за кого’ – *bát se*, *obávat se*, *strachovat se*, *třást se*, *chvět se*, *klepat se*; 3) ‘стремиться получить что-либо’ – *bojovat*, *zápasit* ‘бороться’, *pokoušet se* ‘пытаться’, *prosit*, *žádat* ‘просить’, *usilovat* ‘стремиться’, *zajímat se* ‘интересоваться’, *zasloužit se* ‘заслужить’, *soutěžit*, *soupeřit* ‘соревноваться’, *snažit se* ‘пробовать’, *soudit se* ‘судиться’, *zkracovat* ‘сокращать’, *rozšiřovat* ‘расширять’. Ряд различий в глагольном управлении между чешским, белорусским и русским языками связан именно с такой моделью в чешском языке.

Чешским конструкциям с предлогом *za* и аккузативом у глаголов с классифицирующим значением соответствует творительный беспредложный восточнославянских глаголов: чеш. *pokládat*, *považovat*, *platit* –

бел. *лічыць* – рус. *считать*; чеш. *označovat* – бел. *абазначаць* – рус. *обозначать*; чеш. *prohlašovat* – бел. *абвяшчаць* – рус. *объявлять*.

В чешском языке глаголы со значением ‘двигать, бросать’, как правило, управляют творительным падежом: *házet, vrhat, mrštit, praštit*. Аналогичное употребление возможно в белорусском и русском языках, однако оно значительно реже, чем прямое управление аккузативом.

Еще одна модель управления творительным падежом в чешском языке связана с семантикой, направленной на чувственное восприятие: *hořet* ‘гореть’, *sršet* ‘искриться, блистать’, *znít, ozývat se, zvučet* ‘звучать’, *páchnout, smrdět* ‘вонять’, *vonět* ‘пахнуть, благоухать’, ср. также творительный падеж у глаголов, обозначающих действия, которые сопровождаются какими-либо звуками: *břinkat* ‘брякать, лязгать’, *klapat, bouchat* ‘стучать’, *luskat* ‘щелкать’. В белорусском и русском языках такие модели также существуют, но они передают только значение ‘пахнуть’ (*пахнуць, смярдзець чым, пахнуць, воняць чым*) и ‘издавать звук’ (*стукаць, бразгаць, шчоўкаць, брынчаць, дрынкаць чым, стучаць, брэнчаць, щелкать чым*).

Чешские глаголы со значением ‘убегать, прятаться’ (*prchat, utíkat, uhýbat se, schovávat se, skrývat, utajovat před kým, čím*) требуют управления творительным падежом с предлогом *před*, ср. бел. и рус. *уцякаць, хавацца ад каго, убегать, прятаться от кого*.

Конструкции с глагольным управлением в большей степени похожи в восточнославянских языках, что, разумеется, объясняется генетической и ареальной близостью. При этом управление часто совпадает в русском и белорусском языках при лексическом совпадении чешского и белорусского глаголов: чеш. *dbát o koho, o co* – бел. *дбаць аб кім, аб чым* – рус. *заботиться о ком, о чем*; чеш. *zaležet na kom, na čem* – бел. *залежаць ад каго, ад чаго* – рус. *зависеть от кого, от чего*; чеш. *červenat se čím* – бел. *чырванець ад чаго, з-за чаго* – рус. *краснеть от чего, из-за чего*; чеш. *prahnout po čem* – бел. *прагнуць чаго* – рус. *жаждать чего*; чеш. *čekat na koho, na co* – бел. *чакаць каго, што, чаго* – рус. *ждать кого, что, чего*. Однако возможны случаи схождения между чешским и белорусским языками, при отличиях внутри подгруппы, напр. чеш. *pohrdat kým, čím* – бел. *пагарджаць кім, чым* – рус. *презирать кого, что*; чеш. *oženit se s kým* – бел. *ажаніцца з кім* – рус. *жениться на ком*; чеш. *děkovat komu* – бел. *дзякаваць каму* – рус. *благодарить кого* и под. Встречаются, конечно, и случаи несовпадения управления во всех трех языках (при совпадении/несовпадении лексическом), напр. чеш. *bolet koho* – бел. *балець каму* – рус. *болеть у кого*; чеш. *dvořit se komu* – *заяцацца да каго* – рус. *ухаживать за кем*.

Таким образом, контрастивный анализ глаголов в чешском, белорусском и русском языках еще раз показал, что отдельные значения глагола всегда обусловлены особенностями его семантической, лексической и синтаксической сочетаемости.

Библиографические ссылки

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. М. : Языки славянской культуры, 1995.
2. Апресян Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2004.
3. Норман Б. Ю. Универсальное и специфическое в синтаксических моделях славянских языков. Минск : Университетское, 1988.
4. Machová S. Jemné proměny české věty // Sborník prací filozoficko-přírodovědecké fakulty Slezské univerzity v Opavě. Řada jazykovědná (D2). 2002. S. 33–40.

ПРОСТО ИЗУМИТЕЛЬНО! ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭМОЦИИ УДИВЛЕНИЯ, ЗАФИКСИРОВАННЫЕ ВО ВНУТРЕННИХ ФОРМАХ СЛОВ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

А. И. Ковалева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kowalowa_anna@mail.ru*

Статья посвящена проблеме интерпретации компонентов ситуации удивления в русском и белорусском языках. На материале внутренних форм слов, именующих компоненты ситуации удивления, проведен анализ общего и различного в ее языковом представлении. Определены типы внутренних форм, реализующих межъязыковые отличия, выделены мотивирующие признаки, характерные для уникальных внутренних форм русских наименований.

Ключевые слова: внутренняя форма слова; удивление; метафора; русский язык; белорусский язык.

Внутренняя форма слова (далее – ВФ) – это средство аккумуляции знаний носителей языка об объекте номинации. По этой причине анализ внутренних форм слов, именующих некоторый объект внеязыковой действительности в разных языках, служит надежным инструментом сопоставления фрагментов языковых картин мира.

Удивление – это базовая эмоция, основанная на нарушении вероятностного прогноза, презентующая субъекту противоречие между новым знанием и его прошлым опытом [1, с. 4, с. 75], возникающая в результате событий, которые, с точки зрения человека, ее испытывающего, не соот-

ветствуют нормальному, обычному ходу вещей и, как следствие, интерпретируются как невозможные, недостоверные [2, с. 43].

Подобие генетически родственных и структурно близких русского и белорусского языков рождает вопрос о том, присутствует ли во внутренних формах единиц, принадлежащих к лексическим системам указанных языков, различие во взгляде на объекты номинации. Универсальность эмоции удивления позволяет рассмотреть особенности ее репрезентаций в русском и белорусском языках в сопоставительном аспекте.

В данной работе материалом исследования послужили слова русского и белорусского языков, именующие элементы ситуации удивления. Изучение данной лексики было направлено на выявление особенностей представления эмоции удивления в структуре слов посредством их внутренних форм. Сконцентрированность исследования именно на эмоции удивления задала рамки изучаемому материалу: анализу не подвергались лексические единицы, содержащие в своем значении указание на неконкретизированное чувство (например, бел. *анямець* ‘застыць у нерухомасці пад уплывам якога-н. пачуцця, замерці’), а также слова, значения которых указывают на потенциально возможное удивление, однако не содержат в своем составе семы ‘эмоция’ (рус. *причуда* ‘странное чудачество, прихоть, каприз’).

В группе единиц, описывающих ситуацию удивления в русском и белорусском языках, можно выделить следующие микрогруппы: слова со значением ‘заставлять испытывать удивление’, ‘испытывать удивление’, ‘каузатор удивления’.

Мотивированные единицы, характеризующиеся общим значением ‘заставлять испытывать удивление’, в русском и белорусском языках подчеркивают две одинаковые характеристики. Во-первых, способность удивить расценивается носителями обоих языков как способность сделать что-то необычное, представить человеку, испытывающему эмоцию, нечто в виде дива: рус. *дивить, удивить, удивлять, подивить* имеют ВФ *диво* ‘то, что вызывает удивление, чудо, диковина’, бел. *дзівіць, здзівіць, здзіўляць, падзівіць* основаны на ВФ *дзіва* ‘нешта незвычайнае, тое, што выклікае здзіўленне’.

Во-вторых, эмоция удивления в современной психологии описывается как реакция на внезапное, неожиданное событие, проявляющаяся в том, что «разум как будто становится пустым, все мыслительные процессы как будто приостанавливаются» [3, с. 190]. Эта особенность удивления была давно осмыслена носителями русского и белорусского языков и запечатлена в метафорических ВФ: рус. *ошеломить, ошеломлять* (ВФ – *ошеломить* ‘сильным ударом по голове притупить сознание’), рус. *оглушить, оглушать* (ВФ – *оглушить* ‘сильным ударом по голове

лишить сознания’) и бел. *ашаламіць, ашаламляць* (ВФ – *ашаламіць* ‘аглушыць мощным ударам па галаве’), *аглушыць, аглушваць* (ВФ – *глушыць* ‘мощным ударам па галаве пазбавіць прытомнасці’). В русском языке зафиксировано также прямое указание на временное исчезновение ума у человека под воздействием удивления: *изумить, изумлять* (ВФ – *ум*).

Русские лексические единицы содержат и указания на полную – не только когнитивную, но и телесную – парализацию человека под воздействием резкого воздействия каузатора удивления. Исходя из ВФ русских слов, удивить – значит убить или побить: рус. *поражать, поразить* (ВФ – *поразить* ‘нанести удар оружием, убить’) и рус. *ошарашить, ошарашивать* (ВФ – *шарахать* ‘неожиданно сильно ударять, бить’).

ВФ слов, именующих состояние удивления, в русском и белорусском языках сходны и подают его как результат действий того, кто удивляет: рус. *удивиться, удивляться, удивление, дивиться, дивоваться, подивиться, поражаться, поразиться, изумиться, изумляться, изумление, изумленный, изумленность, изумленно, ошеломление, ошеломленный, ошеломленно, ошеломленность*; бел. *дзівіцца, дзівавацца, здзівіцца, здзіўляцца, здзіўленне, падзівіцца, здзіў* ‘дзіва, здзіўленне’, *дзіва* ‘здзіўленне’, *ашаламіцца, ашаламленне*. В русском языке линия, намеченная в наименованиях, объединенных семьей ‘удивить’, указывающая на временное отсутствие ума у удивленного человека, повторяется и в наименованиях со значением ‘удивиться’. В сознании русскоговорящих удивленный человек предстает как некто с недостатком ума – рус. *недоумеваает*, испытывает *недоумение*, является *недоумевающим* (ВФ – *ум*).

Наименования каузаторов удивления широко представлены в русском и белорусском языках и включают в себя названия лиц, способных спровоцировать удивление, объектов, которые могут удивить, а также качеств, порождающих удивление.

Некто, способный вызвать удивление, как в русском, так и в белорусском языковом сознании представляется как человек, который совершает странные, нелепые поступки, дурит: рус. *чудак, чудачия, чудасия, чудачка, чудачина, чудачиха* (ВФ – *чудить*), бел. *дзівак, дзівачка* (ВФ – *дзівачыць*). Особенность семантики данных слов, тяготеющей к отрицательной оценке, стимулировала словообразовательную активность русскоязычных номинаторов, в результате которой появились рус. *чудодей, чудодейка* и *чудодород*, которые, как и вышеуказанные единицы, подчеркивают способность живого каузатора удивления создавать чудеса (ВФ – *деять чудеса* и *рождать чудеса*).

При номинации объекта, способного вызвать удивление, носители русского и белорусского языков выбрали одинаковый эталон – почти нереальный результат действия волшебных сил (рус. *чудо* – ВФ *чудо*

‘сверхъестественное необъяснимое явление, вызванное волшебством’, бел. *цуд* – ВФ *цуд* ‘невытлумачальная з’ява, якая выклікаецца чарадзействам’). Тот же самый признак – невозможность существования объекта или события – подчеркивается ВФ русских слов *диковина*, *диковинка* ‘редкая, необыкновенная вещь, вызывающая удивление’ (ВФ – *дикий* ‘невероятный, немислимый’) и *невидаль*, *невидальщина* ‘что-то небывалое, невиданное, редкое, достойное удивления’ (ВФ – *не видеть*). Так же, как и при наименовании состояния удивления, нечто, вызывающее его, расценивается русским языковым сознанием как что-то, лишаящее человека способности четко мыслить: рус. *умопомрачение* ‘нечто необыкновенное, изумляющее, поражающее’ (ВФ – *ум помрачить*).

И в русском, и в белорусском языках качества, которые провоцируют удивление, осмысляются прямо как свойство быть удивительным (рус. *удивительный*, *удивительность*, *удивительно* (ВФ – *удивить*), *поразительный*, *поразительно* (ВФ – *поразить* ‘произвести сильное впечатление; удивить, изумить’), *изумительный*, *изумительно* (ВФ – *изумить*), *дивный*, *дивно* (ВФ – *дивить*) и бел. *дзіўны*, *дзіўнасць*, *дзіўна* (ВФ – *дзівіць*)) и метафорически как нереальные, невозможные (рус. *фантастический*, *фантастичный*, *фанатстично*, *фантастически* (ВФ – *фантастический* ‘являющийся плодом фантазии, воображения’), бел. *фантастычны* (ВФ – *фантастычны* ‘прасякнуты фантастыкай, заснаваны на фантастыцы, на казачных матывах’’)).

В уникальных для русского языка ВФ наименований качеств, порождающих удивление, повторяются те же направления мысли номинатора, которые прослеживаются в выше рассмотренных словах. Это *невиданный*, *невиданно* (ВФ – *не видеть*), *умопомрачительный*, *умопоразительно*, *умопомрачительность* (ВФ – *помрачить ум*). Только в русском языке присутствует слово, ВФ которого указывает на потерю человеком контроля над собственным физическим состоянием, провоцируемую данным качеством: рус. *сногшибательный* (ВФ – *сшибать с ног*).

Проанализированный материал позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, русский и белорусский языки на уровне ВФ слова сохраняют неидентичные представления об универсальной для человека эмоции удивления. Причем уникальные ВФ найдены только в лексике русского языка, что во многом связано с тем, что в русском языке лексических единиц, именующих компоненты ситуации удивления, значительно больше, чем в белорусском.

Во-вторых, представления, зафиксированные во ВФ слов, называющих компоненты ситуации удивления в белорусском языке, присутствуют и в русском. Как в русском, так и в белорусском языковом сознании удив-

ление описывается следующим образом. Удивить – значит совершить нечто, вызывающее удивление, и как будто лишить удивляемого человека ума посредством сильных ударов по голове. Действие *удивиться* – это результат действия *удивить*. Человек, способный удивить, совершает странные, нелепые поступки, дурит. Нечто, вызывающее удивление, не может существовать в этом мире, оно нереально. Качество подобных объектов трактуется как их способность удивлять, а также их нереальность.

В-третьих, уникальность ВФ русских слов связана как с мотивирующими признаками, которых нет в белорусских лексических единицах, так и с их особой интерпретацией. Только из ВФ слов русского языка можно узнать следующее:

- ◆ удивляя, человек лишает другого контроля не просто над когнитивными процессами, но и над физическим состоянием, будто бы побив или убив (рус. *поразить, поражать, ошарашить, ошарашивать*);

- ◆ удивиться самому – значит испытать недостаток ума (рус. *недоумевать, недоумение, недоумевающий*);

- ◆ свойство быть удивительным действует на человека так сильно, что лишает его разума (рус. *умопомрачительный, умопомрачение*) и физического контроля над собой (рус. *сногшибательный*).

Еще интереснее оказываются случаи, в которых русское и белорусское языковое сознание сохранило во ВФ общие мотивирующие признаки, но интерпретировало их по-разному. В русском языке, как и в белорусском, действие «удивлять» сравнивается с ударами по голове и, как результат, с лишением ума (метафорическая ВФ), но в русском языке есть и прямое указание на его лишение (рус. *изумить, изумлять* – прямая ВФ). Только в русском языке нереальность того, что удивляет, описывается посредством ВФ как то, что невозможно увидеть в окружающем мире (рус. *невидаль, невидальщина*), и то, в существование чего в этом мире невозможно поверить (рус. *диговина, диговинка*). Нереальность качества «быть удивительным», помимо метафорического способа вербализации, который присутствует и в белорусском языке (рус. *фантастический*, бел. *фантастычны*), по-русски передается также прямо посредством указания на то, что данное свойство нельзя увидеть в жизни (рус. *невиданный*).

Таким образом, русский и белорусский языки демонстрируют неидентичное восприятие ситуации удивления на базе ВФ слов, именующих ее элементы. Уникальные ВФ присутствуют только в словах русского языка. Разница во ВФ данных названий создается как за счет выбора мотивирующих признаков, не характерных для белорусского языка, так и по причине иного, не запечатленного в словах белорусского языка восприятия одних и тех же характеристик именуемого объекта. Все уникальные ВФ

русских лексических единиц, не обусловленные различием мотивирующих признаков у русских и белорусских номинаций, являются прямыми.

Библиографические ссылки

1. Дорофеева Н. В. Удивление как эмоциональный концепт: на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Кубанский гос. технологический ун-т. Краснодар, 2002.

2. Сергеев А. И. Контрастивно-семантический анализ концепта «удивление» в русском и немецком языках: на материале произведений Н. В. Гоголя и Э. Т. А. Гофмана : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Моск. гос. обл. ун-т. М., 2004.

3. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб. : Изд-во «Питер», 2006.

МОДЕЛИ МЕТАФОРИЗАЦИИ ЦИКЛИЧЕСКИХ ОТРЕЗКОВ ВРЕМЕНИ В РУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Т. В. Корбачёва

*Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, Минск, Беларусь, corbatan@rambler.ru*

Статья посвящена исследованию когнитивных аспектов экспликации темпоральных смыслов в языке представителями русской и испанской лингвокультур. Выявляются модели метафоризации периодически повторяющихся промежутков времени, представленных в языке циклическими именами.

Ключевые слова: время; темпоральный лексический цикл; концептуальная метафора; русский язык; испанский язык.

Проблема связи языка и мышления с давних пор привлекает внимание философов, психологов, лингвистов. В центре внимания исследователей стоят вопросы роли языка в познании, структурировании и объяснении мира, поиск универсальных и национально специфичных когнитивных моделей интерпретации фактов действительности носителями разных языков. В современной когнитивистике в качестве одной из основных ментальных операций, при помощи которой человек выражает свои мысли и создает тот мир, в котором он живет, рассматривают метафору (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова и др.). В метафоре видят «ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [1, с. 6]. Сопоставление выработанных носителями разных языков концептуальных моделей представления универсальных для всего человечества категорий, к которым относится время, позволяет выявить «специфичный взгляд на мир – взгляд, являющийся результатом того, в частности, что метафорические обозначения

ния, “вплетаясь” в концептуальную систему отражения мира [2, с. 113–119], “окрашивают” ее в соответствии с национально-культурными традициями и самой способностью языка называть невидимый мир тем или иным способом» [3, с. 175].

Предметом нашего исследования стали когнитивные модели экспликации темпоральных смыслов в языке представителями русской и испанской лингвокультур. Научная новизна заключается в выборе объекта исследования, в качестве которого выступают целые лексические объединения, репрезентирующие сложившиеся в названных лингвокультурах системы счета времени. В научной литературе группы слов, называющие следующие друг за другом и периодически повторяющиеся промежутки времени различной продолжительности, принято называть лексическими циклами (Д. Лич, Д. Э. Круз, Ч. Филлмор), а входящие в тот или иной цикл лексические единицы – циклическими именами. К темпоральным лексическим циклам относятся наименования частей суточного (рус. *утро, день, вечер, ночь*; исп. *día, mañana, tarde, noche, madrugada*), сезонного (рус. *весна, лето, осень, зима*; исп. *primavera, verano, otoño, invierno*), недельного (рус. *понедельник, вторник, среда* и т. д.; исп. *lunes, martes, miércoles* и т. д.) и годового (рус. *январь, февраль, март* и т. д.; исп. *enero, febrero, marzo* и т. д.) циклов.

Модели метафоризации циклических отрезков времени в русском и испанском языках выявляются на основании анализа сочетаемости циклических имен с предикатами физического действия, конкретными вещными существительными, дескриптивными прилагательными, предлогами. Материал отобран из корпусов русского [4] и испанского [5; 6] языков. На основе полученных результатов выделены следующие области-источники метафорической экспансии: объекты живой природы, пространство, объекты неживой природы.

Носители русского и испанского языков активно эксплуатируют понятийную сферу «объект живой природы» для формирования темпоральных метафор. В качестве компонентов области-источника метафорического переноса выступают физические свойства живых существ. Конституенты циклов представляются как субъекты живой природы, проходящие этапы жизненного цикла от рождения до смерти, выражая таким образом начало и окончание называемых периодов времени. Например: рус. *декабрь родился; июль задышал; день умирал; гибнущая осень; умрет апрель; умирает май* и т. п.; исп. *la naciente noche* ‘рождающаяся ночь’; *la naciente primavera* ‘рождающаяся весна’; *la muerte del día* ‘смерть дня’; *el día expiraba* ‘день умирал’; *murió el estío* ‘лето умерло’; *iba a expirar el mes de noviembre* ‘ноябрь умирал’. Временные отрезки описываются как

обладающие телом, которому характерны различные физиологические процессы и состояния, они могут двигаться, совершать манипуляции, издавать звуки и т. д. Например: рус. *пролетают дни; день глаза смыкает; пробудившийся день; громкий день; Я слушаю тебя, июнь, Твой голос в зелени каюта; Декабрь торжественный струит свое дыханье; В ночную комнату дышал московский март*; исп. *el hálito de abril cercano* ‘дыхание близкого апреля’; *la tarde se ha dormido* ‘день уснул’; *la soñolienta tarde* ‘сонный день’; *La oscura noche á todo andar corría* ‘Темная ночь бежала изо всех сил’; *corría marzo* ‘бежал март’; *los vientos bramadores a la voz del noviembre se desatan* ‘ревущие ветры начинают бушевать, заслышав голос ноября’; *en el sombrío seno de la noche* ‘в темном лоне ночи’; *Era ya tarde y a boca de noche* ‘Было уже поздно, у самого рта ночи (т. е. ночь близка)’.

Обозначаемые циклическими именами отрезки времени мыслятся также как живые существа, обладающие антропоморфными свойствами. Они наделяются свойственными для человека способностями переживать эмоции, обладать определенными чертами характера, проявляющимися в особенностях его поведения и отношения к окружающей действительности, действовать, соблюдая или нарушая правила, регулирующие взаимодействие людей. Периоды времени описываются так: рус. *спокойный вечер; утро миролюбиво; день жесток, а ночь еще жесточе; грустный день; злится и вьюгами сыплет январь; весна выдалась капризной; тебе улыбался февраль; попрощался февраль; весна стучится в дверь и требует перемен*; исп. *sonreía la rosa mañana* ‘улыбалось розовое утро’; *abril sonreía* ‘улыбался апрель’; *tarde alegre* ‘веселый день’; *estas mañanas traidoras de Madrid* ‘эти предательские утра Мадрида’; *Julio ostenta de sus toros* ‘июль выставляет напоказ своих быков’; *octubre empieza a mostrar sus fríos y calles puercas* ‘октябрь начинает показывать свои холода и грязные улицы’; *Ya es hora de que la primavera ostente sus galas* ‘Пора весне показать свои наряды’; *ya del campo se va a despedir la tarde* ‘день уже собирается попрощаться с полем’; *el invierno llamaba a la puerta con sus dedos de hielo* ‘зима стучала в дверь своими ледяными пальцами’; *la noche se enlutó* ‘ночь облачилась в траур’; *¡Noble jardín, pensé, verde salterio que eternizas el alma de la tarde...* ‘Благородный сад, подумал я, зеленый псалтырь, что увековечивает душу дня’.

В составе базовой модели метафоризации «период времени – объект неживой природы» можно выделить разновидность «период времени – дискретная сущность/субстанция». Например: *я вижу вечер – неизбежно синий и день – бесповоротно голубой; местная золотая осень уже слиняла под косым дождиком; последнее время вторники и среды у него как-то перевесили другие дни; день, пролившийся в окно; уплывало лето мимо;*

Клянусь текущим январем; и потекли месяцы – январь, февраль, март; дни рекой зеркальной потекли; vivía entre jardines llenos de otoño ‘жил в садах, полных осени’. В метафорическом осмыслении временных периодов они концептуализируются как поток (см. примеры выше) или как ресурс: *шел на убыль апрельский вечер; день скудел.*

Временные фрагменты могут концептуализироваться как (личное) имущество, что репрезентируется следующими сочетаниями: рус. *день потерян; среда и четверг – только для специалистов, а пятница, суббота и воскресенье отданы зрителям; Какой нам странный март подарен!*; исп. *yo gasté la tarde en una cola de carbón ‘я потратил послеполуденную часть дня в очереди за углем’.*

В русском и испанском языках выделяется такая модель метафоризации циклически повторяющихся отрезков времени, как источник света / огонь. При таком их осмыслении циклические имена употребляются со словами, обозначающими горение: рус. *лето в самом разгаре; День, разгораясь, поднимает пламя; угасает май, померк декабрьский день; гаснут ясные вечера, потухающий вечер, угасающий день*; исп. *se apagó el día ‘потух день’; la fresca y apagada mañana de enero ‘прохладное и потухшее утро января’; la tarde apagada ‘потухшее утро’.*

В рамках модели концептуализации периодов времени как пространства выделяются ее двухмерная и трехмерная разновидности. Циклически повторяющиеся отрезки времени представляются как фрагменты пути, который мы преодолеваем (двухмерная модель). Например, рус. *утром, вечером* (ср. *ехали лесом, полем*), исп. *por la mañana ‘по утрам’, por la noche ‘по ночи’.* Периоды времени как фрагменты пути имеют начало и конец, например: рус. *в начале лета* = исп. *a principios del verano*; рус. *в конце декабря* = исп. *a finales de diciembre.* Периоды времени представляются как закрытое пространство (трехмерная модель), начало периода концептуализируется как открывающееся пространство, его окончание – как закрывающееся. Например, рус. *как весна откроется, кукушка закукует в лесах*; исп. *a la entrada de invierno ‘у входа в январь’; Así cada año desde que cerraba octubre... ‘Так каждый год с того момента, как закрывался октябрь’.* В том числе периоды времени концептуализируются как заполненные ограниченные пространства (контейнеры). Например, рус. *понедельник был плотно набит всякими мероприятиями научного и организационного характера; ночи августа звездой набиты нагусто; то лето было грозами полно, жарой и духотой небывалой*; *la noche se llenó de estrellas ‘ночь наполнилась звездами’; aullidos de perro que llenan la noche ‘вой собак, заполняющий ночь’; el verano se llena de música ‘лето наполняется музыкой’; aquel otoño lleno de desastres ya empezaba a quedar atrás ‘та*

полная бедствий осень уже оставалась позади»; *¿Qué machada te oscura la tarde?* ‘Какая глупость занимает весь твой день?’.

Проведенное исследование показало, что в русской и испанской лингвокультурах сформировалось несколько моделей метафоризации периодически повторяющихся фрагментов времени, представленных в языке циклическими именами. Это позволяет выразить весь спектр информации, связанной с называемыми периодами времени: природные проявления, происходящие действия и события, их субъективная оценка, наряду с темпоральными координатами событий.

Библиографические ссылки

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : сборник / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М. : Прогресс, 1990. С. 2–32.
2. Павиленис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М. : Мысль, 1983.
3. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др.; отв. ред. Б. А. Серебренников. М. : Наука, 1988.
4. Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru) [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.05.2024).
5. Corpus Diacrónico del Español (CORDE) [Electronic resource]. URL: <https://corpus.rae.es/cordenet.html> (date of access: 25.05.2024).
6. Corpus del Español del Siglo XXI (CORPES XXI) [Electronic resource]. – URL: <https://www.rae.es/corpes/> (date of access: 05.05.2024).

ПЕЙОРАТИВНЫЕ НОМИНАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СУБСТАНТИВОВ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В. А. Мусиенко

*Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
ул. Советская 18, 220030, г. Минск, Беларусь, voodoo-conan@hotmail.com*

В статье рассматриваются пейоративные вторичные номинации, которые засвидетельствованы в русском и английском языках. Выявляется их смысловое наполнение, специфика коннотативного содержания, а также исходные лексико-семантические варианты, послужившие для формирования вторичных пейоративных номинаций (зооморфизмы, фитонимы, артефакты). В зависимости от тематической принадлежности первичных лексико-семантических вариантов выявляется характер их проекции на психические сферы, устанавливаются те или иные сценарии формирования вторичных лексико-семантических вариантов. Проводится деление ментальных номинаций на группы. Одна из них характеризует такие качества, как умственные способности, логика. К другой группе относятся наименования уничижительного характера, связанные с указанием на глупость, невежество. Рассматриваются ассиметричные отношения этих двух групп, где количество негативных оценок значи-

тельно превышает количество позитивных. Устанавливаются семантические связи между лексическими единицами неродственных русского и английского языков.

Ключевые слова: субстантив; коннотация; лексико-семантический вариант; вторичные номинации; пейоративность; русский язык; английский язык.

Довольно часто в поле исследований входит представление об умственных способностях человека. Как правило, такие способности оцениваются по двум противоположным маркерам: положительному и отрицательному. В этой сфере предпочтение отдается пейоративному маркеру, который характеризует человека с негативной точки зрения, отрицательных оценок, выводов, суждений. Причина этого широко обсуждается в лингвистической литературе. Недостатки человека, его порочные качества подчеркиваются с целью не только оскорбить человека, раскрыть его недостатки, но и показать возможные пути искоренения этих недостатков. Репрезентация отрицательных качеств осуществляется по принципу: отразить отрицательные качества человека в языке → показать возможные пути выхода, обратить внимание на уничижительный оттенок.

Лингвистическая репрезентация когнитивных структур представляет собой многоуровневую и многокомпонентную структуру, в которой выделяют первичные и вторичные ЛСВ. Большинство вторичных номинаций формируется на основе существующих в языке исходных значений слов, которые определенным образом трансформируются и соотносятся с новыми фрагментами действительности. Совокупность слов, выражений, понятий, связанных с мышлением, некоторые ученые называют «ментальным языком» или «языком мысли» и объясняют его как «метаязык», в котором конкретизируются единицы понятийной системы и/или описываются ментальные представления по смыслу выражений естественного языка» [1, с. 100].

Таким образом, в данной статье рассматриваются ментальные номинации на материале вторичных существительных ЛСВ, отражающих пейоративный (отрицательный) фрагмент корпуса коннотации. Цель – установить особенности репрезентации вторичных ментальных ЛСВ в русском и английском языках. Понятие *mentality* определяется в англоязычных психологических словарях как «качество ума, характеризующее личность или класс личностей»; «сумма всех характеристик, которые отличают ум», «способности или сила ума», «отношения, настроение, содержание ума», «образ мысли, направление или природа рассуждения» и, наконец, как «сумма умственных способностей или возможностей, отличных от физических» [2].

Ментальные номинации делятся на две группы. Первая из них характеризует такие качества, как умственные способности, логика. Ко второй группе относятся имена уничижительного характера, связанные с указа-

нием на глупость, невежество. Эти две группы находятся в асимметричных отношениях в связи с тем, что количество отрицательных оценок гораздо больше, чем положительных. В определенной степени это объясняется тем, что положительные качества человека обычно относятся к норме и не требуют определенных дополнительных определений и объяснений. Негативные коннотации связаны с отклонениями от нормы и, как правило, фиксируются с целью их коррекции, искоренения этих недостатков. Негативная коннотация чаще всего выражена в существительных, первичные ЛСВ которых называют животных, артефакты, растения и т. п.

Ассоциации человека с животными относятся к числу наиболее частотных, как справедливо указывает Л. Никитина, приводя результаты анкетирования и иллюстрации типа *тупой, как осел (индюк, медведь, волк, ворона, курица, обезьяна, баран); необразованный, темный, как козел (курица, бегемот, слон)* [3, с. 118].

Одними из главных отрицательных качеств человека являются его ограниченность, отсталость, глупость, упрямство и т. д. В процесс метафоризации входят русские существительные *баран, осел, ишак, тетеря, овца, петух* ‘о тупом, неразумном человеке’: *Но ведь зубрили же они, ослы, хотя бы политграмоту?* (Ю. Домбровский); ‘об упрямом, неразумном человеке’: *По семь тысяч знаешь кому будешь продавать? А я не баран* (Р. Арифджанов); *Осел упрямый, никогда очевидного замечать не хочешь* (П. Санаев); *Ты чо, ишак! Самый умный?* (Д. Филиппов); ‘о неразумном глупом человеке’: *В этом наша судьба. Мы просто овцы, Ке, безмозглые овцы* (В. Пелевин); ‘неумный, неуклюжий человек; раззява’: *В швейцары произвел ленивую тетерю, Не знает ни про что, не чует ничего* (А. Грибоедов); ‘нахальный человек, забияка’: *Что это значит? Я не понимаю! – петухом вскинулся вождь* (В. Аксенов). В английском языке вторичные уничижительные ЛСВ актуализируются в зоонимических существительных *donkey, jackass* (рус. *осел*), *ass* (рус. *ишак*) ‘a stupid, stubborn, or detestable person’ – ‘глупый, упрямый или отвратительный человек’: *Called him a donkey when he refused to go along with their plans* ‘Называли его ослом, когда он отказывался следовать их планам’; *He was generally disliked and regarded as a pompous ass* ‘Его совсем не любили и относились к нему как к высокомерному ослу’; *He was an ass to her, dissing her script* ‘Он был для нее ишаком за то, что отверг ее сценарий’. Необходимо отдельно отметить такие ЛСВ в английском языке, как *grouse* (рус. *тетеря*) ‘a complaint or grumble’ – ‘жалоба или ворчание’: *Our biggest grouse was about the noise of construction work* ‘Самое большое наше недовольство [= тетеря] было по поводу шума строительных работ’.

Черта хитрости и лести выражена в русских и английских существительных *лис, лиса, лисица – fox* ‘хитрый, льстивый человек’: *Хитрая лиса!*

Говорил двадцать минут и ничего не сказал (В. Доценко); Если ты на это намекаешь, хитрый лис (Т. Соломатина); Он хитрая лисица! Он не хочет сказать правду... (В. Ян); ‘человек умный и способный добиться желаемого, обманывая других людей’: Председатель месткома – хитрая лиса – оказывался милашкой, если хлопотал за ее комнату (А. Рыбаков). В то же время в английском языке образовался сопутствующий ЛСВ со следующими качествами: *She's a real fox – smart, sassy, and sexy* ‘Она настоящая лиса – умная, дерзкая и сексуальная – умная, нахальная и сексуальная’.

Такая человеческая черта, как предательство, нашла свое место в номинациях ласки, где только в английском языке развивался ЛСВ ‘подлый, ненадежный или неискренний человек’: *He was a double-crossing weasel* ‘Он был двуличным пронырой [= лаской]’.

Зооморфизмы *корова – cow* находятся в отношениях частичного совпадения. В русском языке *корова* – это толстый, неуклюжий, нерасторопный или неумный человек: *Какой-то мужик шарахнулся от нее: «Куда смотришь, корова!»* (В. Шапко), в английском – глупая и назойливая женщина: *You stupid cow!* ‘Ты глупая корова!'; *That interfering old cow has never liked me* ‘Эта надоедливая старая корова никогда не любила меня’. Только в английском языке актуализировался ЛСВ ‘an unpleasant person, thing or situation’ – ‘неприятный человек, вещь или ситуация’: *It's been a cow of a day* ‘Это был тяжелый день [= Это была корова дня]’.

В сфере обозначения умственных ограничений также возникли вторичные номинации. Признак отсутствия у человека ума или его неразумности, глупости выражается в существительных *чурбан, болван, долбня* ‘о недалеком, глупом человеке’: *Мол, и живет она в провинциальной дыре, и муж у нее чурбан, и дети малолетние варвары* (Н. Абгарян); *Тут и болван сообразил бы: приобщение к розыску сулит бо-ольшой служебный профит* (Ю. Давыдов); *Разве же так можно, долбня ты деревенская* (А. Стругацкий). Что касается английского языка, то в нем развился вторичный ментальный ЛСВ слова: *dummy: Don't just stand there, you dummy* ‘Не стой там, болван’. Другие приблизительные эквиваленты: *blockhead, dumbhead, booby* ‘a very stupid person’ – ‘очень глупый человек’: *Don't be such a blockhead/dumbhead/booby!* ‘Не будь таким дураком’. *Blockhead* состоит из слов *block* ‘колода, чурбан’ и *head* ‘голова’. Слово *booby* происходит от латинского *balbus* ‘заикаться’.

Только в английском языке образовался ЛСВ в субстантиве *butt* (рус. *обух*) ‘to be the person that other people often joke about or criticize; an object of abuse or ridicule’ – ‘быть человеком, над которым другие люди часто посмеиваются или критикуют; объект оскорблений или насмешек’: *She was the butt of some very unkind jokes* ‘Она была объектом [= обухом] очень недобрых шуток’; *The butt of all their jokes* ‘Объект [= обух] всех их шуток’.

В русском языке признак неразумности часто осложняется семей 'высокий рост', например в субстантиве *дубина* 'глупый, несмышленный человек'.

В английском языке признак неразумности часто осложняется семей 'большой вес', например в слове *lump* (рус. *ком*) 'a heavy, lazy or stupid person' – 'тяжелый, ленивый или глупый человек': *He's a big fat lump* 'Он просто какой-то большой толстый ком'.

Имеются совпадения вторичных ментальных ЛСВ в существительных *тупица* – *hammerhead* 'глупый, неразумный, ограниченный человек': *Я не тупица, не лопух, понимал свою задачу* (А. Рыбаков); 'blockhead; a stupid person' – 'болван; глупый человек': *Don't be such a hammerhead!* 'Не будь таким идиотом [= молотоголовым]'.

Глупость часто усугубляется такими речевыми признаками, как неспособность ясно говорить, многословие, болтовня. Такие черты характера отражены в русских существительных *балаболка*, *трепло* 'о том, кто говорит быстро, много и ни о чем': *Даже балаболка Валерочка ограничился лишь одним плоским, не к месту пересказанным анекдотом и примолк* (Е. Парнов); 'человек, который говорит вздор': *Ну и тепло ты, Толян!* (Д. Корецкий). В английском языке эквивалентом является *windbag* (по аналогии с мехами музыкального инструмента, который долго и громко выдыхает воздух) 'a person who talks at length but says little of any value' – 'человек, который говорит долго, но говорит мало чего-нибудь полезного': *A blustering, narcissistic windbag* 'Шумный, самовлюбленный пустозвон'. Полное совпадение ЛСВ наблюдается в словах *трещотка* – *rattle* 'человек, который много говорит, не останавливаясь; болтун': *Да не трещотка я, не трещотка, это я с радости разговорилась* (В. Астафьев); 'a person who talks incessantly in a lively or inane way' – 'человек, который беспрестанно говорит оживленно или бессмысленно': *I paid no attention to the talk of this rattle* 'Я не обращал внимания на разговор этой трещотки'.

Отмечаются многочисленные номинации, образованные по модели «чирикающая птица» → «болтливый человек». Для номинаций *сорока* – *magpie* в русском языке образовался ЛСВ 'болтливый, шумный человек': *Ах ты, глупая сорока!* (А. Зарин). В английском языке развился ЛСВ 'a person who obsessively collects things or who chatters idly and noisily' – 'человек, который одержимо собирает вещи или болтает праздно и шумно': *Media magpies will no doubt seize upon the president's latest gaffe and blow it all out of proportion* 'Медиа-сороки, несомненно, воспользуются последней ошибкой президента и раздуют все это до невероятных масштабов'.

В номинациях *jay* (рус. *сойка*) только в английском языке засвидетельствован ЛСВ 'a person who talks at length in a foolish or impertinent way;

an impertinent chatterer’ – ‘человек, который долго говорит в нелепой или дерзкой манере; наглый болтун’: *A mere political jay* ‘Не более чем политическая сойка’; *I was a jay at school* ‘Я был сойкой в школе’.

Такой человеческий порок, как глупость, раскрылся в ЛСВ в английском существительном *goose* (рус. *гусь*) ‘a silly person’ – ‘глупый человек’: *Don’t be such a silly goose – you’re dressed just fine for the party* ‘Не будь таким глупым гусем – ты одета просто прекрасно для этой вечеринки’.

Названия деревьев и растений также могут выступать источником метафорического расширения. К числу таких фитонимов относится русское существительное *дуб*, имеющее энантиосемическое (противоположное) значение: *дуб* – сильный высокий человек и в то же время глупый, неразумный человек. В русском языке при образовании вторичного ЛСВ существительного *пень* ‘глупый или бездушный человек’ актуализируются такие семы, как ‘старость, гнилость’; в субстантиве *чурка* значение ‘некультурный, отсталый человек’ производно от значения ‘короткий обрубок, кусок’; ср. также: *колода* ‘неуклюжий человек’ ← ‘короткое толстое бревно’, *бревно* ‘глупый, необразованный человек’ ← ‘ствол большого срубленного дерева’. Английские эквиваленты *oak*, *pepper*, *stump*, *woodblock*, *chump*, *log* не характеризуются наличием вторичных ЛСВ данного рода.

Таким образом, наименования животных, названия растений, предметов, продуктов питания и т. д. активно используются в русском языке для обозначения человека и его умственных способностей и связанных с ними речевых навыков, определенных черт характера. В зависимости от семантического содержания вторичных ЛСВ русского и английского языков выделяют группы с отношениями эквивалентности (*сорока – magpie*, *тупица – hammerhead*, *трепотка – rattle*), частичным соответствием более чем в 20 лексических единицах и безэквивалентностью, когда вторичные ЛСВ развились только в одном языке (англ. *weasel*, *grouse*, *lump*; рус. *дубина*, *балаболка*, *трепло*). В качестве примера семантического несоответствия можно привести вторичный ЛСВ слова *курица*, которое в русском языке обозначает неразумную женщину, тогда как в английском для такого обозначения человека используется существительное *goose*.

Библиографические ссылки

1. Демьянков В. З. Ментальный язык // Краткий словарь когнитивных терминов. М. : МГУ, 1996. С. 99–101.

2. Рядчикова Е. Н., Схалыхова С. Ш., Телегина О. В. Ментальные слова русского и английского языков // Вестник Майкопского государственного технологического университета : Научный журнал МГТУ. Майкоп : МГТУ, 2010. № 3. С. 101–109.

3. Никитина Л. Б. Категориальные семантические черты образа *homo sapiens* в русской языковой картине мира. Омск : ОмГПУ, 2004.

КОМПОНЕНТ *КРЫША* В СЕМАНТИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО, БЕЛОРУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Н. С. Протасеня

Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, nlnaprotaseniya@gmail.com

В статье отражены результаты лингвокультурологического анализа роли компонента *крыша* в семантической структуре русских, белорусских и китайских фразеологических единиц, репрезентирующих архитектурный код культуры. На основе актуальной семантики фразеологизмов определены культурно значимые смыслы единицы «крыша».

Ключевые слова: фразеологические единицы; семантика; архитектурный код культуры; крыша.

Фразеологические единицы как вербальные знаки культуры – один из важнейших объектов изучения в лингвокультурологии с самого начала ее становления (ср. работы В. Н. Телия, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова, М. Л. Ковшовой и других исследователей конца XX – начала XXI вв.).

Ключевым звеном культурной интерпретации фразеологизма является соотнесение его слов-компонентов с кодами культуры, поскольку именно эта процедура позволяет объяснить особую функцию фразеологизма как знака языка и культуры – воплощать в себе и транслировать символичные смыслы, эталонные и стереотипные представления. По мнению М. Л. Ковшовой, «интерпретация слов-компонентов фразеологизма как культурных знаков обоснована их культурной значимостью в том или ином тематическом коде культуры, где данные слова-компоненты раскрывают свой культурный смысл» [1, с. 175].

Архитектурный код включает в себя имена строений и их частей, несущие функционально значимые для культуры смыслы. В данной статье объектом исследования являются фразеологические единицы, содержащие лексемы *крыша/кровля/дах/страха/屋/房顶*. Сопоставительный анализ фразеологизмов трех языков позволяет выделить общие и отличительные культурноносные смыслы компонента *крыша*. Источниками языкового материала послужили «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под ред. А. Н. Тихонова [2], «Большой словарь русских пословиц» под ред. В. М. Мокиенко [3], «Большой словарь русских поговорок» под ред. В. М. Мокиенко [4], «Большой словарь русских народных сравнений» под ред. В. М. Мокиенко [5], «Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы» І. Я. Лепешава [6; 7], «Глумачальны слоўнік прыказак» І. Я. Лепешава [8], сборник «Прыказкі і прымаўкі» [9],

中华成语辞海, 主任陈霞村 («Китайский фразеологический словарь Цыхай», гл. ред. Чэнь Сяцунь) [10], 谚语大词典, 高歌东主编 («Большой словарь пословиц», гл. ред. Гао Гэдун) [11], 汉语惯用语词典, 黄斌宏主编 («Словарь привычных выражений китайского языка», гл. ред. Хуан Биньхун) [12].

Крыша как знак является одной из ключевых единиц воплощения архитектурного кода культуры в языке. В символическом плане крыша разделяет верх (небо) и низ (мир людей) [13, с. 15]. В мифологическом сознании с крышей связана идея верха (небес, головы). Крыша чаще всего осмысливается как метонимический эквивалент жилища, символизирует жизненное пространство, укрывающее и дающее безопасность обитателям дома. Данный конструктивный элемент входит в состав значительного количества русских, белорусских и китайских фразеологизмов. С их помощью носители языка описывают окружающий мир, духовные ценности, внешние характеристики и внутренние качества человека, его деятельность, психоэмоциональное состояние, взаимоотношения между людьми и др.

Образное представление пространственных отношений. Онтологические признаки крыши и ее функциональное назначение явились основанием того, что она приобрела в русской лингвокультуре знаковую пространственную маркеру дома как своего места обитания: ср. русский фразеологизм *быть (находится) под крышей (в крыше)*. В основе белорусского фразеологизма *над богавай страхой* ‘не ў памяшканні; на свеце, у наваколлі’ лежит представление о небе как о крыше мироздания.

Образная интерпретация реалий и явлений окружающего мира. В русском и белорусском языках лексема *крыша* наряду с первичным номинативным значением ‘верхняя, покрывающая часть строения’ [14, с. 476] имеет метонимическое значение ‘дом, жилище, кров’: *крыша над головой; дах (страха) над галавой*. Свойства крыши могут быть экстраполированы на любой хороший и плохой предмет, а также использоваться в оценке ситуации: *дырявая крыша от дождя не прибежище; на хорошей крыше трава не растет; разг. коза выше крыши* ‘об очень хорошей, красивой девушке’.

В составе устойчивых сравнений русского языка компонент «крыша» выступает в роли эталона максимальной меры чего-либо: *выше крыши; играть выше крыши* ‘об очень хорошей игре в карты’; *дел у кого выше крыши*. В китайском языковом сознании расположение на крыше как верхней пространственной границе обозначает выгодное положение: *高屋建瓴* ‘занимать доминирующую позицию; неограниченные возможности’ (букв. ‘с высокой крыши опрокинуть амфору с водой’).

В русском компаративном фразеологизме *темно как под крышей* минимальная освещенность пространства под крышей является эталоном темноты.

Область духовной культуры и мировоззрения человека. Крыша может метонимически замещать дом, неся в себе те культурные значения, которые связаны с ним как с пространством обустроенным, «своим», противопоставленным «чужому». Оппозиция «свое – чужое» широко представлена в русских поговорках, участвующих в выражении нравственных ценностей и культурных установок. О приоритете своего над чужим говорится в поговорке *Крой свою крышу, а сквозь чужую не замочит*; негативная оценка вмешательства в чужое пространство отражена в поговорке *Чужую крышу кроет, а своя течет*.

Возможно и расширение пространства, близкого человеку, до оппозиции «родина – чужбина». В русской поговорке *Пока под чужой крышей не побываешь, где своя течет не узнаешь*¹ чужая крыша символизирует чужую страну. В данной поговорке отражен опыт постижения «своей» реальности через сравнение с «чужой» – опыт, который основан на расширении кругозора, познании других условий и правил жизни.

В русской поговорке *Каждому нужна своя крыша над головой* крыша метонимически замещает дом, который является одной из главных ценностей для человека, обеспечивает состояние определенности и устроенности в жизни.

В китайском фразеологизме *房顶上不会掉肉包子* ‘нельзя из ниоткуда получить результат; достижения не спускаются с небес, нужно усердно стараться’ (букв. ‘с крыши не падают мясные пирожки’) компонент *房顶* отсылает к мифологическим представлениям о благодати неба. Поговорка воспринимается на фоне культурных установок, связанных с необходимостью труда как целенаправленной деятельности, требующей от человека больших усилий и стараний.

Образ крыши в интерпретации качеств и деятельности человека. Фразеологизмы русского языка восходят к анимистическому восприятию, одушевляющему, в частности, конструктивные элементы строений неживое одушевляется и олицетворяет живое. В образе ФЕ *Крышей покрыто, да потолка нет* крыша метафорически обозначает голову, а потолок – человеческий разум. Образ данного фразеологизма, передающего представления о глупом человеке, отражает также и древнейшее отождествление части и целого: голова метонимически замещает самого человека в осуществлении им интеллектуальной деятельности.

¹ В сборнике В. И. Даля поговорка представлена в рубрике «Родина – чужбина» [15, с. 318].

Следующий фразеологизм *как с крыши свалился* включает значения верха и отдаленности. В народных представлениях дом копирует модель мироздания: «четыре стороны дома обращены к четырем сторонам света, а три уровня по вертикали соответствуют трем уровням вселенной. Фундамент (подвал), сруб, крыша соответствуют преисподней, земле, небу» [16, с. 9]. Аналогичную семантику имеют фразеологизмы *с луны/неба свалиться*, где компоненты *небо* и *луна* символизируют отдаленность, отстраненность от привычного мира людей, неосведомленность в известных всем обстоятельствах. Образ фразеологизма основан на метафоре иного пространства: инаковость человека является причиной непонимания происходящего вокруг.

Компонент «крыша» в составе фразеологизмов русского и белорусского языков ассоциируется с психическим состоянием человека: *крыша едет/поехала (переехала, съезжает/съехала, ползет, течет/потекла, протекла); крыша едет, дом стоит у кого; крыша не в порядке у кого; крыша стой; дах паехаў (страха паехала, едзе)*. Образ фразеологизма в целом создается метафорой, основанной на уподоблении рассудка человека (головы) верху дома (крыше); нарушение целостности крыши символизирует нарушение психофизического состояния человека. Ср. противоположный по значению фразеологизм: *поставить крышу (кому)* ‘вывести кого-л. из состояния психического расстройства, вернуть к нормальному состоянию’.

Следующая группа фразеологизмов русского языка отображает стереотипные представления об эмоциональном поведении. Ср. поговорку *снести крышу (кому)* ‘произвести сильное впечатление, свести с ума кого-л.’. *Крыша* как элемент архитектурного кода взаимодействует с компонентом *снести*, обозначающим разрушение или удаление чего-л., и принадлежащим к акциональному коду культуры. Образ фразеологизма содержит метафору, уподобляющую сильное эмоциональное и физическое возбуждение, вызванное удивлением, изумлением или потрясением, сломанной крыше.

Ассоциативная связь «крыша – голова (ум) человека» прослеживается во фразеологизмах, характеризующих эмоциональное состояние злости: *рыть с крыши солому* ‘находиться в состоянии крайнего возбуждения, злобы’; *рвать крышу* ‘сердиться, злиться’.

Поговорка *Ростом до крыши, а трусливее мыши* отражает соотношение роста человека с высотой дома (*до крыши*). Образ фразеологизма поддерживается эффектом неоправданного ожидания: компонент *крыша* выступает эталоном высокого роста человека, что подразумевает силу и уверенность, в противоположность этому компонент *мышь*, соотносящийся с зооморфным кодом культуры, выступает как эталон трусости.

В китайском фразеологизме *仰屋窃叹* ‘сложное положение, беспомощный вид’ (букв. ‘смотреть вверх на крышу и украдкой вздыхать’) компонент *屋* ‘крыша’ используется для характеристики растерянного и удрученного человека. Ср. взаимодействие архитектурного и зооморфного кодов в русской ФЕ, в которой образ крыши выступает как место уединения: *приунуть как воробей на крыше (на крыше воробей)* ‘о погрустневшем человеке’.

Социальный статус и уровень благосостояния человека. Добротность крыши – один из критериев при оценке жилища и гарантия семейного благополучия. В китайской фразеологической картине мира внешним видом и качеством крыши определяется оценка жилища в целом: *茅屋采椽* ‘убогое жилье’ (букв. ‘соломенная крыша, дубовые стропила’); *穷阎漏屋* ‘захолустные улицы и переулки, убогий дом’ (букв. ‘глухое место, протекающая крыша’); *土阶茅屋* ‘убогое жилище; жить скромной жизнью или в бедности’ (букв. ‘земляные ступени, соломенная крыша’). В некоторых китайских фразеологизмах отражена идея происхождения талантливого и достойного человека из бедной семьи: *白屋出公卿* ‘многие из высокопоставленных были выходцами из простых семей, богатство и знатность не всегда приобретаются по рождению’ (букв. ‘из хижин с соломенной крышей рождаются гуны и цины’).

В русском и белорусском языковом сознании благополучие дома непосредственно зависит от качеств его хозяина. В паремиях двух языков образ протекающей крыши позволяет негативно оценить нерадивого хозяина: *у ленивого и крыша течет, и печь не печет; у гультая і страха цячэ, і печ не пячэ*. С крышей также ассоциируется высокое социальное положение человека: *крыша с крышей* ‘о людях, равных по положению в обществе, по состоятельности’. В образе фразеологизма лежит метафора, уподобляющая старших по положению людей верхнему пределу в структуре дома (т. е. крыше).

Крыша в образной интерпретации трудных ситуаций и угроз благополучию человека. Основная функция крыши – защита строения и его обитателей от непогоды. В китайском языковом сознании образ протекающей крыши ассоциируется с бедой: *屋漏更遭连夜雨, 船迟又遇打头风* ‘беды и несчастья непрерывно следуют друг за другом’ (букв. ‘[если] крыша протекает, дождь будет идти всю ночь; лодка промедлит, будет встречный ветер’); *屋漏又遭连阴雨* ‘непрерывно попадать в беду, ухудшение обстановки’ (букв. ‘крыша протекает, да еще и затяжной дождь’).

Образ крыши в кодировании представлений об взаимоотношениях и взаимодействии людей. В русском и белорусском языковом сознании крыша выступает в качестве объединяющего начала, фразеологизмы

с данным компонентом отражают совместность проживания в доме, символизируют близость домочадцев: *жить под одной крышей; пад адным дахам (пад адной страхой) жыць (пражыць)*. В русском языке актуализируется и идея о том, что у каждой семьи свой мир и образ жизни, свои привычки, особенности и проблемы: *Под каждой крышей свои мыши*.

Символическое значение крыши, которая выполняет функцию защиты от внешнего воздействия, иллюстрируется паремией: *держат крышу 'брат под свою защиту кого-л.'*. Образ фразеологизма *принимать/принять под свою крышу (кого)* создается пространственной метафорой, в которой защищенность человека уподобляется нахождению под крышей. Принятие под свою крышу символизирует покровительство.

Речевое общение также может характеризоваться через образ крыши, символизирующей сознание, разум другого человека, что отражается в русской поговорке *чистить крышу* 'объяснять, разъяснять кому-л. что-л.'

Китайский фразеологизм *屋漏在上, 知者在下* 'ошибки начальства и руководителей, больше всего отражаются на подчиненных' (букв. 'крыша протекает сверху, те, кто ощущает, снизу') описывает негативное влияние поступков руководителей на подчиненных. В образе фразеологизма архитектурный код сочетается с пространственным, одним из базовых противопоставлений которого является оппозиция «верх – низ»: обладающие властью находятся «вверху» (крыша), подчиненные – «внизу».

Подводя итоги анализа фразеологических единиц, соотносимых с архитектурным кодом культуры, отметим следующие общие и культурно-специфические значения единицы *крыша*. В трех лингвокультурах *крыша* синонимизируется с *небом*, метонимически замещает *дом*. Национальной специфичностью обладают фразеологизмы русского и белорусского языков, в которых запечатлено анимистическое восприятие крыши как головы и разума человека. Для китайских фразеологизмов, внутренняя форма которых опирается на образ крыши, актуальна семантика оценки социального статуса человека и трудных ситуаций, в которые он попадает.

Библиографические ссылки

1. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. 3-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2016.
2. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. / сост. : А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов; под ред. А. Н. Тихонова. М. : Флинта : Наука, 2004.
3. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева; под общ. ред. В. М. Мокиенко. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010.
4. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; под общ. ред. В. М. Мокиенко. М. : Олма Медиа Групп, 2007.
5. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; под общ. ред. В. М. Мокиенко. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008.

6. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы: у 2 т. / склад. І. Я. Лепешаў. Мінск : БелЭн. Т. 1 : А–Л. 2008.
7. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы: у 2 т. / склад. І. Я. Лепешаў. Мінск : БелЭн. Т. 2 : М–Я. 2008.
8. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. Гродна : ГрДУ, 2011.
9. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / рэдкал.: А. С. Фядосік (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : Навука і тэхніка, 1976.
10. 中华成语辞海 / 编委会主任陈霞村. 长沙: 湖南教育出版社, 2013. 页. (Китайский фразеологический словарь Цыхай / гл. ред. Чэнь Сяцунь. Чанша : Изд-во «Просвещение Хунань», 2013).
11. 谚语大词典 / 高歌东主编. 2版. 成都: 四川辞书出版社, 2022. (Большой словарь пословиц / гл. ред. Гао Гэдун. 2-е изд. Чэнду : Изд-во словарей Сычуань, 2022).
12. 汉语惯用语词典 / 黄斌宏主编. 北京 : 商务印书馆国际有限公司, 2009. (Словарь привычных выражений китайского языка / гл. ред. Хуан Биньхун. Пекин : ООО Международ. коммер. изд-во, 2009).
13. Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / Российская академия наук, институт славяноведения и балканистики. Т. 3 : К–П, 2004.
14. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М.–СПб. : РИПОЛ-Норинт, 2008.
15. Пословицы, поговорки и присловья русского народа / В. И. Даль. М. : Эксмо, 2008.
16. Авдеева С. М. Символика русского дома : пособие для учителя. Чита : Палитра, 2013.

ВЬЕТНАМСКО-РУССКИЕ УРБАНОНИМИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

И. Э. Ратникова¹⁾, Хоанг Тхи Бен²⁾

*¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ratnikova@list.ru*

*²⁾Институт внешней торговли Ханоя,
91 phố Chùa Láng, Đống Đa, Hà Nội, Việt Nam, Hoangben2010@ftu.edu.vn*

В статье рассматриваются урбанонимы – собственные наименования внутригородских объектов во вьетнамской и белорусской (русскоязычной) культурах. Продемонстрированы национально-культурные различия и некоторые типологические сходства мотивов номинации внутригородских локаций Минска и Ханоя, показана зависимость номинаций улиц, площадей, парков, скверов (годонимов и агоронимов) от культурных, социальных и историко-политических факторов.

Ключевые слова: урбанонимы; годонимы; мотивы номинации; ономастическое пространство; язык; культура.

Введение. Изыскания в области внутригородского ономастикона, с одной стороны, реализуют актуальное направление в теории имени собственного, а с другой – отражают растущий интерес к «лингвистическому портрету» современного города (данное понятие, судя по контекстам его употребления, охватывает весь круг номинативных единиц вкупе с осо-

бенностями их функционирования и отсылает к портретированию как методике изучения языковой личности), или его «языковому облику». С начала века эти метафоры стремятся к терминологическому статусу, активно употребляясь не только в научных публикациях, проектах, но и в названиях учебников и учебных дисциплин (ср., например: [1]). По аналогии с общелингвистическим используется понятие ономастического портрета города [2] и ономастического (топонимического) кода [3]. С другой стороны, в ономастиконе можно видеть своего рода суперкод, в который включены традиционно выделяемые коды культуры (персонный, пространственный, предметный и др.): ср. кодовую реконструкцию урбанонимов в исследованиях Т. В. Шмелевой [4].

Урбанонимия в неблизкородственных лингвокультурах. Опыт изучения разных секторов урбанонимии насчитывает весьма значительное количество исследований, которые группируются согласно объекту анализа: «изучение номинативного облика современного города, анализ городского антропонимикона и выявление особенностей функционирования онимов в различных сферах городской жизни» [5, с. 4]. Анализ национально-культурной специфики урбанонимов в рамках контрастивных исследований, безусловно, актуален, причем наиболее перспективным, как замечает И. В. Крюкова, видится, сопоставление систем урбанонимов в городах, относящихся к неблизкородственным лингвокультурам, а также в моноэтнических и полиэтнических городах [5, с. 5]. Этот вектор сопоставительной ономастики наилучшим образом иллюстрируют многочисленные, в том числе диссертационные, исследования, которые были проведены на русском и китайском урбанонимическом материале и показали существенные расхождения номинативных предпочтений в неродственных лингвокультурах.

В данной публикации авторы представляют результаты сопоставления внутригородских названий Минска и Ханоя – столиц двух весьма далеких в физико-географическом и этнокультурном отношении государств. Минская урбанонимия в соответствии с Законом Республики Беларусь «О наименовании географических объектов» от 2010 г. имеет две языковые формы – белорусско- и русскоязычную, последняя и выступает здесь в качестве объекта сопоставления. (Заметим, что других исследований, выполненных на русско-вьетнамском урбанонимическом материале, мы не встречали). Источниками примеров послужили последнее издание справочника «Улицы Минска. План города» (около 1370 единиц) [6], а также список улиц современного Ханоя на сайте Vietbis.vn [7] и перечень улиц Ханоя в разные исторические периоды [8] (всего 1390 единиц).

Обращаясь к свернутым топонимическим текстам двух столиц, отметим прежде всего некоторые сходства этих, казалось бы, абсолютно раз-

личных во многих аспектах городов. Любопытно, что точки соприкосновения имеют этимологии их названий, основанные на семантическом признаке «гидроним»: в основе внутренней формы астионима *Ханой* (вьет. *Hà Nội*) лежит образ города, окруженного реками Хонгха и Толить (*hà* ‘река’ + *nội* ‘внутри’), а исторически первичное древнерусское название белорусской столицы (*Мѣньскъ*) по наиболее распространенной версии мотивировано названием реки *Меня/Менка* (притока Птичи). Зафиксированная в памятниках история обоих городов начинается в XI в. Минск, один из древнейших (1067 г.) восточноевропейских городов, впитал в себя различные этнические, культурные, языковые, конфессиональные черты. История Ханоя восходит к 1010 г., когда император Ли Тхай То приказал возвести город в окрестностях крепости Дайла и перенести туда столицу государства Дайковьет (с момента основания город назывался *Тханглонг* (вьет. *Thăng Long* ‘взлетающий дракон’), затем *Кете* (вьет. *Kẻ chợ* ‘столица’), название *Ханой* стало использоваться с 1831 г. [9]). Город также полиэтничен и поликонфессионален.

Принципы номинации внутригородских объектов. Перечень принципов и мотивов номинации топологических (в том числе внутригородских) объектов в целом совпадает даже для тех культур, которые очень далеки по этнонациональным, религиозным, естественно-географическим и территориальным признакам. Различия касаются количественных характеристик продуктивности этих мотивов, степени их востребованности. То же нужно сказать и о таксономии урбанонимов, основанной на их мотивации. В разных культурах внутренняя форма городских собственных номинаций может или быть непосредственно связанной с самим объектом, или отсылать к иным (существенным для социума) фактам. В современной топонимике принято опираться на типологию годонимов, обоснованную Т. В. Шмелевой в 1991 г. и имеющую в своей основе именно эти базовые характеристики внутренней формы городских названий. В терминах Т. В. Шмелевой годонимы, информирующие об именуемом объекте, относятся к «семантическим», информирующие о социуме – к «семиотичным» [10, с. 36]. Дальнейшая дифференциация связана для «семантических» годонимов с типом ориентира (внутригородской или внешний) и характером информации об объекте (внешний облик, местоположение, занятия людей); для «семиотичных» – с ориентацией названия на предъявление социальных и культурных ценностей или на увековечение памяти о событиях и личностях (демонстративный и меморативный принципы номинации соответственно) [там же]. Для русскоязычной урбанонимии, как и в целом для постсоветской, доминантным является меморативный принцип: ономастическое пространство «является одним из самых надежных видов исторической памяти народа», при этом «одна из основных

причин возникновения мемориальных топонимов – государственная идеология» [11, с. 10].

Меморативные урбанонимы Минска и Ханоя. Информационное поле минских урбанонимов содержит много локальных историко-культурных текстов, связанных с прецедентными личностями и событиями. Мотивы номинации и мотиваторы (антропонимы и хрононимы) определяются в первую очередь идеологическими ценностями народа и государства. В Минске (как и в других городах постсоветского пространства), большое место занимают названия в честь участников Великой Отечественной войны (*пр. Жукова, пр. Рокоссовского, ул. Казинца*), государственных деятелей Беларуси и СССР (*ул. Червякова, ул. Гикало, ул. Притыцкого*), людей, внесших значительный вклад в науку, культуру и искусство разных исторических периодов (*ул. Академика Высоцкого, бул. Мулявина, ул. Михася Лынькова, ул. Наполеона Орды*). Причем национальная принадлежность исторических личностей – эпонимов специфична: в первую очередь это белорусы и русские, в значительно меньшей степени украинцы и поляки; универсально-прецедентные иностранные имена также представлены (*ул. Николы Теслы, сквер им. Омара Хайяма, сквер им. Симона Боливара*), но это самая малочисленная группа.

Меморативные номинации, связанные с персоналиями, в Ханое тоже преобладают (в то время как во вьетнамской антропонимии метонимические номинации «в честь» неприемлемы и даже неэтичны): значительное количество вьетнамских годонимов мотивировано именами известных людей, внесших свой вклад в строительство и развитие страны. Есть три существенные особенности, отличающие вьетнамские меморативные урбанонимы от русскоязычных. Первая состоит в том, что названия данной группы распределены в городе не произвольным образом, а согласно определенным закономерностям. Так, улицы в центральном районе столицы quận Hoàn Kiếm (‘район Возвращенного меча’) часто носят имена императоров, выдающихся личностей ранних этапов строительства страны. Ср.: *phố Ngô Quyền* ‘улица Нго Куена’ (Нго Куен – национальный герой, основатель независимого Вьетнама, известный своей победой над китайской династией Южная Хань в 938 г.); улица *Đình Tiên Hoàng* (Динь Тиен Хоанг – первый император Вьетнама, правивший с 968 до 979 г., объединивший страну и разгромивший всех врагов); улица *Lý Thái Tổ* (Ли Тхай То – основатель династии Ли, правил с 1009 по 1028 гг.; известен своими административными реформами и перенесением столицы в Тханглонг (нынешний Ханой)). В районе Cầu Giấy (внутренняя форма этой номинации – ‘мост’ + ‘бумага’ – отражает внешние характеристики и историю: здесь расположен мост над рекой, а ранее в этом районе производили бумагу) названия улиц преимущественно связаны с именами вы-

дающихся людей, сыгравших важную роль во время войн против французов и американцев: *phố Xuân Thủy* (Суан Тхю (1908–1985) – политик, дипломат, известный как глава делегации Вьетнама, который вел переговоры с США о прекращении войны и подписал Парижское соглашение); *phố Trần Đăng Ninh* (Чан Данг Нинь (1910–1955) – известный военный лидер времен антифранцузского сопротивления и строительства вьетнамской армии); *улица Phạm Văn Đồng* (Фам Ван Донг (1906–2000) – революционер, политик, дипломат, первый премьер-министр СРВ).

Вторая особенность вьетнамских номинаций по отношению к белорусским – это сохранение в урбанонимии прецедентных имен Средневековья, относящихся к XI–XV вв. (в том числе императоров), и исторически обусловленная связь между масштабом локации и статусом личности: названия длинных и широких улиц мотивированы преимущественно именами лиц с большими заслугами, названия небольших улиц – именами мандаринов (чиновников) разных династий. Улицы с такими названиями располагаются в центре Ханоя: *phố Đinh Tiên Hoàng* (Динь Тиен Хоанг – первый император Вьетнама); *phố Trần Hưng Đạo* (Чан Хынг Дао – один из величайших полководцев, руководивший сопротивлением монгольской армии в XIII в.); *phố Nguyễn Trãi* (Нгуен Чай (1380–1442) – выдающийся деятель культуры, политик, военный стратег, один из национальных героев, внесших большой вклад в сопротивление захватчикам Минь и заложивших основы развития вьетнамской культуры и идеологии в период феодализма).

Третья особенность – пуризм вьетнамской номинативной традиции в отношении выбора эпонимов. Случаи мотивации урбанонимов именами иностранцев (даже интернационально-прецедентными) единичны: *Công viên Lê Nin* ‘парк Ленина’, *Vườn hoa Pasteur* ‘ботанический сад Пастера’. Только один годоним Ханоя связан с именем иностранного гражданина – *phố Yec Xanh* ‘улица Ерсена’ в честь Александра Эмиля Жана Ерсена (1863–1943) – швейцарского и французского бактериолога и врача, известного своим вкладом в разработку противочумных и противомаларийных препаратов. Этот действительно уникальный для внутригородской номинативной политики Ханоя случай объясняется особым отношением к Ерсену во Вьетнаме, где он много лет изучал инфекционные заболевания и лечил людей, так что во многих городах есть улицы и учебные заведения его имени.

В целом же модель мотивации «имя деятеля культуры/науки → название улицы» в Ханое так же регулярна и частотна, как в Минске, при абсолютном преобладании вьетнамских национально-прецедентных имен. Ср.: улица *Lê Quý Đôn* названа в честь известного ученого, философа и писателя XVIII в. Ле Куи Дона; улица *Bùi Xuân Phái* увековечивает имя

художника Буй Суан Фая, мастера живописи, известного городскими пейзажами старого Ханоя; название улицы *Phạm Ngọc Thạch* мотивировано именем доктора и ученого Фам Нгок Тхака, который внес большой вклад в развитие вьетнамской медицины. Доминирующую подгруппу отантропонимных номинаций образуют годонимы, мотивированные именами писателей и поэтов: *phó Nguyễn Du* (Нгуен Зу – великий поэт, автор всемирно известного романа в стихах *Truyện Kiều* ‘Повесть о Киеу’); *phó Tố Hữu* (То Хью – поэт, темы творчества которого связаны с революцией и борьбой за независимость Вьетнама); *phó Xuân Diệu* (Суан Зиёу – величайший поэт-лирик, стихи которого в основном посвящены любви); *phó Nam Cao* (писатель Нам Као известен произведениями о тяжелой жизни вьетнамских крестьян); *phó Nguyễn Khuyến* (Нгуен Хуен – поэт, в творчестве которого доминирует тема природы и сельской жизни).

Географический и дескриптивный принципы номинации. Второй принцип, широко представленный в минской урбанонимии, – географический (если опираться на классификацию Т. В. Шмелевой, к единицам, реализующим его, относятся ориентирующие номинации и часть характеризующих). Минские географические наименования мотивированы проприальными и апеллятивными обозначениями топографических объектов (современных и исторических), внутригородских локаций (водоемы, предприятия, учреждения и др.): ул. *Могилевская*, ул. *Нарочанская*, ул. *Немига*, ул. *Автоторовская*, ул. *Городской Вал*, ул. *Золотая Горка*, ул. *Романовская Слобода* и др. В Ханое номинации по географическим и топографическим особенностям тоже широко представлены: например, имя улицы *Núi Trúc* ‘гора Чук’ мотивировано оронимом; названия района *Hoàn Kiếm* и одноименной улицы – гидронимом *hồ Hoàn Kiếm* ‘озеро Возвращенного Меча’ (имя озера в свернутом виде хранит легенду об императоре *Lê Lợi*, восставшем против китайского господства и возродившем династию *Lê*; меч для борьбы был вручен мифической черепахой, живущей в озере, а после разгрома врага возвращен ей).

Еще один принцип номинации внутригородских объектов, представленный в урбанонимии обеих столиц, – дескриптивный, или характеризующий (внутренняя форма годонимов и агоронимов фиксирует различные признаки локации и ее субъективные оценки). В Минске эта категория урбанонимов очень разнообразна с точки зрения производящих основ: номинации могут быть связаны с обозначениями растений, явлений природы, драгоценностей, эмоциональных оценок, внешних признаков локации и т. п.: ул. *Жасминовая*, ул. *Яблонева*, ул. *Цветочная*, ул. *Светлая*, ул. *Весенняя*, ул. *Радужная*, ул. *Ясная*, пер. *Снежный*, ул. *Золотая*, пер. *Изумрудный*, ул. *Янтарная*, ул. *Привабная* (бел. *прывабны* ‘привлекательный’), ул. *Утульная* (бел. *утульны* ‘уютный’), ул. *Широкая*, ул. *Наклонная*,

ул. Подгорная, ул. Зеленая и др. Аналогов этим мотивационным группам в ханойской урбанонимии не обнаружено.

Среди характеризующих урбанонимов для сопоставления интересна только группа единиц, мотивированных названиями рода деятельности жителей или посетителей данного места в далеком и недавнем прошлом и настоящем. В Минске эта группа включает разнообразные мотиваторы (от *кузнец* до *программист*) и имеет невысокий удельный вес (около 4 %, по нашим подсчетам): ул. *Кузнечная*, *Слесарная*, *Землемерная*, *Студенческая*, *Программистов*, *Тракторостроителей* и т. п. Ср. вьет. *phố Lò Rèn* ‘улица Кузница/Кузнецов’, *phố Gia Ngư* ‘улица Рыбаков’, *phố Hàng Đồng* ‘улица Красильщиков’. В Ханое таких номинаций очень много, и в них преобладают исторические мотивы: *phố Hàng Bạc* (в древности на этой улице продавали изделия из серебра); *phố Hàng Vải* (древняя улица, на которой торговали тканями); *phố Hàng Chuối* (улица находится вблизи древней банановой плантации на месте, где продавали бананы); *phố Bát Đàn* ‘улица Деревянных Чаш’; *phố Bát Sứ* ‘улица Фарфоровых Чаш’; *phố Chợ Gạo* ‘улица Рисового Рынка’.

Выводы. Обобщая наблюдения над сходствами и различиями в урбанонимии Минска и Ханоя, выделим наиболее существенные из них. В первую очередь, это совпадение приоритетного принципа номинации – меморативного – при значительном совпадении характера мотиваторов: в обеих столицах названия локаций мотивированы именами социально значимых личностей, однако в Ханое меморативный принцип представлен шире за счет малопродуктивности и непродуктивности других мотивационных типов. На втором месте в обеих столицах географический принцип номинации. Урбанонимы дескриптивного типа в Минске обнаруживают значительное многообразие мотиваторов, тогда как в Ханое доминируют номинации, связанные с производством и торговлей.

Особенность меморативных номинаций Ханоя определяется пуризмом в отношении выбора эпонимов: «годонимический портрет» города составляют национально-прецедентные имена. Два других расхождения в урбанонимии белорусской и вьетнамской столиц объясняются базовым различием номинативной стратегии, связанной с ономастической политикой и национальным менталитетом. В Минске, как и в целом в Беларуси и России, динамика городской топонимии обеспечивается не только новыми номинациями, но и реноминацией, причем последняя принимается как естественное продолжение политических и идеологических процессов (ср. цепочку реноминаций в период с нач. XVI в. до сер. XX в.: ул. *Сборовая* → *Крещенская* → *Тюремная* → *Преображенская* → *Октябрьская* → *Интернациональная*). Ханой характеризуется стабильностью городского ономастикона, причиной новых названий являются только новые объекты.

Из этого вытекает устойчивость территориального распределения названий и сохранение всех древних номинаций начиная с имен императоров XI в.

Библиографические ссылки

1. Михайлюкова Н. В. Социоллингвистика: языковой облик современного города. Учебник и практикум для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2022.
2. Шмелева Т. В. Великий Новгород: ономастический портрет : научная монография. Великий Новгород : ТПК «Печатный Двор», 2020.
3. Сьянова Е. И. Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей (на материале говоров Воронежского Прихоперья) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Российск. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2007.
4. Шмелева Т. В. Поликодовость городского ономастикона // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 1. С. 51–66.
5. Крюкова И. В. Имена собственные в городской лингвокультуре: направления исследований // Городской ономастикон : материалы Междунар. науч.-теор. онлайн-семинара молодых исследователей. Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. С. 4–11.
6. Улицы Минска. План города, справочник. 18-е изд., испр. и доп. Минск : Квадрограф, 2020.
7. Vietbis.vn [Электронный ресурс]. URL: <https://vietbis.vn/ha-noi/tong-hop-danh-sach-ten-duong-pho-ha-noi-3032.html> (дата обращения : 27.09.2024).
8. Hoàng Đạo Thúy. Phố Phường Hà Nội Xưa, Hà Nội, 2020. (Хоанг Дао Тхю. Улицы Ханоя в прошлом. Ханой : Издательство «Ханой», 2020).
9. Đặng Duy Phúc. Thăng Long – Hà Nội qua các thời kì lịch sử, Hà Nội, 2019. (Данг Зю Фук. Тханглонг – Ханой сквозь исторические периоды. Ханой : Издательство «Ханой», 2019).
10. Шмелева Т. В. Современная годонимия: семантика и семиотика // Лингвистическое краеведение: межвуз. сб. науч. тр. Пермь : ПГПИ, 1991. С. 33–37.
11. Попов С. А. Меморативы ономастического пространства городов-героев, городов воинской славы и населенных пунктов воинской доблести // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 1 (36). С. 10–23.

МЕЖЪЯЗЫКОВОЕ ПОЛЕ СООТВЕТСТВИЙ КАК ОБЪЕКТ СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ И КОНТРАСТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

И. С. Ровдо

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, RovdoIS@bsu.by*

Рассматриваются различия между сопоставительной и контрастивной лингвистикой на примере алгоритма создания межъязыкового поля соответствий с помощью челночного перевода, дающего возможность установить степень эквивалентности лексических единиц. Челночный перевод (от исходного языка к языку перевода и обратно) позволяет также сформировать лексико-семантические группы и синонимические ряды в сопоставляемых языках. Некоторые этапы анализа языкового материала следует трактовать как сопоставительно-контрастивное исследование или же

рассматривать термины «сопоставительное исследование», «контрастивное исследование» как синонимы.

Ключевые слова: сопоставительная лингвистика; контрастивная лингвистика; межъязыковое поле соответствий; перевод; челночный перевод; лексико-семантическая группа; имплицитная безэквивалентность.

Вопрос об общем и различном в сопоставительных и контрастивных исследованиях поднимался неоднократно. Так, В. Н. Ярцева не дифференцировала термины «сопоставительная лингвистика», «контрастивная лингвистика», хотя, судя по ее работам, отдавала предпочтение термину «контрастивная лингвистика (грамматика)» [1]. Другие ученые отмечали различия в таких исследованиях, которые должны сводиться к следующему:

«в контрастивной лингвистике, в отличие от сопоставительной:

1) изучаются не любые языки и не в любом количестве, а только два языка – родной и изучаемый;

2) изучаются не подсистемы, поля и другие структурные единицы лексической системы, а отдельные единицы и явления языка в двух сопоставляемых языках;

3) изучение проводится не автономно в каждом языке с последующим сравнением, а в направлении от единицы одного языка к ее возможным соответствиям в другом языке;

4) целью контрастивного исследования является не установление сходств и различий языковых подсистем, а выявление различий в семантике и функциях единицы одного языка в сравнении с ее возможными соответствиями в другом языке. Главное при этом – выявление различий, сходства выявляются “автоматически”» [2, с. 16].

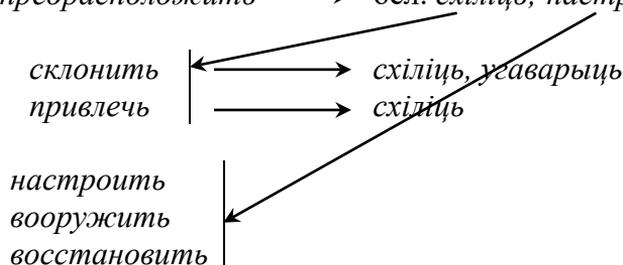
Как проявляются эти различия между сопоставительным и контрастивным исследованиями, предлагаем проследить на примере межъязыкового поля соответствий (МПС), которое формируется путем челночного перевода: от исходного языка к языку перевода и в обратном направлении. Схематически это выглядит так:

Межъязыковое поле соответствий представляет собой совокупность языковых единиц (в данном случае русских и белорусских) с общим содержанием, основанном на интегральном семантическом признаке. На наш взгляд, именно поле соответствий, сформированное путем челночного перевода, а не отдельная словарная межъязыковая пара позволяет выявить степень близости/различия в значении слов, следовательно, и степень эквивалентности, в основе которой лежит взаимозаменяемость

лексических единиц как в межъязыковом плане, так и во внутриязыковом. Челночный перевод уже на втором его шаге позволяет выявить, в какой степени слова соответствуют одно другому по значению. К примеру, русское слово *предрасположить* переводится белорусскими словами *схіліць* и *настроіць*, но ни одно из них не переводится словом *предрасположить*. И это не единичный пример, который можно рассматривать как случай имплицитной безэквивалентности:

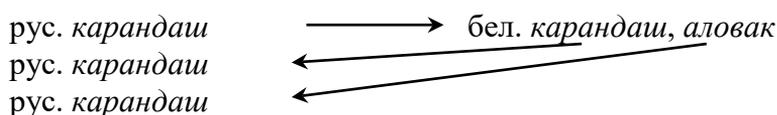
рус. *предрасположить* → бел. *схіліць; настроіць*

В качестве противоположного примера приведем русское слово *физик*, которому соответствует белорусское *фізік*. При обратном его переводе мы возвращаемся к исходному русскому слову *физик*. Следовательно, эти слова полностью взаимозаменяемые, совпадающие по семному составу:

рус. *физик* → бел. *фізік*
 рус. *физик* ←

Слово исходного языка может переводиться несколькими лексическими единицами. Если каждое из них при челночном переводе не включает новые слова в поле соответствий, то такие лексические единицы являются абсолютными синонимами в своем языке, а межъязыковые пары – абсолютными эквивалентами:

Исходное слово может быть стилистически окрашенным. При его обратном переводе мы получаем, как правило, общеупотребительное, нейтральное. Точность межъязыкового соответствия в таком случае подтверждается тремя шагами перевода. Первый шаг отражает семантическую эквивалентность (при разнице стилистической), второй и третий – семантическую и стилистическую:

рус. *зерцало* (уст.) → бел. *люстэрка*
 рус. *зерцало* ← бел. *люстэрка*

Когда слово переводится несколькими лексическими единицами, то хотя бы одно из них очень часто содержит дифференциальную сему, бла-

годаря чему при обратном переводе в поле соответствий включаются новые слова. Покажем это на конкретном примере. Алгоритм формирования МПС будет опираться на указанные выше отличия контрастивной лингвистики от сопоставительной¹, чтобы проследить, как эти отличия проявляются в процессе создания межъязыкового поля соответствий и его исследования. Итак:

1) в контрастивной лингвистике в отличие от сопоставительной «**изучаются не любые языки и не в любом количестве, а только два языка – родной и изучаемый**». В нашем случае это русский и белорусский;

2) «**изучение проводится не автономно в каждом языке с последующим сравнением, а в направлении от единицы одного языка к ее возможным соответствиям в другом языке**».

В качестве примера такой единицы для нас будет русское слово *дорога*:
рус. *дорога* – бел. *дарога*. Следующий шаг – перевод в обратном направлении:

бел. *дарога* – рус. *дорога*; *путь*.

Далее переводим русское слово *путь* и другие слова, которые еще не переводились:

рус. *путь* – 1. бел. *шлях, дарога*; 2. Ж.-д. *пуць*;

бел. *шлях* – рус. 1. *Путь*; 2. *Большак, тракт*;

бел. *пуць* – рус. (ж.-д.) *путь*;

рус. *большак* (обл.) – бел. *гасцінец, бальшак, шлях, тракт*;

рус. *тракт* – бел. *тракт, шлях, гасцінец*;

бел. *гасцінец* – рус. *большак, тракт*;

бел. *бальшак* – рус. *большак, столбовая дорога, большая дорога*;

бел. *тракт* – рус. *тракт, большак*;

рус. *столбовая дорога* – бел. *гасцінец, бальшак, тракт*.

В отличие от устойчивого словосочетания *столбовая дорога*, которому есть соответствие в переводном словаре, сочетание *большая дорога* является дефиницией, объяснением белорусского слова *бальшак*, поэтому мы не можем его рассматривать в качестве языковой единицы для перевода.

Результатом челночного перевода стал языковой материал для межъязыкового поля соответствий из шести белорусских и пяти русских номинаций:

бел. *дарога, шлях, пуць, гасцінец, бальшак, тракт*;

рус. *дорога, путь, большак, тракт, столбовая дорога*.

¹ Последовательность перечисления пунктов различия будет обусловлена целесообразностью их указания, опирающуюся на ход исследования языковых единиц.

Как отмечают некоторые ученые, «было бы методологически и эмпирически верным считать основой контрастивно-семасиологического анализа обозначаемую словом внеязыковую реальность, которая, хотя и допускает весьма широкое разнообразие объектов, фактов, событий, ситуаций, «положений вещей» и т. п., в целом остается в рамках обыденного, типического» [3, с. 134]. В данном случае внеязыковая реальность – это ‘полоса земли для езды и ходьбы’, которая обозначается указанными выше словами в виде лексико-семантической группы. Сюда не включаются лексико-семантические варианты слов, не соответствующие указанной выше «внеязыковой реальности». К примеру, в одном из значений слово *путь* переводится на белорусский язык словами *толк, карысьць*, что выводит их за пределы МПС с общим значением ‘полоса земли для езды и ходьбы’.

Если бы цель данного фрагмента исследования состояла только в создании МПС или лексико-семантической группы, то можно было бы считать, что она достигнута и соответствовала бы указанным особенностям контрастного исследования. Обратимся, тем не менее, к еще одной особенности контрастных исследований:

3) «целью контрастного исследования является не установление сходств и различий языковых подсистем, а выявление различий в семантике и функциях единицы одного языка в сравнении с ее возможными соответствиями в другом языке. Главное при этом – выявление различий, сходства выявляются “автоматически”».

Чтобы установить различия в семантике, необходимо опираться на сходства, в данном случае на общий интегральный признак, объединяющий слова в сформированные микросистемы. В контрастных исследованиях 4) «изучаются не подсистемы, поля и другие структурные единицы лексической системы, а отдельные единицы и явления в двух сопоставляемых языках». В нашем же случае фактически речь идет о сопоставлении микросистем, в которых выявляем различия. На наш взгляд, на данном этапе исследование имеет признаки как контрастной, так и сопоставительной лингвистики.

Ключевая, интегральная сема в большинстве дефиниций – ‘дорога’. Именно она объединяет слова в поле соответствий, но это, конечно, не значит, что любое слово в поле можно заменить любым.

Для установления более точных лексических соответствий и различий в пределах МПС обратимся к дефинициям каждого из слов поля.

Рус. *дорога* – ‘полоса земли, служащая для езды и ходьбы’.

Бел. *дарога* – ‘прыстасаваная для язды і хадзьбы; паласа зямлі, якая злучае асобныя пункты мясцовасці’.

Уточнение *якая злучае асобныя пункты мясцовасці* для дефиниции русского слова является имплицитной, но само собой разумеющейся, следовательно, несущественной в качестве факта различий между рус. *дорога* и бел. *дарога*. Этими словами, при необходимости, могут заменяться в тексте любые остальные слова как в пределах русского и белорусского языков, так и в межъязыковом плане (за исключением бел. *пуць*).

Рус. *путь* – 1. ‘Полоса земли, служащая для езды и ходьбы; дорога’.
2. ‘Железнодорожная колея, линия’.

Бел. *пуць* – ‘чыгуначная або трамвайная каляя’.

Как видим, в данной паре слов совпадение наблюдается только в одном из значений. Бел. *пуць* не может быть синонимом слова *дарога* (*дорога*).

Рус. *большак* (разг.) – ‘большая дорога (в отличие от проселочной)’.

Бел. *бальшак* – ‘вялікая (у адрозненне ад прасёлачнай) дарога; шлях’.

По значению слова совпадают, но русское слово *большак* в переводном словаре рассматривается как областное, в толковом – как разговорное.

Рус. *тракт* – ‘большая проезжая дорога’.

Бел. *тракт* – ‘шырокая праездная дарога’.

Эти слова полностью соответствуют друг другу по значению.

Двум белорусским словам нет таких же по форме русских соответствий.

Бел. *шлях* – ‘шырокая, прыстасаваная да руху транспарту дарога’.

Бел. *гасцінец* – ‘вялікая бойкая дарога, звычайна абсаджаная дрэвамі; шлях, тракт’.

В белорусском языке также нет такого же по форме соответствия русскому устойчивому сочетанию слов *столбовая дорога* – ‘большая проезжая дорога с верстовыми столбами’.

Таким образом, в межъязыковом поле соответствий выделяются следующие типы соответствий:

1. Русско-белорусское направление перевода:

1) соответствующие по значению:

рус. *дорога* – бел. *дарога*. (За исключением устойчивого сочетания *железная дорога* – бел. *чыгунка*);

рус. *тракт* – бел. *тракт, шлях*;

2) соответствующие по значению, различные в сфере использования:

рус. *большак* (обл., разг.) – бел. *бальшак, шлях, тракт*;

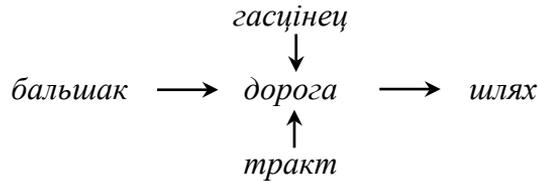
3) безэквивалентные:

рус. *столбовая дорога*;

4) находящиеся в семантических отношениях включения:

рус. *путь* – бел. *пуць* (семантика рус. *путь* включает в себя семантику бел. *пуць*);

5) находящиеся в гиперо-гипонимических отношениях:

2. Белорусско-русское направление перевода:

1) соответствующие по значению:

бел. дарога – рус. дорога, путь;

бел. тракт – рус. тракт;

бел. шлях – рус. тракт, путь;

бел. пуць (ж.-д.) – рус. путь;

бел. гасцінец – рус. тракт, путь;

2) соответствующие по значению, различные в сфере использования:

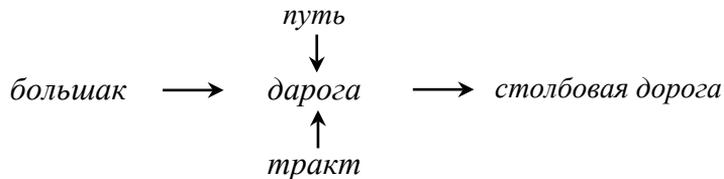
бел. большак – рус. большак (обл., разг.);

бел. тракт – рус. большак (обл., разг.);

бел. гасцінец – рус. большак (обл., разг.);

бел. шлях – рус. большак (обл., разг.);

3) находящиеся в гиперо-гипонимических отношениях:

Если проанализировать валентность этих слов и их функционирование в тексте, то найдутся и более тонкие различия.

Таким образом, челночный перевод позволяет не только уточнить степень эквивалентности слов двух языков, но и сформировать лексико-семантические группы и синонимические ряды в каждом из языков. Что касается различий между сопоставительным и контрастивным исследованиями, то, наш взгляд, зачастую на определенных этапах анализа их следует трактовать как сопоставительно-контрастивные или же рассматривать термины «контрастивное исследование», «сопоставительное исследование» как синонимы.

Библиографические ссылки

1. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. М., 1981.
2. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. М., 2006.
3. Кузнецов А. М. Основание для сравнения в контрастивной семасиологии // Методы сопоставительного изучения языков. М., 1988.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯДОВИТОСТИ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АДЪЕКТИВНЫХ НОМИНАЦИЙ)

В. Д. Стариченок

*Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,
ул. Советская, 18, 220030, г. Минск, Беларусь, starichenok@mail.ru*

Рассматриваются конструкции, включающие в свой состав адъективы *ядовитый* (бел. *атрутны, ядавіты*) и различные по семантике субстантивы русского и белорусского языков. Адъективные номинации со значением отравляющих веществ в конкретных текстовых фрагментах включаются в процесс семантической деривации и проецируют часть своей первичной семантики на различные сферы жизнедеятельности человека. В зависимости от тематической представленности вторичных ЛСВ в реципиентной сфере выделяется восемь смысловых центров: коммуникативно-речевой, мимический, персонифицированный, эмоциональный, межличностно-социальный, колоративный, ментальный, темпоральный. Наблюдается превалирование русских субстантивов в конструкциях коммуникативно-речевого, межличностного, колоративного, ментального, темпорального содержания. Относительная симметрия в использовании существительных наблюдается в эмоционально-психологической, мимической и персонифицированной сферах. Внимание обращается на индивидуально-авторское содержание метафорических контекстов.

Ключевые слова: адъектив; смысловой центр; метафора; контекст; лексико-семантический вариант; реципиентная сфера.

В лексической системе любого языка выделяется группа номинаций с пейоративным значением токсичности, ядовитости. В смысловых структурах слов, представляющих такую группу, фиксируется исходный ЛСВ 'ядовитое вещество, способное вызвать отравление живого организма; содержащий яд'. Актуализации семы 'негативное воздействие' приводит к образованию вторичных ЛСВ по активно действующей модели, в рамках которой донорской сферой являются токсичные вещества, а реципиентная сфера представлена областью человеческих отношений.

В русском и белорусском языках такая группа представлена небольшим количеством лексических единиц, среди которых выделяются субстантивы *яд, отрав* (бел. *яд, атрута*), адъективы *ядовитый, отравный, токсичный* (бел. *ядавіты, атрутны, таксічны*) и глаголы *отравить* (бел. *атруціць*).

В статье на материале Национального корпуса русского языка, Белорусского N-корпуса, а также толковых словарей русского и белорусского языков рассматриваются адъективные номинации, включающие в свой состав инвариантный пейоративный признак 'вредный, сильно и неприятно действующий на что-либо, оказывающий вредное влияние на кого-

либо, что-либо'. Этот признак служит основанием для образования вторичных ЛСВ речевой, коммуникативной, психологической, ментальной, социальной, межличностной, персонифицированной, соматической и других сфер.

Из трех синонимических прилагательных русского языка (*ядовитый, отравный, токсичный*) более активно используется прилагательное *ядовитый*, в семантической структуре которого выделяется свыше 100 вторичных ЛСВ.

Прилагательное *отравный* в толковых словарях фиксируется в его первичном значении 'содержащий отраву, отравляющий'. В Толковом словаре Д. Н. Ушакова оно уточняется пометой «устар.» и переносным ЛСВ 'противный, невыносимый'. Слово относится к числу редкоупотребительных и в некоторых текстовых фрагментах функционирует во вторичных значениях в сочетании с существительными *горечь, впечатление, мечта, любовь*.

В последнее время в русском языке активизировалось употребление прилагательного *токсичный*, которое Оксфордский словарь назвал словом 2018 года по причине увеличения на 45 % количества просмотров с толкованием этого слова на сайте словаря [1, с. 158; 2, с. 87]. В смысловой структуре адъектива *токсичный* фиксируются как общие со словом *ядовитый* значения, так и сугубо индивидуальные, специфические ЛСВ, характеризующие финансовые активы, кредиты и операции, межличностные отношения, сферу коммуникации и др. (*токсичные активы банков, токсичные отношения, токсичные люди, токсичная среда, токсичное поведение, токсичная тема для дискуссий*). В отдельных случаях прилагательные *токсичный* и *ядовитый* используются в пределах одного текстового фрагмента, что подтверждает их семантическое и функциональное тождество: *Этот гнусный ядовитый фанатик, этот токсичный старикашка, он – нет, он не дал мне полного снабдьба от нравственных немощей* (В. Ерофеев).

Белорусские адъективы в своих прямых значениях отражают качества и состояния, вызванные действием ядовитых веществ. Они характеризуются неширокими смысловыми парадигмами и ограниченным числом контекстуальных окружений. Более употребительным считается прилагательное *атрутны*.

Попытаемся очертить основные траектории развития русского адъектива *ядовитый* и белорусских прилагательных *ядавіты* и *таксічны*. В зависимости от тематической представленности вторичных ЛСВ этих прилагательных в реципиентной сфере выделяется несколько смысловых центров, вокруг которых группируются примерно одинаковые или синонимические ЛСВ.

1. Первый смысловой центр охватывает широкое семантическое поле коммуникативно-речевой деятельности, включающее более 40 конструкций с адъективом *ядовитый*. Нейтральные по коннотативной окраске существительные *слово, язык, речь, голос, фраза, выражение, разговор, беседа, рассказ* в контексте с прилагательным *ядовитый* приобретают яркое пейоративное содержание со значением ‘резкое, ироническое отношение к кому-либо, ядовитые, злые замечания, намеки и т. п.’: *Она самыми ядовитыми словами начала упрекать меня в эгоизме и жестокости* (Л. Толстой); *Возможно, Михаила Никифоровича подвел его необыкновенно острый, временами ядовитый язык* (В. Костиков); *А после Мартов среди шума, протестов и аплодисментов произнес ядовитую, негодующую речь* (Н. Суханов); *«Какая идиллия!» – раздался у него за спиной ядовитый голос* (А. Маринина); *Все тягостные огорчения и недоумения последнего времени связались в один тугой узел с ядовитыми фразами* (Ю. Нагибин); *Страничка письма была исполнена усиленно-ядовитыми выражениями* (П. Анненков); *Нельзя же в самом деле без конца тянуть визиты Трусоцкого к Вельчанинову и эти поджаривающие, ядовитые разговоры* (Н. Михайловский); *Остроумная и подчас ядовитая беседа составляет один из привлекательных соблазнов этого заведения* (А. Кони); *Новакович сидел опустив голову, угрюмый, совершенно раздавленный ядовитым расказом Кузи* (А. Аверченко).

В русских художественных и публицистических текстах адъектив *ядовитый* активно функционирует в текстах со словами *смех, смешок, насмешка, замечание, намек, реплика, ремарка, эпиграмма*, которые имеют яркую пейоративную коннотацию и выражают иронию, язвительный намек, шутку, сарказм.

В белорусском языке контекстуальное окружение адъектива *атрутны* ограничивается субстантивами *слова, голас, тон*: *Паўзіце, словы, ад мяне: агідныя, халодныя, ілжывыя, атрутныя* (С. Дзяргай); *Атрутным голасам папыталася пані Алена* (Л. Рублеўская); *Суровы пагляд цёмных вачэй ды атрутны тон нізкага змушалі сплунянец ад жаху* (Л. Рублеўская). Такое же смысловое содержание выявляется и в контекстах с синонимическим прилагательным *ядавіты*.

2. Второй смысловой центр семантического поля составляют конструкции, включающие в свой состав адъектив *ядовитый* и субстантивы с мимическим выражением внутреннего состояния человека (движениями мышц лица, губ, глаз, щёк). Синонимические субстантивы *улыбка, усмешка, ухмылка* благодаря пейоративной семантике адъектива выражают злобу, язвительность, недоверие, презрительность: *Но вместо этого он сказал с ядовитой улыбкой* (В. Кетлинская); *Они обменялись ядовитыми улыбками* (М. Успенский); *С губ Устина не сходила ядовитая усмешка*

(И. Бунин); *По гладкому лицу генерала пробежала ядовитая ухмылка* (Е. Сухов).

Такая же пейоративная коннотация наблюдается и в белорусском языке, где синонимические адъективы *атрутны*, *ядавіты* функционируют в сочетании с существительными *ўсмешка*, *ухмылка*: *«Маладзец!» – усміхнуўся ён атрутнай усмешкай* (С. Баранавых); *На яго вуснах ізноў атрутная ўхмылка* (С. Баранавых); *Дзядок не спускаў з губ ядавітай ухмылкі* (К. Чорны).

3. Третий смысловой центр носит персонифицированный характер, и язвительные, злобные качества и свойства приписываются человеку: *Он такой ядовитый человек, от него все можно ожидать* (К. Сологуб); *Умные короли всегда приглашали на праздник беспощадно ядовитых шутов* (Е. Евтушенко); *Ему успели сообщить, что я ядовит, надо всеми смеюсь* (В. Швец). В белорусском языке для обозначения язвительного, злобного человека используются конструкции только с адъективом *ядавіты*: *«Ну, ты і ядавіты стаў, чорт гэтакі», – засмяяўся Сяргею і ўзяў Валодзю за рукі* (У. Федасенка); *Трэба ж, на такога ядавітага чалавека трапіў Антось* (К. Лукаш).

4. Четвертый смысловой центр представляет конструкции, выражающие эмоциональное состояние человека. Слово *ядовитый* вплетается в контексты с различными существительными, которые отражают тяжелые внутренние переживания, отрицательные психофизические чувства и ощущения человека, злое, полное раздраженной враждебности настроение. В русском языке слово *ядовитый* имеет широкую парадигму сочетаемостных слов, которая включает субстантивы *чувство*, *злость*, *злоба*, *тоска*, *укор*, *укоризна*, *обида*, *боль*, *стыд*, *презрение*, *сожаление* и др. В белорусском языке в такую парадигму включаются субстантивы *злосць*, *нянавісьць*, *крыўда*, *смутак*, *падазрэнне*, *недаверлівасць*, *утрапенне*, *прыкрасць*.

5. В пятом смысловом центре представлены конструкции, в которых демонстрируются межличностные и социальные отношения. Образ человека обычно представляется в отличительных чертах характера, наиболее устойчивых психических свойствах, обнаруживающихся в поведении, отношении к другим людям. Посредством адъектива *ядовитый* демонстрируются только негативные черты характера и поведения человека, для чего используются субстантивы *самолюбие*, *амбиции*, *месть*, *подозрение*, *клевета*, *обвинение*, *нападки*, *ложь*. В белорусском языке метафорические контексты включают существительные *лухта*, *падазрэнне*, *недаверлівасць*.

6. Шестой смысловой центр включает колоративные номинации, в которых прилагательное *ядовитый* сочетается с различными по цветовой гамме существительными и выражает резкие, яркие, неестественные,

насыщенные разными оттенками цвета (ультрамариновый, бирюзовый, лимонный, авокадо). Ядовитый цвет чаще всего соотносится с номинациями одежды, предметов быта, лесных, полевых и водных пространств, жидкостей, животных и птиц. Ядовитыми могут быть костюм, брюки, кофта, трико, манто, ковер, занавес, лесные уголья, посевы, жидкости и водные пространства, животные и птицы с яркой, пестрой, пятнистой окраской и мн. др. Белорусское прилагательное *ядавіты* в значении 'пра яркі, рэзкі колер' фиксируется в толковом словаре, однако сфера его употребления ограничивается единичными текстовыми фрагментами: *Зыркаю на ядавітага колеру вадкасць, якая б'еца аб сценкі бутэлькі, і мяне разбірае страх* (А. Карпюк).

В отдельных случаях дается расшифровка ядовитого цвета через дополнительные определения каких-либо конкретных цветов. В русском художественном дискурсе ядовитым может считаться зеленый, зеленовато-желтый, ярко-зеленый, красный, оранжевый, фиштакковый цвета, в белорусских текстах – зеленый и черный цвет.

7. Седьмой смысловой центр представлен конструкциями со значением ментальных образов и представлений, для чего используются субстантивы *мысль, размышление, раздумье, ум, остроумие*: *Нельзя было отогнать печальных и ядовитых мыслей о прошлом* (А. Куприн); *Берсенева не может удержаться от ядовитых размышлений, убедившись окончательно во взаимной любви Инсарова и Елены* (Н. Добролюбов); *Людям деятельности, агитаторам, двигателям масс непонятны эти ядовитые раздумья, эти сокрушительные сомнения* (А. Герцен). В белорусском языке этот центр представлен конструкциями с адъективом *атрутны* и ментальным субстантивом *думка*: *Думкі, аднак, былі неспакойныя і атрутныя, як медная прозелень прадзіраўленага падноса* (М. Лынькоў); *Надвычайна атрутная думка* (А. Мрый).

8. Смысловый центр с темпоральными отношениями ограничивается указаниями на «плохое» время с точки зрения его протяженности, временных фаз и состояний. В контекстах с адъективом *ядовитый* используются субстантивы *время, минута, октябрь*: *Ядовитые времена пройдут. Пройдет все, но венец достижений останется* (Б. Абрамов); *Время как решающий фактор уже не сможет убрать этой ядовитой минуты* (А. Ким); *Дни стояли туманные, странные: проходил мерзлой поступью ядовитый октябрь* (А. Белый). В белорусском художественном дискурсе выявлена одна синтаксическая конструкция с темпоральным субстантивом *день*: *Для кроўна родных, дзень атрутны* (С. Давідовіч).

В отдельную группу включаются сложные индивидуально-авторские конструкции, в которых выражаются негативные эмоции, чувства и переживания человека, особенности его характера и духовного склада. В кон-

текстах с адъективом *ядовитый* наблюдается нестандартная сочетаемость слов, выбор которых не всегда подчиняется законам логической целесообразности и происходит в соответствии с субъективно-авторским ассоциативным мышлением. Все это приводит к нарушению концептуальных границ таксономии, созданию специфических семантических моделей, ориентированных на конвергенцию семантики различных лексических единиц. Большинство таких конструкций ориентированы на выражение психологического состояния человека, его взглядов на самого себя и время, в котором он живет. Приведем некоторые примеры таких конструкций: *непреодолимая стена холодной, ядовитой враждебности* (Л. Толстой); *ядовитая, бесформенная и сплошная скука* (С. Сергеев-Ценский); *ядовитое дыхания злости, коварства и нечестия* (Н. Греч); *ядовитый сплав дерзости и отчаяния, безочарования и большой пытливости* (Г. Фелоровский); *ядовитый цветок самолюбования, самоуверенности, необоснованных надежд и планов* (Н. Покровская). В белорусском художественном дискурсе индивидуально-авторские контексты характеризуются небольшой численностью входящих в них компонентов: *атрутныя ілюзіі* (П. Пестрак), *атрутнае ўражанне* (М. Зарэцкі), *атрутны дым бяспамятства* (У. Караткевіч), *атрутны цень бяды* (А. Звонак).

Таким образом, адъективные номинации со значением отравляющих веществ в конкретных текстовых фрагментах включаются в процесс семантической деривации и проецируют часть своей первичной семантики на различные сферы жизнедеятельности человека.

Большая часть таких прилагательных характеризуется широкой смысловой парадигмой, глубоким семантическим потенциалом и особой способностью сочетаться с различными существительными, семантика которых во многом определяет траектории адъективов, их возможные включения в те или иные тематические сферы, те или иные контекстуальные окружения. В зависимости от тематической представленности вторичных ЛСВ в реципиентной сфере выделяется восемь смысловых центров, в которых представлены конструкции с адъективами *ядовитый* (бел. *атрутны, ядавіты*) и различными по семантике субстантивами.

Развитие многозначности у русских и белорусских прилагательных развивается примерно в одинаковых смысловых направлениях и свидетельствует об аналогии действия семантической деривации в русском и белорусском континууме ядовитости. Различия касаются количественного состава субстантивов, включенных в метафорические контексты. Наблюдается превалирование русских субстантивов в конструкциях коммуникативно-речевого, межличностного, колоративного, ментального, темпорального содержания. Относительная симметрия в использовании существительных выявляется в эмоционально-психологической, мимической и

персонифицированной сферах. Такая ситуация в определенной степени объясняется материалом исследования, включающим огромный ресурс (более 2 миллиардов слов) Национального корпуса русского языка и значительно меньший объем (177 миллионов словоупотреблений) Белорусского N-корпуса.

Библиографические ссылки

1. Попова С. Б., Шкапенко Т. М. Функционирование семантической кальки *токсичный* в дискурсивных практиках носителей современного русского языка // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 6(4). С. 156–166.

2. Шилихина К. М. Семантическое развитие прилагательных *ядовитый* и *токсичный*: что «отравляет» нашу жизнь? // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 86–95.

ВРЕМЯ И МОДАЛЬНОСТЬ В АНГЛО-РУССКОМ КОМПЬЮТЕРНОМ ПЕРЕВОДЕ «ВСЕОБЩЕЙ ДЕКЛАРАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА»

Н. В. Супрунчук

*Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь, msuprunch@gmail.com*

Англоязычный вариант «Всеобщей декларации прав человека» (1948) сравнивается с 4 русскими переводами: официальным и компьютерными (варианты сервисов DeepL, Google, Yandex). Анализируется использование форм времени в английской и русской версиях данного документа. Глаголы составили 10 % словоупотреблений в исходном тексте. Особое внимание уделяется глаголу *shall* в модальном и служебном значении и его русским соответствиям: временное значение очень редко (от 1 до 7 случаев из 27 в разных текстах). Выявлены смысловые и формальные различия русскоязычных версий при выражении времени, модальности и таксиса. Одновременность в прошлом может передаваться синонимичными конструкциями с формами прошедшего или настоящего времени. Нетипичное для форм будущего времени значение предшествования связано с наличием союза *пока не*.

Ключевые слова: время; Всеобщая декларация прав человека; глагол; модальность; переводческая трансформация; причастие; таксис.

1. Цель и материал исследования.

«Всеобщая декларация прав человека» – важнейший документ в области международного и национального права (далее – Декларация). Она была принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г. Заместитель министра иностранных дел Беларуси Андрей Дапкюнас констатировал: декларация «дала разуменне ўсяму свету, што абарона роўнасці, справядлівасці, чалавечай годнасці – гэта агульны абавязак усіх краін і ўрадаў» [1]. В 2023 г. во всем мире, в том числе в нашей стране,

отмечалась 75-я годовщина принятия Декларации. В честь этого в Минске состоялась книжная выставка, которую организовали Исполнительный комитет СНГ и Президентская библиотека Республики Беларусь. Академия МВД Республики Беларусь провела международную научно-практическую конференцию «75 лет Всеобщей декларации прав человека» [2].

К этому документу обращаются юристы, политологи, дипломаты, политики, переводчики и лингвисты. В нашей статье рассмотрены результаты анализа ее переводов с помощью интернет-сервисов «DeepL Translate» (далее – «Дипл»), «Google Translate» (далее – «Гугл»), «Яндекс Переводчик» (далее – «Яндекс»). В оригинале Декларации 30 статей, 1783 словопотребления, 10 % из них глаголы (170 единиц). Это несколько ниже обычной представленности глаголов, которая, по некоторым данным, составляет 15 % [3]. Цель нашего исследования – установить основные трансформации грамматической семантики глаголов в области времени и модальности.

2. Трансформации временной структуры высказывания.

Рассмотрим перевод Декларации с помощью компьютерных переводчиков. Темпоральная структура этого текста однородна. Поскольку он устанавливает нормы, то здесь в основном используется настоящее время, однако некоторые статьи содержат сложную комбинацию временных планов. Проанализируем статью 11 (таблица 1):

*Everyone **charged** (participle 2) with a penal offence **has** (present simple) the right **to be presumed** (infinitive passive) innocent until **proved** (participle 2) guilty according to law in a public trial at which he **has had** (present perfect) all the guarantees necessary for his defence.*

Таблица 1

Переводы статьи 11

Одновременность в прошлом	Предшествование в прошлом
Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты (офиц.).	Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана согласно закону в ходе гласного судебного разбирательства, на котором ему обеспечивались все гарантии, необходимые для защиты («Гугл»).
Каждый человек, обвиняемый в совершении уголовного преступления, имеет право считаться невиновным, пока его вина не будет доказана в соответствии с законом путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все необходимые гарантии для защиты («Дипл»).	Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в соответствии с законом в ходе открытого судебного разбирательства, в ходе которого ему были предоставлены все гарантии, необходимые для его защиты («Яндекс»).

В этом предложении временные планы не совпадают в нескольких случаях. Одни различающиеся конструкции являются синонимичными вариантами, другие обусловлены законами грамматики русского или английского языка. При сопоставлении нескольких действий обычно говорят о последовательности времен, временном порядке или таксисе. Формы английских глаголов и их русские соответствия представлены в таблице 2.

Таким образом, можно отметить совпадение перевода формы *has* ‘имеет’ и следующие расхождения. Английское причастие прошедшего времени *charged* во всех четырех версиях переведено русским причастием настоящего времени *обвиняемый*. Думается, что ему было бы синонимично и русское причастие прошедшего времени.

Таблица 2

Трансформации временных планов

Текст	Форма			
	<i>charged</i>	<i>has</i>	<i>proved</i>	<i>has had</i>
Оригинал	participle 2	present simple	participle 2	present perfect
Официальный перевод	Причастие НСВ настоящего времени	Наст. время	Буд. время + причастие СВ прошедшего времени	Наст. время
«Дипл»				Прош. время
«Гугл»				Прош. время + причастие СВ прошедшего времени
«Яндекс»				

Другое английское причастие прошедшего времени *proved* переведено с помощью формы будущего времени. Это различие обусловлено не желанием отразить разные последовательности ситуаций, а правилами национальной грамматики, согласно которым в английской придаточной части времени или причины формы будущего времени не используются. Примечательна трансформация этой формы будущего времени: при сопоставлении с событиями в настоящем она обычно выражает последующее действие, однако в данной ситуации она обозначает предшествование. Видимо, это изменение обусловлено наличием союза *пока не*.

Следующее расхождение связано с передачей на русский язык формы *present perfect has had*: в двух версиях использовано настоящее время и в двух – прошедшее. Здесь также можно говорить о синонимии этих форм времени в придаточных, относящихся к плану прошлого. Такая синонимия обусловлена присутствием таксисного значения одновременности.

3. Время и модальность при переводе глагола *shall*.

Особый интерес представляет собой передача глагола *shall*. Это третий по частоте глагол в рассмотренном документе (после *be* ‘быть’ и *have* ‘иметь’): его формы составляют 15,9 % от всех глаголов (27 употребле-

ний). Как известно, он используется для образования форм будущего времени (аналог русских *буду, будем*) и выражения приказа, запрета, принуждения, обещания. Так, «Кембриджская грамматика» рекомендует использовать глагол *shall* при описании намерений и решений, то есть для образования будущего времени. При этом указывается на его редкость и формальность в наши дни [4]. Известный автор пособий Рэймонд Мерфи предостерегает, что его нужно использовать только с местоимениями первого лица: *Do not use shall with he/she/it/you/they* [5, с. 44]. Однако ряд авторов указывает, что он характерен для строгих правил и его необходимо использовать в особо формальных случаях со всеми лицами: *Shall also has a special legal use for talking about rules and laws. In these cases, we often use it with third-person subjects* [4].

В официальной версии Декларации глагол *shall* в основном переведен только в своем модальном значении, то есть с помощью модальных слов *должен, может* (см. таблицу 3). Таким образом реализуется нормативность описываемых положений и требований, однако реальность этих предписаний остается неясной.

Таблица 3

Модальные и темпоральные способы передачи глагола *shall*

Передача глагола <i>shall</i>	Вариант перевода			
	официальный	«Дипл»	«Гугл»	«Яндекс»
<i>Должен</i>	18	15	16	13
<i>Может</i>	6	6	6	6
Форма наст. времени	–	3	2	5
Форма буд. времени	1	2	2	2
Форма сослаг. наклонения	1	1	1	1
Всего	26	27	27	27

Версии машинного перевода в основном совпадают с официальной: вариант «Дипла» содержит ту же форму, что и официальный, в 23 случаях из 27, вариант «Гугла» – в 24, «Яндекса» – в 21 случае. Преобладает модальное использование рассматриваемого глагола. Проанализируем эти конструкции подробнее, обращая внимание на соотношение модальных и временных планов.

Примечательно, что в официальном переводе значение будущего времени, которое согласно грамматикам столь же важно, сколь и модальное, присутствует только единожды – в преамбуле: *...whereas... the advent of a world in which human beings shall enjoy freedom of speech and belief and freedom from fear and want has been proclaimed as the highest aspiration of the common people...* – ‘принимая во внимание, что... создание такого мира, в котором люди **будут иметь** свободу слова и убеждений и будут

свободны от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей...’. В компьютерных переводах оно присутствует по два раза.

Один раз эквивалентом для анализируемой лексемы стала форма согласительного наклонения: *The General Assembly, Proclaims this Universal Declaration of Human Rights as a common standard of achievement for all peoples and all nations, to the end that every individual and every organ of society, keeping this Declaration constantly in mind, shall strive by teaching and education to promote respect for these rights and freedoms...* – ‘Генеральная Ассамблея, провозглашает настоящую Всеобщую декларацию прав человека общим стандартом для всех народов и наций, с тем **чтобы** каждый человек и каждый орган общества, постоянно помня об этой Декларации, **стремились** путем преподавания и воспитания содействовать уважению этих прав и свобод...’ (Яндекc).

В официальной версии глагол *shall* никогда не передается формой настоящего времени, тогда как автоматические переводчики употребили ее от 2 до 5 раз, например: *The will of the people shall be the basis of the authority of government; this will shall be expressed in periodic and genuine elections which shall be by universal and equal suffrage and shall be held by secret vote or by equivalent free voting procedures* (ст. 21). – ‘Воля народа является основой власти правительства; эта воля **выражается** в периодических и подлинных выборах, которые **проводятся** на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании или с использованием эквивалентных процедур свободного голосования’ (Яндекc).

Наличие форм настоящего времени – проявление объективной модальности, а прилагательного *должен* – субъективной, причем такой, которая сигнализирует о желаемом положении дел, которое, однако, отсутствует. Значит, использование того или иного варианта свидетельствует о коренном различии: ситуация достигнута (если использована личная форма глагола) либо не достигнута (если употреблено прилагательное). Таким образом, эти версии переводов дают существенно разные интерпретации.

Выявлено еще одно показательное явление в сфере собственно модальности. Как известно, выделяют два вида субъективной модальности: модальность возможности и модальность необходимости [6]. (Впрочем, А. В. Бондарко добавляет к ним еще модальность желательности [7, с. 68]). Эти два вида считаются противопоставленными, однако в проанализированных текстах модальные слова *должен* и *может* выступают как синонимы: *No one shall be arbitrarily deprived of his property.* – ‘Никто не должен быть произвольно лишен своего имущества’ (офиц.). – ‘Никто не может быть произвольно лишен своего имущества’ (Дипл, Яндекc). – ‘Никто не может быть произвольно лишен своей собственности’ (Гугл).

В некоторых случаях компьютерный перевод лучше обычного, официального, поскольку первый более единообразный. Так, в официальном переводе сходные утверждения переданы один раз с помощью слова *может*, второй раз – с помощью слова *должен*: *No one shall be arbitrarily deprived of his nationality nor denied the right to change his nationality* (статья 15). – ‘Никто не **может** быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство’. Ср. также: *No one shall be arbitrarily deprived of his property* (статья 17). – ‘Никто не **должен** быть произвольно лишен своего имущества’ (офиц.). Компьютерные версии перевода содержат глагол *мочь* в обеих статьях.

Выявлено, что в ряде случаев выбор между словами *может* и *должен* связан с наличием отрицания или утверждения: первое используется только в отрицательных предложениях, а второе – и в тех, и в других.

4. Выводы.

Таким образом, установлено преобладание в Декларации форм настоящего времени, что связано с ее прескриптивным характером, со стабильностью норм. Для прогнозируемых требований используется глагол *shall*, на который приходится почти 16 % всех глагольных форм (27 из 170). Проанализированы его модальные и темпоральные соответствия в русском языке. Примечательно, что в большинстве случаев реализовано его модальное значение (прежде всего долженствования, реже (не)возможности), тогда как его второе основное значение (указание на будущее, планируемые, желательные действия) присутствует только в одном примере официальной версии и в двух примерах версий компьютерных переводчиков. Таксисное значение одновременности в прошлом может реализовываться формами как прошедшего, так и настоящего времени. Таксисное значение предшествования нетипично выражено формами будущего времени, которые указывают на обстоятельство действия в настоящем.

Библиографические ссылки

1. Анісовіч Н. Усеагульная дэкларацыя правоў чалавека выйшла па-беларуску [Электронны рэсурс]. URL: <https://zviazda.by/be/news/20181210/1544458021-useagulnaya-deklaracyya-pravou-chalaveka-vyyshla-pa-belarusku> (дата звароту: 05.09.2024).
2. 75 лет Всеобщей декларации прав человека : тезисы докладов междунар. науч.-практ. конф. (8 декабря 2023 г.) / отв. ред. П. В. Гридюшко. Минск : Академия МВД, 2024.
3. Morgan E. L. Foray's into parts-of-speech [Electronic resource]. 2011. URL: <http://infomotions.com/blog/2011/02/forays-into-parts-of-speech/> (date of access: 04.09.2024).
4. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of access: 04.09.2024).
5. Murphy R. English Grammar in Use. Cambridge : CUP, 2012.
6. Падучева Е. В. Модальность: материалы для проекта корпусного описания русской грамматики [Электронный ресурс]. М., 2016. URL: <http://rusgram.ru/Модальность#11> (дата обращения: 05.09.2024).
7. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Ленинград : Наука, 1990.

ДИСКУРСИВНАЯ СЕМАНТИКА МЕСТОИМЕНЕЙ «Я», «ТЫ» В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ С ФИТОНИМИЧЕСКИМИ НОМИНАЦИЯМИ

Сюэ Бин

Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,
ул. Советская, 18, 220030, г. Минск, Беларусь, xbing0820@gmail.com

Рассматриваются процессы семантизации личных местоимения «я», «ты» в конструкциях, включающих в свой состав фитонимические номинации русского и китайского языков. Характеризуются группы с широким гиперонимическим, а также узким гипонимическим значениями, выявляются их структурные разновидности (однокомпонентные и многокомпонентные). Устанавливаются типологические и специфические для каждого из языков местоименные семантические модели, в которых названия деревьев и растений проецируются на человека. Представлены иллюстрации местоименно-фитонимических метафорических контекстов русского и китайского языков. Внимание обращается на индивидуально-авторское содержание метафорических контекстов и особенности отождествления личных местоимений «я», «ты» с фитонимическими субстантивами.

Ключевые слова: личные местоимения; фитонимы; семантическая модель; контекст; дискурс; русский язык; китайский язык.

Предельно обобщенные лексические значения местоимений «я», «ты» конкретизируются в различных текстовых фрагментах в виде отождествлений и сравнений героя повествования (автора, лирического героя) с различными сущностями объективной действительности. Чаще всего такие местоимения включаются в двухкомпонентную семантическую модель «я – это...», «ты есть...», во второй части которой осуществляется расшифровка местоимений за счет привлечения практически бесконечного числа конкретных и абстрактных номинаций, собственных и нарицательных имен. При явном превалировании во второй части модели антропонимического содержания («я, ты – человек») наблюдаются случаи авторского местоименного воплощения в фитонимических образах и представлениях [1, с. 192; 2, с. 192–194].

Материалом для исследования послужили конструкции с личным местоимением я, выявленные в текстах Национального корпуса русского языка, Корпуса Пекинского университета языка и культуры (сокращение – ВСС; <https://bcc.blcu.edu.cn>) и Корпуса Центра китайской лингвистики Пекинского университета (сокращение – ССЛ; http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp).

Модели с фитонимическими номинациями образуют немногочисленную группу, в которой представлены около 30 лексических единиц растительного мира. Семантизация личных местоимений в фитонимической

группе может носить довольно обобщенный характер, когда референциальная соотнесенность построена на гиперонимических отношениях. Чаще всего в качестве гиперонимов выступают обобщенные названия деревьев, растений и цветов, а в качестве гипонимов – конкретные обозначения представителей номинаций растительного мира. Так, существительное *дерево* в значении ‘многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону’ [3, с. 138] в русском и китайском языках идентифицируется с человеком в его широком философском и экзистенциальном понимании, что в целом отражает ассоциативно-образные стереотипы, в той или иной степени передающие специфику национального мировосприятия и миропонимания русского и китайского народов: *Я дерево. Когда меня срубят, разведите костер из моих ветвей* (М. Петросян); *Ты – дерево, твое место в саду* (Е. Завершнева); 我是一棵孤独的树, 千百年来矗立在路旁, 寂寞的等待 (CCL). – ‘Я одинокое дерево, тысячу лет стоящее на обочине дороги и одиноко ожидающее’ (CCL); *你是一棵树, 恋恋依故土* (吴淡如). – ‘Ты дерево, привязанное к своей родине’ (У Данжу).

В качестве согипонимов для широкого и обобщенного значения субстантива *дерево* выступают названия с более узким конкретным содержанием *сосна* (кит. 松树), *береза* (кит. 白桦树), *тополь* (кит. 杨树): *Я – сосна в твоём бору* (Л. Татъяничева); 我是那一棵松树, 常绿不凋, 只为不让爱的人看见我憔悴的面容 (BBC). – ‘Я та сосна, вечнозеленая и никогда не увядающая, только для того, чтобы люди, которые меня любят, не видели моего изможденного лица’ (BBC); 萧红, 你又是植根于高山之巅的一株青松, 你不畏严寒, 依然挺拔, 你笑傲酷暑, 巍然耸立 (BCC). – ‘Сяо Хун, ты зеленая сосна, укоренившаяся на вершине горы. Ты не боишься лютого мороза, стоишь стройно и высоко, смеешься над адским жаром, стоишь прямо’ (BCC);

Да, я береза. Ласковая сень Моя – приют заманчивый до всхлипа (А. Иванов); *Эх ты береза, ты моя береза* (С. Заяицкий); 我是白桦树, 我站在这里, 默默地注视着这个世界 (CCL). – ‘Я береза, стою здесь, молча наблюдаю за миром’ (CCL);

Я – тополь. С меня облетает листва, Но осень не к старости шаг (В. Янковский); 我是山隙中正在努力生长的一株枫杨 (张炜). – ‘Я тополь, который пытается вырасти в горной щели’ (Чжан Вэй); 你是一株笔直的白杨, 你是一株翠绿的白杨, 无论是黎明还是黑夜, 总把无畏的歌声轻唱 (BCC) – ‘Ты тополь прямой, ты тополь зеленый, ни рассвет, ни ночь, ты всегда поешь бесстрашно’ (BCC).

с обобщенным содержанием 'яркая, часто ароматная головка или соцветие на стебле растения' [3, с. 757]. В русской и китайской языковой традиции цветок растения отождествляется с девушкой, женщиной: *Я цветок, и счастье аромата Мне самой Судьбою суждено, От восхода Солнца до заката Мне дышать, любить и жить дано* (К. Бальмонт); *Так это ты, мой цветок прекрасный!* (Н. Дурова); *я承认, 我是温室里的花朵, 但这并不表示我对外面的险恶就一无所知* (萧心华). – 'Я признаю, что я цветок в теплице, но это не значит, что я не знаю об опасностях снаружи' (Сяо Синьхуа); *你是一朵春天鲜艳盛开的花朵, 娇艳迷人* (ВСС). – 'Ты яркий и цветущий весной цветок, нежный и очаровательный' (ВСС).

В роли заместителя личного местоимения часто выступают существительные *роза* (кит. 玫瑰), *лилия* (кит. 百合), *кактус* (кит. 仙人掌): *В цветнике мира я была розой и, увы, завяла* (Е. Нагаевская); *Ты – дикая роза* (А. Приставкин); *Я лилия пониклая, Бледна и анемична, Быть девой так привыкла я, Что даже неприлично* (В. Катанян); *Зачем мне кактусы, я сама кактус* (Г. Маркосян-Каспер); *我是一朵带刺的玫瑰, 谁也摘不走* (余华). – 'Я роза с шипами, никто меня не может сорвать' (Юй Хуа); *傻瓜, 你是我的玫瑰 我的女人!* (郑媛). – 'Дурочка, ты моя роза, моя женщина!' (Чжэн Юань); *要相信自己, 成长路上, 你是一朵等待绽放的优雅百合* (ССЛ). – 'Поверьте в себя: На пути роста ты – элегантная лилия, ожидающая цветения' (ССЛ); *我是一颗仙人掌, 总是扎伤离我最近的人* (ВСС). – 'Я кактус, который всегда колет самого близкого мне человека' (ВСС).

Отождествление личных местоимений «я», «ты» с цветком в большей степени представлено в китайских текстах, где в качестве местоименных эквивалентов могут выступать следующие субстантивы:

荷花 'лотос': 我是一朵盛开的夏荷, 多希望, 你能看见现在的我 (席慕蓉). – 'Я цветущий летний лотос, так желаю, Ты можешь увидеть меня сейчас' (Си Мужун); *你是一朵永不凋谢的荷, 开在我的悠悠溪谷* (ВСС). – 'Ты лотос, который никогда не увядает, цветущий в моем вольготном русле горного потока' (ВСС);

昙花 'эпифиллум': 即使我是朵昙花也好, 在我凋零之前, 我不会离开你 (绿痕). – 'Даже если я эпифиллум, я не оставлю тебя, пока не увяну' (Люй Хэн);

蒲公英 'одуванчик': 我看着太阳, 我是一团蒲公英 (王小波). – 'Я смотрю на солнце, я – одуванчик' (Ван Сяобо);

兰花 'орхидея': 你是一株幽兰, 开在寂寞的春谷 (ССЛ). – 'Ты орхидея, цветущая в одинокой весенней долине' (ССЛ).

В китайском художественном дискурсе выявляются конструкции, в которых заместительную роль выполняют существительные *叶 'лист', 草 'трава': 我是一片落叶, 躲在黑暗的泥土里* (舒婷). – 'Я опавший лист, спрятавшийся в темной почве' (Шу Тин); *你是落叶一片, 在秋风中旋转, 找寻着陆的点 (落寞秋雨).* – 'Ты опавший лист, кружащийся на осеннем

ветру, ищешь место для приземления’ (Ломо Цююй); 没有花香, 没有树高, 我是一颗无人知道的小草 (向彤, 何兆华). – ‘Не такая ароматная, как цветы, не такая высокая, как деревья, я неизвестная маленькая трава’ (Сян Тун, Хэ Чжаохуа); 别人对你不能知晓, 因为你是一棵亡在阵前的小 (萧红) – ‘Другие не могут знать о тебе, потому что ты трава, погибшая на поле боя’ (Сяо Хун).

Русские субстантивы *лист* и *трава* в структуре местоименных конструкций также вплетаются в канву повествования русских художественных текстов: *И снова мне кажется, будто Я – высохший лист прошлогодний...* (В. Нарбут); – *Эй ты, капустный листок, что на меня тарацишься?* (Г. Галахова); *Подобен я был траве, от солнца увядающей* (С. Савицкий). – *Эх ты, молодятина, трава зеленая...* – *покачивал головой Василий Сильч* (А. Мусатов).

Таким образом, в художественных дискурсах русского и китайского языков используются конструкции, включающие личные местоимения и наименования деревьев и растений. Местоимения в таких конструкциях выполняют функцию подлежащего и занимают препозитивную часть. Фитонимические номинации расшифровывают дейктическую функцию местоимения, указывая на какие-либо сходства, аналогии и подобия (чаще всего философского, экзистенциального и психологического характера), приписываемые по самым различным причинам действующему лицу. В китайском художественном дискурсе наблюдается более широкое использование местоименно-фитонимических конструкций, среди которых специфическими, свойственными только китайскому языку являются контексты с субстантивами *лотос*, *эпифиллум*, *одуванчик*, словосочетания *хлопковое дерево*, *камфорное дерево*. Практически все используемые конструкции носят индивидуально-авторский характер.

Библиографические ссылки

1. Стариченок В. Д. Образ человека в белорусском языковом континууме : монография. Минск : Колорград, 2018.
2. Кураш С. Б. Метафорика русской и белорусской поэзии: тексто-дискурсивный аспект. Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2020.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1984.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ РЕЧИ В РОМАНЕ ЮЙ ХУА «ЖИТЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ ОППОЗИЦИИ СПРОСИТЬ – ОТВЕТИТЬ)

Фань Вэйци

Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,
ул. Советская, 18, 220030, г. Минск, Беларусь, 706403836@qq.com

Рассматриваются глаголы речи в романе Юй Хуа «Жить», устанавливаются их семантические группы (специфики звукового воплощения, речевого воздействия,

этикета, императивного содержания, эмоционального состояния). Особое внимание уделяется антонимической оппозиции *спросить – ответить*, которая используется для ввода и сопровождения реплик персонажей в диалогах. Анализируются слова-индикаторы, используемые при этих глаголах и служащие для характеристики персонажей с точки зрения их поведения, внешнего вида, возраста, эмоционального состояния, для указания на время и место осуществления диалога, а также особенности заданных вопросов и ответов. Внимание уделяется специфике перевода китайских глаголов речи на русский язык.

Ключевые слова: глагол; глаголы речи; семантика; речевая деятельность; лексико-тематическая группа; роман Юй Хуа «Жить».

Глагол занимает важное место в лексической структуре любого языка и считается лексико-грамматическим феноменом в языковой системе. Глагольная лексика как доминирующая и наиболее значимая часть лексического состава языка отличается сложностью содержания, семантической емкостью, разнообразием связей в пределах широких контекстуальных фрагментов. Исследование вопросов функционирования глаголов в художественном дискурсе, их тематической представленности в идиостиле того или другого писателя является актуальным и позволит восполнить имеющийся пробел в исследовании тематических групп глагольных номинаций в русском и китайском художественном дискурсе.

Цель статьи – определить тематические группы глагольных номинаций со значением речи в известном романе Юй Хуа «Жить» и выявить специфику перевода китайских конструкций с глаголами *спросить – ответить* на русский язык.

Тематическая группа глаголов речи, которые часто именуют глаголами говорения, глаголами речевого процесса, глаголами со значением речевой деятельности, широко представлена в романе Юй Хуа «Жить» и включает в свой состав свыше 900 слов и их грамматических форм. В художественной канве повествования Юй Хуа глаголы речи выполняют особую метатекстовую функцию, отражают внутреннее состояние персонажа, его настроение, черты характера, мысли и переживания, выражают отношение автора к действующим лицам и содержанию их высказываний.

Большое число лексических единиц, объединенных семей 'говорить', распределяется по нескольким группам:

а) глаголы речи, семантика которых дифференцируется в зависимости от большей или меньшей степени звучания, громкости, интенсивности и выразительности звучания: *шептать* (低声说), *бормотать* (嘟哝), *вздыхать* (叹气), *ворчать* (嘟囔), *кряхтеть* (呼哧), *кричать* (叫喊), *орать* (大喊);

б) императивы, обозначающие призыв к действию в виде команды, приказа, просьбы, пожелания, совета, побуждения, запрета: *командовать* (发口令), *приказывать* (命令), *наставлять* (教训), *советовать* (建议);

в) глаголы со значением эмоционального состояния: *плакать* (哭), *рыдать* (痛哭), *смеяться* (笑), *хохотать* (哈哈大笑);

г) глаголы речевого этикета: *здороваться* (打招呼), *приветствовать* (欢迎), *прощаться* (告别);

д) глаголы со значением речевого взаимодействия и контакта: *сообщить* (传达), *рассказать* (讲述), *беседовать* (谈话), *обсуждать* (讨论), *докладывать* (报告);

е) глаголы со значением неодобрения, ругательства: *ругать* (骂), *выругаться* (骂一句), *выговаривать* (责备);

ж) глаголы со значением приглашения подойти, приблизиться: *звать* (呼唤), *окликнуть* (叫住), *поманить* (招呼);

з) глаголы речи, образованные от номинаций звуков, издаваемых животными: *рвкнуть* (狗吠), *щебетать* (叽叽叫), *мычать* (牛叫), *квакать* (蛙鸣);

и) глаголы, выражаемые просьбу: *упрашивать* (恳求), *умолять* (央求), *уговаривать* (说服), *агитировать* (劝告).

Среди большого числа глагольных номинаций в отдельную группу выделяются глаголы *спросить* (*переспросить*, *спрашивать*, *расспрашивать*) и *ответить* (*отвечать*), которые образуют антонимичную пару и используются для ввода и сопровождения реплик персонажей в диалогах. Различные вопросы перевода китайских глагольных единиц на русский язык рассматривались в нескольких работах, посвященных лексическому составу романа Юй Хуа «Жить». В процессе перевода китайского романа чаще всего использовались грамматические трансформации, приемы опущения, добавления, перемещения, синонимические замены [1; 2; 3].

В переводном (вторичном) тексте романа глагол 问 ‘спросить (спрашивать)’ чаще всего соответствует китайскому эквиваленту: 我问她, 她不说, 就是笑盈盈地看着我. – ‘Спросил ее, она не отвечает, только смотрит на меня с веселой улыбкой’; 看看, 问我爹: “这位是少爷吧?” – ‘Потом взглянул на меня и спросил отца: «Это молодой барин?»’; 回去的路上我问同村的一个人: “毙了几个?” – ‘По дороге домой я спросил односельчанина: «Сколько человек расстреляли?»’; 她采了很多花放在腿边, 一朵一朵举起来问我叫什么花. – ‘Та нарвала диких цветов, перебирала их и спрашивала у меня их имена’; 大伙围上去问这问那, 问他身上还疼不疼. – ‘Его наперебой стали спрашивать, как дела, больно ли били’; 我问他是谁把他打成这样的? – ‘Я спросил, кто его так разукрасил’.

В ряде случаев синонимические китайские глаголы переводятся на русский язык одним эквивалентом. Например, разным глаголам китайского языка соответствует один глагол (*спросить*) русского языка:

кит. 说道 ‘говорить’ – рус. *спросить*: 我说: “你来干什么, 还不快给我回去”. – ‘Я **спросил**: «Ты зачем приперлась? А ну иди домой!»»; 我对家珍说: “哭什么, 哭什么. – ‘Я ее **спрашиваю**: «Ну что ты реवेशь?»»;

кит. 喊 ‘кричать’ – рус. *спросить*: 对着验血的男人喊: “血呢? 血呢?” – ‘Тут вышел врач в марлевой повязке и **спросил**: «Ну где же кровь?»»;

кит. 打听 ‘справляться’ – рус. *спрашивать*: 他老向我打听往北去是不是打仗. – ‘Все **спрашивал** меня, будем ли мы на севере воевать’.

В то же время один и тот же китайский глагол 问 ‘спросить’ переводится на русский язык различными синонимическими и заместительными глагольными единицами:

问 ‘спросить’ – *задать вопрос*: 随后我爹问他: “你先前看到过我掉下来没有?” – ‘Потом отец **задал вопрос**: «Ты раньше видел, чтоб я падал?»»;

问 ‘спросить’ – *уточнить*: 医生抬起头来看了我很久, 才问: “你是说徐有庆?” – ‘Он уставился на меня, а потом **уточнил**: «Сюй Юцин?»»;

问 ‘спросить’ – *шепнуть*: 当时脖子就缩了缩, 提心吊胆地问我: “该不会来找我的吧”. – ‘Бригадир вжал голову в плечи и **шепнул** мне: «Неужели они за мной?»»;

问 ‘спросить’ – *говорить*: 玩着玩着突然问我: “是你送我回去? 还是爹来领我?” – ‘Вдруг он **говорит**: «Ты меня отведешь к папе или он сам придет?»»; 抬起腿再去蹬, 县长突然问我: “你是不是福贵?” – ‘Вдруг начальник вгляделся в меня и **говорит**: «Ты Фугуй!»».

То же самое касается различных глаголов китайского языка, которые переводятся на русский язык одним словом *ответить* (*отвечать*):

说 ‘говорить’ – *ответить*: 他支支吾吾说不清楚了. – ‘На вопрос, за что его побили, старик **ответил** лишь невразумительным мычанием»;

理 ‘отзываться’ – *ответить*: 我没理他, 体育老师一放开我, 我就朝一个医生扑过去. – ‘Я ему не **ответил** и продолжал рваться на врачей»;

答应 ‘откликаться’ – *ответить*: 苦根不知道死究竟是什么, 他回头答应了一声: “知道啦”. – ‘Когда ему сказали, что отца убило, он **ответил**: «Понятно»»;

交代 ‘объяснять’ – *отвечать*: 队长听我们说完后骂我们: “他娘的, 你们死了让老子怎么去向上面交代”. – ‘«Вы тут друг друга заломаете, а мне **отвечать**?»».

При глаголах *спросить* – *ответить* используются слова-индикаторы, которые уточняют специфику речевого общения, характеризуют персонажей с точки зрения их поведения, внешнего вида, возраста, эмоционального состояния, указывают на время и место осуществления диалога, а также особенности заданных вопросов и ответов. Большим разно-

образом характеризуются индикаторы при постановке вопросов. Так, при глаголе *спросить (спрашивать)* используются слова и сочетания слов следующего смыслового содержания:

а) кто спрашивает: **这时有个穿中山服的男人**走了过来,问我:“你是徐有庆同学的父亲?” – ‘**Пришел человек в костюме** и спросил: «Вы отец Сюй Юцина?»»;

б) каково эмоциональное состояние персонажа, задающего вопрос: **他气冲冲地反问**:“打炮,往哪里打?” – ‘**Капитан сердито спросил**: «Куда стрелять?»»; **我娘陪着笑脸说**:“你是说福贵吧?” – ‘**Матушка спросила с улыбающимся лицом**: «Вы про Фугуя?»»; **到了我家,笑嘻嘻地对我说**:“福贵,是你自己拿出来呢,还是我们进去砸?” – ‘**К нам заявился староста с подручными и улыбаясь спросил**: «Фугуй, ты сам посуду вынесешь или нам зайти?»»;

в) когда задается вопрос: **每天早晨**他睁开眼睛便要问我:“福贵,今天买牛吗?” – ‘**Теперь он каждое утро** спрашивал меня: «Сегодня?»»; **到了夜里**她常偷偷问我:“福贵,我会拖累你们吗?” – ‘**Каждый вечер** перед сном спрашивала: «Я для вас обуза?»»; **吃午饭时**,桌子旁没有了凤霞,有庆吃了两口就不吃了,问他娘:“姐姐呢?” – ‘**За обедом** он только немного поклевал, а потом положил палочки и спрашивает: «А где сестра?»»; **最初的几天**,队长端着个饭碗嘻嘻笑着挨家串门,问大伙:“省事了吧?这人民公社好不好?” – ‘**Первые несколько дней** он ходил по домам с плошкой в руках и торжествующе спрашивал: «Ну как, нравится столовая?»»;

г) где задается вопрос: **回去的路上**我问同村的一个人:“毙了几个?” – ‘**По дороге домой** я спросил односельчанина: «Сколько человек расстреляли?»»; **二喜点点头走到了屋外**,我问他:“聘礼不带走了?” – ‘**Я вышел с ним на двор** и спросил: «Подарки забираешь?»»; **我脑袋里嗡嗡乱叫着跑到城里医院**,见到第一个医生我就拦住他,问他:“我儿子呢?” – ‘**В больнице** я остановил первого попавшегося врача и спросил: «Где мой сын?»»;

д) используются ли при вопросе паралингвистические средства (мика, жесты, телодвижения): **龙二指指凤霞**,问道:“这是你的崽子吗?” – ‘**Лун Эр ткнул пальцем в Фэнся и спросил**: «Твоя девчонка?»»; **赤膊男人手指试着刀锋**,看了我好一会才问:“你说什么?” – ‘**Он попробовал пальцем лезвие и спрашивает**: «Чего?»»; **等有庆提着满满一篮草回来时**,我把鞋扔过去,揪住他的耳朵让他看看:“你这是穿的,还是啃的?” – ‘**Когда Юцин вернулся домой с полной корзиной травы**, я швырнул ему тапки, **схватил за ухо и спросил**: «Ты что с ними делаешь? Грызешь?»»;

е) громко или тихо задается вопрос: **我娘悄悄问**捎话的人:“有庆姓什么?” – ‘**Матушка тихонько спросила** посылного: «А фамилия

какая?»); 他低声问我和家珍: “爹, 娘, 我什么时候把凤霞娶过去?” – ‘Он повернул плечо в сторону Фэнся и тихо спросил: «Отец, мать, когда свадьба?»’.

При глаголе *ответить* используется значительно меньше конкретизаторов, которые носят обстоятельственный характер: 我连声说: “我拉大炮, 我拉大炮”. – ‘Я быстро ответил: «Я же тащу пушку!»’; 家珍低着头轻声说道: “我不知道会爬不起来”. – ‘Она ответила смущенно: «Я не думала, что у меня ноги отнимутся»’; 凤霞听了这话咯咯笑起来, 她说: “你也不要忘记我是凤霞”. – ‘Она с хохотом ответила: «Ты тоже не забывай, что я – твоя Фэнся!»’; 我低着头说: “还清了”. – ‘Я, понутив голову, ответил: «Отдал»’; 他咬着牙齿狠狠地说: “我不想活了”. – ‘Он ответил сквозь зубы: «Я не хочу жить!»’.

Таким образом, глаголы речевой деятельности широко используются в романе Юй Хуа «Жить». Они выражают различные эмоциональные состояния человека, характеризуют сам процесс говорения. Среди всех глагольных номинаций выделяется группа вопросно-ответного единства, включающая антонимические глаголы *спросить* – *ответить* и используемая для ввода и сопровождения реплик персонажей. Такие глаголы переводятся на русский язык одноименными номинациями, а также различными синонимическими и заместительными глагольными единицами.

Библиографические ссылки

1. Ван Юйцун. Переводы как источники изучения безэквивалентной лексики (на примере «Жить» Юй Хуа) // Русский язык как иностранный: история, современность и будущее. Казань, 2023. С. 29–33.

2. Козенко В. В., Крайдер А. В. О проблеме сохранения авторского стиля в художественном переводе // Философия и наука в культурах запада и востока : сб. статей. 2023. Т. 1. С 84–88.

3. Ван Юйцун, Хэ Юань. Лексико-тематические группы безэквивалентной лексики в русских переводах (на фоне китайских прототипов) // Филология и культура. 2023. № 3 (73). С. 7–13.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

ПРОЯВЛЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ ФОРМУЛ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

Гао Фаньтао

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, 1243275434@qq.com*

Статья посвящена исследованию проявлений лингвистической интерференции в использовании китайскими студентами русских формул речевого этикета. При анализе результатов констатирующего среза, проведенного с целью установления исходного уровня владения китайскими обучаемыми речевыми средствами русского языка, был выделен ряд ответов (ок. 15 %), наличие ошибок в которых можно объяснить влиянием родного языка обучаемых. Дальнейшее изучение этих контекстов позволило выделить, описать и проиллюстрировать соответствующими примерами шесть вариантов проявления лингвистической интерференции. Наличие и характер ошибок такого типа необходимо учитывать при разработке методической системы обучения китайских студентов-филологов русскому речевому этикету.

Ключевые слова: речевой этикет; русский язык как иностранный; китайский язык; констатирующий эксперимент; типичные ошибки; лингвистическая интерференция.

Изучение китайскими студентами русского языка связано с определенными трудностями. Одной из главных можно назвать принципиальное различие грамматических систем двух языков; кроме того, Китай и Россия имеют свои культурные корни и исторические традиции, что накладывает несомненный отпечаток на процесс коммуникативного взаимодействия на том и другом языке.

В центре наших научных интересов находится процесс обучения китайских студентов-филологов русскому речевому этикету с использованием произведений русской литературы. Для разработки любой методической системы обучения необходимо определение исходных данных, в нашем случае это уровень владения китайскими обучаемыми русскими речевыми формулами. В связи с этим в 2023 г. нами был проведен констатирующий срез, в котором приняли участие 54 обучаемых первой (бакалавриат; 33 студента 3 курса филологического факультета БГУ) и

второй (магистратура; 21 магистрант первого года обучения специальности 7-06-0113-02 «Филологическое образование») ступени высшего образования. Срез предполагал выполнение восьми заданий, включавших в себя от 3 до 7 ситуаций, относительно которых испытуемым необходимо было представить наиболее уместные, с их точки зрения, формулировки, соотносящиеся с правилами русского речевого этикета. В итоге было получено 1782 ответа. В результате их анализа было выявлено 654 неправильных контекста (36,7 % от всего числа полученных ответов), содержащих 956 ошибок, которые мы разделили на следующие группы:

1) нарушение речэтикетных правил русского языка (437 случаев, т. е. 45,7 %);

2) лексические ошибки (64 нарушения, т. е. 6,7 %);

3) грамматические ошибки (455 нарушений, или 47,6 %).

При анализе выявленных недочетов мы обнаружили, что часть из них может быть объяснена автоматическим переносом привычек общения на родном языке на русские правила речевого поведения, т. е. **интерференцией**. По мнению В. А. Виноградова, интерференция представляет собой «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языков, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонении от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [1, с. 197]. Исследователь А. Е. Карлинский, анализируя явление интерференции, отмечает, что перенос навыков родного языка в иностранный происходит бессознательно [2, с. 34]. Г. Н. Чиршева указывает, что интерференция – это «процесс, характеризующий взаимодействие языковых систем в речи билингва *на всех лингвистических уровнях* [выделено Г. Ф.]», а ее появление объясняется «объективными причинами – особенностями языков и недостаточной компетентностью индивида в одном из них» [3, с. 134].

Охарактеризуем группы ошибок, обусловленных влиянием китайского языка. Отметим, что ответы студентов даются со всеми недочетами (лексическими, грамматическими), которые содержались в собранном материале, в отдельных случаях нами были внесены незначительные орфографические и пунктуационные исправления.

1. Неправильный вариант обращения к адресату. Данная ошибка объясняется следующей особенностью китайского языка: в Китае в рамках деловых взаимоотношений в обращении почти всегда отражается положение сотрудника в компании, в которой он работает. Распространены следующие формы обращения:

1) непосредственно по должности (например, 经理 ‘управляющий делами’);

2) фамилия + должность (например, 张经理 ‘Чжан, управляющий делами’);

3) фамилия + имя + должность (например, 张坚经理 ‘Чжан Цзянь, управляющий делами’) [4].

Данная ошибка в ответах испытуемых была зафиксирована 79 раз. Проиллюстрируем ее соответствующими примерами:

1.1. Должность: *Здравствуйтесь, преподаватель! Сегодня это китайского нового года, я хочу приглашаю вас на празднование; Преподаватель, упражнение я не понимаю. Могли бы вы объяснить?; Добрый день, преподаватель;* всего данный вариант был отмечен в 43 ответах.

1.2. Должность + имя и отчество: *Уважаемые преподаватель Татьяна Владимировна, я хотел бы пригласить тебя на празднование китайского нового года, которые мы организуем; Здравствуйтесь, уважаемый преподаватель Анна Владимировна; Спасибо большое, преподаватель Анна Петровна;* всего – 33 случая.

1.3. Должность + фамилия (отчество): *Преподаватель Ивановна, вы знаешь объясни непонятное упражнение (отметим, что в данном ответе невозможно однозначно определить, имел ли в виду респондент русское отчество Ивановна или фамилию Иванова); Спасибо, Ивановская преподаватель, помощь мне в подготовке курсовой работы;* всего – 3 раза.

2. Ошибка в приветствии. Выбор речевой формулы приветствия, нехарактерной для русского языка либо приобретающей фамильярный, т. е. слишком непринужденный, оттенок.

Вот примеры таких фраз: *Ты кушала? Вместе погуляли?* (приветствие знакомых); *Здравствуйтесь, как ваши дела?; Здравствуйтесь, как ваше здоровье?; Здравствуйтесь, как вы сегодня?* (приветствие преподавателя); *Ребята, как дела у вас?; Здравствуйтесь, ребята! Как дела? Все хорошо?* (приветствие студентов). Всего выявлено 11 таких случаев.

Появление этой ошибки объясняется тем фактом, что в китайском языке чаще, чем в русском, используются приветствия с последующими «вопросами или выражением пожеланий», которые «основываются на собственных умозаключениях и суждениях»: 哎呀!你瘦了,工作太辛苦,是吗? ‘Ах! Ты слишком худой. Приходится много работать?’ [5, с. 278]. В русском языке подобные вопросы можно адресовать только родственникам или близким друзьям, в противном случае такие высказывания приобретают оттенок фамильярности.

3. Ошибки в формулировке пожеланий. Приведем примеры таких формулировок: *До встречи! Крепкой жизни!; Пока! Внимание свой здоровье;* всего 3 случая.

Фраза *крепкой жизни* является дословным переводом китайского выражения 健康的生活 и по-русски звучит неестественно. Формулировка *внимание свой здоровье*, представляющая собой кальку китайского выражения 注意你的健康, в русском языке является высказыванием с грамматической ошибкой.

4. Неправильный выбор части речи. В статье «Лексико-семантическая интерференция в русской речи китайских студентов» исследователей Ло Худе и Егодуровой В. М. отмечено, что неразличение китайскими студентами частеречной принадлежности однокоренных прилагательных и наречий также относится к проявлениям интерференции. «В русской речи китайских студентов наблюдаются ошибки в употреблении русских слов разных частей речи, входящих в одно семантическое поле (Например, прилагательное *тихий* вместо наречия *тихо*, прилагательное *светлый* вместо наречия *светло* и т. п.). Причиной подобных ошибок является то, что однокоренные русские прилагательные и наречия, относящиеся к одной семантической сфере, при переводе передаются одним китайским словом» [6, с. 19–20].

В ходе анализа ответов, полученных в результате проведения констатирующего среза, нами также была отмечена эта ошибка (всего 9 случаев).

Обучаемые употребляли наречие вместо прилагательного: *Брат, следующий неделю будет китайского нового года. Это очень интересно праздник. Хочешь со мной?; Большие спасибо, мой друг, ты мой бог!; Очень спасибо!*; прилагательное вместо наречия: *Здравствуйте, мальчик, тихий, не шуметь во дворе; Здравствуйте, завтра вам удобные? Я хочу пригласить вас чтобы отпраздновать китайский Новый год.*

5. Ошибки в согласовании, т. е. несовпадение в роде, числе, падеже главного и зависимого слова: *Привет! Как твой жизни?; Добрый день, дорогая студенты!; Привет! В этом неделя у вас свободное время?; Марина, завтра будет новогодний вечеринка, можешь прийти.* Всего был выявлен 31 случай.

Появление этой ошибки в речи китайских студентов объясняется тем, что в родном языке обучаемых существительные не имеют категории рода и не изменяются по числам и падежам.

6. Грамматическое оформление фразы, несвойственное русскому языку. Эта ошибка была нами зафиксирована 9 раз при анализе фраз-просьб в ситуации, когда нужно было попросить маленьких детей не шуметь во дворе. Были получены следующие ответы: *Дети не шумят!* (4 раза) и *Дети не шумят! Тихо!* (5 раз). Такое грамматическое оформление просьб не характерно для русской речевой культуры и является непосредственным переводом (калькой) китайских вариантов 孩子们不要吵闹! и 孩子们不要吵闹!安静!, которые допускаются китайскими нормами ре-

чевого поведения. В русском языке более уместными и естественными формами выражения подобной просьбы могут быть формулировки *Дети, не шумите, пожалуйста!* и *Дети, не шумите! Тише, пожалуйста!*

Таким образом, нами было зафиксировано 142 ошибки (ок. 15 % от общего числа всех выявленных недочетов), появление которых в речевых высказываниях китайских обучаемых может быть объяснено проявлением лингвистической интерференции. Их наличие и характер необходимо учитывать при разработке методической системы обучения китайских студентов-филологов русскому речевому этикету.

Библиографические ссылки

1. Виноградов В. А. Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990.
2. Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Алма-Ата, 1980.
3. Чиршева Г. Н. Двухязычная коммуникация. Череповец : ЧГУ, 2004.
4. Сюн Ц. Речевой этикет в русской и китайской лингвокультурах (на примере обращения и приветствия) // *Litera*. 2021. № 5. С. 47–58.
5. 汪成慧, 俄汉语言文化对比研究. 成都: 四川人民出版社, 2004.
6. Ло Х., Егодурова В. М. Лексико-семантическая интерференция в русской речи китайских студентов // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2017. Вып. 3. С. 16–21.

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОДОВ КАК СПОСОБ ОБОГАЩЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ РЕЧИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Е. Е. Долбик

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, dolbikee@gmail.com*

В статье на материале переводов стихотворений А. Ахматовой на белорусский язык рассматривается лингвометодический потенциал переводов художественных текстов, обращается внимание на недостаточную востребованность такого вида деятельности, как сопоставление оригинала художественного текста и его перевода, в практике обучения русскому языку в учреждениях общего среднего образования. Между тем анализ переводов является одним из эффективных способов обогащения грамматического строя речи обучающихся, так как позволяет организовать наблюдение над разными моделями воплощения одного и того же значения, побуждает использовать синтаксические синонимы в собственной речевой практике с целью достижения богатства и выразительности речи.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция; развитие речи; синтаксическая синонимия; художественный перевод; близкородственные языки; А. Ахматова.

Формирование коммуникативной компетенции, совершенствование и развитие коммуникативно-речевых умений обучающихся постулируется

как одна из главных задач изучения русского языка в учреждениях общего среднего образования Республики Беларусь. Коммуникативная компетенция предполагает «владение средствами языка и речи для реализации целей общения; коммуникативно-текстовые умения» на уровне текстоприятия и уровне текстопорождения, включая «отбор языковых средств и средств выразительности речи с учетом типологической и стилистической принадлежности текста, оценку отобранных языковых средств с точки зрения соответствия коммуникативным качествам речи (правильности, логичности, точности, уместности, богатству, выразительности); совершенствование созданного текста» [1].

Богатство и выразительность речи достигается, прежде всего, разнообразием используемых грамматических конструкций. Обогащение грамматического строя речи учащихся предусматривает наблюдение над синтаксическими синонимами и их использование в собственных текстах. Под синтаксическими синонимами понимают «а) разные модели предложений, передающих одно и то же значение; б) предложения, представляющие вариативный ряд по отношению к основной модели, выражающей общее значение минимальными языковыми средствами; в) словоформы разных типов в сходных конструкциях и в одинаковой синтаксической функции» [2, с. 381].

Вопросам синтаксической синонимии уделяется значительное внимание в учебных пособиях по русскому языку. Так, в учебном пособии для 9 класса тема «Текст» включает специальный параграф, посвященный синтаксической синонимии [3, с. 22–24]. Учащимся предлагается ознакомиться с отрывком из работы известного российского лингвиста, специалиста в области функциональной стилистики М. Н. Кожинной, составить план учебного текста и подготовиться к его пересказу (лексические синонимы, морфологические синонимы, синтаксические синонимы, стилистические возможности простого и сложного предложения); изучить таблицу, в которой представлены разные способы передачи причинных отношений.

Одним из эффективных способов обогащения грамматического строя речи учащихся может служить анализ художественных переводов.

Объект изучения – поэтические тексты Анны Ахматовой и их перевод на белорусский язык.

Предмет – методический потенциал переводов художественных текстов.

Материалом исследования послужили тексты стихотворений А. Ахматовой и их перевод на белорусский язык, выполненный Георгием Лихтаровичем [4].

Особенности и трудности перевода с близкородственных языков постоянно привлекают внимание исследователей (см., например: [5; 6; 7]). Однако лингвометодический потенциал сопоставления оригинала художе-

ственного текста и его перевода в практике обучения русскому языку в школе, на наш взгляд, востребован очень незначительно.

Между тем такое сопоставление может быть организовано при изучении различных тем. Приведем примеры заданий и упражнений, связанных с наблюдением над переводами поэтического текста с русского языка на белорусский, из раздела «Синтаксис».

1. Тема «Односоставные предложения».

Сравните строки из стихотворений А. Ахматовой и их перевод. В каких случаях структура предложения при переводе сохраняется, а в каких изменяется? Какой тип предложений используется в оригинале и в переводе? Докажите, что приведенные предложения являются синтаксическими синонимами.

1) *Так беспомощно грудь холодела. – У грудзях пры хадзьбе халадзела* [4, с. 7].

2) *Смысла нет в твоих рассказах. – Сэнс губляеш ты ў расказах* [4, с. 8].

3) *А за окном шелестят тополя: «Нет на земле твоего короля...» – А за вакном шэпт начнога галля: «Болей не ўбачыш свайго караля...»* [4, с. 11].

4) *Сегодня мне письма не принесли. – А сёння не прынеслі мне пісьма* [4, с. 13].

5) *Но мудрые прими советы. – Ды мудрыя ёсць запаветы* [4, с. 15].

6) *И чем могла б тебе помочь? – І чым табе дапамагчы?* [4, с. 16].

7) *Где-то кошки жалобно мяукают. – Мяўканне знядоленая кошчына* [4, с. 18].

8) *Отчего мне так легко с тобой? – Ну чаму так лёгка мне з табой?* [4, с. 18].

9) *Я пришла к поэту в гости. Ровно полдень. Воскресенье. – Я прыйшла к паэту ў госці. Дня сярэдзіна. Нядзеля* [4, с. 21].

10) *Но ни звука в чаще свежей... – Ды ні гуку ў росных нетрах...* [4, с. 36].

11) *Я не хочу ни трепета, ни боли. – Навошта мне чакаць дрыготка болю* [4, с. 48].

12) *Мне чудятся и жалобы и стоны. – Здаецца, чую процьму скаргаў, стонаў* [4, с. 75].

При переводе синтаксическая модель предложения может сохраняться (пример 4 – неопределенно-личные предложения; примеры 8, 10 – безличные предложения, пример 9 – назывные предложения). В остальных случаях имеют место переводческие трансформации: двусоставное предложение → односоставное безличное предложение (пример 1), односоставное безличное предложение → двусоставное предложение (пример 2), односоставное безличное предложение → односоставное определенно-личное предложение (пример 3), односоставное определенно-личное → двусо-

ставное предложение (пример 5), двусоставное неполное предложение → односоставное инфинитивное предложение (пример 6), двусоставное предложение → односоставное назывное предложение (пример 7), двусоставное предложение → инфинитивное предложение (пример 11), двусоставное предложение → односоставное определенно-личное предложение (пример 12).

2. Тема «Обособленные обстоятельства, выраженные деепричастными оборотами».

Установите, каким образом могут переводиться на белорусский язык простые предложения, осложненные обособленными обстоятельствами, выраженными деепричастными оборотами или одиночными деепричастиями.

1) *Мне любви и покоя не дав, подари меня горькою славой. – Ты любві мне й спакою не даў – дай хоць каліва горкае славы* [4, с. 17].

2) *Ведь настали, тускло пламенея, дни последние весны. – Надышлі ж і цьмяна палымнеюць дні апошнія вясны* [4, с. 31].

3) *Громко говорю с тоской, не раскрывши сонных глаз. – Гучна гавару з тугой, не расплюшчваю вачэй* [4, с. 37].

4) *Я, тайному велению покорна, товарища свободного избрав, любила только солнце и деревья. – Пакорлівая таямнічай волі, абрала я сяброўкаю сабоду, любіла толькі сонейка і дрэвы* [4, с. 53].

5) *И вот вошла, откинув покрывало, внимательно взглянула на меня. – Вось госьця тут. Скідае пакрывала, глядзіць выпрабавальна на мяне* [4, с. 63].

6) *Словно звезды глаза голубели, освещая измученный лик. – Вочы, што тыя зоркі, сінелі, іхні бляск твар яму асвятляў* [4, с. 33].

7) *И у дворца угрюмый часовой глядит, сердясь, на башенные стрелки. – І ля палаца змрочны вартавы цікуе за гадзіннікам на вежы* [4, с. 40].

8) *Что мне до них? Семь дней тому назад, вздохнувши, я «прости» сказала миру. – Што мне да іх? Сем дзён таму назад з уздыхам свету я «бывай» сказала* [4, с. 40].

9) *Перенеся двухдневную разлуку, к нам едет гость вдоль нивы золотой. – У стоме ад двудзённае разлукі, госьць нівай залатой да нас імкне* [4, с. 41].

10) *Когда умру, не станет он грустить, не крикнет, обезумевши: «Воскресни!» – Калі памру, не будзе сумаваць, не крыкне звар'яцела: «уваскрэсні!»* [4, с. 45].

Известно, что деепричастия в белорусском языке употребляются гораздо реже, чем в русском. В приведенных примерах предложения с деепричастными оборотами заменяются при переводе предложениями с однородными сказуемыми (примеры 2, 3, 4, 5), сложными предложениями (примеры 1, 6). В таких конструкциях действия подаются как равноправ-

ные. Деепричастия же обозначают неосновное, добавочное действие. Не случайно обособленные обстоятельства, выраженные деепричастными оборотами, иногда называют второстепенными сказуемыми. В примере 7 одиночное деепричастие при переводе опускается, в примерах 8, 9, 10 заменяется предложно-падежной формой или наречием, выполняющими ту же синтаксическую функцию – обстоятельства (вздохнувши – з уздыхам; перенеся – у стоме, обезумевши – звар’яцела).

Возможны случаи, когда деепричастный оборот в переводе сохраняется или же однородные сказуемые в оригинале заменяются деепричастным оборотом при переводе, например:

Но, предчувствуя свиданье с тем, кто стал моей звездой, от соленых брызг и ветра, с каждым часом молодеть. – Ды, прадбачачы спатканне з тым, хто стаў маёю зоркай, ад салёных пырскаў ветру штогадзінна маладзець [4, с. 34].

Подумай, и тончайшая дремота уже ведет меня в твои сады, где, каждого пугаясь поворота, в беспмятстве ищущ твои следы. – Падумай, і танчэйшая дрымота ізноў вядзе мяне ў твае сады, дзе кожнага баюся паварота, шукаючы ў беспмяцтве сляды [4, с. 64].

А мы живем торжественно и трудно и чтим обряды наших горьких встреч. – А мы жывём святочна й гарапашна, шануючы абрады горкіх стрэч [4, с. 25].

3. Тема «Конструкции с **как** и другими сравнительными союзами».

Назовите грамматические конструкции, в которых может передаваться значение сравнения. Прокомментируйте пунктуацию в предложениях, содержащих конструкцию со сравнительными союзами или сравнительными частицами.

И упало каменное слово на мою еще живую грудь. – Цяжкае, нібы з каменя, слова грудзі мне прыціснула тады [4, с. 73].

Горячий шелест леса словно праздник за моим окном. – Спякотны шлох лета быццам свята за маім акном [4, с. 73].

Уже безумие крылом души накрыло половину. – Ужо вар’яцтва, як крылом, душы накрыла палавіну [4, с. 74].

А каждый читатель как тайна, как в землю закопанный клад. – А кожны чытач – гэта тайна, што скарб, закапаны даўно [4, с. 79].

Одно, словно кем-то встревоженный гром, с дыханием жизни врывается в дом. – Адзін, быццам кімсьці ўстрывожаны гром, як подых жыцця, урываецца ў дом [4, с. 81].

На основе наблюдения учащиеся делают вывод о том, что обороты с **как** и другими сравнительными союзами обособляются, выделяясь запятыми, если выступают в роли обстоятельств. Если же сравнительный обо-

рот входит в состав сказуемого, запятая перед сравнительными частицами не ставится.

4. Тема «Сложноподчиненные предложения».

Сопоставив текст оригинала и перевода, сделайте вывод, какая языковая единица заменяется при переводе на белорусский язык придаточной определительной частью.

1) Умолк простивший мне грехи. – *Змоўк, хто прабачыў мне грахі* [4, с. 19].

2) Стремящиеся к ней безумны, а ее достигшие поражены тоскою. – *Хто крочыць к ёй – вар’яцтва сняць сваё, а хто дайшоў – ахоплены тугою* [4, с. 24].

3) Столько раз я проклинала это небо, эту землю, этой мельницы замшелой тяжело машущие руки. – *Колькі раз я праклінала гэта неба, гэту глебу і млына старога рукі, што махаюць гэтак цяжка* [4, с. 26].

4) Войду ли я под свод преображенный, твоей рукою в небо превращенный, чтоб остудился мой постылый жар?.. – *Ці траплю пад чароўныя скляпенні, што мастака рука на неба зменіць, каб астудзіцца мой абрыдлы жар?..* [4, с. 64].

Придаточной определительной соответствуют в тексте оригинала причастные обороты (примеры 3, 4) или субстантивированные причастия (примеры 1, 2).

5. Тема «Бессоюзное сложное предложение».

Определите смысловые отношения между частями сложных предложений. В каких видах сложных предложений эти отношения могут передаваться?

Так случилось: заточенье стало родиной второю. – Здарылася, што няволя стала мне другой радзімай [4, с. 26].

Чадит фонарь, вернуться не могу, а знаю, что иду туда, к врагу. – Чадзіць ліхтар, вярнуцца не магу, а ведаю – да ворага іду [4, с. 69].

Как синтаксические синонимы выступают сложноподчиненные предложения с придаточной изъяснительной и бессоюзные сложные предложения с изъяснительными отношениями между частями.

Подводя итог сказанному, отметим, что анализ художественных переводов позволяет эффективно решать целый комплекс методических задач: 1) организовать изучение или повторение темы на примере высокохудожественных поэтических текстов; 2) выявлять общее и различие в грамматическом строе русского и белорусского языков; 3) осуществлять межпредметные связи (русская и белорусская литература, русский и белорусский язык); 4) демонстрировать возможность выражения одних и тех же смысловых отношений различными грамматическими способами и делать осознанный выбор в пользу той или иной конструкции с учетом задач ре-

чи; 5) регулярно проводить работу по обогащению грамматического строя речи обучающихся; 6) развивать художественный вкус и языковое чутье учащихся; 7) пробуждать в них творческое начало.

Библиографические ссылки

1. Учебная программа по учебному предмету «Русский язык» для XI класса учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.adu.by/ru/homeru/obrazovatelnyj-protsess-2023-2024-uchebnyj-god/obshchee-srednee-obrazovanie/uchebnye-predmetu-v-xi-klassy/russkij-yazyk.html> (дата обращения: 01.09.2024).
2. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта: Наука, 2003.
3. Русский язык. Учебное пособие для 9 класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения / Л. А. Мурина [и др.]. Минск : Нац. ин-т образования, 2019.
4. Ахматава А. Выбраная паэзія / пер. з рускай Г. Ліхтаровіча. Мінск : Выдавец Зміцер Колас, 2020.
5. Рагойша В. П. Проблемы перевода с близкородственных языков. Минск : Изд-во БГУ имени В. И. Ленина, 1980.
6. Ровдо И. С. Легко ли переводить с близкородственных языков? // Русский язык и литература. 2021. № 9. С. 60–64.
7. Сердюкова Е. Поэтический перевод как тип межкультурного диалога в русскоязычной лирике Беларуси второй половины XX – начала XXI века // Беларуская думка. 2023. № 7. С. 97–103.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

О. В. Костюкевич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kostuov@bsu.by*

В статье рассматриваются вопросы преподавания русской орфографии иностранным студентам. На примере правил, связанных с фонетическим явлением чередования гласных [o] и [e] с нулем звука при слово- и формообразовании, продемонстрирована адаптация теоретического материала к уровню владения русским языком студентов-инофонов. Показана связь решения орфографических задач с применением знаний по морфологии и словообразованию. Продемонстрировано применение визуализации учебного материала для эффективного понимания и запоминания орфографических правил в иностранной аудитории.

Ключевые слова: современный русский язык; орфография; русский язык как иностранный; чередование; беглые гласные; орфографическая задача.

Письменная речь, будучи важнейшей формой коммуникации, предполагает сознательное, целенаправленное кодирование смыслов в высказывании. Владение навыком грамотного письма позволяет точно выразить

мысль и является важным показателем уровня владения языком, поэтому при обучении иностранных студентов русскому языку необходимо уделять значительное внимание орфографии. Обучение инофонографии в числе других аспектов формирования лингвистической компетенции давно находится в фокусе внимания преподавателей РКИ в Беларуси, России и за рубежом (ср., например, такие научно-методические и учебные издания, как [1; 2; 3]).

По словам М. П. Чесноковой, «владеть грамматикой – это значит уметь образовывать формы слов, строить предложения. А необходимость в этих действиях возникает тогда, когда есть потребность выражения своих мыслей и понимания чужой мысли в процессе речевого общения. Следовательно, мы можем говорить о служебной роли грамматики при овладении иностранным языком как средством общения» [4, с. 61].

Несомненно, правильное написание слов формируется «автоматически» при начальном обучении языку посредством ориентации на образец. В то же время знание орфографических правил оптимизирует усвоение неродного языка.

Одна из характерных черт фонетики русского языка – наличие чередований, связанных с беглыми гласными *о* и *е*, что отражается в словоизменении и словообразовании. Ряд правил, сформулированных для обучения носителей русского языка орфографии, базируется на этой особенности. В качестве примера обратимся к правописанию суффиксов *-ек*, *-ик*, *-чик*. Для иностранных студентов данную орфограмму целесообразно, на наш взгляд, отразить в рамках изучения склонения существительных.

Сообщив студентам необходимую информацию о гласных [о] и [е], чередующихся с нулем звука при образовании новых слов и форм слов, мы предлагаем использовать следующие модели основ с чередующимися звуками у существительных мужского рода.

Модели формообразования слов с основами на *-ок*, *-ек*, *-ёк*

им. п. ед. ч.	остальные падежи	
...ГЛ. + СОГЛ. + о/ек □	→ ...ГЛ. + СОГЛ. + о к	(кусоч ек → кусоч ка , кусоч ку ...)
...ГЛ. + СОГЛ. + ёк □	→ ...ГЛ. + СОГЛ. + ь к	(звер ёк → звер ька , звер ьку ...)

Исключения: *едок*, *седок*, *знаток*.

Характер комментария преподавателя к данным моделям зависит от уровня знаний студентов в группе. Для обучающихся с достаточно высоким уровнем владения словообразовательными терминами и понятиями можно сообщить, что *-ек*, *-ок*, *-ёк* у большинства слов являются суффиксами (*человечек*, *звонок*, *денёк*) или входят в состав иных суффиксов (*жеребёнок*, *цыплёнок*). Помимо того, существует целая группа производных имен существительных с чередованиями *о(ё)//ø*, где данные сегменты входят в состав корня: *конёк* ‘спортивный инвентарь’, *кубок*, *предок*, *желудок*, *порядок*, *брелок*, *потолок*, *чулок*, *затылок*, *замок*, *потомок*, *венок*,

ботинок, рынок, песок, висок, лепесток, порошок и т. п. Учащимся следует предоставить подобный перечень для запоминания.

Для студентов с низким уровнем владения грамматическими понятиями необходимо предложить список слов для запоминания, в который должны быть включены, помимо суффиксальных существительных *едок, седок, знаток*, следующие наиболее употребительные слова с финалью *-ек, -ок, -ёк* (в их основе не происходит изменений при формообразовании): *человек, намёк, солнцепёк, чебурек, обморок, порок, пророк, урок, сок, ток, приток, поток, шок*. Информация о словообразовательной структуре слов с основой на *-ек, -ок, -ёк* становится неактуальной, т. к. на ранних этапах обучения языку (когда изучается склонение существительных) студент обладает недостаточными словообразовательными компетенциями, чтобы при написании слов учитывать их морфемный состав.

Для тренинга, опираясь на предложенные модели, студенты выполняют упражнение на склонение существительных типа *денёк, человечек, звонок, пузырьёк, камушек, сынок*.

На следующем этапе задание усложняется и требует концентрации внимания как на грамматических свойствах слов (беглые гласные присутствуют только у существительных мужского рода), так и на определенном буквосочетании в основе. Для формообразования мы подбираем лексемы разных родов со схожим звуковым составом финалей (в том числе и с суффиксами *-ик, -чик*). Приведем пример такого задания.

Определите род существительного, данного в скобках, и запишите его в нужной форме. Сравните основы форм И. п. и косвенного падежа. Чем отличаются основы слов на *-ек, -ок, -ёк* от основ других слов?

1. Покупатель вынул из (кошелёк) нужную сумму денег и отдал кассиру. 2. Победители чемпионата мира по футболу были награждены (Кубок) мира ФИФА. 3. Никто не заметил (ошибка). 4. Бабушка сидела у маленького (окошко). 5. Я протянул руку за (яблоко). 6. Под (заголовок) статьи были размещены фотографии. 7. Ученик сидел перед раскрытым (учебник). 8. Над промышленным (городок) недвижно стоял смог. 9. Божья коровка ползет по длинному тонкому (стебелёк). 10. Щенок побежал за (мячик). 11. У меня сохранилось мало воспоминаний об этом (отрезок) жизни. 12. В (ларёк) мы купили кофе и пирожки. 13. Мама дала сыну (таблетка) аспирин. 14. Я был восхищен прочитанным (отрывок) из романа «Евгений Онегин». 15. Ключ застрял в (замок). 16. В детстве я хотел стать (летчик). 17. Секрет чудодейственного (напиток) строго охранялся местными жителями. 18. Вокруг (огонёк) образовался радужный ореол. 19. От сильного (хлопок) люди часто вздрагивают.

Аналогичным образом, не затрагивая словообразовательного аспекта, мы рассматриваем чередования *еу//оу*. Данные изменения в основе происходят не только в суффиксе *-еу*, но и корневых морфемах.

Модели формообразования слов с основой на *-ец*

им. п. ед. ч.	остальные падежи	
...ГЛ. + СОГЛ. + <i>ец</i> □	→ ...ГЛ. + СОГЛ. + <i>оц</i>	(упрямец → упрямец ^а , упрямец ^у ...)
... ГЛ. + <i>ец</i> □	→ ...ГЛ. + <i>йц</i>	(боец → бойца ^а , бойца ^у ...)
...ГЛ. + Л + <i>ец</i> □	→ ...ГЛ. + Л + <i>ьц</i>	(жилец → жильца ^а , жильца ^у ...)

Усвоение и закрепление материала происходит посредством двух типов упражнений, в которых ставятся следующие задачи: 1) отработать модели формообразования существительных с беглыми гласными; 2) проанализировать грамматические характеристики существительных и сопоставить формообразование слов с чередующимися гласными и без чередования в основе.

1. Используя модели формообразования слов с основой на *-ец*, проклоняйте данные слова.

Младенец, иностранец, жилец, упрямец, австриец, телец, молодец.

2. Определите род существительных, заключенных в скобки; запишите их в нужной форме. У каких слов в косвенном падеже изменилась основа?

1. Юрист начал писать с (абзац). 2. Доктор вытер руки (полотенце). 3. Трепанг из-за формы называют морским (огурец). 4. Знаменитый писатель послал недоступной (красавица) черную розу. 5. Друзья решили спросить совета у (мудрец). 6. На лице (китаец) играла счастливая улыбка. 7. Мама пришила (пуговица) к рубашке. 8. Четыре девушки обступили высокого (красавец) с черными кудрями. 9. Для гадания на кофейной гуще нужно перевернуть чашку над (блюдец). 10. В 1869 г. русский химик Д. Менделеев составил Периодическую (таблица) химических элементов. 11. Студия бального (танец) набирает новых учеников. 12. Среди волн показалась голова (пловец). 13. Николай во всем хотел подражать (отец). 14. Российские (олимпиец) получили золотые медали на Олимпийских играх. 15. Этот парк принадлежит (владелец) крупной цветоческой фирмы.

На наш взгляд, при обучении иностранных студентов орфографии следует, во-первых, адаптировать теоретический материал, рассчитанный на носителей русского языка. Во-вторых, целесообразно составлять упражнения таким образом, чтобы решение орфографической задачи актуализировало полученные ранее знания по морфологии. В-третьих, в иностранной аудитории, где информация, представленная как изображение, максимально удобна для понимания и запоминания, визуализация правил в виде компактных схем и алгоритмов особенно эффективна. Обобщая сказанное, можно утверждать, что практикум по орфографии может стать важным звеном в обучении русскому языку как иностранному.

Библиографические ссылки

1. Алексеева Н. А. Структура и содержание справочника по русской орфографии для иностранных студентов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2006. № 23. Т. 5. С. 100–104.

2. Гаврилова И. В. К вопросу о формировании орфографической и пунктуационной грамотности студентов-иностранцев [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 28. С. 16–18. URL: <http://e-koncept.ru/2017/770675.htm>.

3. Практикум по русской орфографии : учеб.-метод. пособие для иностр. студентов филол. специальностей / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; авт.-сост. : О. А. Корабо, Г. А. Веремеюк ; под ред. Л. А. Годуйко. Брест : БрГУ, 2016.

4. Чеснокова М. П. Методика преподавания русского языка как иностранного : учеб. пособие. 2 изд., перераб. М. : МАДИ, 2015.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

В. Л. Леонович¹⁾, С. В. Махонь²⁾

*¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, LeonovichVL@bsu.by;*

*²⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ivan-makhon@rambler.ru*

В статье рассматриваются вопросы преподавания русского языка в белорусскоязычной аудитории. Выявляются особенности усвоения студентами специальности «Беларуская філалогія» учебного материала программы курса «Современный русский язык», определяемые параллельным изучением смежных дисциплин. Аргументируется целесообразность применения в учебном процессе сопоставительного метода, предполагающего изучение русского языка в соотношении с белорусским в плане их сходства и различия. Предупреждение и преодоление интерференции в процессе обучения русскому языку белорусов определяются как важнейшая методическая задача. Приводятся конкретные рекомендации для ее решения.

Ключевые слова: современный русский язык; современный белорусский язык; двуязычие; интерференция.

Дисциплина «Современный русский язык» на филологическом факультете является обязательной для специальности «Беларуская філалогія». В БГУ она преподается на первом курсе в течение двух семестров. Цель дисциплины – многоаспектное изучение основных явлений современного русского языка, относящихся к разным уровням языковой системы, раскрытие их характерных свойств и тенденций развития.

Программа дисциплины включает следующие разделы: «Фонетика», «Орфоэпия», «Графика», «Орфография», «Лексикология», «Лексикография», «Фразеология», «Морфемика», «Словообразование», «Морфология», «Синтаксис», «Пунктуация». Усвоение студентами учебного материала программы имеет свои особенности, определяемые параллельным изучением двух смежных дисциплин: «Современный русский язык» и «Сучасная беларуская мова». Учет этих особенностей предполагает осно-

ванный на сопоставительном методе детальный анализ явлений, как общих для обеих языковых систем, так и свойственных только языковой системе одного из близкородственных языков.

Сходство русского и белорусского языков обусловлено их генетическим родством и постоянным контактированием, а также параллельным развитием языковых систем.

Сопоставимость звуковой организации, словарного состава и грамматического строя русского и белорусского языков, с одной стороны, способствует успешному усвоению студентами, владеющими белорусским языком, элементов программы дисциплины «Современный русский язык»; но, с другой стороны, порождает интерференцию. Взаимное проникновение фонетических, лексических и грамматических элементов приводит к отклонению в письменной и устной речи студентов-белорусов от норм русского литературного языка.

Одной из важнейших задач при преподавании теории русского языка студентам специальности «Белорусская филология» является работа над терминологическими системами. При изучении всех тем считаем обязательным русские языковые термины переводить на белорусский язык. Такой подход способствует успешному усвоению студентами теоретических основ изучаемого курса, а также терминологического аппарата дисциплины «Сучасная беларуская мова». Параллельное использование терминологии и ее сопоставление имеют высокую эффективность, поскольку позволяют осмысливать явления русского и белорусского языков с опорой на терминологические системы русского и белорусского языкознания. Для аудиторной и внеаудиторной работы студентам рекомендован «Русско-белорусский словарь лингвистических терминов» [1].

Предупреждение и преодоление интерференции в ситуации двуязычия является важнейшей задачей преподавания русского языка в белорусскоязычной аудитории. Для решения этой задачи при изложении теоретического материала в лекционном курсе и на практических занятиях следует учитывать процессы и результаты языкового взаимодействия. Например, при изучении раздела «Фонетика» желательно подчеркнуть особенности, характерные для звукового состава русского языка или только белорусского языка: как известно, звуковые системы обоих языков имеют много общих черт, однако фонетические процессы в потоке речи характеризуются национальной спецификой. Так, в русском языке широко представлена качественная редукция различной степени, сочетающаяся с количественной. В белорусской фонетике качественная редукция выражена не столь ярко, проявляется фрагментарно, что находит отражение в так называемом белорусском акценте русской речи белорусов. Например, в словах *вода, коса, весна, перо* русская литературная норма предписывает произносить звуки, редуцированные как качественно, так и количественно

но; в белорусских словах *вада, каса, вясна, пяро* в безударном слоге отмечается лишь количественная редукция при отсутствии качественной. Эта особенность влияет на русское произношение белорусов, делает артикуляцию более открытой.

В области орфоэпии обращается внимание на различный характер произношения аффрикаты [ч'], которая в белорусской фонетической системе является всегда твердым звуком. В последние годы нет необходимости дополнительной работы со студентами над артикуляцией указанной мягкой аффрикаты: уже в средней школе учащиеся твердо усваивают навык правильного, мягкого произношения аффрикаты в русской речи.

Следует отметить, что в настоящее время не фиксируется «сверхправильное» произношение фонем <р> – <р'>, когда в русской речи все случаи употребления твердой фонемы заменяются употреблением мягкой фонемы: *го[р']и, отк[р']ить*. Такая особенность произношения возникла из боязни допустить ошибку в тех словах, в которых следует произносить твердый звук. Такое стремление говорить «правильно» было, на наш взгляд, обусловлено копированием учениками манеры произношения учителей старшего поколения. С исчезновением подобной особенности произношения коррелирующих по признаку твердости и мягкости вибрантов в речи учителей и родителей такая орфоэпическая ошибка перестала встречаться и в речи студентов-первокурсников (справедливости ради следует отметить, что такое произношение и раньше встречалось нечасто).

При изучении темы «Слог. Слоговое деление» внимание обращается на особенности слоговой структуры русского и белорусского языков. В русском языкознании наиболее признанной является теория слога, разработанная О. Есперсеном и Р. И. Аванесовым. Слог в этой теории рассматривается как произносительная единица, строящаяся в соответствии с принципом восходящей звучности. Эта же теория принята и белорусским языкознанием. Внимание студентов при изучении этого раздела акцентируется на том, что белорусский язык в целом демонстрирует большую приверженность к открытому слогу: рус. *пей, бей* – бел. *пі, бі* (формы повелительного наклонения глагола); рус. *милый, спелый* – бел. *мілы, спелы* (имена прилагательные).

Вниманию студентов предлагаются практические задания по определению особенностей строения слогов в соотносительных словах русского и белорусского языков: *гладиолус – гладыёлус, георгин – вяргіня, вариант – варыянт, кафель – кафля, этот – гэты* и др.

При изучении акцентологии рассматриваются случаи несовпадения места ударения в русских и белорусских словах: *степень – ступень, развитие – развіццё, наводок – наводка, мизинец – мезенец, осока – асака, окунь – акунь, оползень – апоўзень, ноздря – ноздра* и др. Подобные задания повышают культуру русской и белорусской речи студентов и позволяют избегать интерференции в сфере акцентологии.

В области лексикологии внимание студентов обращается на определение статуса пар слов, состоящих из лексем русского и белорусского языка, с точки зрения их межъязыковых парадигматических связей: межъязыковые омонимы (различные по значению лексемы, звуковой состав которых идентичен или характеризуется регулярными различиями, т. е. связанными со спецификой фонетических систем двух языков), межъязыковые паронимы (лексемы двух языков, различающиеся по значению, но близкие по морфемному и фонетическому составу), паралексы (родственные равнозначные или близкие по значению лексемы двух языков, характеризующиеся нерегулярными фонетическими, словообразовательными и формообразовательными различиями): *бяспека – беспечность, лацінка – латиница, мэта – мета, рэч – речь, час – час, рушыць – рушить, годнасць – годность, спадарожнік – подорожник, абранне – избрание* и др.

Внимание студентов заостряется на различиях в стилистической окраске некоторых соотносительных слов русского и белорусского языков. Задания, предлагаемые студентам, направлены на отработку определения стилистически эквивалентной либо стилистически различающейся окраски слов: *алчный – скванны, препроводить – адправіць, громогласный – гучны, завзятый – заўзяты* и др.

Занятие по фразеологии проходит в форме лингвистической игры, формат которой студенты выбирают самостоятельно. Опираясь на фразеологические словари [2–5], студенты подбирают материал, касающийся значений русских и белорусских фразеологизмов, их происхождения, наличия устаревших слов и некротизмов. Подобного рода задания расширяют лингвистический кругозор студентов, вводят в активное пользование словари русского и белорусского языков.

В области морфологии внимание студентов также концентрируется на культуре речи: обращается внимание на различие родовых характеристик белорусских и русских существительных: *гвоздика – гваздзік, продажа – продаж, полынь – палын, каромысло – каромысел, жезл – жазло*. Много внимания уделяется особенностям функционирования причастных форм в русском языке и способов перевода таких конструкций на белорусский язык: *завоеватели, хозяйничавшие в стране – заваёўнікі, што гаспадарылі ў краіне; достаток, вызывающий зависть соседей – заможнасць, якой суседзі зайздросцілі; для дочери своей и будущих внуков – для дачкі сваёй і ўнукаў, якія народзяцца* и др.

В раздел «Синтаксис» включаются задания, направленные на отработку правильного использования в речи русских и белорусских глаголов, характеризующихся различным управлением: *вызвать к доске – выклікаць да дошкі, направиться к двери – накіравацца да дзвярэй, похожий на хутор – падобны да хутара, насмехаться над человеком – кпіць з чалавека, ходить под окнами – хадзіць паўз вокны, удивляться ему – дзівіцца*

з яго, болей гриппом – хварэць на грып, жаніцца на Ольге – жаніцца з Вольгай.

Сопоставление и противопоставление систем русского и белорусского языков, изложение материала, учитывающего межпредметные связи и опирающегося на знание как общих, так и различительных элементов в составе близкородственных языков, не только позволяет предупреждать возможную интерференцию, но и способствует лучшему пониманию и более глубокому и полному усвоению студентами белорусского отделения программного материала по русскому языку, дает возможность повысить уровень их знаний, сформировать лингвистическую компетенцию.

Библиографические ссылки

1. Русско-белорусский словарь лингвистических терминов / ред. Н. В. Бирилло, П. В. Стецко. Минск : Наука и техника, 1988.
2. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998.
3. Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М. : Рус. яз., 1987.
4. Лепешаў І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск : Нар. асвета, 1981.
5. Лепешаў І. Я. Фразеалогія ў творах К. Крапівы. Стылістычнае выкарыстанне фразеалагізмаў. Мінск : Навука і тэхніка, 1976.

МОРФЕМИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ

В. Л. Леонович¹⁾, Д. А. Петух²⁾

*¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, LeonovichVL@bsu.by;*

*²⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, dianarabota.5@mail.ru*

В статье школьный курс морфемки и словообразования рассматривается как интегрированный и адаптированный вариант соответствующих разделов научной грамматики; анализируется система изучаемых понятий; приводятся ключевые теоретические положения, которые актуализируются при изучении в школьной аудитории базовых единиц морфемной и словообразовательной языковых подсистем; перечисляются основные результаты учебной деятельности.

Ключевые слова: современный русский язык; морфемика; словообразование; состав слова; образование слов; терминология.

Предметом изучения в школьном курсе русского языка являются важнейшие системообразующие единицы всех уровней его структуры: звук,

морфема, слово, фразеологизм, словосочетание, предложение. Соответствующий учебный материал распределяется по различным разделам. При этом задача учителя при изучении того или иного раздела состоит в том, чтобы описать структуру языка, помочь учащимся увидеть и осознать его системный характер, научить их использовать язык в практических целях, т. е. как средство общения, передачи информации, воздействия, эстетического влияния.

Особое место в школьной программе занимают два тесно связанных между собой, объективно сложных раздела языкознания, требующих умения логически мыслить, анализировать, делать умозаключения, а именно: «Морфемика» и «Словообразование». Они системно изучаются в 6-м классе на базовом уровне и в 10-м классе на базовом и повышенном уровнях.

В учебных программах и в действующих школьных учебниках, однако, термины «Морфемика» и «Словообразование» не используются [1–5]. Соответствующие разделы носят название «Состав слова», «Образование слов». Такой подход является традиционным. Он позволяет акцентировать внимание на важнейших задачах и понятиях данных разделов.

Важнейшая задача морфемики – выделение входящих в слово морфем, центральное понятие – понятие членимости, объект изучения – морфема.

Важнейшая задача словообразования – определение средств, способов и моделей словопроизводства; центральное понятие – понятие производности, объект изучения – производное слово.

Школьный курс морфемики и словообразования представляет собой интегрированный и адаптированный вариант соответствующих разделов научной грамматики, объектом изучения которых является морфемная и словообразовательная подсистемы современного русского языка. При описании конструктивных элементов этих подсистем применяются определенные понятия, универсалии, на которых строится морфемная и словообразовательная теория.

При изучении морфемики в школе используются понятия, связанные с морфемной структурой слова, при изучении словообразования – понятия, связанные с его словообразовательной структурой. Соответствующая этим понятиям терминология включается в учебные программы или усваивается на практическом уровне.

Основные понятия морфемики и словообразования, включенные в программу для 6-го класса: морфема, формообразовательная морфема, словообразовательная морфема, основа слова, корень, приставка, суффикс, постфикс, соединительная морфема, окончание, нулевое окончание, чередование звуков, разбор по составу; производящее слово, производное

слово, словообразовательная цепочка, способ словообразования, словообразовательный разбор.

При изучении понятий морфемики в школьной аудитории актуализируются следующие теоретические утверждения:

- ◆ морфема – это значимая часть слова;
- ◆ значение слова складывается из значения его частей;
- ◆ в основе классификации морфем лежат различные признаки: роль в слове, место в слове по отношению к корню, функция, материальная выраженность;
- ◆ для русского языка характерны исторические чередования, наблюдающиеся как в корневых, так и в аффиксальных морфемах;
- ◆ морфемы могут быть многозначны, омонимичны; для них характерны явления синонимии, антонимии;
- ◆ главным фактором, определяющим морфемную структуру слова, является его участие в двух языковых процессах: формообразовании и словообразовании;
- ◆ выделение морфем в производном слове осуществляется на основе полного словообразовательного анализа;
- ◆ для русского языка характерно разнообразие типов морфемной структуры слов;
- ◆ членение слова может быть современным и историческим, его результаты могут не совпадать.

При изучении понятий словообразования в школе ключевыми являются следующие положения словообразовательной теории:

- ◆ термин «словообразование» многозначен;
- ◆ словообразование – один из основных источников развития, пополнения и обновления словарного состава русского языка;
- ◆ словообразовательная подсистема включает простые и комплексные единицы;
- ◆ производное слово – основная единица словообразовательного уровня языка, обладающая рядом свойств: семантической мотивированностью, формальной осложненностью, двойной референцией, бинарностью и моделируемостью словообразовательной структуры;
- ◆ слово в словообразовании изучается как элемент словообразовательной подсистемы современного русского языка с точки зрения его производности, словообразовательной структуры, структурно-семантических отношений с другими словами, характера образования;
- ◆ русское словообразование имеет ступенчатый характер;
- ◆ словообразовательная подсистема русского языка представляет собой совокупность словообразовательных типов и словообразовательных гнезд;

◆ при образовании производного слова реализуется валентность морфем, входящих в производящую базу и формант, и наблюдается их взаимное приспособление;

◆ производное слово является носителем словообразовательного значения;

◆ для русского языка характерна разветвленная система способов синхронного словообразования;

◆ между частями речи существуют типовые словообразовательные связи;

◆ словообразовательный анализ может быть неполным и полным.

Объем теоретических сведений по изучаемым разделам, необходимый терминологический минимум, конкретные требования к результатам учебной деятельности учащихся определяются их возрастными особенностями и уровнем обучения (базовый или повышенный).

Так, в 6-м классе перечень формообразовательных морфем включает окончание, суффиксы инфинитива (*-ть, -ти, -чь*), глагольный суффикс *-л-* – показатель прошедшего времени; система способов словообразования состоит из приставочного, суффиксального, приставочно-суффиксального, сложения, сложно-суффиксального, сложения сокращенных основ, слияния. Лингвистическая терминология, однако, пополняется за счет понятий, которые не фиксируются в программе, но усваиваются практическим путем, например: непроизводное слово, производящая часть, словообразовательное средство, сложное слово.

В 10-м классе сохраняется преимущество при использовании лингвистической терминологии, графических обозначений, рекомендуемых в учебном пособии для 6-го класса, но при этом увеличивается объем теоретических сведений, знания учащихся о морфемной и словообразовательной подсистемах русского языка обобщаются, систематизируются и углубляются: во-первых, увеличивается перечень формообразовательных морфем (за счет суффиксов причастий, деепричастий, степеней сравнения, постфикса *-те*); во-вторых, акцентируется внимание на трудных случаях морфемного разбора; в-третьих, расширяется система способов словообразования (добавляются постфиксальный, приставочно-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный, переход из одной части речи в другую); в-четвертых, особое внимание уделяется словообразовательной норме.

На повышенном уровне в качестве дополнительного материала дается представление об омокорнях, связанных и уникальных корнях, аффиксальных морфемах-омонимах, морфемах-синонимах, морфемах-антонимах и их стилистической значимости; объектом наблюдений является нулевая суффиксация; вводятся следующие термины: «субстантивация» как

способ словообразования имен существительных, «словообразовательное гнездо» как комплексная системообразующая единица, «окказионализм» как явление авторского словообразования; на практическом уровне учащиеся получают представление о неединственной мотивации и словообразовательной парадигме; акцентируется внимание на значимости морфемного состава слова для решения орфографических задач, на текстообразующих функциях производных слов, а также на изобразительно-выразительных возможностях морфем и словообразовательных единиц.

В рамках образовательного процесса учащимся необходимо не только получить теоретические знания по морфемике и словообразованию, но и приобрести соответствующие практические умения и навыки.

Учащиеся должны знать все значимые части слова, уметь распознавать их в слове и обозначать графически, определять их значение и функции, обнаруживать чередование звуков в морфемах, выделять основу слова, производить разбор слова по составу и словообразовательный разбор, решать орфографические задачи с опорой на морфемный состав слова; уметь разграничивать формы слова и однокоренные слова, непроизводные и производные слова, толковать лексическое значение производного слова с опорой на его словообразовательную структуру, подбирать производящее слово, выделять производящую часть и словообразовательное средство, различать и определять способы образования слов, владеть словообразовательными нормами, выявлять текстообразующие функции производных слов и их изобразительно-выразительный потенциал, целенаправленно и осознанно использовать их в устной и письменной речи с учетом конкретной коммуникативной задачи.

Таким образом, основными образовательными результатами обучения учащихся разделам «Состав слова», «Образование слов» в средней школе являются важнейшие предметные (языковая, речевая, коммуникативная) компетенции. Их формирование осуществляется на основе соответствующих метапредметных компетенций (владение приемами мыслительной деятельности; выделение существенных признаков понятий; грамотное, аргументированное изложение мыслей и др.).

Библиографические ссылки

1. Учебная программа по учебному предмету «Русский язык» для VI класса учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения и воспитания. Минск : НИО, 2023.

2. Учебная программа по учебному предмету «Русский язык» для X класса учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения и воспитания (базовый уровень). Минск : НИО, 2023.

3. Учебная программа по учебному предмету «Русский язык» для X класса учреждений образования, реализующих образовательные программы общего образования с белорусским и русским языками обучения и воспитания (повышенный уровень). Минск : НИО, 2023.

4. Мурина Л. А., Игнатович Т. В., Жадейко Ж. Ф. Русский язык : учебное пособие для 6 класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения. Минск : НИО, 2020.

5. Русский язык : учебное пособие для 10 класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения (с электронным приложением для повышенного уровня) / В. Л. Леонович [и др.]. Минск : НИО, 2020.

ФОРМИРОВАНИЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ В ОБЛАСТИ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

И. Э. Савко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, SavkoIE@bsu.by*

Рассматривается специфика формирования специализированных компетенций студентов специальности «Русская филология» филологического факультета БГУ при изучении учебных дисциплин, обеспечивающих углубление знаний по методике преподавания русского языка и направленных на развитие способностей решать профессионально ориентированные задачи в данной области.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка; специализированные компетенции; обучение правильности речи; инновации в обучении; обучение грамматике.

В образовательном стандарте высшего образования по специальности «Русская филология» отмечается, что выпускник бакалавриата должен обладать универсальными, базовыми профессиональными и специализированными компетенциями. «Специализированные компетенции – компетенции, формируемые в соответствии с требованиями к выпускнику бакалавриата и отражающие его способность решать специализированные задачи профессиональной деятельности с учетом профилизации образовательной программы бакалавриата по специальности в учреждении высшего образования» [1]. Они формируются в процессе изучения учебных дисциплин компонента учреждения высшего образования, определенных с учетом профилизации образовательной программы и особенностей профессиональной деятельности выпускника бакалавриата.

Поскольку студентам, получившим специальность «Русская филология», присваивается квалификация «Филолог. Преподаватель», они должны быть подготовлены к работе в качестве учителя русского языка

в учреждениях общего среднего образования, чему содействует изучение методики преподавания русского языка (3-й семестр) и дисциплин, направленных на углубление и расширение знаний и совершенствование умений и навыков в данной области. Согласно учебным планам специальности «Русская филология» филологического факультета БГУ, такими являются дисциплины «Профессионально-методического модуля» «Интегративный подход к обучению правильности речи», «Инновации и традиции в преподавании русского языка» и спецсеминар «Формирование языковой компетенции учащихся при изучении грамматики» [2; 3].

Учебная дисциплина «Интегративный подход к обучению правильности речи» изучается в 5-м семестре и имеет целью «теоретическую и практическую подготовку студентов-филологов к формированию правильности речи учащихся учреждений общего среднего образования в процессе обучения русскому языку» [4]. На лекционных и практических занятиях: 1) углубляются и расширяются знания студентов об орфоэпических, акцентологических, словообразовательных, лексических, фразеологических, морфологических, синтаксических нормах русского литературного языка; 2) совершенствуются умения студентов соблюдать нормы русского литературного языка, анализировать и оценивать устные и письменные высказывания с точки зрения правильности речи; 3) формируются умения осуществлять комплексное обучение правильности речи в процессе преподавания различных разделов учебного предмета «Русский язык» (орфографические и пунктуационные нормы не рассматриваются).

Поскольку курс посвящен обучению правильности речи в учреждениях общего среднего образования, акцент делается на нормах, определенных учебными программами по русскому языку для 5–11-х классов. Практика преподавания данной дисциплины показала, что даже те студенты, которые интуитивно находят и исправляют многие нарушения норм русского литературного языка, часто не владеют (либо недостаточно владеют) теоретической информацией, которую должен знать учитель для обучения соответствующим нормам, затрудняются в квалификации типа и вида ошибки (в курсе методики преподавания русского языка на тему «Типология ошибок в письменных работах учащихся» отводится только два часа).

Чтобы студенты усвоили необходимые сведения о нормах русского литературного языка и типологии ошибок, обусловленных нарушениями данных норм, необходимо эффективно организовать как аудиторные занятия (учебным планом на них отводится 40 часов), так и самостоятельную домашнюю работу студентов (50 часов). Для этого можно использовать элементы так называемого «перевернутого обучения». Перед изучением

определенной темы теоретическая информация о соответствующих языковых нормах и ошибках, обусловленных нарушениями данных норм, размещается в электронном виде, например, на образовательном портале или в специально созданной группе в Вайбере, студенты должны проанализировать этот материал и выучить его. Необходимости использовать видеолекцию нет.

Представление теоретического материала в электронном виде экономит аудиторное время, обеспечивает наличие у студентов достаточно полных сведений по теме, что далеко не всегда наблюдается при конспектировании ими лекций.

Информацию о нормах и типологии ошибок студенты приносят на аудиторные занятия в распечатанном виде. Так как необходимые теоретические сведения у них уже есть, целесообразно проводить лекционно-практические занятия, во время которых преподаватель отвечает на вопросы студентов, возникшие во время самостоятельного анализа ими материала, осуществляет фронтальный опрос по теме и предлагает практические задания на осознание студентами соответствующей нормы, на формирование умений правильно употреблять лексические и фразеологические единицы в высказываниях, образовывать грамматические формы и конструкции, на нахождение, классификацию и исправление речевых или грамматических ошибок. При этом целесообразно использовать современные технические средства обучения: мультимедийный проектор, мультиторд или интерактивную доску. В качестве домашнего задания по рассмотренной теме предлагается проанализировать учебные пособия по русскому языку для 5–11-х классов с точки зрения наличия в них теоретической информации и дидактического материала, направленных на формирование соответствующих нормативно-речевых умений и навыков учащихся. О результатах выполнения этого задания студенты сообщают на следующих занятиях.

Такой подход к обучению позволяет рассмотреть большой объем теоретического материала, организовать реальную самостоятельную работу студентов по каждой теме, уделить больше внимания формированию умений и навыков, являющихся профессионально значимыми для учителя русского языка и литературы.

Учебная дисциплина «Инновации и традиции в преподавании русского языка», изучаемая в 6-м семестре, также нацелена на углубленную подготовку студентов к педагогической деятельности в качестве учителя русского языка в учреждениях общего среднего образования. Программа этой дисциплины включает такие разделы, как «Традиционные и инновационные педагогические технологии в практике обучения русскому языку»,

«Тестирование в системе обучения русскому языку в учреждениях общего среднего образования», «Нестандартность в обучении русскому языку», «Разноуровневое обучение русскому языку», «Индивидуальные занятия как одна из форм обучения русскому языку» [5].

Практика преподавания данной учебной дисциплины показала, что для рассмотрения разделов и тем, имеющих тесную связь с общепедагогическими вопросами, целесообразно предлагать студентам самостоятельный анализ соответствующей научной литературы, разместив электронные варианты книг или ссылки на них на образовательном портале. Например, работу над темами «Педагогические технологии в образовательном процессе», «Инновационные образовательные технологии» можно организовать на основе книг Г. К. Селевко «Энциклопедия образовательных технологий» [6] и В. С. Зайцева «Современные педагогические технологии» [7], над темой «Нестандартные формы организации учебных занятий по русскому языку» – на основе научно-практического пособия «Современный урок. Часть II. Не совсем обычные и совсем необычные уроки», авторами которого являются С. В. Кульневич и Т. П. Лакоценина [8]. При этом перед студентами ставится задача не только найти ответы на вопросы по исследуемой теме, но и определить, что из предлагаемого в педагогической литературе можно реально использовать при обучении русскому языку в учреждениях общего среднего образования.

Остальные разделы и темы требуют рассмотрения во время аудиторных занятий, причем достаточно большое внимание уделяется практической работе. Например, по теме «Современные технические средства обучения русскому языку» сначала дается информация о таких средствах обучения и их применении в учебном процессе, о требованиях к учебным презентациям и электронным дидактическим материалам по русскому языку, после чего предлагается самостоятельно подготовить в электронном виде таблицы, схемы, кластеры, различные виды упражнений и продемонстрировать их использование при обучении русскому языку. На занятиях осуществляется коллективный анализ подготовленных материалов, даются рекомендации по их доработке. Доработанный материал студенты высылают преподавателю, который проверяет его и, если необходимо, проводит индивидуальные консультации с целью устранения недочетов в содержании или оформлении электронных таблиц, схем, кластеров, упражнений.

Для понимания студентами специфики образовательного процесса в учреждениях общего среднего образования на современном этапе большое значение имеет изучение тем «Тестовые задания по русскому языку: типы, виды, методика конструирования», «Тестирование как форма педа-

гогического контроля по русскому языку», «Дифференциация при обучении русскому языку», «Организация разноуровневого обучения русскому языку в классах с разнородным составом учащихся», «Организация индивидуальной работы по развитию лингвистических способностей одаренных учащихся», «Организация индивидуальных занятий по коррективке знаний, умений и навыков учащихся», причем оно должно быть практико-ориентированным.

В 7-м семестре в качестве курса по выбору предлагается спецсеминар «Формирование языковой компетенции при обучении грамматике», задачами которого являются: 1) углубление знаний студентов о содержании, методах и приемах работы по формированию языковой компетенции учащихся 5–11-х классов при изучении морфологии и синтаксиса как разделов грамматики; 2) повышение методической компетентности студентов в области формирования у учащихся опознавательных, классификационных и синтетических учебно-языковых умений по морфологии и синтаксису на основе полученных ими лингвистических знаний; 3) обеспечение практической подготовки студентов-филологов к прохождению производственной педагогической практики в учреждениях общего среднего образования и к дальней работе по специальности [9].

Необходимость именно такой тематики спецсеминара обусловлена тем, что, как показывают многолетние наблюдения, значительная часть студентов в процессе прохождения педагогической практики на 4-м курсе испытывает затруднения при преподавании морфологии и синтаксиса в связи со сложностью данных разделов, наличием большого количества тем, требующих развитых аналитических умений, и недостаточностью часов на рассмотрение методики обучения грамматике в рамках «Методики преподавания русского языка» (всего по два часа на тему «Методика обучения морфологии» и на тему «Методика обучения синтаксису»).

В результате освоения учебной дисциплины «Формирование языковой компетенции учащихся при обучении грамматике» происходит углубление знаний студентов о содержании обучения морфологии и синтаксису в учреждениях общего среднего образования, о специфике формирования языковой компетенции учащихся при обучении грамматике, о современных методах и приемах обучения, способствующих эффективному овладению учащимися знаниями по морфологии и синтаксису и формированию учебно-языковых умений опознавать, классифицировать и анализировать единицы языка. Студенты совершенствуют умения анализировать лингвистический материал с точки зрения трудностей, которые он представляет для определенных групп учащихся, и находить пути преодоления этих трудностей; применять полученные знания при решении методиче-

ских задач с учетом возрастных особенностей учащихся и специфики изучаемого лингвистического материала. При этом обращается внимание на роль языковой компетенции в формировании речевой и коммуникативной компетенций учащихся, в достижении метапредметных результатов овладения содержанием учебного предмета «Русский язык».

Необходимо отметить, что вышеназванные учебные дисциплины изучаются не всеми студентами специальности «Русская филология», поскольку включены в модули дисциплин по выбору. Часть студентов в рамках данных модулей изучает предметы, связанные с углублением знаний и совершенствованием умений по методике преподавания русской литературы. Однако в комплексе новые учебные планы дают возможность студентам филологического факультета БГУ получить достаточную подготовку для дальнейшей работы в качестве учителя русского языка и литературы, что очень важно, поскольку большинство выпускников филфака распределяют именно в учреждения общего среднего образования.

Библиографические ссылки

1. Образовательный стандарт высшего образования (ОСВО 6-05-0232-02-2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/304068> (дата обращения 28.07.2024).
2. Учебный план по специальности 6-05-0232-02 Русская филология. Профилизация: Деловая коммуникация [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/306101> (дата обращения: 28.07.2024).
3. Учебный план по специальности 6-05-0232-02 Русская филология. Профилизация: Литературно-редакционная деятельность [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/298444> (дата обращения: 28.07.2024).
4. Интегративный подход к обучению правильности речи. Учебная программа учреждения высшего образования по учебной дисциплине для специальности: 1–21 05 02 Русская филология (по направлениям) / сост. И. Э. Савко [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/296947> (дата обращения: 28.07.2024).
5. Инновации и традиции в преподавании русского языка. Учебная программа учреждения высшего образования по учебной дисциплине для специальности: 1–21 05 02 Русская филология (по направлениям) / сост. И. Э. Савко [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/309529> (дата обращения: 28.07.2024).
6. Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий : в 2 т. М. : НИИ школьных технологий, 2006.
7. Зайцев В. С. Современные педагогические технологии : учебное пособие. В 2 книгах. Челябинск : ЧГПУ, 2012.
8. Кульневич С. В., Лакоценина Т. П. Современный урок. Часть II. Не совсем обычные и совсем необычные уроки : научно-практич. пособие для учителей, методистов, руководителей учебных заведений, студентов пед. учеб. заведений, слушателей ИПК. Ростов-н/Д : Изд-во «Учитель», 2005.
9. Формирование языковой компетенции при обучении грамматике. Учебная программа учреждения высшего образования по учебной дисциплине для специальности: 1–21 05 02 Русская филология (по направлениям): 1–21 05 02-03 Русская филология (деловая коммуникация) / сост. И. Э. Савко [Электронный ресурс]. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/316535> (дата обращения: 28.07.2024).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛА ПРОГРАММНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

И. М. Саникович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, SanikovichIM@bsu.by*

В статье рассмотрен один из способов осуществления межпредметных связей в рамках взаимодействия предметов «Русский язык» и «Русская литература». Для выявления случаев использования программных литературных произведений в качестве текстовой основы лингвистических заданий был проанализирован материал упражнений, размещенных в учебных пособиях по русскому языку учреждений общего среднего образования Республики Беларусь. На основе полученных результатов были сформулированы принципы использования фрагментов программных литературных текстов для лингвистических упражнений и представлены две группы заданий, в которых демонстрируются эффективные способы использования программных произведений русской литературы в упражнениях по русскому языку.

Ключевые слова: межпредметные связи; русский язык; русская литература; программное произведение; упражнение.

«Русский язык» и «Русская литература» являются той парой учебных предметов, при преподавании которых реализация межпредметных связей является достаточно очевидной и логичной. Так, фрагменты литературных произведений берутся в качестве материала для лингвистических заданий на уроках русского языка, а полноценный литературоведческий анализ текста невозможен без обращения к языковой составляющей средств его художественной выразительности. Кроме того, по сложившейся традиции, насчитывающей не одно десятилетие, оба предмета в учреждениях образования ведет один учитель, благодаря чему выявлять пути взаимодействия материала в рамках преподавания двух дисциплин и затем в дальнейшем координировать эту работу легче.

Как уже отмечалось, использование литературных произведений как текстовой основы языковых упражнений – один из очевидных вариантов реализации межпредметных связей. Однако как часто фрагменты произведений русской литературы, изучение которых предусмотрено школьной программой, становятся основой для упражнений? Нами был проведен анализ учебных пособий по русскому языку для V–XI классов, с которыми работают учителя в учреждениях общего среднего образования Республики Беларусь [1–8]. Его результаты представлены в таблице. Отметим, что случаи использования в упражнениях единичных предложений из программных литературных произведений нами не учитывались.

**Использование текстов программных произведений
в упражнениях по русскому языку**

Учебное пособие	№ упражнения	Программное произведение	Когда изучается
V класс (Ч. 1)	82	«Бежин луг»	VI класс
	91	«Царевна-лягушка»	V класс
	92, 93	«Двенадцать месяцев»	V класс
	139	«Сказка о царе Салтане»	IV класс
	143, 144, 194, 197	«Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»	V класс
V класс (Ч. 2)	34	«Двенадцать месяцев»	V класс
	104	«Дети подземелья»	V класс
	155	«Кладовая солнца»	V класс
	237	«Сказка о рыбаке и рыбке»	III класс
	213, 243	«Муму»	V класс
VI класс	128	«Бежин луг»	VI класс
	252	«Уроки французского»	VI класс
	497	«Песнь о вещем Олеге» (предл. 1–5)	VI класс
VII класс	27	«Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»	V класс
	77, 195, 249, 261, 481	«Алые паруса» (как фрагменты текста, так и отдельные предложения)	VII класс
	276	«Жди меня»	VII класс
	432	«Сказка о царе Салтане»	IV класс
	469	«Крестьянские дети»	V класс
	470	«Ревизор»	VII класс
	193, 264	«Алые паруса»	VII класс
VIII класс	195, 197	«Капитанская дочка»	VII класс
	207, 225	«Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»	V класс
	231	«Двенадцать месяцев»	V класс
	237	«Недоросль»	IX класс
	254	«Кладовая солнца»	V класс
	282, 301, 340, 400	Басни Крылова (однако не все из них являются программными)	III и VI класс
	301, 307	«Старуха Изергиль»	VIII класс
	306, 308	«Ася»	VIII класс
	320, 329	«Муму»	V класс
	327, 399	«Телеграмма»	VII класс
	336	«Иван»	VI класс
	351	«Мцыри»	VII класс
	364, 366, 390	«Уроки французского»	VI класс
	397	Фрагменты программных стихотворений А. С. Пушкина	V–VIII классы
	401	«Василий Тёркин. Книга про бойца»	VII класс
	403, 409	«Ревизор»	VII класс

Учебное пособие	№ упражнения	Программное произведение	Когда изучается
IX класс	35	Фрагменты «Сказки о рыбаке и рыбке» и «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях»	III и V классы
	178	«Кладовая солнца»	V класс
	393	«Мертвые души»	X класс
X класс	16	«Я Вас любил...»	IX класс
	32	«Преступление и наказание»	X класс
	238	«Война и мир»	X класс
XI класс	2.11	«Мертвые души»	X класс
	6.2, 12.6	«Отцы и дети»	X класс
	10.4	«Белеет парус одинокий» и «Прощаться с теплым летом»	VI и V классы
	14.22	«Ревизор»	VII класс
	14.24	«Василий Тёркин. Книга про бойца»	VII класс
	16.15	«Мещёрская сторона»	V класс
	17.20	«А зори здесь тихие...»	IX класс
	18.5, 34.2	«Евгений Онегин»	IX класс
	25.13	«Герой нашего времени»	IX класс
	27.2	«Горе от ума»	IX класс
	27.4	«Бесприданница»	X класс
	27.5	«Голубое и зеленое»	VIII класс
	28.5, 29.1	«Мастер и Маргарита»	XI класс
	31.9	«Маленький принц»	VII класс
34.6	«Когда в доме одиноко»	VIII класс	

Таким образом, только в учебных пособиях для VIII и XI класса [5; 8] реализация межпредметных связей в форме использования текстов программных произведений для упражнений по русскому языку носит последовательный характер, в остальных учебных пособиях факты такого взаимодействия единичны.

Очевидно, что привлечение материала программных литературных произведений в качестве текстовой основы для языковых упражнений должно происходить более активно. При этом необходимо руководствоваться двумя принципами, которые были сформулированы после проведенного анализа учебных пособий:

1. Выбор в качестве текстовой основы фрагментов произведений, уже изученных на уроках русской литературы (например, в предшествующем классе, четверти, месяце). Также возможно использование тех текстов, работа над которыми проходит параллельно с изучением определенной лингвистической темы на уроках русского языка. В этом случае школьники, «опознав» фрагмент литературного текста, будут

иметь представление о его содержании. Также выполнение лингвистических заданий дает возможность обучаемым взглянуть на проанализированный на уроках русской литературы художественный текст с другой точки зрения.

2. Одно из заданий упражнения должно быть непосредственно связано с литературным произведением, сюжетная канва или фрагмент которого используется в качестве текстовой основы упражнения. Так осуществляется сопутствующее повторение материала другого предмета.

Использование текстов программных произведений может происходить двумя способами:

1. Упражнения, текстовый материал которых представляет собой фрагменты программных произведений. Как правило, данный способ привлечения литературного материала наиболее традиционный, большая часть упражнений из проанализированных учебных пособий может быть отнесена к этой группе. Представим пример такого задания.

Упражнение (VI класс).

1. Прочитайте текст, определите его тип. Фрагментом какого литературного произведения он является? Со сколькими мальчиками познакомился рассказчик?

Четвертый, Костя, мальчик лет десяти, возбуждал мое любопытство своим задумчивым и печальным взором. Всё лицо его было невелико, худо, в веснушках, книзу заострено, как у белки: губы едва было можно различить. Но странное впечатление производили его большие, черные, жидким блеском блестящие глаза: они, казалось, хотели что-то высказать, для чего на языке, – на его языке по крайней мере, – не было слов. Он был маленького роста, сложения тщедушного и одет довольно бедно.

2. Выпишите из текста 2 примера прилагательных в полной форме и 2 примера прилагательных в краткой форме.

3. Найдите в тексте прилагательные, у которых краткие формы не образуются.

4. Определите синтаксическую функцию прилагательных в предложениях 1 и 2.

Это упражнение можно предложить шестиклассникам во время изучения темы «Краткие формы имён прилагательных» (§ 48) [3, с. 169–171]; его текст является фрагментом рассказа И. С. Тургенева «Бежин луг», т. е. программного произведения, изученного несколькими месяцами ранее. Задание на определение типа текста (описание) предлагается учащимся в качестве сопутствующего повторения.

2. Упражнения, базирующиеся на содержании программных произведений. Случаи такого использования литературных текстов были единичными, однако подобные задания не менее эффективны.

Проиллюстрируем эту группу несколькими примерами.

Упражнение 1 (V класс).

1. Вспомните содержание русской народной сказки *«Царевна-лягушка»*. К какому типу речи можно отнести способ изложения сказочных событий в этом произведении?

2. Составьте композиционную схему сказки.

1. Начало события: ...

2. Развитие события и момент наивысшего напряжения: ...

3. Конец события: ...

Это упражнение может быть использовано при изучении темы «Как строится текст. Повествование, описание, рассуждение» (§ 30) [1, с. 114–123], оно базируется на содержании русской народной сказки *«Царевна-лягушка»*, изучение которой запланировано в самом начале курса русской литературы для V класса.

Упражнение 2 (VII класс).

1. Вспомните содержание сказки А. С. Пушкина *«Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»*. Почему жених царевны отправился на ее поиски?

2. Допишите продолжение текста, используя глаголы в форме 3 лица единственного числа.

Королевич Елисей отправля..тся на поиски своей пропавшей невесты. Каждого, кто встреча..тся ему на пути, он спрашива..т о царевне. Никто не мож..т дать Елисею ответа, тогда королевич реша..т обратит(?)ся с вопросом к солнцу...

3. Текст какого типа речи у вас получился? Обоснуйте свой ответ.

Данное упражнение основано на содержании программного литературного произведения, предусмотренного для изучения в V классе, оно сочетает в себе творческое и грамматическое задание. Эти задания можно использовать при изучении темы «Изменение глаголов по лицам. I и II спряжение глаголов» (§ 13) [4, с. 55–58].

Упражнение 3 (VIII класс).

1. Вспомните стихотворение К. М. Симонова *«Жди меня – и я вернусь...»*. Дайте письменный ответ на следующий вопрос: почему поэтические строки, являющиеся личным обращением поэта к любимой женщине, стали одним из самых известных стихотворений о Великой Отечественной войне?

2. При ответе на вопрос используйте вводные слова *на мой взгляд, по моему мнению, с моей точки зрения, во-первых, во-вторых, в-третьих, наконец, следовательно, таким образом, например, в частности, кроме того* и др.

Представленный комплекс заданий целесообразно предложить учащимся VIII класса при работе с материалами темы «Вводные слова, слово-

сочетания, предложения. Знаки препинания при них» (§ 40) [5, с. 206–216], которая изучается в конце 4-й четверти. Данное упражнение базируется на тексте программного стихотворения К. М. Симонова, изученного несколькими неделями ранее. Написанный учащимися ответ на вопрос задания будет представлять собой рассуждение (сопутствующее повторение). Содержательная сторона выполненного задания может быть засчитана как ответ по предмету «Русская литература».

Таким образом, связь предметов «Русский язык» и «Русская литература» в виде использования фрагментов программных литературных текстов для лингвистических упражнений в отдельных учебных пособиях по русскому языку уже осуществляется. Это взаимодействие должно быть расширено, поскольку оно дает возможность учащимся повторить материал и с языковой точки зрения взглянуть на изученный литературный текст, что способствует его более глубокому (филологическому) осмыслению.

Библиографические ссылки

1. Мурина Л. А., Игнатович Т. В., Жадейко Ж. Ф. Русский язык. Учебное пособие для 5 класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения. В 2 частях. Ч. 1. Минск : Национальный институт образования, 2019.
2. Мурина Л. А., Игнатович Т. В., Жадейко Ж. Ф. Русский язык. Учебное пособие для 5 класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения. В 2 частях. Ч. 2. Минск : Национальный институт образования, 2019.
3. Мурина Л. А., Игнатович Т. В., Жадейко Ж. Ф. Русский язык. Учебное пособие для 6 класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения. Минск : Национальный институт образования, 2020.
4. Русский язык. Учебное пособие для 7 класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения / Т. Н. Вольнец [и др.]. Минск : Национальный институт образования, 2020.
5. Русский язык : учебное пособие для 8 класса учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования, с белорусским и русским языками обучения и воспитания. 2-е издание, переработанное и дополненное / Л. А. Мурина [и др.]. Минск : Академия образования, 2024.
6. Русский язык : учебное пособие для 9 класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения / Л. А. Мурина [и др.]. Минск : Национальный институт образования, 2019.
7. Русский язык : учебное пособие для 10 класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения (с электронным приложением для повышенного уровня) / В. Л. Леонович [и др.]. Минск : Национальный институт образования, 2020.
8. Русский язык : учебное пособие для 11 класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения (с электронным приложением для повышенного уровня) / Е. Е. Долбик [и др.]. Минск : Национальный институт образования, 2021.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ИГРЫ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

С. В. Халили-Квасова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, khalili@bsu.by*

В статье рассматривается потенциал игры в формате интеллектуального телешоу «Своя игра» в практике преподавания русского языка как иностранного на этапе обобщения и систематизации знаний.

Ключевые слова: интеллектуальная игра; русский язык как иностранный.

Игровая деятельность в практике преподавания иностранного языка распространена достаточно широко. Различные виды игр создают своеобразную образовательно-развлекательную атмосферу во время занятия, снимают психологическое напряжение у обучающихся, стимулируют познавательные и коммуникативные потребности, ослабляют языковой барьер. Игры могут применяться на всех этапах обучения и на всех уровнях владения языком.

Интеллектуальные викторины, представляющие из себя конкурсы с вопросами, основаны на применении игроками своего интеллекта и эрудиции. Они способствуют тренировке разума, увеличению словарного запаса, улучшению навыков восприятия речи на слух, освоению лексико-грамматического материала, а также помогают формированию командного духа.

В нашей практике мы используем различные форматы интеллектуальных викторин, в том числе викторину в формате популярного телешоу «Своя игра». Данный вид интеллектуальной игры позволяет в очень увлекательной форме обобщить и систематизировать достаточно большой пласт информации по любой теме – лингвистической, исторической, культурной и т. д.

«Своя игра» состоит из трех основных туров и финального раунда. В каждом из раундов (кроме финального) командам предлагается 30 вопросов – шесть тем по пять вопросов в каждой. Во время финального тура игроки делают «ставку», не превышающую количество баллов, набранных в игре к данному моменту, а затем письменно отвечают на вопрос тура. Письменные ответы и ставки оглашаются, затем объявляется победитель, набравший максимальное количество баллов. В игре участвуют команды иностранных студентов 2–4 курса, каждая команда состоит из трех человек.

За последний год мы подготовили и провели игры, посвященные таким темам, как «2024 год – Год качества в Республике Беларусь», «БГУ – моя alma mater», «Выдающиеся ученые-филологи», «Лингвистические задачи», «Знаю и люблю белорусскую культуру».

Данный формат очень понравился нашим иностранным студентам. Дух азарта, атмосфера дружбы, активной коммуникации на русском языке стали своеобразной визитной карточкой данного вида деятельности.

Разумеется, формат интеллектуального шоу предполагает достаточно большую подготовительную работу с иностранными студентами в течение всего учебного года как во время практических занятий по практике устной и письменной русской речи, так и во время информационных и кураторских часов, заседаний языкового клуба, других видов внеаудиторной работы.

Погружению в ту или иную тему способствуют чтение и аудирование аутентичных материалов, написание эссе и выполнение творческих заданий, участие в диспутах и дискуссиях, создание презентаций и интеллектуальных карт.

Так, например, при подготовке к игре, посвященной Году качества, студентам были предложены

- ◆ чтение микротекстов, содержащих информацию об Указе Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, целях и задачах Года качества, формировании личной ответственности за результаты своего труда и достижение высокого качества жизни;

- ◆ задания на соотнесение знака качества, страны, в которой он был принят, истории возникновения и использования данных знаков;

- ◆ задание на подбор к иллюстрациям белорусской продукции названий брендов, которые ее производят, и их логотипов, а также грамматическое задание на составление по заданным словоформам микротекстов о данной продукции и ее конкурентоспособности;

- ◆ задание на перевод отрывка песни «Зроблена ў Беларусі»;

- ◆ игра в формате «Поле чудес» со словами *виртуоз, отличник, ас, лауреат, чемпион, профессионал, дока, мастер, шедевр, эталон*; лингвистические задания по этимологии данных лексических единиц;

- ◆ задание на составление словосочетаний, называющих продукты, качество которых известно в мире (например, бельгийский шоколад, итальянские макаронны) и лингвистическая работа с данными словосочетаниями (способ образования слов, вид связи в словосочетании);

- ◆ аудирование микротекстов о том, как определялось качество продукции в истории (например, для определения качества молока в средневековой Европе в него опускали саблю);

◆ работа с цитатами со словом «качество» (правильное составление предложений цитаты, обсуждение смысла высказывания, выражение собственного мнения о прочитанном и т. д.)

◆ заседания разговорного клуба, посвященные качеству образования в разных странах; видам домашнего обучения, популярным в последние годы профессиям;

◆ чтение и обсуждение отрывков из произведений «Горе от ума» А. Грибоедова и «Недоросль» Д. Фонвизина;

◆ ребусы, загадки, кроссворды со словами тематического поля «качество»;

◆ подготовка презентации о качестве товаров, услуг в родной стране обучающихся;

◆ посещение тематических выставок, тематических экскурсий.

Так как подготовка велась в течение года, то накопление информации происходило постепенно, лексика и правильные грамматические конструкции отрабатывались и автоматизировались. Игра стала логическим завершением проделанной работы, позволила еще раз актуализировать полученные знания, вызвала у иностранных студентов «новый прилив» мотивации к изучению русского языка и познанию нового.

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СВОЙСТВ НАУЧНОГО СТИЛЯ НА ЗАНЯТИЯХ С ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ-ФИЛОЛОГАМИ

Г. В. Хомич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, gordeikhomich@yandex.by*

В статье раскрыты методические аспекты рассмотрения коммуникативных свойств научного стиля на занятиях с иностранными студентами-филологами в рамках изучения учебной дисциплины «Стилистика и культура речи».

Ключевые слова: научный стиль; коммуникативные свойства; стилистика; иностранные студенты-филологи.

Одной из важнейших составляющих процесса формирования коммуникативной компетенции иностранных студентов-филологов является изучение текстов различной функционально-стилевой принадлежности. На начальном этапе знакомства иностранных учащихся с текстом того или иного функционального стиля основное внимание уделяется анализу языковых средств, использованных в тексте, и определению их функции. Да-

лее целесообразно переходить к рассмотрению речевого произведения в аспекте его коммуникативных свойств, что позволяет не просто каталогизировать использованные в тексте языковые средства, но и проследить «устойчивые особенности в отборе и применении языкового материала» [1, с. 233].

Таким образом, тот или иной функциональный стиль можно изучать с опорой на ведущие коммуникативные качества (свойства) речи, которые ему наиболее свойственны, учитывая при этом языковые и речевые средства, позволяющие реализовать указанные коммуникативные характеристики. Покажем это на примере изучения научного стиля речи на занятиях с иностранными студентами-филологами.

Основными коммуникативными свойствами научного стиля являются точность, обобщенно-отвлеченный характер, компрессивность, логичность, стандартизированность, выразительность и некатегоричность изложения [2].

При рассмотрении точности научного стиля студенты учатся находить в текстах термины и давать им определения, используя синтаксические конструкции различных типов. Также уделяется внимание различным способам указания на источник информации (вводные конструкции, прямые цитаты).

Рассматривая обобщенно-отвлеченный характер текстов научного стиля, студенты актуализируют знания по морфологии. Используются следующие формулировки заданий:

1. Найдите в тексте существительные с абстрактным значением. Для производных существительных указанной группы определите производящие слова. Какая часть речи в большинстве случаев является производящей и почему?

2. Найдите в тексте определительные местоимения. Сформулируйте разницу в значении слов *каждый*, *любой*, *всякий*. Можно ли в тексте произвести взаимозамену указанных слов?

3. Проанализировав примеры употребления краткой формы прилагательного в текстах художественного и научного стилей, определите, в каких случаях краткая форма имеет значение постоянного признака, а в каких временного.

Подобные формулировки заданий позволяют студентам самостоятельно делать вывод о функциональном назначении той или иной грамматической формы в тексте научного стиля.

При рассмотрении компрессивности текста особое внимание уделяется формированию навыков трансформации сложноподчиненных предложений в простые осложненные предложения с причастными и деепричастными оборотами.

Аспект логичности научного стиля тесно связан с синтаксической структурой используемых предложений и текста в целом. Так, некоторые трудности студенты испытывают при употреблении в текстах научного стиля цепочек родительного падежа. Это связано, прежде всего, с разнообразием суффиксов отглагольных существительных и нечастым использованием в бытовой речи указанных языковых единиц. Данную проблему можно решить с помощью перечней наиболее часто используемых в научном стиле отглагольных существительных, сгруппированных по признаку однотипности суффикса. Необходимо также обратить внимание студентов на особенности использования в тексте вводных конструкций, обозначающих причинно-следственные связи, а также порядок следования частей текста.

При рассмотрении стандартизованности научного стиля ведется работа над разными способами построения дефиниций, отрабатываются навыки трансформации глаголов в перифрастические обороты (например: *интересоваться – проявлять интерес, исследовать – проводить исследование* и др.).

Аспект выразительности научного стиля целесообразно рассматривать на примере текстов научно-популярного подстиля. Так, студенты находят в предложенных текстах средства речевой выразительности, определяют их функцию, а также учатся создавать собственные тексты в рамках указанного подстиля.

Рассматривая способы проявления некатегоричности изложения в текстах научного стиля, студенты активно работают над грамматической синонимией. Возможные формулировки заданий:

1. В данных предложениях преобразуйте изъявительное наклонение в условное. Как изменилась категоричность высказывания?

2. Перестройте предложения таким образом, чтобы в них вместо невозвратного глагола-сказуемого использовался возвратный глагол с тем же корнем. Как изменилась структура предложения? Какова функция постфикса *-ся* в получившихся предложениях? Как трансформация предложений повлияла на степень категоричности высказывания?

Таким образом, изучение текстов научного стиля в аспекте их коммуникативных свойств позволяет иностранным студентам лучше осознать функцию той или иной языковой единицы в речи и сделать работу по формированию их коммуникативной компетенции более целенаправленной и эффективной.

Библиографические ссылки

1. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М. : Просвещение, 1979.
2. Щеникова Е. В. Функциональные стили : учебное пособие. М. : ФЛИНТА : Наука, 2016.

РОЛЬ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ

Р. Г. Чечет

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 1553668@mail.ru*

В статье говорится о роли диалогической речи в обучении русскому языку студентов-иностранцев, рассматриваются примерные задания для формирования у них навыков ведения диалога в различных речевых ситуациях.

Ключевые слова: диалогическая речь; разговорная речь; реплика-стимул; реплика-реакция.

Диалогическая речь – это естественная форма языкового общения, такой тип речи, при котором происходит обмен репликами между участниками разговора. При обучении русскому языку студентов-иностранцев диалогическая речь играет важную роль, поскольку ускоряет процесс их вхождения в живую русскоязычную среду, позволяет быстрее и лучше ориентироваться в различных речевых ситуациях.

Работа по формированию у студентов-иностранцев умений и навыков ведения диалога в учебно-профессиональной, социокультурной сфере, а также в сфере повседневного общения может вестись на разных этапах их обучения языку. Однако учебный курс «Диалогическая русская речь» играет особую роль в формировании таких навыков. В процессе его преподавания решаются следующие задачи:

- 1) сформировать у студентов целостное представление о диалоге, его основных характеристиках;
- 2) познакомить студентов с лингвистической терминологией из области диалога и диалогической речи;
- 3) дать представление о системе речевых средств, функционирующих в процессе общения (словосочетания, фразы-клише, этикетные речевые формулы и т. п.);
- 4) выработать умения владеть языковыми средствами для выражения различных интенций;
- 5) развивать умения самостоятельного ведения диалога на основе учебно-речевой ситуации.

На начальном этапе обучения диалогической речи, когда у иностранцев еще нет необходимых теоретических сведений о диалоге и нет навыков его построения, целесообразно научить студентов задавать вопросы, так как большинство диалогов строятся по схеме: вопрос – ответ. Задающий вопрос является инициатором разговора. Вопрос в диалоге – это чаще всего реплика-стимул, а ответ на него – реплика-реакция.

Студентам легче учиться задавать вопросы по тексту. Например:

Я иностранный студент. Меня зовут Вэй. Я приехал из Китая. Мой родной город – Шанхай. Там сейчас живут мои любимые родители. Мой отец – доктор. Он работает в большой больнице. Мама работает в аптеке. У меня еще есть сестра. Она студентка.

К этому тексту могут быть заданы вопросы: *Как зовут иностранного студента? Откуда он приехал? Где живут родители Вэя? Кто его отец? Есть ли у него сестра?* и др. Обращается внимание студентов на языковое оформление вопроса. Так как диалог – это и средство усвоения определенного языкового материала, будет уместным показать, например, роль местоимений в формулировании вопроса, предложить запомнить шаблонные вопросы: *Кто это? Кто это такой? Что это такое? Какой студент читает? Кто эта девушка?* и т. д.

Следующий этап – обучение ответам на вопросы. Прежде всего следует обратить внимание студентов на то, что ответ может быть выражен как полным предложением, так и неполным. Важно показать речевые ситуации, где те или иные конструкции будут более уместны и целесообразны.

Ср.: 1) – *Как зовут иностранного студента?*

– *Иностранного студента зовут Вэй.*

– *Как зовут иностранного студента?*

– *Вэй.*

2) – *Где работает отец Вэя?*

– *Отец Вэя работает в большой больнице.*

– *Где работает отец Вэя?*

– *В больнице.*

Очевидно, что в условиях непринужденного неофициального общения более естественными будут неполные конструкции. Важно при ответе на вопрос чередовать полные и неполные конструкции, так как, обучаясь отвечать только полными предложениями, студенты могут привыкнуть к шаблонным ответам, а одной из целей обучения диалогической речи является ее приближение к естественной, формирование способности использовать языковые средства, характерные именно для разговорной речи. Для выработки таких навыков можно предложить студентам следующие задания:

1) Дайте несколько ответов на каждый вопрос.

Образец:

– *Какой это город?*

– *Какой это город?*

– *Какой это город?*

– *Это красивый город.*

– *Это город Минск.*

– *Минск.*

1. Какой это фильм? 2. Какая это улица? 3. Что делает третья группа?
4. Как отвечает студентка Линь?

2) Ответьте на вопросы. Запишите полный ответ.

Образец: – *Сколько студентов учится в вашей группе?*

– *В нашей группе учится 15 студентов.*

1. Сколько предметов вы изучаете? 2. Сколько факультетов в вузе, в котором вы учитесь? 3. Сколько экзаменов было у вас зимой? 4. Где живет ваш друг?

3) Восстановите диалоги, придумав вопросы, на которые есть ответы:

1. –

– Вчера вечером.

2. –

– Ребята из нашей группы.

3. –

– Нужно подготовить домашнее задание.

Эффективным способом обучения диалогической речи является диалог-образец, который заучивается наизусть, затем в нем происходит замена лексического материала, отработка необходимых элементов, и только потом у обучаемого формируется умение вести диалог на ту же тему, что и разучиваемый.

Могут быть предложены следующие задания:

1) Составьте несколько диалогов по образцу:

– *Какой сейчас месяц?*

– *Сейчас апрель.*

– *А что ты будешь делать через месяц?*

– *Через месяц я полечу домой.*

2) Выучите наизусть предложенный диалог. Составьте аналогичный диалог, в котором действие будет происходить на другом уроке.

На уроке

– Какое у вас было домашнее задание?

– У нас было непростое домашнее задание. Надо было прочитать текст, выучить новые слова и еще выполнить два упражнения.

– Вы сделали домашнее задание?

– Конечно, мы всегда делаем домашнее задание. Сегодня мы тоже сделали его.

– Хорошо. Сейчас будем проверять.

Работая с различными видами диалога, студенты-иностранцы приобретают умения участвовать в различных ситуациях повседневного общения, что позволяет им быстрее влиться в русскоязычную языковую среду.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово проректора по научной работе Белорусского государственного университета профессора Андрея Викторовича Блохина	3
Приветственное слово заместителя руководителя Представительства Россотрудничества в Республике Беларусь Александра Николаевича Ленина	5
Приветственное слово президента Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы Владимира Ильича Толстого	7
Русский язык в диахроническом аспекте	8
<i>Вечерко Д. М.</i> Семантика и функционирование глаголов со значением 'позитивное воздействие на организм человека' в памятнике XVII в. «Прохладный Вертоград»	8
<i>Зуева О. В.</i> Жанровое обозначение <i>послание</i> в старорусских текстах: денотативный и дискурсивно-стилистический аспекты	13
<i>Казакевич О. А.</i> «Ино де промежу земель рубеж»: языковая репрезентация Великой китайской стены в XVII веке	19
<i>Килина Л. Ф.</i> Прилагательное <i>должен</i> в истории русского языка: корпусное исследование грамматической семантики	25
<i>Климкович О. А.</i> Количественные характеристики как отражение категории точности в старобелорусских и старорусских судебных документах второй половины XVI века	29
<i>Колосова Е. И., Ли Хуэйфан</i> Специфика трансформации понятия 'воевать' в русском языке	34
<i>Чжан Хайфэн</i> Функционально-стилистические особенности неполногласных и полногласных слов-вариантов в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку	39
<i>Чекина А. А.</i> Титульные наименования Петра I в печатных указах 1714–1725 гг.: номинации-формулы	44

Традиционные и новые подходы в лексикологии, фразеологии, ономастике	51
<i>Денисенко Т. С.</i>	
Периферийный ономастикон Белорусского Поозерья: репрезентация культурных кодов (на материале названий хлебобулочных и кондитерских изделий)	51
<i>Занковец А. А.</i>	
Экономические методы в лингвистических исследованиях.....	55
<i>Иванов Е. Е.</i>	
Дифференциация пословичного состава русского языка (национальный фонд, максимум, минимум, оптимум, эссенциум, основной фонд)	58
<i>Коваль В. И.</i>	
Иван-царевич как обобщенное имя разных сказочных персонажей	64
<i>Матюнова А. А.</i>	
Лингвистическая семантика как основа «многополюсности» современного языкознания	70
<i>Новоселова В. А.</i>	
Эвфемистическая функция фразеологизмов в медиатекстах политического дискурса	76
<i>Панова Т. А.</i>	
Семантико-денотативная организация лексико-семантического поля «Чрезвычайная ситуация экологического характера»	81
<i>Попов С. А.</i>	
Топонимический мартиролог как новый подход в ономастической лексикографии	85
<i>Прищепа М. М.</i>	
Культурно-языковые мотивы и принципы названий внутригородских линейных объектов городов Юго-Западной Англии	91
<i>Скромблевич В. Б.</i>	
Актуальные вопросы лексической омонимии в неблизкородственных языках	96
<i>Троцинская-Степушина Т. Е.</i>	
Нескучная «Скучная история»: к вопросу о русском и польском вариантах названия повести А. П. Чехова и ее экранизаций.....	101

Грамматические категории современного русского языка: функциональный и прагматический аспекты. Филологический анализ текста.....	108
<i>Болтовская Е. А.</i> О родовой принадлежности несклоняемых неодушевленных имен существительных, называющих языки	108
<i>Голубева В. К.</i> Средства расширения семантики наречий и предложных групп: сопоставительный аспект	114
<i>Жиганова Е. П.</i> Репрезентативные возможности слов-артефактов в современном русскоязычном поэтическом дискурсе Беларуси	120
<i>Ковалев Г. Ф.</i> Жизнь пушкинского наследия в жизни анекдотов народа России	125
<i>Ладутько М. В.</i> Стилистический аспект исследования речевого воздействия.....	131
<i>Ли Мин-Чунь, Катышев П. А.</i> Парфюмерная критика как дискурсивная практика и речемыслительная деятельность	137
<i>Митрофанова И. А.</i> Тема «Пира во время чумы» А. С. Пушкина в прозе Андрея Антипина	141
<i>Михальчук Н. А.</i> Косвенные реализации интенции побуждения в художественном тексте: диахронический аспект	147
<i>Трофимович Т. Г.</i> Белорусская пушкиниана: некоторые итоги существования и возможные перспективы развития	153
<i>Халили-Квасова С. В.</i> Структурные особенности словообразовательных гнезд, возникших на базе одиночных слов.....	159
Русский язык в сопоставлении с родственными и неродственными языками. Проблемы перевода.....	162
<i>Дедович О. Г.</i> Моделирование гастрономических метафор лингводидактики: общее и специфическое (на материале немецкого и русского языков).....	162

<i>Жбанков М. М.</i>	
Актуальные вопросы использования информационных технологий в работе переводчика (на материале языковой пары «английский–русский»)	167
<i>Иванов К. И.</i>	
Интерпретация текста как источник сходств и различий перевода и оригинала (три басни И. Крылова в переводах Георгия Райчева на болгарском языке)	173
<i>Ивашина Н. В.</i>	
Семантико-синтаксические характеристики глагола (на материале чешского, русского и белорусского языков)	178
<i>Ковалева А. И.</i>	
Просто изумительно! Представления об эмоции удивления, зафиксированные во внутренних формах слов русского и белорусского языков	183
<i>Корбачёва Т. В.</i>	
Модели метафоризации циклических отрезков времени в русском и испанском языках	188
<i>Мусяенко В. А.</i>	
Пейоративные номинации (на материале субстантивов русского и английского языков)	192
<i>Протасеня Н. С.</i>	
Компонент <i>крыша</i> в семантике фразеологизмов русского, белорусского и китайского языков	198
<i>Ратникова И. Э., Хоанг Тхи Бен</i>	
Вьетнамско-русские урбанонимические параллели	204
<i>Ровдо И. С.</i>	
Межъязыковое поле соответствий как объект сопоставительных и контрастивных исследований	211
<i>Стариченок В. Д.</i>	
Репрезентация <i>ядовитости</i> в русском и белорусском языках (на материале адъективных номинаций)	218
<i>Супрунчук Н. В.</i>	
Время и модальность в англо-русском компьютерном переводе «Всеобщей декларации прав человека»	224
<i>Сюз Бин</i>	
Дискурсивная семантика местоимений «я», «ты» в русских и китайских конструкциях с фитонимическими номинациями	230

Фань Вэйци

Семантические группы глаголов речи в романе Юй Хуа «Жить»
(на материале оппозиции *спросить – ответить*).....234

Новые технологии В преподавании русского языка 240

Гао Фаньтао

Проявление лингвистической интерференции в использовании
китайскими студентами формул русского речевого этикета240

Долбик Е. Е.

Анализ художественных переводов как способ
обогащения грамматического строя речи обучающихся.....244

Костюкевич О. В.

Некоторые особенности преподавания
русской орфографии в иностранной аудитории250

Леонович В. Л., Махонь С. В.

Вопросы изучения русского языка в белорусскоязычной
аудитории254

Леонович В. Л., Петух Д. А.

Морфемика и словообразование в школьном курсе
русского языка: основные понятия и термины.....258

Савко И. Э.

Формирование специализированных компетенций
студентов-филологов в области методики преподавания
русского языка263

Санникович И. М.

Использование материала программных произведений
русской литературы на уроках русского языка269

Халили-Квасова С. В.

Интеллектуальные игры в практике преподавания РКИ
(из опыта работы)275

Хомич Г. В.

Методические аспекты изучения коммуникативных свойств
научного стиля на занятиях с иностранными студентами-
филологами.....277

Чечет Р. Г.

Роль диалогической речи в обучении русскому языку
студентов-иностранцев280

Научное издание

РУССКИЙ ЯЗЫК: СИСТЕМА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Материалы

X Международной научной конференции,
посвященной 85-летию филологического факультета
Белорусского государственного университета

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *О. В. Костюкевич*
Компьютерная верстка *О. В. Костюкевич*

Подписано в печать 21.01.2025. Формат 70×100 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 23,22. Уч.-изд. л. 18,08.
Тираж 80 экз. Заказ

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 2/41 от 29.01.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.